

Ирина Успенская

Практическая психология. Герцог

Авторская благодарность:

Ольге Макарцевой – за неизменный оптимизм и веру в лучшее;

Веронике Горбачевой – за свежий взгляд на психологию;

моей семье – за то, что не мешали.

Пролог

На этот раз они встретились на продуваемом северным ветром утесе, о подножие которого разбивались холодные свинцовые волны. Ледяной ветер гонял по небу низкие тучи и рвал свободные белоснежные одежды, прикрывающие тело златокудрого юноши с одухотворенным лицом. Он задумчиво смотрел вдаль, не замечая летящие соленые брызги и резкие порывы ветра. Его собеседник появился на широком мокром валуне, просто соткавшись из хмурого утра. На его губах сияла беззаботная плутоватая улыбка. Курчавый темноволосый мужчина, одетый в неизменную майку-алкоголичку и джинсы, весело сверкнул глазами цвета вулканической лавы и хлопнул юношу по плечу.

– Привет ангелам! – радостно воскликнул курчавый. – Или ты предпочитаешь называться светлым Ирием?

– Добрый день, Вася, или правильнее называть тебя темным Вадием? – вернул шпильку златокудрый. – Как работа?

– Было скучно, пока ты не попытался избавиться от одной деятельной души, – весело сообщил Вася и отбросил со лба волосы, обнажив два небольших рога. – Теперь едва успеваю вытаскивать задницу своего подопечного из всевозможных неприятностей.

– Ты не хочешь рассказать, зачем тебе женская душа в мужском теле? – Ангел внимательно посмотрел на собеседника, но босоногий черт только покачал головой. – Ты ведь знаешь, что слияние не произойдет само по себе? Виктория Викторовна Вавилова так и останется женщиной в мужском теле. Неужели тебе ее не жаль?

– Прошло сорок дней с тех пор, как мы перенесли ее душу в тело двадцатичетырехлетнего конта Алана Валлида, и пока душа прекрасно справляется. Алан провел реформы в своих владениях, присоединил земли двух баронств, заключил несколько военных союзов, нашел сына, собрал команду верных людей, обзавелся сильными врагами. – Вася гордо загнул очередной палец. – И еще он успешно отказывается от всех твоих предложений, Ксю. Так отчего я должен его жалеть? Он будет президентом, как и грозились Виктория! Парень сказал – парень сделал!

– Она упряма. – В голосе Ксю прозвучало недовольство.

– Алан не упрямый, он умный, целеустремленный и верный своим людям. Даже твоя небольшая шутка, которую ты подстроил ему с молодым игушем, не заставила эту душу вернуться в наш мир.

Ангел Ксю смутился, чем вызвал у черта взрыв неподдельного веселья.

– Я просто немножко усилил симпатию Виктории к этому молодому человеку. Не думал, что она влюбится, – начал оправдываться златовласый, но, увидев смеющиеся глаза собеседника, разозлился. – А ты заставил ее заключить сделку с дьяволом!

– О да, – мечтательно протянул черт Вася. – Вскоре Алан Валлид займет трон, а я буду стоять у него за правым плечом.

– Этому не бывать!

– Интересно, – протянул Вася, – каким образом ты лишишь разумное существо привилегии выбора? Это нарушение конвенции.

– Мы с тобой ее нарушили, когда отправили душу Вавиловой в недоразвитый мирок, переживший экологическую катастрофу, в тело опального бастарда короля. Так что отвечать будем вместе, – ехидно напомнил собеседнику ангел.

– Раз премии нам не видать, я оставляю за собой право помочь моему другу Алану определиться. – Тот, кто выдавал себя за черта, лукаво склонил голову набок. – Наше пари остается в силе? – Дождавшись кивка Ксю, Вася довольно сощурился. – Тогда по нектару? Я знаю здесь за углом, всего в нескольких парсеках, шикарное заведение.

– Ты всегда меня поражал своими знаниями «зауглов». Если только по одному стаканчику. И учти, друг, я тоже не буду стоять в стороне.

Через секунду они исчезли, оставив после себя легкий запах серы и ночных фиалок, но и его спустя мгновение унес порыв зимнего ветра.

Глава 1

У меня спросили, слышат ли боги нас, жалких букашек, снующих у их ног? Разве есть им дело до наших низменных желаний и просьб? И я ответил: «Лишь тех слышат боги, кто отдает себя служению, кто беззаветно и искренне взывает к ним во имя всех и каждого, кто сам трудится ради своей мечты, а не ждет помощи Небес».

Узкая лодка, лавируя между выступающих из воды скал, удалялась от берега. Сильное землетрясение, случившееся в этих землях несколько столетий назад, разрушило прибрежную гору, и теперь ее осколки густо усеивали дно небольшой бухты. Брат Алвис из Ордена Искореняющих, Длань Храма, сидел на корме, медленно пропуская между пальцами концы белой корды, подпоясывающей сутану. Это помогало думать. Взгляд вернулся к фигуре Алана Валлида, с которым они попрощались некоторое время назад. Попрощались тепло, хотя оба понимали, что их интересы в данный момент лежат в совершенно разных плоскостях. Алан так и не сказал Длани о своих планах на будущее, на вопросы отвечал расплывчато, отшучивался и быстро менял тему.

Ксен недовольно покачал головой, когда конт Алан Валлид попытался снять кольчугу, и вздохнул с облегчением, заметив, как его телохранитель Иверт остановил неугомонного контя. Такое пренебрежение к собственной жизни было Искореняющему непонятно. Сидит на открытом пространстве, словно он бессмертен. Крикнуть, что ли? Или еще раз проверить, насколько расположен темный бог к этому странному человеку? Алвис прищурился, перестраивая взгляд. Вокруг контя все так же сиял белый ореол, но сейчас ксен видел и огромные черные крылья, расправленные за спиной мужчины. Эти крылья появились совсем недавно, после освобождения контя из плена. Точно такие же крылья Алвис видел за спиной своего Учителя и такие же, если верить тому же Учителю, должны были быть у него. Знак благосклонности Вадия. Алвис задумался, стоит ли рассказывать наставнику о странностях, которые он заметил в Алане Валлиде, или пока не спешить и использовать контя в собственных интересах? Учитель утверждал, что отошел от дел, но он знал, что старик пристально следит за жизнью на материке.

Вдоль берега цепочкой выстроились воины капитана Рэя, несколько лучников расположились на прибрежных склонах. Конт сидел на огромном валуне, наполовину скрытом водой, согнув одну ногу и пристроив подбородок на скрещенные руки, свободно лежащие на колене. Он каждый день приходил сюда, и Алвису очень хотелось бы знать, о чем думает Алан, подолгу глядя на воду. Недалеко стоял игуш Иверт, добровольно взявший на себя роль телохранителя контя, а на соседнем камне лежали и смотрели в небо секретарь Алана – Турен Ли, бывший маркиз Вас'Хантер, а ныне раб, и юный виконт Дарен, признанный контом сыном и наследником. Мысли Алвиса перескочили на Тура, он уже продумал предварительный план, как можно в дальнейшем использовать мальчишку, но сейчас размышлять об этом не хотелось. Иверт что-то сказал, Алан повернул к нему голову, улыбнулся и протянул руку. Горец, перепрыгивая с камня на камень, приблизился к черноволосому мужчине. Похудевший конт издали казался очень хрупким и ранимым. Алвис и раньше, несмотря на крепкое телосложение, замечал в нем некую изящность, – плавные движения, легкий шаг, мягкие жесты. Иверт, ухватив контя за руку, помог ему подняться. На мгновение они замерли рядом, и в белом ореоле вокруг тела Алана вспыхнули розовые всполохи. Алвис понимающе кивнул, он давно подозревал это. А горец? Ксен перевел взгляд на игуша. Нет, горец абсолютно спокоен. Неужели не замечает? На какой-то миг взгляд Искореняющего словно затуманился и на месте контя ему почудилась невысокая хрупкая женщина в необычном наряде. Моментально разболелась голова, и он несколько раз сильно моргнул, прогоняя наваждение и возвращая зрение в нормальный режим.

Алвис окинул взглядом высокие скалы, разбросанные в воде на приличном расстоянии от берега, добраться до них можно было только вплавь. На одной из скал мелькнула фигура человека с луком в руках. Мелькнула и пропала, но Искореняющий на всякий случай подтянул к себе изогнутый лук горцев – подарок Ведмеда, знак признательности за помощь. Ксен усмехнулся и полез в сумку за тетивой. Помощь! Говоря откровенно, люди Алана появились очень вовремя и избавили Длань от множества проблем. На скале может находиться воин Рэя, а может – кто-то из недобитых наемников. Не всех удалось взять. Несколько человек исчезли, поэтому расслабляться было нельзя. Он сейчас слишком хорошая мишень. Алвис пересел за щит, закрепленный у левого борта,

и приготовил стрелу.

Кто же ты такой, кир Алан конт Валлид? Эту загадку оказалось очень интересно разгадывать, поэтому ксен с большой неохотой покидал фронтир. Но приказ Наместника звучал лаконично – герцог Вас'Хантер. И Искореняющий с ним согласился: герцог стал слишком самостоятельным и решил сыграть за спиной Храма.

Предчувствие заставило вскочить на ноги и развернуться в сторону скалы, на которой он заметил лучника. Лодку сильно качнуло, но ксен успел послать стрелу. Они выстрелили одновременно – неизвестный стрелок и Длань. Стрелок с пробитым горлом упал в воду, а Алвис боковым зрением успел выхватить момент, когда конт резким движением развернул игуша вокруг себя и закрыл его своим телом. Стрела с черно-красным оперением, пробив кольчугу, вошла в плечо Алана. Значит, покушались на горца, не на конта. Первым желанием было развернуть лодку обратно к берегу, но ксен сдержался. Эхо разносило над водой обрывки фраз, некоторые слова Искореняющий смог уловить и понял, что Алан в ближайšie часы умирать не собирается. «Смертельно раненные люди обычно не орут, поминая Вадия и потрясая кулаком, а красиво падают в объятия соратников и возлюбленных», – иронично подумал про себя ксен, представив, как Алан Валлид, картинно прижав ко лбу руку, падает в объятия игуша. Это было смешно.

«Иверт должен конту еще одну жизнь», – хохотнул про себя ксен, поднимаясь на борт небольшого корабля. И если он хоть что-то понимает в горцах, Алана ждет сюрприз.

Виктория смотрела, как лодка, несущая на своем борту брата Алвиса, удаляется от берега. На соседнем камне грелись на солнышке ее сын и секретарь. Виконт-крестьянин и раб-герцог. Мальчишки, заменившие ей семью, оставшуюся где-то на далекой Земле. Чужой мир, чужое солнце, чужое тело.

Прошло два месяца с тех пор, как ее душу забросило в этот мир, в тело опального бастарда последнего короля – конта Алана Валлида. А такое чувство, что прошло несколько лет. Шок от осознания того, что после долгих лет существования женщиной, после замужества, рождения трех сыновей, смерти, посещения места, жутко напоминающего библейское чистилище, она очнулась мужчиной – сменился упрямым желанием выжить. Выжить всем врагам назло! Выжить и быть счастливой!

Она перевела взгляд на Иверта. Еще одна головная боль. Влюбленность в этого зеленоглазого мужчину. Очень странная любовь. Наваждение. Даже в самом страшном сне она не могла подумать, что в свои годы сможет влюбиться в человека, которого видела всего несколько минут. Избитого, умирающего, незнакомого. Врага. Мужчину, который до сих пор оставался для нее загадкой и которого она совершенно не знала. Скрытного, незаметного, настороженного. Даже сейчас она не могла сказать, какой Иверт на самом деле. Даже брат Искореняющий с его тайнами и интригами ей был более понятен, чем этот горец. Как такое могло произойти? Неужели сработал эффект молодого тела? Хотя... после разговора с местными богами у нее начали закрадываться подозрения, что без Ирия здесь не обошлось. Слишком уж неожиданной и нетипичной для нее была эта любовь. А Ирию очень хотелось, чтобы она вернулась в женское тело.

Черт! Стрелок! Крикнуть времени уже не хватило...

У! Как больно! Чтоб вас там подняло и прихлопнуло! Рэй же сказал, что поставил на скалах своих людей! Где эти люди? Ага! Появились! Зар-раза!

– Иверт, вылови труп. Надо посмотреть, кто это такой. Дарен, не бледней! Вытащим стрелу в замке, пусть пока торчит. Идите сюда, я на вас обопрусь.

Все произошло мгновенно, она не успела предупредить горца, а отпихнуть его с траектории полета стрелы было просто некуда. Вокруг обломки скал, падение на которые привело бы к смерти вернее, чем попавшая в плечо стрела. Именно из-за скал в этих местах и не мог пришвартоваться к берегу ни один корабль. По узкому проходу между нагромождениями камней имела шанс пройти только лодка, да и то не всякая. Но даже такая бухта являлась подарком Ирия. Практически все побережье покрывали высокие горы, уходящие в воду, и лишь в нескольких местах можно было подойти к берегу. Наконец-то Виктории удалось разгадать тайну почты храмовников.

Письма им доставлялись по морю, что намного быстрее, чем посылать верхового гонца.

Спасибо, Алвис. Первое, что она увидела, – лук в руках у ксена, и только потом, проследив за его взглядом, заметила стоящего на скале стрелка. Все остальное тело выполнило само, без участия мозга. Ничего, сейчас потихоньку доберемся до замка, и там...

...«и там» Виктория уже не помнила. Ослабленный предыдущими травмами организм решил, что еще одна дырка – это уже слишком, и выключил свет, как только они ступили на тропу, ведущую в замок Линь.

Виктория открыла глаза и осторожно села. На простыне осталось большое кровавое пятно. Тугая повязка на плече пропиталась кровью и сковывала движения, но она не собиралась в ближайшую десятницу махать мечом, поэтому приняла еще одну рану как неизбежное зло. На фоне всего, что ей пришлось пережить, это были мелочи. Только не мешало бы перевязать.

После того как Иверт вынес бесчувственное тело конта из пыточной, Алан провалялся в беспамятстве пять дней, а затем еще десятницу пролежал в кровати, залечивая ожоги и многочисленные травмы.

Иногда конт приходил в себя, чтобы мутным взором увидеть сидящего у кровати верного Берта и выпить горький отвар, который для него готовил лично Искореняющий. Однажды в такую короткую минуту просветления сознания конт потребовал, чтобы его отнесли к Нанни – попрощаться.

Ничего этого Виктория не помнила. Она не видела, как прибывший из Крови брат Турид отпустил дух Нанни, приняв у Берта красную свечу, зажженную от погребального костра. Без конта прошли допросы и казни заговорщиков. Без него брат Алвис отправил воинов разыскивать дочерей конта. Привезли только одну, вторая была слишком мала, и мать ее не отдала. Когда Алан в очередной раз пришел в сознание, Искореняющий поинтересовался, не хочет ли он признать дочь? Виктория смутно помнила черноглазую девочку, перепуганную и заплаканную и свое незамедлительное согласие. Только имя у девочки было слишком простое, и конт потребовал, чтобы ее назвали Василисой. Почему Василисой? А кто его знает, что пришло на ум больному воображению, но Искореняющий согласился, и девочку нарекли на местный манер – кирена Василия виконтесса Валлид. Виктория дрожащей рукой подмахнула бумаги, дав себе зарок разобраться со всем, когда будет чувствовать себя лучше, и благополучно уснула, выпив настойку брата Алвиса. Пользуясь своей властью, Длань выдал девочку замуж за сына Линя, после чего сразу отправил Василию в Кровь, заявив, что первая брачная ночь возможна только после того, как жене исполнится четырнадцать лет, но никак не раньше. Перечить ему никто не стал, а через несколько дней новый барон Линь был найден мертвым. Он отравился. Так виконтесса стала баронессой и вдовой, а замок на законных основаниях перешел к ее отцу до той поры, пока он вновь не выдаст дочь замуж.

Тур потом рассказал конту, что Рэй послушался приказа господина и не дал Кайрату Линю умереть легко и что эхо разносило вопли барона по горам на протяжении нескольких рысок. Рассказал, что капитан заставил предательницу Олику смотреть на муки ее любовника, и теперь она ждет суда владельца в подвале замка. А еще поведал о том, что Искореняющий лично готовил для конта еду, никому не позволяя притрагиваться даже к посуде, пока из Крови не приехала Райка в сопровождении Оськи и Кусь. Райка моментально построила всех – от Рэя до местных кухарок, деятельный шут нашел тайник с женскими украшениями, а тау покусала Гихарда Ведмедя, когда тот попытался пройти к конту в спальню. Рабы же Линя, после того как Оська расписал им перспективы, все как один умоляли оставить их в собственности Валлида.

Все эти события Виктория благополучно пропустила. Но, даже придя в себя, столкнулась с излишней заботой со стороны окружающих. Райка и Рэй объединили усилия и, видно, решили довести конта до смерти через обжорство. Стоило открыть глаза, как раздавался голос Берта:

– Господин, тетка Райка вам пирожков свежих испекла. Вы пока перекусите, а я

прикажу, чтобы рыбу пожарили. Люди Гихарда в море выходили.

Или слышался голос Алвиса:

– Ни о чем не думайте, кир Алан. Сейчас ваше вмешательство может только навредить расследованию. Выздоровливайте.

Или докладывал Иверт:

– Ведмедь просит для своих людей разрешения пять дней из десяти выходить в море через бухту. Я передам ему твое решение, ты сам не вставай с постели.

Или сообщал брат Взывающий:

– Кир Алан, мы открыли храмы в ваших весках, и мои Слушающие уже провели первые зывания. Мой сменщик скоро прибудет, но пока вы не выздоровеете, я не покину Кровь. Сейчас я займусь, как вы говорите, ревизией и возьму в помощь местного Взывающего. Он хороший человек, брат Искореняющий его проверил. Ни о чем не беспокойтесь, помощников хватает.

Или возникал Оська:

– Алан-балан, хочешь я тебе песенку спою? А ты за это выпьешь эту мерзкую настойку.

Виктория улыбнулась, вставая с кровати. Теперь уже все позади. Наместником в замке она оставит Серого, он же будет капитаном местного гарнизона. Останется только обсудить некоторые вопросы с горцами и решить, кого из воинов взять на службу. Алвис отобрал два десятка, но нужно глянуть.

Она успела натянуть штаны и сапоги, еще больше разбередив рану на плече, когда дверь распахнулась и в комнату стремительно вошел Иверт. Горец нагнул голову в легком поклоне и недовольно поцокал языком:

– Эй, Бешеный Алан, зачем ты встал? У тебя рана открылась, а Берт с Райкой ушли к морю. Сядь, я перевяжу.

Иверт недолго думая стянул с себя рубашку и споро нарезал из нее полос. Виктория при взгляде на его обнаженный торс начала было протестовать, но, поймав снисходительный взгляд, решила, что горцу виднее, что там у нее с плечом. Может быть, и правда все трагично. Боли она не ощущала, но это ни о чем не говорило. Алвис оставил конту один из своих пузырьков. Очень эффективное обезболивающее. Иверт, что-то тихо напевая, разрезал повязку и бросил на пол окровавленные тряпки.

– Тебе повезло, что ты не снял кольчугу и стрела прошла по касательной. Дырка небольшая, швы на месте, – сообщил он, внимательно осмотрев рану.

Через несколько минут конт сидел с новой повязкой и в застегнутой рубашке, наблюдая, как Иверт придирчиво перебирает пирожки, горкой выложенные на блюдо. Смотреть на это было очень приятно и волнующе. Иверт, наконец-то выбрав пирожок, жадно откусил от него и присосался к кувшину с вином.

– Бешеный Алан, скажи, почему Райка только для тебя печет пирожки с ягодой? – довольно улыбнулся игуш, вытерев рот тыльной стороной ладони.

– Может быть, она меня любит? – усмехнулся конт, опуская голову.

– Ты второй раз спас мне жизнь. – Иверт стал серьезен, он подошел ближе, присел перед Аланом, положил руки ему на колени и заглянул в лицо.

Сердце сделало кульбит и застучало с удвоенной силой.

– Кто это был? – хрипло спросил конт и закашлялся, чтобы скрыть дрожь в голосе.

Предчувствие чего-то необратимого разлилось в воздухе. Виктория старалась оттянуть этот момент.

– Наемник. Ему все равно, кого убивать, тебя или меня. Кстати, их было двое. Второго нашли люди Гихарда. Алан, тебе нужно взять игушей на службу. Никто лучше нас не защитит тебя в горах.

Иверт поднялся на ноги и прошелся по комнате. Виктория его не слушала, она исподлобья следила за мужчиной и не могла оторвать взгляда от плеч со шрамами, от волос, небрежной волной рассыпавшихся по обнаженной спине. Мысли ее были совсем не об отряде горцев. Иверт Ураган. Стремительный, независимый, загадочный, живой. Недостигаемый, но такой желанный.

Иверт тряхнул распущенными волосами. От этого движения по телу пронесся горячий шквал. Виктория встала и сделала шаг к замершему у окна горцу, протянула руку и... едва успела ее отдернуть, когда Иверт резко обернулся.

– Бешеный Алан, я говорил с отцом. Он поддержал мое желание служить тебе. Я останусь с тобой до тех пор, пока не посчитаю, что мой долг крови выплачен полностью.

Они стояли друг напротив друга, в глазах горца Виктория искала нежность и сострадание, но видела лишь спокойствие и ожидание ответа.

– Назначь день, когда ты примешь мои клятвы.

О какой клятве он говорит? Разве это ей сейчас нужно? Разве горец не видит, не чувствует? Неужели он так слеп? Мысли метались, мешая сосредоточиться, и не желали уходить. По телу пробегали волна за волной и собирались в воронку внизу живота. Иверт что-то говорил, но Виктория не слышала, она лишь видела шевелящиеся губы, к которым ей так хотелось прильнуть. Сосредоточиться! Взять себя в руки. Это просто стресс, просто накопившаяся усталость – физическая и моральная. Одиночество. Но это пройдет! Должно пройти! Так отчего ей захотелось заорать в лицо мужчине о своих чувствах? Виктория сделала шаг в сторону и нащупала меч, прислоненный к стене. Последнее время она использовала Разящий как трость. Зеленые глаза немного растерянно, не мигая, смотрели в серые, и от этого взгляда хотелось бежать. Куда бежать? Зачем? Ведь она выбрала мужскую жизнь! Она выбрала мужское тело! Она отказалась от своей любви, когда заключала сделку с Вадием!

– Иверт, уйди, – тихо произнес конт.

Воздух в комнате стал вязким, ей стало тяжело дышать, желудок сжался от ожидания.

– Эй, Алан, что случилось? Тебе плохо? – встревоженно произнес игуш, делая шаг вперед.

– Мне плохо, – едва слышно прошептал конт, но Иверт услышал.

– Позвать Рэя? Что с тобой? Где болит? – Он обнял конту за плечи и легонько подтолкнул к кровати.

Виктория покачнулась от нахлынувших на нее эмоций и чувств. Она едва сдержалась, чтобы не вцепиться в мужчину двумя руками.

Нет, она никогда не сможет ему признаться. Никогда. Почему бы горцу сейчас не уйти? Что он хочет услышать? Что она обманула саму себя, когда заключила сделку с Вадием и поклялась жить в этом ненавистном мужском теле? Бездна тоска поднялась со дна души и поглотила разум.

– Алан, тебе нужно лечь. Тебя трясет! Хочешь, я пришлю служанку, чтобы согрела постель?

– Зачем мне служанка, когда есть ты?

Но Иверт никак не отреагировал на эти слова Валлида, только бросил на конту быстрый внимательный и немного виноватый взгляд, и от этого Виктории показалось, что чувство одиночества стало осязаемым, оно протянуло к ней свои щупальца, сжимающие сердце.

Наконец они добрались до кровати. Виктория тяжело села, оперлась на меч

и оттолкнула руку горца.

– Нет! Я не хочу служанку! – прорычала, чтобы сказать хоть что-нибудь. Чтобы не разрыдаться и не начать крушить все вокруг.

«Иверт, неужели ты так слеп? Я еще смотрю на кого-нибудь так, как на тебя? – тоскливо подумала Виктория. – Мне никто больше не нужен. И... ты больше не нужен».

Она который раз пыталась убедить себя, что сможет забыть эту шальную ненужную любовь, так усложнившую ее жизнь. Она уговаривала себя и сама себе не верила. Женщина чувствовала себя мухой, завязшей в паутине. Неизбежная безысходность. Ненужные мысли. Болезненные и жестокие. Может быть, оно и к лучшему? Может быть, ей нужно было это понять? Она ведь сама выбрала. Сама отказалась от предложения Ирия, так чего она ожидала? На что надеялась? Ее удел – одиночество. Долгие годы одиночества. Пустота, холод, страх потери.

– Уйди, – холодно произнес конт.

– Алан...

«Все очень сложно, Иверт, – подумала Виктория. – Но я справлюсь».

Она чувствовала, как черная тоска заполняет ее глаза, и не хотела, чтобы Иверт это видел. Не хватало еще, чтобы он начал ее жалеть! Меч уткнулся горцу в бок.

– Уйди! – зло выкрикнул конт, вскакивая с места. – Убирайся!

«Дай наконец поплакать без свидетелей! Не можешь посочувствовать, так не мешай!» – Виктория изо всех сил оттолкнула от себя Иверта.

– Эй, не маши мечом! У тебя рана откроется! – Горец отступил на шаг.

Заботливый! Женщина почувствовала, как на смену тоске приходит злость.

– Я сказал, убирайся! – заорал конт, взмахнув мечом. На пол полетел разбитый кувшин. Следующий взмах – и кружки разлетелись на множество осколков. – Еще одно слово, и твоя голова отделится от тела!

... – Что случилось? – Рэй остановился возле сидящего в коридоре на полу Иверта. – Что это за шум?

– Там случился Бешеный Алан, – флегматично ответил горец, не открывая глаз. – Мне кажется, он добрался до кровати.

Рэй приоткрыл дверь.

– Вина! – слышался голос конта. – И чтобы никто не беспокоил!

Стол развалился после шестого удара, кровать оказалась крепче. Но и ей досталось. Скрипя, рухнули столбики, поддерживающие балдахин, закружились в воздухе перья. Со звоном разлетелось на множество осколков небольшое зеркало, такая же участь постигла и единственное окно.

Слуга, принеся вино, поставил его на пороге и быстро захлопнул двери, увидев, как в его сторону летит клинок.

– Еще вина!

После третьего кувшина из стены вышел Ирий, отчего-то облаченный в древнегреческую тогу.

– О, Зевс пожаловал! Стань здесь, я буду тебе морду бить.

Виктория хмуро подняла кувшин и отхлебнула большой глоток вина, не утруждая себя поисками чашки.

– За что? Я ведь предлагал тебе женское тело. И предупреждал, что ты поспешила с выбором. Но все еще можно переиграть. Подпиши бумаги и умри.

Умереть! Точно! Как она сама не догадалась? Это ведь так просто – умереть. Забыть, не помнить, не думать. Может, броситься на меч, как римские гладиаторы? А где меч? Виктория обвела рассеянным взглядом комнату. Где-то был, она точно помнит, что меч валялся под ногами и она отшвырнула его куда-то в сторону. Но разве в этом бардаке найдешь! Слуги совершенно распустились. На конюшню всех! Выпороть! О! У нее есть пояс. Красивый и крепкий, можно повеситься. Только к чему его привязать? Виктория поднялась на ноги и, шатаясь, подошла к двери. Открыла ее, увидела сидящего у стены Иверта и со злостью захлопнула дверь. А вот фигу! Она показала двери кукиш. Не дожدهшься!

– Правильно, – сказал Ирий и превратился в Вадия. – Давай лучше выпьем. А почему ты ему не сказала, что любишь?

– Потому что я не такая! Не голубая, короче! Я просто хотела, чтобы меня любили. И все. И ничего больше. А он! – Конт перевернул кувшин, потряс им и разочарованно вздохнул. – А где этот гад, который обещал мне счастье? Где твой светлый брат?

– Без понятия.

– Вина! Еще!

Потом они с Вадием пели. Грустную песню о неразделенной любви. Потом Виктория вроде уснула. Ненадолго, а когда проснулась, вновь потребовала вина.

– Представляешь, он мне служанку предложил! Мне! А я отказалась, и теперь он, наверное, думает, что я этот... нетрадиционный? А я нормальный!.. Нормальная!.. И я это сейчас докажу! Вина и девуку!

– Ну что, буянит? – Рэй приоткрыл дверь и заглянул в щель. – С кем он разговаривает? В комнате никого нет.

Иверт безразлично пожал плечами.

– Он на стене рожу нарисовал углем, с нею и разговаривает. Вторые сутки пьет и ничего не ест, мало ли, что ему чудится. Потребовал девуку, а когда она пришла, заставил ее раздеться и выгнал. А после, – игуш тихонько рассмеялся, – выглянул и обиженно заявил мне, что девка волосатая, а он терпеть не может волосатых баб.

– Он от пыток еще не отошел, а тут опять голодает. И повязка вся в крови, – с болью в голосе произнес Рэй. – Может, как заснет, попробуем его связать?

Иверт только хмыкнул в ответ на это предложение.

– Ну да, глупость сказал, – со вздохом согласился Рэй. – Но что-то надо делать, пока он не начал духов голыми руками ловить.

Иверт плавно поднялся и кивнул на дверь.

– Теперь ты карауль, Молчун. Я знаю, что надо делать.

– Вина!

Сколько времени она пьет? И зачем? А! Потому что ее никто не любит и не жалеет. Она всем нужна лишь для того, чтобы... чтобы... Не нужна она никому! Никто даже не пришел узнать, как она! А может, она уже того... повесилась или умерла с голода. Где-то были пирожки... Какая гадость!

От мыслей о еде желудок свели спазмы, и Виктория едва успела добраться до угла комнаты, где слуга поставил ведро. Как мерзко во рту. Надо запить.

- Вина!

Почему никто не принес вина? Где Иверт? Где этот предатель? Виктория распахнула дверь, но вместо Иверта увидела сидящего на стуле Рэя. Рядом с ним на полу стояли кувшины с вином.

- О! Рэй! Приказываю переименовать замок! Теперь он будет называться «Осколки моего сердца»! Выполнять! - С этими словами конт схватил кувшин и, шатаясь, исчез в комнате.

Стук в дверь застал Алана сидящим на обломках кровати и тупо смотрящим в окно. Ночь. Кто-то стучит. Дятел. Или белочка? Маленькая белочка вместе с песком. Они пришли спеть конту колыбельную. Не дождавшись разрешения, в комнату вошла девушка с подсвечником в руках. Она, осторожно перешагивая через обломки мебели, прошла к окну, поставила на подоконник подсвечник и, мягко ступая по усыпанному мусором и соломой полу, приблизилась к Алану. Тот поднял на нее глаза.

- Зира, - грустно улыбнулся конт. - Меня никто не любит.

Девушка присела рядом, взяла конту за руку и, положив голову ему на плечо, тихонько что-то сказала. Ее тонкие пальчики гладили руку Алана, она что-то говорила, и исстрадавшаяся по ласке душа оттаивала от звуков ее голоса.

Алану вдруг стало стыдно за грязные штаны, окровавленный и оцарапанный голый торс, за лохматые нечесанные волосы, за щетину и синяки, за свою несдержанность и слабость. Он хотел крикнуть, чтобы позвать слуг, но побоялся спугнуть мгновение нежности, возникшее между ними.

Мужчина прижал к щеке девичью ладонь и заговорил, повторяясь и заикаясь, путая русские слова с местными.

- Зира, оказывается, мне тебя не хватало. Знаешь, я ведь не пьяница. Просто мне стало так тоскливо. Я испытал столько боли, а меня никто даже не пожалел. Никто не прижал к себе, никто не погладил, не обнял. Я ведь не прошу многого, только немножко ласки и нежности. Раньше меня жалела Нанни, а теперь ее убили. - Алан пьяно шмыгнул носом, сглотнул слезы. - А больше никто меня не жалел, - повторил он. - Ты знаешь, я ведь не мужчина. Я женщина, просто боги меня запихнули в это тело. И я влюбилась в твоего брата, а он... он меня не любит. Совсем не любит. Я знала, что так будет, и не надеялась. А может, и надеялась. Ведь мы все нуждаемся в том, чтобы нас любили. Просто так, за то, что мы есть. Правда? Жаль, что ты не можешь мне ответить. Мне кажется, что ты бы поняла и приняла меня.

Зира обняла конту и осторожно поцеловала в глаза, потом в лоб, щеки и губы. Он умиротворенно вздохнул и опустил голову ей на колени. Девушка гладила черные спутанные волосы, а Алан продолжал:

- Ты не представляешь, как тяжело притворяться тем, кем ты не являешься. Как сложно быть мужчиной, когда у тебя женская душа.

- Предки иногда шутят, путая тела, - тихо произнесла Зира. - Но ты - Алан Валлид, еще больше мужчина, чем мой отец. Просто ты немножко не такой, как все.

Конт резко сел и сразу почувствовал головокружение и тошноту.

- Ты разговариваешь на языке равнин?

- Конечно, - улыбнулась Зира. - Язык врага нужно знать.

- Но почему ты не сказала мне об этом в прошлый раз?

- А разве ты хотел со мной говорить? Сегодня ты захотел, и я разговариваю с тобой.

Ой, ой! Что же ты наговорил, пьяный конт Валлид?

– Не волнуйся, я не поняла половины сказанных тобой слов, – тихо рассмеялась Зира. – Ты очень загадочный, Бешеный Алан. – Она провела кончиками пальцев по губам мужчины.

– Пусть это будет наш с тобой секрет, – прошептал Алан, целуя нежные пальчики.

Последнее, что он запомнил, это склонившееся над ним лицо Зире и ее тихий шепот:

– Спи спокойно, я буду охранять твой сон до утра.

А утром девушки в комнате не оказалось, и лишь серебряный кулон в виде маленькой бегущей ласки на витой нити говорил о том, что Зира конту не привиделась. Он надел кулон на шею и распахнул дверь. Хватит предаваться жалости к себе, пора заняться делами.

– Баню. Завтрак. Потом доклад. В обед выезжаем в Кровь. Судить Олику будем дома.

Однако выехать им удалось лишь через несколько дней.

Алвис перед своим отъездом настоятельно рекомендовал Алану перебраться в Линь. Удобное месторасположение, близость к морю и удаленность от главных трактов делали замок почти неприступной крепостью. Им просто повезло, что за стенами Линя находился союзник, иначе Рэю вряд ли удалось бы спасти своего воспитанника. Однако Виктории замок не понравился. Совершенно. Трехэтажное серое мрачное строение с узкими окнами-бойницами, обнесенное широкой каменной стеной с башнями. Рабочие пристройки находились за стенами замка, и все, кроме конюшен, выглядело так, словно лепилось из того, что было под рукой, и предназначалось на один сезон. Особенно удручающими на фоне окрестных пейзажей выглядели барак для рабов и дом для прислуги. На территории замка постоянно проживали воины и несколько доверенных слуг, остальные на ночь покидали стены Линя. Везде царила нищета, лишь крыло, в котором располагались покои барона и его сына, изобиловало роскошью. Ковры, гобелены, добротная мебель, огромные кровати, изысканная посуда и оружие, богато украшенное камнями и чеканкой. И украшения. Много женских украшений. Виктория уже знала, что Кайрат не планировал надолго оставаться на фронтире и заранее перевел свои богатства в более удобный для транспортировки вид. Ему было обещано место начальника канцелярии при дворе короля Айро Третьего.

Пока конт лежал в постели, Тур читал ему допросные листы. Алвис поделился сведениями, правда, очень дозированно. О самом заговоре, о том, кто его спонсирует и кто является идейным вдохновителем, Ксен ничего не сказал. В тех документах, которые попали в руки Алана Валлида, в качестве главного злодея фигурировал герцог Вас'Хантер. Но Виктория не была недалеким опальным контом с фронтира, который мог бы проглотить эту информацию. Она умела думать, слушать и сопоставлять факты. А факты говорили о том, что у этой истории растут уши, и растут они из Храма. Слишком затратное дело дворцовые перевороты. Собрать армию вдали от Наместника, разослать людей на поиски подходящего человека, подкупить знать, заплатить тем, кто распускает сплетни, найти козла отпущения в лице герцога – недешевое мероприятие. А значит, терять бдительность не стоит.

А еще рядом с замком находились выпарные пруды горцев. Соль здесь добывали способом, известным на земле более четырех тысяч лет. Именно на озера первым делом потащили Алана вожди игушей. Гихард, сопровождаемый тремя старейшинами, радостно потирал руки.

– Надо углубить, закрепить края, почистить канавы, и можно заливать воду, – внимательно осмотрев все пять пересохших прудов, заявил один из старцев, довольно поглядывая на Гихарда.

– Стоп! – Конт поднял руку. Ага, как же! Горцы будут обогащаться, а он – стоять в сторонке? – А как вы собираетесь отправлять соль на континент?

– Перекупщики. – Гихард внимательно поглядел на Алана. – А давай-ка мы обсудим этот вопрос в тени сребролиста за наполненными бокалами. Заодно познакомишься с моей

старшей дочерью. Красавица! – причмокнул вождь губами, подмигнув обреченно вздохнувшему конту.

Иверт за спиной Алана тихо засмеялся. Смешно ему. Вот и женился бы! И Сарх, и Ведмедь так и не оставили желания подсунуть холостому хозяину Крови еще парочку девушек. Даже маркиз Генри Раман осторожно посоветовал конту взять в дом одну или двух дочерей горцев. Конечно, не в качестве официальных жен, а как матерей своих детей. Вокруг Алана постоянно крутилось несколько зеленоглазых красавиц. Но ни одна из них не тронула сердце конту. Он улыбался девушкам, но глаза при этом оставались печальными. Иверт это замечал, и все чаще на лицо телохранителя набегала тень. Зира ничего не сказала брату, только грустно сообщила, что сердце конту разбито из-за неразделенной любви. Виктория покосилась на Иверта. Разговор между братом и сестрой подслушал Оська и тут же сообщил о нем конту за пирожок с малиной. В тот момент, когда шут рассказывал о беседе, Виктория молилась всем известным богам, чтобы Зира не выдала ее секрета. Иначе... она даже не представляла, как бы смогла смотреть в глаза своему телохранителю. Иверт все же принес конту клятву верности и теперь не отходил от Алана ни на шаг – зорко следил за окружающими. Они с Рэем сами обо всем договорились. Капитан вздохнул с облегчением, когда рядом с контом замаячила стройная фигура горца, и полностью переключился на дела гарнизона Осколка. Да, замок теперь назывался так: «Осколок моего сердца». Как и приказал господин Алан Валлид. Но для краткости все называли его просто «Осколок». Виктория смутно помнила об этом своем приказе, но название ей приглянулось. Она не хотела, чтобы хоть что-то напоминало о бароне Кайрате. Вот только сожаление о его сыне иногда мелькало в душе. Может быть, из мальчишки вырос бы нормальный человек? Теперь она об этом никогда не узнает. В то, что парень отравился сам, Виктория не верила. Слишком хорошо она успела узнать методы Алвиса. Не одобряла, но понимала.

Алан при помощи Иверта забрался в коляску – ездить верхом он пока еще не мог, и Берт на пару с вездесущим Оськой раскопали где-то старую дребезжащую двуколку. Они ее вымыли, смазали скрипящие оси жиром, устлали внутри коврами и подушками, запрягли серо-голубого понурого ослика, в гриву которого шут вплет цветные ленты, и торжественно вручили поводья смеющемуся конту, предварительно украсив их цветами и колокольчиками. Ну прям свадебный возок. Когда Виктория попыталась возмутиться по поводу пестроты и нарядности упряжи, Берт непонимающе заявил: «Так красиво же, сразу видно – господин едет». Теперь, когда начинали звенеть колокольчики, все в Осколке знали – Алан Валлид куда-то отправляется.

Они направились к замку, и Виктория следила за Гихардом Ведмедем, который ехал рядом верхом на своей рыжей кобыле и внимательно слушал увлеченно размахивающих руками старейшин. Она до сих пор не поняла, что он за человек. Гихард ходил по замку, как старый еврей по доставшейся ему в наследство ювелирной лавке. Он шупал стены, открывал и закрывал двери, заглядывал во все закутки и задавал массу вопросов слугам и рабам. Брат Турид записал его в шпионы и несколько раз приходил к конту жаловаться на любопытного горца, Рэй косился на игуша с недоверием, Кусь рычала, а Райка презрительно игнорировала. И только довольный неугомонный Оська таскался следом, составляя Ведмедю компанию во всех его изысканиях, а вечером на стол конту ложился доклад шута, написанный аккуратным почерком Тура. Пока горец не сделал ничего такого, чтобы заподозрить его в измене. Но на замок он смотрел взглядом хозяина, и это немного напрягало. Иверт отзывался о нем как о старом хитром лисе, с которым нужно держать ухо востро, но уверял, что слово свое вождь держит крепко. Главное, чтобы он его дал. А вот давать слово Гихард не торопился.

– Бешеный Алан, – начал Ведмедь, когда они, сытно пообедав, откинулись на подушки в шатре горца. Хотя в замке и хватало комнат, игуши предпочитали спать в собственных шатрах. – Тебе не приглянулась ни одна из моих дочерей?

Опять двадцать пять! Две девушки с улыбками смотрели на конту. Симпатичные, но...

– Гихард, давай говорить о делах. – Конт протянул одной из девушек руку, и она пересела к нему поближе. Алан улыбнулся. – Почему ты хочешь пойти со мной?

– Вождь приказал. Ты сильный, большой, красивый. Дети от тебя будут здоровыми.

Иверт что-то быстро заговорил на своем наречии. Девушка вскочила на ноги и вместе с сестрой выбежала из шатра. Интересно, что он им сказал?

– Я все понял, Бешеный Алан. Больше не буду тебе предлагать в жены своих дочерей. А теперь давай перейдем к решению наших вопросов. – Ведмедь бросил на Иверта недовольный взгляд, но телохранитель конта его проигнорировал.

Виктория отправила Берта за Туром и братом Взывающим. Они лучше ее знали положение дел в стране. Когда в шатре собрались все заинтересованные стороны, начался торг. Виктория хотела иметь долю с добычи соли. Что бы там игуши ни думали, а это были ее земли, и упускать свою выгоду она не собиралась. На себя она брала доставку соли на рынки континента. Взывающий пообещал помочь наладить связи с торговцами. А еще у Виктории имелся корабль, который достался Алану Валлиду как трофеем. Капитана корабля вздернули на замковых воротах, а хозяин повесился в своей комнате не без помощи Искореняющего, и его собственность стала собственностью конта. Небольшое парусно-весельное одномачтовое судно с высокими бортами. На таких судах местные перевозили грузы и рабов. Как пояснил Алвис, эти суда использовали в неглубоких водах, в основном они плавали вдоль побережья, где проходили быстрые теплые течения. Обслуживало такое судно всего двенадцать человек. Даже вместе с грузом посадка корабля составляла не более двух с половиной метров. Именно на нем ушел Искореняющий, но моряки, которых здесь называли «морские люди», обещали вернуться через десятицу. С ними ушел десяток воинов маркиза. Для гарантии их возвращения. Впрочем, после тесного общения с Дланью те из моряков, которые остались живы, приняли руку конта и принесли ему клятву верности, изрядно подкрепленную золотом. Виктория была человеком двадцать первого века и не верила в клятвы, даже если залогом их выполнения являлась жизнь близких. Тем более что половина матросов оказалась рабами. Она считала, что клятвы клятвами, а жалование не помешает. После такого бывший боцман, а ныне капитан корабля, проникся к конту большим уважением и даже предложил неплохой план обогащения. Но об этом пока говорить было рано, требовалось дождаться моряков и посмотреть, как они выполняют ее первое задание, а пока следовало поторговаться с горцами.

Алан повернулся к ксену и вопросительно поднял брови.

– Мы сами будем продавать соль, через своих людей. Кроме соли мы можем продавать лошадей, меха, жемчуг, раковины и древесину. – Взывающий наклонился к Гихарду. – Пополам!

– Но мои люди будут для этого работать. А что будут делать ваши?

– А наши будут это доставлять, охранять в пути, продавать, договариваться, платить подати, закупать то, что нужно здесь, на фронтире, – брызгал слюной Турид, загибая пальцы перед носом Ведмедя. – По какой цене ты продаешь жемчуг?

– По весу серебра.

Виктория видела местные весы. Ничем не отличались от земных аптечных. В одну чашу складывали жемчуг, а в другую серебряные монеты. Полновесная серебряная монета здесь весит около двадцати грамм, но сколько в ней чистого серебра, а сколько примесей, она не знала. Насколько Виктория помнила из истории, у Екатерины II были бусы из тридцати черных жемчужин. Крупных. Самая большая из них весила около четырех грамм. Здесь жемчуг водился некрупный, но очень чистый. Пусть три грамма. Выходит, за одну серебряную монету продавали около семи жемчужин.

– А сколько стоит жемчуг в королевстве? – повернулся конт к Взывающему.

– Вот! – поднял палец брат Турид. – Верный вопрос! Жемчуг дороже алмаза. Серьги с белым жемчугом стоят от трех до пяти золотых, а с голубым доходит и до десяти.

– Отчего так дорого? – удивилась Виктория.

– Кир Алан, – укоризненно покачал головой ксен, – вам не помешало бы поговорить с мастером Семоном.

– Иногда ты мне кажешься очень тупым, Алан-балан. Потому что раковины сулейматов живут только в нескольких местах. Возле наших островов и здесь, – раздался голос Оськи. Шут тихонько сидел у порога и внимательно прислушивался к разговору. – Они любят течения, соль и свет. В других местах их слезы маленькие и неровные.

– А еще никто не станет торговать с горцами. Их представители не входят в цеха ювелиров, не платят торговую пошлину и не являются гражданами королевства. Официально горцев не существует. Их земли номинально входят в состав нашего королевства, но сами игуши об этом не знают, – добавил брат Взывающий, пристально глядя на Ведмеда. Тому эти слова не понравились, но он кивнул, соглашаясь с ксеном.

Известие о ценах на украшения с жемчугом выбило Гихарда из равновесия, он поклялся выпустить кишки перекупщикам и развесить их на деревьях. Но зато согласился наконец-то на половину прибыли. Так как горцы не доверяли бумаге, договор скрепили клятвами и откровенными намеками на союзный брак, о чем конт Алан торжественно пообещал подумать. А еще договорились, что люди Гихарда, как и люди Гривастого Волка, могут останавливаться в Осколке и использовать бухту для выхода в море. За что они должны будут патрулировать окрестности. Когда об этом сообщили наместнику, Серый нахмурился, но возражать не стал. Он сам хотел просить помощи у горцев, пока численность гарнизона не дойдет до положенных пятидесяти человек, хотя игушам не доверял, особенно Ведмедю. Если Сарха сдерживал долг крови, то рычагов давления на Гихарда у конта не было. Поэтому Серый, испросив у Алана разрешение привлекать рабов и весчан, спешил набрать людей и начать обучение. Через день за стенами Осколка уже красовалась полоса препятствий и Оська давал концерт первым мученикам.

Посоветовавшись с Рэем и Сархом, Виктория решила сделать Осколок своей летней резиденцией. Она собрала местных мастеров и отправила их в Кровь, чтобы они на месте посмотрели, что именно хочет увидеть в своих покоях к холодам новый владетель. С ними на подводах уехали некоторые рабы, нуждавшиеся в помощи друиды и связанная Олика. Остальных рабов загнали в баню, потому что ксен заявил, что такого количества вшей он никогда не видел. Виктория приказала безжалостно всех обрить и обработать настойками трав от паразитов, затем велела раздать новую одежду из сундуков барона, а старую сжечь, вымыть кипятком барак и набить матрасы свежей соломой. А всю постель прокипятить. Рабов у Кайрата было немного. Всего двадцать три человека, в основном мужчины и молоденькие девушки. Они сказали, что господин продал большую часть рабов, оставив лишь тех, кто работал в доме и обслуживал наемников.

Наконец, отдав последние распоряжения, они выехали в Кровь. На душе было беспокойно, словно Виктория забыла сделать нечто важное. Не доверяла она горцам, поэтому оставила в Осколке десяток своих воинов, доведя численность боеспособного гарнизона до тридцати человек. Да еще в приватной беседе с Серым посоветовала капитану держать горцев за стенами, пускать внутрь только вождей с домочадцами, да и за ними внимательно следить.

Виктория ехала в двуколке, только на этот раз в нее запрягли нормальную лошадь. «Пора усовершенствовать рессоры», – подумала она, в очередной раз подпрыгнув на ухабе.

– Эй, Бешеный Алан, – к ней подъехал Иверт. – Если ты сможешь немного подняться в гору, я покажу тебе что-то интересное.

Что-то интересное – это интересно. Виктория осторожно спустилась на землю. Тут же подскочил Берт, подставил плечо. Рэй, недовольно сопя, шагал рядом. Они медленно поднялись метров на сто, и вдруг идущий впереди Иверт просто исчез.

– Куда этого жабьего сына Вадий утащил? – растерянно произнес Рэй и по привычке потянулся за пазуху за очередной морковкой.

Иверт выскочил из-под земли, словно черт из табакерки. Он довольно лыбился, обнажив белоснежные зубы, при этом его зеленые глаза хитро блестели.

– Молчун Рэй, помоги конту спуститься, – и горец вновь исчез под землей.

Только подойдя ближе, они увидели в скалах узкий проход, закрытый высоким папоротником. Зря Иверт просил капитана помочь своему господину спуститься, Рэй в проход не пролез. Плечи застряли. Зато худощавый Берт и отощавший после болезни конт проскользнули внутрь словно два ужа.

Внутри их ждал Иверт с горящим факелом в руках, он провел мужчин по узкому проходу, спускающемуся вниз, и вывел в маленькую полусыпанную пещерку.

– Смотри, Бешеный Алан, рисунки предков, – Иверт поднял факел выше.

Сначала Виктория ничего не увидела, но горец поднес факел к стене, и она чуть не заорала. На каменной стене было вырезано схематичное изображение города. Высотные дома, широкие улицы, по которым ехали автомобили, люди, одетые в брючные костюмы, по небу летел самолет, а вдалеке расцветал гриб ядерного взрыва. Лазерный резак?

– Эй, еще смотри, что мы откопали. – Иверт легонько стукнул конту по плечу, указывая в сторону.

В каменистой стене была выдолблена ниша, а в ней лежала немного деформированная, но целая пластиковая бутылка! «Время разложения от пятисот до тысячи лет», – вспомнила Виктория. Когда же произошла катастрофа на этой планете? Она дрожащими пальцами провела по пластику и осторожно взяла бутылку в руки. Такая обычная там и такая чуждая здесь.

– Мы нашли эту пещеру, когда были детьми, она открылась после очередного оползня, – проговорил Иверт, внимательно наблюдая за контом. – Здесь обнаружилось много интересного. Стекланные сосуды странной формы, куски неизвестного нам материала, прочного и негнущегося. Мы решили ничего не говорить взрослым. Но потом произошел очередной обвал, и половину пещеры засыпало. Ты знаешь, что это?

– Пластик, – прошептал Алан по-русски, осторожно кладя бутылку на место. – Берт, возьми рабов, раскопайте завал. Я хочу, чтобы вы нашли все, что засыпано землей!

– Сделает, – задумчиво покачал головой Иверт, глянув на ошарашенного Берта, рассматривающего картину на стене. – Когда ты сможешь много и долго ходить, я отвезу тебя в Город древних. Там есть такое, – ткнул он пальцем в рисунок на стене, указывая на памятник, изображающий какую-то абстракцию.

– Обязательно. – И тут Виктория вспомнила. – Иверт, а что ты сказал дочерям Ведмеда?

– Что у Бешеного Алана тоже есть сердце и это оскорбление – предлагать ему роль жеребца вместо любви. Что женщины ведут себя как равнинные шлюхи, пытаются соблазнить мужчину моей сестры.

Остальной путь они проделали молча. Виктория пребывала в шоке от увиденного и не замечала настороженных и задумчивых взглядов, которые бросал на нее горец.

– Конт! Конт вернулся!

Крик часового вызвал в душе бурю эмоций. Дома. Наконец-то она дома.

Встречать конту вышли все жители Крови. По крайней мере, именно так показалось Виктории. Но первой к конту подбежала Светика. Она с плачем кинулась на шею Алана и со всей присущей ей непосредственностью запричитала:

– Живой! А мы же не верили! Думали, пропал наш господин! Сгинул во вражьей пасти! Чтоб их Ирий светлый проклял да Вадию на суд отдал! А Нанни как жалко-о-о! Но, слава Ирию, вы живой!

– Светика, отпусти кира Алана. – Берт потянул девушку за плечи.

– БERTУШКА! – Она наконец-то перестала обливать рубашку конту слезами и переключилась на Берта. – БERTУШКА! Сиротинушка! Я так волновалась! Как же ты

теперь будешь без матушки? Кто приласкает, пожалеет?

После такого бурного проявления чувств вновь нахлынула тоска по Нанни. «Светике плакальщицей надо работать», – подумала Виктория и нашла взглядом друиду. Ворожея улыбнулась одними глазами и махнула конту рукой в сторону пристройки.

– Пойдем, я тебя осматрю.

Женщина развернулась и пошла, ничуть не сомневаясь, что конт последует за ней. И Алан последовал. Предварительно отдав Берту и Иверту короткие приказы. Здесь и без него разберутся. Рэй уже выслушивал доклад одного из десятников, Тур и Дарен исчезли сразу, едва успели слезть с лошадей, рабы разбирали багаж, им помогали слуги, у повозок раздавался зычный голос Райки, командующей разгрузкой телеги с рыбой и вином.

В комнате друиды пахло травами и мужчиной. Она заперла за Аланом двери и коротко приказала:

– Раздевайся.

– Я тоже по тебе соскучился, – улыбнулся конт, неуклюже стягивая рубаху. – Знаешь, я решил выделить тебе флигель под лечебницу. Оборудуем там большой хороший кабинет и лабораторию. В одной комнате будешь жить сама, а в другой сделаем комнату для больных. Разгородим занавесками, поставим несколько кроватей. Хватит тебе здесь с Саникой ютиться.

– Хочешь привязать меня к Крови, конт? – хмыкнула ворожея, внимательно ощупывая и осматривая раны и следы ожогов. – Шрам на груди останется, – недовольно пробурчала она. – Повернись спиной, гляну, что там под повязкой. А ты пока рассказывай.

И Виктория рассказала. Почти все.

– Выходит, они за Нанни охотились? А она им не сказала то, что они хотели. А твоя любовница выдала им Нанни! – жестко закончила друида, надавив на рану от стрелы.

– Ой!

– Гноя нет, – тихо произнесла женщина, намазывая плечо знакомой уже конту зеленой мазью и туго забинтовывая чистыми тряпками. – Какое слово она перед смертью сказала?

– Чупачурик.

– Никогда о таком звере не слышала. Но я поспрашиваю у своих. А Олике твоей люди самосуд устроили. Зря ты ее одну отправил, без охраны. Серый, как за Райкой приезжал, рассказал правду, ничего не утаил. Зол он был. И про смерть Нанни мученическую, и про вину твоей полюбовницы, и про муки, что тебе пришлось из-за ее предательства перенести. Вот люди и осерчали. Любят тебя, конт.

– Интересно, за что? – усмехнулся Алан.

– Вот и я себе такой вопрос задаю. Одевайся.

Пока конт одевался, друида рассказала новости.

– Дочь твоя дурная сбежала в свою веску на следующий день после того, как ее привезли, но мать привела девочку назад. Весчанка просила, чтобы простил глупую девочку, которая не понимает своего счастья, что бы тебе ни говорили. Ваську пока поселили в комнате Тура, служанку к ней приставили из рабынь. Ревет, дуреха, все время. Совсем дикая. Рыжая кобыла ожеребилась. Конька родила. Симпатичного и здорового. Еще – рабыня брюхата. Прятали ее до сих пор от тебя, боятся все еще. Помнят, как ты приказал матери удавить своего ребенка. Прости. Знаю, что это был не ты. Но теперь спрятать рабыню не удастся, рожать ей на днях. Тоже ревет с утра до ночи, поговорил бы ты с ней, конт. Девка-то хорошая, работающая, красивая. Вот думаю, не ты ли ее обрюхатил? Саника учится. Спина у него подзажила, толковый мужик, может, в мужья взять? А, конт, что скажешь?

Виктория усмехнулась: можно подумать, друиде нужно одобрение конта.

– Что с Оликой? Насмерть забили?

– Светика не дала. Хотя первая в волосы ей вцепилась. Да только, когда камни в ход пошли, встала на защиту. Сказала, что ты не одобришь самосуда. Будет из девки толк. Только смотри, конт, не испорти ей жизнь.

– Даже в мыслях не было, – возмутился Алан, поворачиваясь к друиду, чтобы она помогла зашнуровать рубаху.

– Она же по тебе сохнет, а любовь – штука коварная, конт. Горит у девок от любви и свербит в одном месте. Гляди. И что бабы в тебе находят? Худющий, один нос торчит! – Ворожея завязала тесемки и повязала на талии мужчины пояс владетеля.

– Я обаятельный. Но спасибо, что предупредила. Я думал, она в Берта влюблена. Пошли, ворожея, Олику судить будем.

– Повесить, да и весь сказ, – буркнула друида и подозрительно уставилась на конта, даже руки в бока уперла. – Уж не хочешь ли ты и эту ... помиловать?

– Не хочу, – серьезно глядя ей в глаза, ответил Алан. – Саника покушался всего лишь на мою жизнь, а эта тварь убила мою Нанни. Такое я никому не прощу.

Двор был заполнен людьми. Конт при помощи Берта поднялся на помост, слуга надел ему на шею золотой герб владетеля и тихо отошел в сторонку. Друида, Иверт и Рэй стали за спиной. От них исходила мощная волна поддержки, которую Виктория ощущала каждой клеткой кожи. Двое воинов приволокли Олику и бросили под ноги конту. Виктория смотрела на первую красавицу Крови и не испытывала ни капли сострадания. Опухшее расцарапанное лицо, изодранная одежда, через которую виднелись синяки и кровоточащие раны, сбитые колени и локти.

– Пощады! – высоким визгливым голосом закричала она, поднимая к конту избитое лицо. – Это не я! Это барон! Меня оклеветали! Я люблю вас, кир Алан! Всегда любила! – Женщина подползла к конту и обхватила руками его колени. – Разве нам было плохо вместе? Я только вас люблю. Только вас.

– Уберите ее, – брезгливо произнес Алан.

– Нет! – продолжала кричать и извиваться Олика, когда двое воинов привязали ее к длинной скамье, на которой недавно корчился под кнутом Саника. – Нет! Пощады! Меня оклеветали! Люди! Люди, поверьте!

Палач всунул ей в рот кляп и повернулся к конту, тот поблагодарил мужчину кивком головы. Слушать эти вопли было невыносимо, Виктория боялась дать слабину. Она окинула взглядом людей, ища в лицах жалости или сострадания. Литина с Дареном и Туром стояла в стороне, увидев взгляд бывшего мужа, она слегка кивнула, подбадривая и одобряя. Несколько женщин плакали, парочка мужиков смотрела на Олику с сожалением, остальные же стояли хмурой молчаливой толпой. На пороге кухни, сложив на груди руки, застыла Райка, и в ее взгляде пылала такая ненависть, что Виктория порадовалась, что не ее ненавидят столь сильно.

– Начинай, – кивнул Алан Рэю.

Капитан вышел вперед, достал из кармана лист бумаги и своим низким раскатистым голосом произнес:

– У меня тут допросный лист барона Кайрата Линя, подписанный братом Искореняющим. В нем написано, что Олика всегда служила барону. Следила, значит, за нашим контом, докладывала обо всем, что он делает. Спала с ним по приказу барона. А еще здесь написано, что это она рассказала врагам, когда и куда собирается кир Алан и сколько с ним будет воинов. Из-за нее погибли наши бойцы, из-за ее предательства наш господин попал в плен и перенес пытки. Она же привела к барону Нанни. Я прошу смерти для этой девицы!

– Я требую смерти для предательницы, – выступила вперед ворожея. – Я вижу, что боги отвернулись от нее, а нам негоже идти против их воли. Что скажешь, брат Взывающий?

Из толпы вышел ксен. Уставший, еще больше похудевший, но с прямой спиной и решительным блеском в глазах.

– Она ведь не только кира Алана под смерть подвела, она и его сына продала. Боги спасли детей, а ведь даже страшно подумать, что с ними могли сделать заговорщики, через какие муки провести. Ирий учит нас быть добрыми к детям, Олика пренебрегла его заповедями. Смерть. Без пощады, – тихо, но отчетливо произнес он. – Я буду взывать к Вадию за ее душу.

Так уж сложилось: после первого суда, проведенного Аланом в качестве владетеля, эти трое стали исполнять роль присяжных, и Виктория не собиралась менять правила.

– Да будет так. Удавить, а труп сжечь.

Палач набросил на шею Олики петлю удавки. Виктория смотрела, как дергаются ноги бывшей любовницы ее реципиента, и не испытывала ничего. Ни сожаления, ни жалости, ни сочувствия. Ничего. Кем же ты становишься, Виктория Викторовна Вавилова? И сама себе жестко ответила: «Контом Аланом Валлидом. Как сказал ксен? Без пощады!»

Без пощады!

– Берт, скажи Райке, чтобы подала в кабинет вина и сыра, и приведи баронессу Василию. Пора мне познакомиться со своей дочерью.

Глава 2

Пришел на суд богов ватажник и убивец, и не увидел Вадий в нем доброты и веры, и назначил ему наказание, но брат его остановил. Посмотрел Ирий на дух ватажника, и почувствовал разбойник стыд от взгляда его кроткого, и понял он, что жизнь вел неправильную. И раскаялся, и стал первым среди слугителей.

Виктория аккуратно отмерила пять капель зелья, разбавила их водой и выпила, с благодарностью вспомнив Алвиса. Этот пузырек был из ее личных запасов, и она пользовалась им только в особых случаях, когда боль становилась слишком сильной. Не хотелось пугать Рэя, который мог запереть конта в спальне, привязав к кровати для его же блага. Настойка снимала боль почти моментально, но после нее притуплялись все чувства, и хотелось спать, поэтому она старалась пить ее только на ночь.

Виктория сидела за столом и просматривала списки, которые принес Саника. Раб, одетый в новые штаны и рубашку, по привычке опустился на корточки у стены. В списках мастера проставили цены на каждого раба и суммы предлагаемого вознаграждения.

– Скажи Светике, чтобы принесла хозяйственные книги, они в сундуках у Нанни.

Виктория хотела сравнить цены на рабов в момент покупки и сегодня. В дверь постучали, зашла Райка с подносом. Она выставила тарелки на стол, но не ушла. Виктория подняла на кухарку глаза.

– Вы не должны себя винить, – нехотя произнесла женщина. – Олика заслужила лютой смерти.

– Райка, – конт с удивлением посмотрел на повариху, – скажи мне, отчего ты решила, что я расстроюсь?

– Ну, она же... спала с вами, – тихо произнесла Райка. – Я подумала, что, может, ну... если нет, то я пойду?

Она дождалась кивка конта и вышла из комнаты. Виктория задумчиво отпила из бокала, прислушиваясь к ощущениям. Ни капли сожаления, угрызений совести, печали или злобной радости. Словно не человека только что лишили жизни по ее приказу, а курицу зарезали. Абсолютное безразличие. Это немного пугало, но только немного.

Она успела съесть бутерброд и запить его слабым кислым вином к тому моменту, когда вернулся Саника в сопровождении Светики и крепкой черноволосой девочки с зареванными глазами. Следом в комнату юркнул Тур и, склонившись к уху конта, зашептал по-русски:

– Иди, новый ксен.

– Пришел, – поправил Алан. – Приставь к нему мальчишку. И вели Берту приготовить мыльню.

Тур кивнул и выскользнул из помещения, бросив на девочку недовольный взгляд. Она зыркнула на него исподлобья и уставилась в окно. Ну да, какая из нее баронесса? От отца она взяла лишь цвет волос. Простое лицо, серые глаза, ровные волосы, собранные в косу и покрытые по-крестьянски завязанным сзади платком. Виктория с любопытством рассматривала девочку и с ужасом понимала, что не испытывает к ней никаких чувств. Если Тур и Ольт моментально пробудили у нее материнские инстинкты, Дарена она приняла сразу и безоговорочно, то эта девочка с колючим взглядом показалась ей абсолютно чужой. Сложно будет. Виктория чувствовала, что никогда не сможет полюбить этого ребенка. Поднялась злость на Алвиса, который столь безапелляционно вторгся в жизнь крестьянской семьи. Не спросив у девочки желания, круто изменил ее судьбу и даже не задумался, сможет ли этот ребенок принять такие перемены.

– Кирена Василия, вы завтракали?

– Мое имя Дашка! – с вызовом ответила девочка. – И никакая я тебе не кирена! И есть твой хлеб я не буду!

Громко ахнула Светика, зажав рот ладошкой.

– Сколько тебе лет? – спокойно глядя на девочку, спросил Алан.

– Девять, – буркнула Дашка.

Ну вообще! Это в каком возрасте реципиент начал девок портить? Неудивительно, что Дарен и Дашка практически ровесники. Видать, господин юношеский пыл в штанах удержать не мог, вот и детей настругал больше чем надо. Сексуальный маньяк!

– Садись и жди, пока я закончу дела, затем поговорим. – Конт, не обращая больше внимания на дочь, погрузился в записи.

Нынешние цены на рабов были значительно выше, чем при покупке. Но так как Виктория не собиралась их продавать, то никакой выгоды это ей не сулило. Она поманила к себе Санику, и они еще полпрыски обсуждали, кому и до какого предела можно снизить выкупы. Наконец и этот вопрос был решен.

– Объяви рабам мое решение. – Виктория откинулась на стуле. Давали о себе знать раны и усталость после дороги. Больше всего сейчас хотелось завалиться в постель.

– Хозяин, можно вопрос? – тихо спросил раб, когда они закончили и Светика ушла, чтобы спрятать в сундук книги. Конт кивнул. – У меня будет шанс выкупиться?

– Я подумаю. – Алан внимательно посмотрел на Санику. – А что ты станешь делать, когда получишь свободу?

– Женюсь на друиде, если она согласится, – не задумываясь, ответил мужчина. Видно, давно для себя это решил. – Она меня спасла, да и женщина хорошая.

Виктория улыбнулась.

– Думаю, у тебя будет такой шанс. Как продвигается строительство деревни за стенами замка?

– Три сруба уже поставили. Название надо бы дать, – чуть улыбнулся одними губами раб.

– А что тут думать? Свобода. Веска Свобода.

Когда Саника ушел, конт повернулся к дочери:

– И что мне с тобой делать?

– Я все равно сбегу. Не буду жить в этом доме! – выпалила девочка.

– Ты ведь знаешь, что, выйдя замуж за барона, ты стала баронессой. Ты знаешь, кто такие бароны? – Виктория пыталась говорить спокойно, но в груди потихоньку начинало расти раздражение.

Девочка неуверенно кивнула:

– Мне ксен рассказывал. Тот, что обряд проводил.

– Твой муж умер, и теперь ты вдова. Подумай, ты станешь жить в замке, тебе не придется работать в поле и по дому. У тебя будут слуги, учителя, а когда вырастешь, сможешь найти себе достойного богатого жениха. Разве тебе не хочется иметь украшения, красивые платья, собственного коня, брата?

– У меня есть брат! – выкрикнула девочка. – И мама, и папа! Они меня любят и ждут! А тебя я ненавижу! – Она вдруг опустила на колени и заплакала. – Отпусти меня, хозяин, Ирием умоляю!

Виктория смотрела на рыдающую девочку и понимала, что не сможет удержать ее в замке. Да и не захочет.

– Светика, пригласи ксена. И принеси золотой для моей дочери.

Брат Турид пришел быстро, вник в проблему и, подумав несколько минут, выдал решение. На один год Василия возвратится к матери. Весь этот год она будет обучаться у местного ксена грамоте, а на праздники приезжать в Кровь. Через год станет ясно, как девочке жить дальше. Еще полчаса потребовалось на составление письма Слушающему, и через рыску счастливую Дашку с мешком, в котором лежали нарядные платья и обувь, двое воинов под осуждающие и непонимающие взгляды слуг повезли домой. Виктория вздохнула с облегчением и зареклась разыскивать дочерей.

– Через день назад привезут, побоятся, что через год вы ее не захотите забрать, – буркнул Рэй, догрызая морковку. Они стояли на замковой стене и смотрели вслед всадникам. – Ее мать как узнала, что вы девчонку признали, от счастья три свечи Ирию поставила.

– Откуда знаешь? – поинтересовался конт.

– Слушающий в донесении написал. Они теперь раз в десятидневку доклады шлют о делах в весках. Пишут нашему ксену, а он уже мне дает читать.

– Это хорошо, – кивнул конт, задумчиво глядя вдаль. – Но будем надеяться, что золото, которое я ей дал, примирит ее мать с действительностью.

Иверт и Рэй скептически переглянулись.

– Бешеный Алан, помнится, хотел женить Тура на своей дочери, – усмехнулся Иверт, весело косясь на секретаря.

Дарен и Тур, перегнувшись через парапет, пытались что-то высмотреть внизу.

– Вот еще! Тура женить на этой плаксе! – возмутился Дарен, поворачиваясь к игушу. – И вообще, Тур обещал, что он женится на дочке папы и Зиры!

Сначала Виктория не поняла, отчего все замолчали и уставились наонта с различной степенью заинтересованности. Дарен с надеждой, Тур чуть испуганно, Рэй напряженно, а Иверт весело.

– Что?

– Папа, брат Искореняющий сказал мне, что Зира носит твоего ребенка, – тоном «папа, ты тупой» сообщил Дарен, бросая на землю камешек и не замечая, что все смотрят на него. – А Тур сказал, что если это будет девочка, то он на ней женится! – пояснил он. – Ты ведь разрешишь?

Все дружно перевели взгляды наонта. А Виктория вдруг поняла, что ноги ее не держат. Она медленно села на камень. Зира беременна. Но как такое может быть? Они ведь всего один раз. И почему она ничего не сказала? Даже не намекнула? Пришла, просидела с Аланом всю ночь и даже не сказала! Почему? Не хочет, чтобы конт знал? Боится, что он заберет ребенка? Не уверена, что он обрадуется? Но разве Алан давал повод так о себе думать? Или просто не хочет навязываться? И конт ей не нужен, а нужен лишь его ребенок? Почему-то последняя мысль вызвала горькую обиду.

– Кир Алан? – Рэй смотрел с тревогой.

– Иверт, это правда? – требовательно спросил конт, пристально глядя в глаза игуша. В такие же зеленые глаза, как и у его сестры. Горец кивнул. – Но почему она мне не сказала? – Голосонта прозвучал слегка обиженно.

Иверт присел напротив и, протянув руку, вытащил из-за пазухионта Валлида серебряную ласку.

- Бешеный Алан, сестра дала тебе свой знак. А это означает, что она назвала тебя отцом своего ребенка. Она все тебе сказала, но ты не понял.

- А у тебя три разных зверушки, - наябедничал Дарен. - Я видел, когда ты пришел в веску.

- Эй, их уже нет, - пожал плечами горец, поднимаясь и отходя в сторону. - Я вернул их женщинам, когда они решили взять себе мужей. Теперь мои дети других называют папой.

- А тебя это не задевает? - с любопытством поинтересовался Рэй, вытаскивая из-за пазухи очередную морковь.

- Я не готов заводить семью, - весело оскалился Иверт. - Я вольный ветер. Но в трех племенах я посеял свое семя, - гордо добавил он.

Сеятель, елки-моталки! Виктория прислушалась к себе. Слова телохранителя не вызвали в ее душе ревности. А вот известие о беременности Зиры шокировало. В голове никак не укладывалось, что она будет папой. Папой! У нее будет ребенок, но этого ребенка выносит не она, а другая женщина. Бред какой-то!

- Оставьте меня.

Черт! Папа! Она повторила слово вслух, покатила его на языке. Вспомнила, как муж радостно подхватил ее на руки, когда узнал о первой беременности. Нахлынули другие воспоминания. Утренний токсикоз, сентиментальность, плаксивость и первый удар ребенка. Живот, мешающий наклониться, муж, нежно целующий выпирающие в самых неожиданных местах пятки, локти, коленки малыша. Усталость и счастье, когда на грудь положили маленький розовый комочек...

...И горький стыд за свое поведение во время последней встречи с Зирой. Что она подумала о конте? Захочет ли такого отца ребенку? Им нужно поговорить. Обязательно поговорить. Как она видит будущее? Сможет ли жить здесь, в Крови, вдали от своего племени? Нужно разобраться в своих чувствах. Сейчас Виктория была растеряна, но, когда она представляла маленького зеленоглазого малыша, похожего на Иверта, у нее теплело на сердце и в душе разливалась нежность. Она видела этого ребенка в своих мыслях, держала его на руках и уже любила. Возможно, конт Алан сумеет полюбить женщину с такими знакомыми и родными зелеными глазами? А если не сумеет, то все равно попытается быть ей другом или мужем, как она решит. Ради их малыша.

- Бешеный Алан, - горец подошел неслышно. - Здесь холодный ветер. Друида велела тебе идти в дом. Рана может воспалиться.

Алан повернулся к игушу и широко улыбнулся.

- Иверт, знаешь, я счастлив.

Горец подошел к конту и крепко его обнял, прижав к себе.

- Я знаю, - тихо сказал он. - Я рад за тебя, Бешеный Алан. Твое сердце кровоточит, но ребенок сможет его вылечить. - Он отстранился, не убирая с плеч конта рук, и грустно добавил: - А я нет.

Она все поняла и словно услышала, как с громким звоном разлетаются осколки нелепых, ненужных, наивных мечтаний. Та малость, что еще оставалась в ее душе, поддерживая крохи надежды на счастье.

Со стены они спускались в полном молчании. Внизу их ждал брат Турид, возле которого маячила долговязая фигура в сером балахоне. Ксен сделал решительный шаг к конту, но Иверт загородил ему дорогу, выставив вперед руку.

- Эй, стой! Кир Алан плохо себя чувствует. Все вопросы будут решаться завтра.

Виктория была ему за это благодарна. Она никого не хотела видеть. Никого.

Придя в комнату, не раздеваясь, бросилась ничком на кровать и, зажав зубами угол

подушки, беззвучно разрыдалась. Она еще не знала, что это последние слезы печали, пролитые Викторией Викторовной Вавиловой, и больше никогда глаза конта Алана Валлида не наполнятся горестными слезами.

Проснулся конт через несколько часов от тихого шума, доносящегося с улицы. Небо было по-ночному темным и чистым. Слышались вскрики, топот ног, зычный голос Райки, раздающей указания. Алан выглянул за дверь.

– Что происходит?

– Смена патруля и рабыня рожает, – отпартовал воин, несший вахту в коридоре.

Спать не хотелось, в голове роились непрошенные воспоминания. Теперь ей была понятна сдержанность и отстраненность Иверта, его безликость и молчаливость. Игуш знал, знал и давал Алану шанс перебороть свою пагубную страсть. Находиться наедине со своей памятью было невыносимо, и она решила прогуляться. Тренироваться еще не пришло время, но просто пройтись по улице, подышать воздухом, упорядочить мысли – показалось неплохой идеей.

Когда к ней присоединился Иверт, она даже не заметила. Горец, широко зевая, просто возник за спиной, и все.

– Ты что, собираешься постоянно таскаться за мной? – недовольно пробурчал Алан.

– Я твой телохранитель, – просто ответил Иверт и опять зевнул.

«Идиот», – беззлобно подумала Виктория, направляясь в сторону кухни. Райка гроыхала ведрами, вокруг нее суетились несколько женщин. Они рвали на полосы ткань, наливали теплую воду в ведра, которую тут же уносили двое подростков в рабской одежде.

– Что у вас здесь за суматоха? – поинтересовался Алан, вызвав своим появлением изрядный переполох.

Райка откинула со лба прядь волос.

– Рабыня никак разродиться не может. Ребенок боком идет, – вздохнула она. – Друида уже несколько рысок возится с нею. Видать, помрет девка.

– А где они?

Что-то в душе щелкнуло и заболело. Виктория живо представила боль, усталость и безнадежную обреченность молодой женщины. Слишком хорошо помнила ее женская суть эти ощущения.

Друиду они нашли в бараке, в закутке, отгороженном одеялами. Она склонилась над стонущей женщиной и не сразу увидела вошедшего конта.

– Что скажешь? – тихо спросил Алан, бросая быстрый взгляд на окровавленное полотенце, валяющееся в углу.

– На все воля Ирия, – устало произнесла ворожея. – Я пробовала развернуть ребенка, но ничего не вышло. Беда.

– А если подрезать?

– Не пройдет. Плохо лежит.

Рабыня застонала, по ее щекам текли слезы. Совсем молоденькая. Измученная, с прокушенными до крови, покрытыми коркой губами, горящими щеками и безнадежным взглядом. Виктория представила на ее месте Зиру и поняла, что если ничего сейчас не предпримет, то никогда себе этого не простит.

– Больше света. Много воды. Чистые тряпки. Одеяла, – холодная решимость заполнила разум. Как же это страшно, бояться за того, кто тебе дорог. – Иверт, мне нужен острый

нож. Очень острый нож. Прокали его на огне. Ворожея, приготовь иглы, чтобы накладывать швы, но вместо нитей вставь жилы. Я видел, у тебя есть такие. Только вымочи их в кипящей воде или в крепком вине. И дай девчонке что-нибудь дурманящее.

– Я помогу, – раздался спокойный голос Иверта за спиной.

Друида внимательно посмотрела на конта, но ничего не сказала и через минуту уверенным голосом раздавала указания. Алан присел возле несчастной роженицы.

– Я не уверен, что вы с ребенком останетесь живы, но мы попробуем спасти тебя, – глядя в заплаканные глаза, твердо и честно произнес он. – Я разрежу живот и достану младенца. Потом мы зашьем разрез, и через десятицу ты сможешь ходить. Но рожать больше не сможешь. Ты меня понимаешь? – Женщина кивнула. – Так у тебя есть шанс выжить, если мы этого не сделаем, шанса не будет.

– Не бойся, красавица. В наших селениях так часто делают, и почти всегда получается, – весело произнес Иверт, и в глазах рабыни мелькнула надежда.

Они вышли на улицу, чтобы вымыть руки и повязать на головы косынки. Не хватало еще, чтобы в животе у женщины остались волосы. Их встретил хмурый Саника с полотенцем в руках.

– Хозяин, если что-то понадобится, крикните. Мы все здесь.

Конт кивнул и повернулся к горцу.

– У вас делают такие операции женщинам? – поинтересовался он.

– Лошадям, – улыбнулся игуш. – Но какая разница?

Действительно, какая разница. Честно говоря, Виктория не верила в успешный исход этой авантюры. Все ее знания о кесаревом сечении были почерпнуты из статей в толстом медицинском справочнике, который она изучила, когда ее средний сын вдруг решил обмотать вокруг ножки пуповину и ей предложили операцию. Но не попробовать она не могла. Если есть хоть один шанс, его нужно использовать.

Друида напоила женщину какой-то настойкой, и та находилась в полузабытии, но все равно ее крепко привязали к скамье, и Алан взял в руки нож. Ворожея быстро помыла живот роженицы мыльным раствором, затем протерла тряпкой, смоченной в медовой воде. Самое страшное – поранить ребенка. «Господи, помоги!» – Конт размахисто перекрестился, провел ножом по натянутому животу и едва не отскочил испуганно, когда кожа разошлась, словно лопнула шкурка у перезревшего плода, открывая брюшные мышцы.

– Сейчас, – пробормотал Иверт и полез руками в живот. – Сейчас раздвину.

Он с трудом развел в стороны мышцы, и друида тут же указала пальцем в то место, где, по ее мнению, нужно было сделать разрез. Алан осторожно проткнул матку, хлынула мутная жидкость с очень неприятным запахом. Друида чуть отодвинула конта в сторону и, крикнув что-то Иверту на языке горцев, расширила пальцами разрез, Алан помог, а ворожея уже доставала ребенка.

– Место достань! – гаркнула она конту, переворачивая младенца вниз головой и оглушительно шлепая его по спине. – Эй, кто-нибудь, перевяжите пуповину!

– Райка! – заорал в ответ конт, с ужасом представляя, что придется засунуть руки внутрь этого. – Забери ребенка! Ворожея, сама доставай! И готовь нити! Иверт, мать твою, что дальше делать надо?

Травница, избавившись от ребенка, споро вытащила из женщины что-то окровавленное и несимпатичное, и Виктория вдруг ощутила тошноту. Блин! Со стороны все это выглядело жутко. Нет, когда станет рожать Зира, все произойдет не так! Все произойдет, как в индийском кино. Красиво, быстро, нежно и чисто! Главное, чтобы у матери не было никаких осложнений.

– Теперь надо убрать кровь и зашить. – Иверт побледнел, по скулам тек пот, и он

постоянно вытирал его плечом. – Сначала зашить дырку, потом живот. Что-то мне нехорошо.

– Не вздумай упасть! – крикнул Алан, понимающий, что и сам с удовольствием рухнул бы в обморок. – Друида, главное не занести инфекцию. Ну грязь чтобы в рану не попала.

– Без тебя знаю, – пробурчала женщина, промокнула рану чистыми тряпками и тут же отбросила их на пол. – У меня есть чем обработать. Держи края. Ураган, убери кровь!

Ох, резать было не так страшно, как придерживать края разреза. Пока ворожея быстро и аккуратно зашивала матку, Виктория прислушивалась, но детского плача слышно не было. Они даже не посмотрели, кто это – мальчик или девочка. Роженица вскрикнула и дернулась. Иверт тут же навалился окровавленными руками ей на плечи, не давая пошевелиться.

– Терпи, красавица, терпи. Немного осталось, – шептал он, старательно отворачиваясь от живота женщины. – Слушай, отчего так, столько раз видел выпущенные кишки во время боя, и меня ни разу не мучило, а тут едва сдерживаюсь, чтобы не стошнило? – жалким голосом спросил он конта. – У лошадей все не так страшно.

Виктория только хмыкнула. Что бы ты запел, если бы тебе самому пришлось рожать? Мужик! И тут раздался плач ребенка. Словно тяжелую плиту сняли с плеч. По крайней мере одного они спасли.

– Мальчик! – закричала с улицы Райка, и ей ответили дружными возгласами. – Беленький и синеглазый!

Фу! Хорошо, что не черненький и темноглазый!

– Слышишь, женщина, ты сына родила, – повернулся к роженице Иверт. – Воина.

Через полпрыски они сидели в холодной моечной и тупо пили кислое вино, по очереди передавая друг другу кувшин. У Виктории начался отходняк, руки тряслись так, что трудно было донести кувшин до рта. Она скосилась на Иверта и заметила, что игуша тоже бьет озноб.

– Знаешь, Бешеный Алан, я рад, что родился мужчиной.

Виктория внимательно посмотрела на горца, а затем перевела взгляд на небо, едва виднеющееся в маленьком окошке. Где-то там, среди миллиардов звезд, светило солнце и летела сквозь космос небольшая голубая планета. На той планете жили ее сыновья. А где-то рядом, за перевалом, сейчас спала женщина, которая, быть может, спасет Алана от одиночества. Сегодня ночью Виктория поняла, о чем говорил Ирий. Об окончательном выборе. И это был не выбор пола, она никогда не забудет, что была женщиной, никогда не забудет своих сыновей, мужа, прошлую жизнь. Но она выбрала жизнь здесь, в этом мире. Она выбрала своего еще не родившегося ребенка, который положит начало ее роду, она выбрала ответственность за него и его мать. За своих людей, за свою страну, за свой мир. И если ради этого ей придется стать мужчиной, она им станет!

– Дяденьки-и-и, – раздался тихий голосок Светики.

Иверт с контом переглянулись и заржали в два голоса. Они смеялись и не могли остановиться. Банальная истерика, но кто же в этом признается?

– Дяденька-а-а, – хохотал Иверт, хлопая конта по колену. – Бешеный Алан, когда тебя перестали называть мальчиком и начали называть дяденькой?

– Ой! – В дверях возникла пунцовая Светика. – Я думала, здесь воины, что с караула сменились. Тетка Райка сказала позвать их снестать. – Она еще больше смутилась, увидев, что мужчины сидят в предбаннике в чем мать родила.

– Красавица, принеси нам одежду, а то мы немного запачкались, – похрюкивая от смеха, попросил Иверт. – Я есть не хочу. Я бы поспал. А ты как? – Он обратился к конту.

Только сейчас Виктория поняла, что жутко устала, ныла рана на плече, а в глаза словно песка насыпали. До рассвета еще оставалось несколько рысок, можно было подремать.

– Мне принеси пирожков в комнату. А одежду не нужно.

Она накрутила на бедра полотенце, сунула ноги в сапоги и побрела к себе. Иверт, глядя на это, тоже плюнул на условности. Кто их посреди ночи увидит? Воины? Так они для себя ничего нового не найдут.

– Ой, матулечка, – Светика прижала к губам ладошки, с состраданием и болью глядя на свежие шрамы на теле конта, – я сейчас все принесу.

Девушка побежала на кухню, а мужчины направились к лестнице.

– Иверт, хочу, чтобы ты набрал десяток шустрых парней и начал обучать их воевать в горах. Посмотри егерей. Среди них есть толковые мужики. Только старых не бери.

– Зачем?

– Мне нужна разведка и диверсанты, – видя непонимание на лице игуша, Алан пояснил: – Диверсанты – это те, кто может незаметно прийти, нагадить и так же незаметно уйти.

– Мне нравится. Мы так воюем, – растянул губы в улыбке игуш. – Скоро начнется сезон дождей, и Ястреб попробует тебе отомстить. Ты отобрал у него добычу и сделал посмешищем среди наших вождей.

– Именно. Утром обсудим с Рэем. Спокойной ночи.

Иверт только хмыкнул на это пожелание. Ну да, какая ночь, когда небо уже начало сереть.

Виктория стянула с бедер мокрое полотенце, откинула одеяло и рухнула в постель, совершенно забыв, что приказала Светике принести пирожки.

А вот Светика этого не забыла. Девушка, стараясь не шуметь, поставила поднос на стол и на цыпочках приблизилась к кровати, на которой, разметав по подушке отросшие волосы, безмятежно спал конт Валлид. Она нерешительно прикусила губу и тихонько потянула вниз одеяло, раскрывая мужскую грудь с розовыми пятнами от ожогов, мускулистый живот... Постояла, облизывая губы и борясь с искушением, а затем быстро задула свечу, стянула через голову платье и юркнула под одеяло.

Виктория проснулась оттого, что кто-то целовал шею и ласкал грудь. Женщина в мужском теле отстраненно фиксировала ощущения, отмечая про себя, что ласковые движения очень приятны. Чужие пальцы осторожно погладили молодую кожу на месте ожога, спустились на живот и двинулись ниже. Она почувствовала, как дрожат руки гостьи, когда они нерешительно замерли и вновь заскользили вверх. А еще она ощутила тепло внизу живота и с ужасом поняла, что тело готово к подвигам. Ну и кто у нас здесь такой шустрый? Виктория втянула запах. Не Зира. От нее всегда пахло корицей и лимоном. Может быть, это были другие растения, но для Алана она пахла именно так – корицей и лимоном. Ночная гостья пахла едой. Не самый возбуждающий запах.

– Светика, что ты делаешь в моей кровати? – как можно холоднее поинтересовался конт.

Но девушка вместо ответа прижалась к его губам в чувственном поцелуе. Достаточно умело, нужно сказать. Первым порывом было оттолкнуть Светику, но Виктория сдержалась. Хватит прятаться в раковину, раз она решила жить с этим телом, то нужно понять, как это делать. Она представила себе, как Виктория уходит в темноту, а вместо нее появляется мужчина. Это получилось легко. Алан обнял Светику за талию и резко опрокинул на себя, перехватывая инициативу, не отдаваясь при этом страсти, а прислушиваясь к своим эмоциям. Поцелуй не вызвал отторжения, как случилось раньше. Это было познавательно и необычно, но не возбуждающе, поэтому конт первым разорвал контакт.

– Ты еще девственница?

– Да, – прошептала Светика и вновь попыталась поцеловать мужчину, но он решительно отстранил ее и аккуратно спихнул с кровати.

– Марш к себе! Выходи замуж, раз под юбкой свербит!

Светика пискнула и, быстро натянув платье, выскочила из комнаты. Однако тотчас приоткрыла дверь и просунула внутрь голову.

– Так я же тепереча управляющая, а бабы бают, что управляющая должна спать с хозяином.

– Брысь! – Конт швырнул в дверь сапог.

Черт бы вас побрал, дур озабоченных! Узнает, кто сказал этой святой простоте такую чушь, выдерет как сидорову козу! И что теперь делать? Виктория тихонько завывала, глядя на последствия девичьего присутствия. Выбор был невелик – мучиться болью весь день или заняться рукоблудием. У! И Интернета здесь нет, чтобы хоть как-то облегчить себе задачу! Ну почему, почему она не послушала Ирия и не выбрала жизнь в женском теле? Вспомнилось, как они с подругами хохотали, прочитав в одном из американских женских романов реплику главного героя, обращенную к собственному члену: «Мой гордый мустанг, сейчас мы поскачем с тобой по глубоким тоннелям страсти». Виктория недовольно посмотрела на изображения богов.

– Вам смешно, а нам с мустангом мучиться! Чтоб вас подняло и грохнуло!

Утром конт появился во дворе злой, как ведмедь в период гона. Увидев прячущуюся за спиной Рэя Светику, он решительно направился в их сторону, чтобы немедленно выдать эту сексуально озабоченную замуж! За кого? Да за кого угодно! Кроме Берта и Иверта. Этих жалко. Навстречу Алану стремительно шли два ксена. Вот еще одна головная боль. Новый шпион и соглядатай. Интересно, он женат?

– Всадники! Вижу всадников! Цвета маркиза Раман! С ними морской человек! – проорал дозорный на вышке.

Значит, вернулся корабль, захваченный у заговорщиков.

– Спокойная жизнь закончилась, – раздался сзади голос Рэя.

Конт согласно кивнул и направился к воротам, не забыв напоследок погрозить красной как рак Светике кулаком.

Сзади раздался грохот. Оглянувшись, Виктория увидела гордого Оську, восседающего в маленькой деревянной тележке, запряженной здоровым рыжим кобелем тау. Шут сидел по-турецки, одной рукой придерживал импровизированные вожжи, а второй помахивал тонким прутиком.

– Гей! Расступись, народ, королевский шут идет!

Алан нахмурился.

– И чего это шут стал вдруг королевским? – весело спросил кто-то из воинов.

Виктория заметила, как напряглись плечи у нового ксена. Он склонился к уху брата Турида и что-то зашипел. «Ох, будут проблемы!» – закричала женская интуиция, а мужская логика холодно ответила, что нет человека – нет проблем. Утопить в выгребной яме, и все дела. Виктория тихонько вздохнула. От того, что она твердо решила думать о себе как о мужчине, действовать и мыслить по-мужски не всегда получалось. Сквозь высоко поднятые щиты постоянно прорывалась женская сущность. А может, и не стоит ее изолировать? Может, нужно просто принять себя единым? Как это все сложно!

– Глупый воин! Сразу видно, что ты не держал в руках золота!

С этими словами шут бросил воину золотую монетку. Тот ее ловко поймал.

- И как эта монета делает тебя королевским шутом?

- А ты посмотри, чей портрет там выбит. - Оська самодовольно прищурился.

Воина обступили товарищи, начали заглядывать ему через плечо. Виктория услышала тихий шелест меча, покидающего ножны. Рэй. Рядом встал Иверт с кинжалом в руках. А он откуда знает? И что их так насторожило? Неужели думают, что кто-то кинется на бастарда короля? Но все равно было приятно.

- Точно, наш кир Алан!

- Только стриженный!

- Один в один господин!

- Только тут написано «Айро»!

Все во дворе повернулись к конту. Наступила тишина, Виктория слышала, как жужжат над цветником шмели. Рядом зло сопел Рэй, а Оська умиротворенно щурился на солнце и как никогда походил на довольного рыжего кота. Все чего-то ждали. Каких-то слов, опровержений или, наоборот, доказательств. А, один черт! Тайну все равно уже не скрыть, да она и не собиралась хранить ее вечно. Если придется воевать, люди должны знать, за кого и ради чего. Несколько наемников, которые участвовали в похищении конта, скрылись еще до освободительной операции, да и морякам, и рабам не было приказано молчать. А двойник, как выяснил Алвис, не отличался сдержанностью и не скрывал, кто именно сидит в подвале Линя. Еще десятница - и об этой тайне будут знать все на фронтире. Так почему бы не выказать своим людям доверия? Они его заслужили. Шут прав.

- Я - сын короля Айро. Незаконнорожденный. Но я не король, так что ты, Оська, не королевский шут.

- Ерунда, - безмятежно махнул ручкой коротышка. - Главное, кем ты себя ощущаешь, а не как тебя называют! А я ощущаю себя королевским шутом! А ты можешь ощущать себя хоть трубой дымоходной. - И он показал конту кончик языка. - Эй, служаки, отдавайте монетку! Мне ее еще назад в секретный сундук нести!

Вот проныра! Хотелось бы знать, к какому замку Оська не смог подобрать ключа?

Открылись ворота, въехали десяток воинов. Пока они спешили, расседывали лошадей, пока их командир отчитывался перед Рэем, Иверт ухватил шута за ухо и, оттащив в сторону, зашипел, словно рассерженный тау:

- Эй, ты зачем это сделал?

Виктория стояла рядом и вопросительно смотрела на Оську. Ей тоже была интересна мотивация островитянина. Все же что-то подтолкнуло шута к таким несвоевременным действиям.

- Эй, ухо отпусти, злобный игуш! - заныл Оська, пытаясь лягнуть Иверта короткой ножкой. - Сам дурак! Не понимаешь, что те, кому надо, уже знают о нашем конте всю правду. А свои чем хуже? Теперь воины еще усерднее будут защищать Алана-балана в расчете на награду, когда он станет королем!

- А ты подумал, что многие захотят его предать? - продолжал гневно шипеть Иверт, не выпуская уха из цепких пальцев.

- Говорю же, дурак! Пусть лучше сейчас предадут, чем потом! И вообще! - Оська все же вывернулся и, отбежав в сторону, показал горцу средний палец. Вот гаденыш! Подсмотрел, когда конт рассказывал Рэю, что означает этот жест. - Ты нам здесь зачем? Зачем мы тебя кормим, поим, спать укладываем? Вот и защищай короля, если назвался хранителем его тела. - Шут захихикал. - У твоей сестры скоро принц родится! Ты лучше подумай, как его оберегать будешь!

- А ты откуда знаешь? - нахмурил брови Иверт.

– Подслушал! – даже не подумал соврать Оська. – Но я никому не сказал! А ты сразу драться! – обиженно закончил он и убежал смотреть, что за тюки сгружают рабы под присмотром капитана судна.

А ведь он прав, если кто-нибудь узнает, что Зира носит ребенка от потенциального короля, она окажется в большой опасности. Черт! Алан сжал кулаки и повернулся к Иверту.

– Не переживай, Бешеный Алан, никто не сможет достать Ласку дома. Да и... – Он замялся.

– Иверт, говори!

– Не стоит тебе вообще об этом переживать. Зира не станет претендовать на место твоей жены. Она останется в племени, выйдет замуж и будет счастлива.

Как это выйдет замуж и будет счастлива? И его ребенка будет растить какой-то там горец? Его зеленоглазого малыша отдадут какому-то чужому дядьке? Да никогда Виктория не отказывалась от своих детей! И Алан не откажется! Как такая мысль вообще могла прийти Иверту в голову? Конт с возмущением повернулся к горцу.

– Это она так сказала? – Странно, но голос звучал совершенно спокойно, хотя внутри мужского тела бушевала и рвалась наружу мать.

– У нас так принято. Женщина сама решает, с кем ей остаться, если вождь не против, – пожал плечами Иверт и вдруг, присмотревшись к глазам конта, попятился. – Бешеный Алан! Успокойся! – Он выставил вперед руку. – Успокойся! Сюда идут ксены.

Алан несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоить сердцебиение.

– Что тебя так задело?

– Это мой ребенок! – медленно, по слогам произнес конт. – Никто не смеет отнимать его у меня! Ребенка я не отдам! Так и передай своей сестре!

И точка! А если Зиру что-то не устраивает, то пусть катится ко всем чертям! Хоть замуж, хоть к демону в пасть!

– Тиши, тише. – Иверт медленно помахал ладонями напротив груди конта. – Затянется твоя рана, и мы навестим мой дом. Тогда вы и решите, как жить дальше. Гривастый Волк точно будет рад, а вот Ведмедь придет в ярость. Как бы до войны не дошло, – тихонько буркнул он себе под нос.

К ним подошли ксены. Виктория натянула на лицо маску невозмутимости и слегка кивнула прибывшему представителю Ордена.

– Кир Алан, это брат Эдар из Ордена Искореняющих. Его прислали на мое место, – представил ксена Турид.

Какая прелесть! И какого ... в небольшой храм на фронтире прислали инквизицию?

– Я смотрю, ваш Орден похож на армию. Куда приказали, туда ксен и отправляется служить, – задумчиво проговорил Алан, рассматривая сапоги Искореняющего. Хорошие сапоги. Новые. Блестящие.

– Сними капюшон, ксен. – Иверт вышел немного вперед, стал между контом и Эдаром.

Виктории это очень понравилось, а вот Алан недовольно нахмурился. Странное ощущение, словно душа начала чувствовать по-разному, но мыслить продолжала как единое целое. Или это Виктория нашла маленькую лазейку, чтобы позволять себе небольшой обман? Разделить Алана и Викторию? А что, это может сработать. «Не боишься раздвоения личности? – спросил внутренний голос и сам себе ответил: – Хотя чего тебе бояться? Нельзя стать сумасшедшим, когда ты уже чокнутый!» Виктория про себя хмыкнула, прислушиваясь к мыслям и ощущениям. Они были какими-то новыми, но не вызвали ни малейшего отторжения.

Ксен резко отбросил капюшон. Худое продолговатое лицо, нос идеальной формы, высокий лоб, льняной ежик волос. Ярко-голубой глаз с длинными, загнутыми вверх ресницами под красиво очерченной темной бровью смотрел с вызовом. Один глаз. Левый. Вся правая сторона ото лба до подбородка представляла собой сплошной бугристый шрам от ожога. Он задевал ухо и голову, делая ксена похожим на Фредди Крюгера. Жаль.

– За что тебя к нам сослали?

– А вы считаете, что с таким лицом можно рассчитывать на что-то лучшее? – тихим хриплым голосом произнес ксен, и Виктория поняла, что горло тоже пострадало от огня.

– Где получил ожог?

– Полез в костер вытаскивать девчонку, которая бросилась следом за матерью, – просто ответил ксен и достал из-под сутаны руки. На правой не хватало двух пальцев, она тоже была покрыта шрамами.

Ясно. Ну что же, все они в Крови немного ущербные. Впрочем, чего еще ожидать от судьбы, когда даже владетель представляет непонятно что и никак не может выбрать, на какой он стороне, философски решила про себя Виктория и улыбнулась, протягивая ксену руку.

– Добро пожаловать в команду, брат Эдар. У меня не будет костров, поэтому надеюсь, ты сможешь жить дальше без изменений. Брат Турид ввел тебя в курс дел?

– Мы проехали с инспекцией по вескам, и я познакомился с братьями Слушающими. Они все очень молоды, но рьяно изучают Житие и несут свет в души весчан. Я ознакомился с работой школы и с исследованиями, которые проводили брат Турид и мастер Семон. Признаюсь, я поражен их открытиями. И если вы не станете возражать, с удовольствием продолжу работы, начатые братом. Школа тоже удивила. Знаете, кир Алан, когда меня направили в ваши земли, я ожидал увидеть здесь запустение, забитых рабов, нищету. У вас весьма... нехорошая репутация. – Он криво улыбнулся, но лучше бы он этого не делал. Изуродованная половина лица осталась неподвижной, и улыбка получилась жуткой. – Я приятно удивлен.

– Брат Эдар, мне бы хотелось, чтобы моя репутация в столице оставалась прежней, – с нажимом произнес конт. – Поэтому постарайтесь в своих донесениях не очень меня хвалить.

Ксен не стал отнекиваться и спорить, а лишь согласно склонил голову. А может быть, он и ничего? Может быть, они сработаются? А вот в том, что от девушек у ксена отбоя не будет, Виктория не сомневалась. Уж женскую психологию она знала отлично. Еще помнила. Светика вон уже три раза мимо пробежала, глядя на ксена испуганно и жалостливо. Женщины – они такие, сначала будут побаиваться и жалеть изуродованного парня издали, затем начнут проявлять свою жалость более активно, а там и замечать перестанут его безобразные шрамы. Тем более что не тронутая огнем часть лица была очень симпатичной.

К ним подошла заметно округлившаяся Кусь и потерлась о ноги любимого хозяина.

– Теперь, когда в замке есть еще один ксен, не могли бы мы провести свадебный обряд? – каким-то напряженным голосом произнес Турид, глядя на суку.

– А что за спешка? – удивился конт. – И где Литина? Почему я ее не вижу? С ней все в порядке?

– Она не очень хорошо себя чувствует. – Взывающий вдруг покраснел, но затем решительно поднял голову и с вызовом посмотрел на Алана. – Поэтому я прошу провести обряд незамедлительно!

Оба-на! Слишком много беременных на одного несчастного конт. Нет, это рок какой-то! Или знак свыше? Виктория с усмешкой глянула на Кусь.

– И ты тоже! – Алан повернулся к ксенам. – Тогда давайте проведем обряд завтра.

- Почему не сейчас? – встрепенулся Турид.

- Потому что я хочу, чтобы у Литины был праздник! – отрезал конт и решительно зашагал в покои баронессы, махнув рукой Иверту, чтобы не шел за ним.

Ага, вот прямо срочно и сейчас проведите ему обряд! Впопыхах, без торжества, без музыки, без свадебного торта! Можно подумать, ксен каждый год женится и это для него рядовое событие. Для него оно может быть каким угодно, а для Литины должно стать самым лучшим. Виктория прекрасно помнила свои ощущения в свадебный день. Волнение, предвкушение, надежда, ожидание сказки. И этот сухарь хочет лишить бывшую жену реципиента всего этого? Не так много у них последнее время было поводов для радости, чтобы не воспользоваться этим событием и не повеселиться.

- Доброе утро, Литина! – Виктория стремительно прошла через комнату и распахнула окно, выпуская в помещение теплый воздух, пахнущий выпечкой и травами. – Я пришел тебя поздравить!

Она села на кровать и улыбнулась. Литина выглядела замученной, похудевшей и очень несчастной. Рядом с кроватью стояло ведро, прикрытое крышкой.

- Доброе утро, кир Алан. Простите, что не встретила вас. Я очень переживала, но меня так тошнит, – несчастным голосом произнесла женщина.

- Это утренний токсикоз, – с умным видом заявил конт. – Он пройдет. Пей натошак кислую воду. А теперь быстро поднимайся и одевайся. Нас ждет масса дел. Завтра твоя свадьба, и я хочу, чтобы это была самая лучшая свадьба на фронтире!

Литина растерянно смотрела на конту с неуверенной легкой улыбкой.

- А мне можно вставать?

- Литина! Ты здоровая крепкая женщина, и если хочешь родить такого же крепкого и здорового малыша, тебе нужно двигаться! Не менее двух часов в день ты должна ходить по улице. Забудь о булочках, пирожках и сладостях. Ежедневно съедай по чашке творога, пей молоко, ешь нежирное мясо и много овощей и фруктов. И ходи, ходи, ходи! Ты ведь не хочешь, чтобы случилось несчастье?

- Откуда вы все это знаете? – воскликнула женщина. – А еще говорят, что вы вчера с игушем разрезали рабыне живот и достали живого ребенка! Алан, откуда у вас эти знания?

- О! – прищурился конт, вспоминая все три беременности Виктории. – Просто поверь мне, я очень много знаю о беременных женщинах. Но живот резал Иверт! Я просто рядом постоял! – на всякий случай тут же уточнил он.

С этими словами мужчина чмокнул баронессу в макушку и вышел из комнаты. Литина услышала в коридоре его зычный голос, раздающий приказы, и в очередной раз пожалела, что слишком поздно кир Алан стал таким... таким... привлекательным.

Виктория, раздавая на ходу указания, быстро шла через двор. Во-первых, сказать Райке, чтобы готовила праздничный обед. Во-вторых, отправить детей за цветами, в-третьих...

- Светика, немедленно пошли к кирене Литине горничную, пусть поможет ей одеться и уберет в комнате. И отправь к ней модистку! Скажи, я хочу, чтобы завтра она была в цветах Валлидов. Берг!

- Я здесь, кир Алан. – Слуга бежал от кухни, дожевывая на ходу пирожок.

- Я буду в кабинете. Пригласи ко мне морского капитана и скажи Райке, чтобы подала перекусить. – Дождавшись кивка Берта, конт продолжил: – А затем я хочу переговорить с Рэем, Ивертом и десятником маркиза. И еще, Берг... – Алан на мгновение запнулся. – Надо как-то сообщить твоей сестре, что Нанни больше нет. Напиши письмо, я передам его морем с храмовой почтой. Только лишнего не пиши.

- Чупачурик расстроится, - тихо произнес Берт.

- Кто? - Конт резко повернулся к Берту и ухватил его за рубашку на груди, словно боялся, что парень сбежит. - Как ты сказал?

- Чупачурик, - испуганно повторил слуга. - Я так называл сестру, когда был маленьким.

- Кто еще об этом знает? - Конт отпустил Берта.

- Никто больше, кир Алан, - затряс головой Берт. - Ирием клянусь. - Он осенил себя кругом. - Ваш отец знал, я, Нанни и Чупка. Мне тогда всего три года было!

- Никто этого не должен знать. Никто! Из-за этого Нанни умерла! Ты меня понял, Берт? - В голосе конта зазвучала сталь. Слуга серьезно кивнул.

- Я никому не скажу, господин.

- Завтра после свадьбы возьмешь людей и поедешь откапывать пещеру, которую показал Иверт. Спроси Семона, может быть, он захочет поехать с тобой. И возьми охрану! - последние указания конт давал уже на ходу, стремительно шагая в сторону пристройки.

Так вот что ты хотела сказать, Нанни, на кого намекнуть. Теперь Виктория знала, где нужно искать корону. Осталось лишь решить, а нужна ли она ей? Женщине из другого времени, опальному незаконнорожденному сыну последнего короля.

- Бешеный Алан, я никогда не видел ваших городов. Поэтому в столицу я еду с тобой! - раздался сзади голос Иверта.

- Все знаешь? - не оборачиваясь, спросил конт. - Откуда?

- Подслушал твой разговор с женщиной Нанни, когда возвращались от моего отца, - белозубо улыбнулся Иверт. - А потом услышал твой рассказ лесной женщине.

Это друиде? Как умудрился? И стоит ли ему доверять?

- Я не выдам, верь мне, - серьезно сказал Иверт.

- Думаешь, стоит попытаться?

- Не знаю. Это твой путь. Но мне кажется, ты достоин, Бешеный Алан.

- Спасибо.

Еще бы знать, как этот путь пройти.

- Умеешь ты, конт, всех озадачить, - послышался издали голос ворожеи. Женщина шла к ним, прижимая к груди кувшин, над которым вился парок. - Еще рыску назад Кровь была похожа на сонное царство, а теперь словно растревоженный улей.

- Как наша роженица? - улыбнулся Алан.

- Спит. Я ее травами пою от воспаления кишок. Жар у нее. Если в ближайшие пять дней не помрет, то жить будет. А младенчик здоров. Имя ему дать надо, а то не за кого свечи в храме поставить.

- Пусть Иверт дает, это его идея была «про лошадей», - передразнил конт игуша и передернул плечами, вспомнив их ночное «приключение».

- А я согласен, - не стал кочевряжиться горец. - Веди меня, женщина.

Глядя в спину гордо удаляющегося под ручку с друидой Иверта, Виктория прислушалась к своим эмоциям. Теплое чувство, которое вызывал у нее игуш, никуда не исчезло, просто оно трансформировалось в немного грустное, нежное воспоминание. Как несбывшаяся мечта, которую ты перерос. Где-то в глубине души тихонько, с сожалением вздохнула женщина. Хватит сожалеть о невозможном! Нужно работать! В кабинете ждет капитан судна, который представился просто - Кэп и еще в первую их встречу заявил, что он человек простой, этикету не обучен, и если конту это

не нравится, то пусть другого капитана себе ищет. Конту такая прямота понравилась, и Кэп принял командование над «Шустриком».

– Кир Алан, я тут вам подарок от брата Искореняющего привез. Он сказал, что вы очень любите такие подарки. Что вы их коллек... колицио... калицуни! Пробка в пробой тому, кто придумал это слово! Что вы их собираете, короче!

Кэп протянул конту скрученный в трубочку пергамент и, выглянув в дверь, махнул воинам, стоящим в отдалении. Один из них подхватил на руки закутанный в тряпку небольшой тюк, а конт развернул свиток. Интересно, что брат Алвис придумал на этот раз?

«Сир, я знаю, что вы найдете достойное применение моему подарку».

И этот туда же. Сир! Ладно, если бы это сказал кто-то другой, но такое обращение Длани вызвало разные мысли. На что он намекает? Он что, хочет видеть конт на троне? Или таким образом подталкивает Валлида на опрометчивые поступки и действия? Чтобы потом захлопнуть мышеловку? Все, что касалось Алвиса, вызывало у Виктории настороженность. Так что он там передал?

Воин осторожно положил на топчан сверток и аккуратно снял с него ткань.

Черт! Он что, с ума сошел?!

Короткая стрижка, впалые щеки, заострившийся носик и большие синие глаза в обрамлении густых ресниц.

– Вот, – смущенно ткнул пальцем в... мальчика(?) капитан. – Брат Искореняющий сказал, что у вас уже есть раб-баронет и раб-герцог, а это вам для комплекта. Он... э-э-э... может, выйдем?

Они вышли на улицу.

– Купцы в гарем, значит, везли, – глядя куда-то в сторону, начал рассказ Кэп. – Ну и в порту сняли номера, через стенку с нами. Решили развлечься с рабами, значит, а чтобы товар не портить, – он зло сплюнул, – противоестественным способом, как звери... Да только брат Искореняющий услышал, как кричит кто-то. Ну и... вот. Никогда такого не видел, – понизил голос мужчина. – Глаза у брата стали словно серебряные, он смотрит, а купец берет нож да сам себе рубит! По самые яйца! Шоб его пробкой в пробой! Которую ночь снится, бурю им в глотку! А рабов велел забрать. Трое их было. Двоих он себе оставил. А эту, значит, вам велел передать. Сказал, что вы придумаете, что с нею делать. Благородная вроде она.

Твою мать! Так это девушка!

– И что мне с нею делать?

– Да что хотите, – пожал плечами капитан. – Мы ее напоили настойкой, которую дал ксен. Так она теперь сонная. А то слишком буйная девица. Никакого слада с нею. Брат Искореняющий сказал, вы знаете, что сделать с его подарком. От принцесс не отказываются, буря им по шапкам, – хмыкнул Кэп.

«Ешкин кот! Она еще и принцесса? Да ну! Какая такая принцесса среди рабов? Вот еще не было печали! Алвис, паразит! Надеюсь, ты сейчас икаешь! – И тотчас перед внутренним взором Алана появились смеющиеся глаза Длани. – Нет, надо с этой девчонкой немедленно разобраться, пока ее статус не стал известен всем в Крови».

– Слишком много на сегодня новостей. Конт оказался бастардом короля, да еще получил в подарок принцессу, – раздался ехидный голос Взывающего. – Кир Алан, хотелось бы услышать исповедь вашего «подарка» до моего отъезда.

– Брат Турид, тебе надо к свадьбе готовиться, а не шпионить за мной. – Алан нахмурил брови, но, увидев смех в глазах Взывающего, успокоился.

– Не волнуйтесь, кир Алан, я подошел уточнить, в котором часу вы планируете провести обряд?

Он планирует? Нет, это же смешно! Даже в такой мелочи, как время проведения свадьбы, мужчине нужен конкретный ответ. Виктория всмотрелась в лицо ксена и поняла, что он просто растерян и немного испуган.

- Давай после второго взывания. Это будет как раз перед обедом.

Виктория оглянулась и совершенно не удивилась, заметив крутящегося рядом мальчишку-раба.

- Скажи друиде, что к ней сейчас принесут девушку. Пусть ее осмотрит. И пока запрет во флигеле, и пускай Рэй к новой рабыне охрану приставит.

Мальчишка кивнул и стремглав умчался, а на прощанье сделал кистью знак, словно круг очертил. Моментально из-за угла конюшни вышла девочка с веником и начала неспешно мести дорожку возле храма. Виктория усмехнулась – туровская армия работала все более слаженно и незаметно. Вон, даже знаки для себя придумали. Растут.

Кэп ждал в кабинете, к нему присоединились Рэй в компании молчаливого десятника маркиза Генри, задумчивый Искореняющий Эдар и гневно сопящий Иверт.

- Ты чего такой недовольный? – поинтересовался конт у горца.

- Ваши женщины невыносимы! – темпераментно воскликнул игуш. – Я придумал мальчику десяток имен, но ни одно их не устроило!

- Так ты же предлагал, наверное, «Кроут Огненный Вепрь» или «Хазар Золотой Бык», – вступил в беседу Рэй, хрустя здоровенной морковкой.

- Конечно, – рассерженным котом фыркнул Иверт. – Имена, достойные настоящего воина.

Рэй и моряк переглянулись и совершенно неприлично заржали, глядя на недовольную физиономию горца. Алан, стараясь сдержать смех, выглянул за дверь и, поманив к себе стражника, приказал:

- Скажи друиде, что я велел назвать младенца Адамом. Все.

- Что за имя «Адам»? – спросил с интересом Рэй, и стражник задержался, прислушиваясь к ответу конт, чтобы передать его женщинам, если будут возмущаться.

- Есть предание, что так звали самого первого мужчину в одном сказочном королевстве.

- Хорошее имя для рожденного при помощи разреза живота. И раньше были попытки, но матерей спасти не удавалось, – тихо произнес брат Эдар. – Кир Алан, как вы назовете эту операцию?

- «Ивертово сечение», – не задумываясь, сообщил окружающим конт и про себя подло захихикал, представив, как воин сейчас начнет возмущаться. – Горцы уже давно практикуют такие операции.

- На лошадях, – вставил честный Иверт, блеснув на конту зеленью глаз, но при людях возмущаться не стал или просто не придавал значения словам Алана. – Хотя я слышал, что несколько раз делали и женщинам, когда смерть была неизбежна. Жеребят почти всегда удается спасти. Младенцев тоже. А вот их матерей... – Он вздохнул. – Но есть одна трава, которую мы даем кобылам, когда у них... О, предки! Надо сказать ворожее!

Он вскочил и выбежал из комнаты следом за воином.

- Я бы хотел записать и зарисовать все ваши действия, – так же тихо продолжил брат Эдар. – Мой Учитель интересуется медициной.

- Конечно. Только пригласим горца и друиду. Всю работу делали они, я только нож держал.

Рэй скептически выгнул бровь, Алан в ответ невинно на него посмотрел, заклиная

про себя капитана молчать. В кабинет вошел Берт со стопкой бумаг, не глядя на Искореняющего, он положил бумаги перед контом, а сам встал за стулом хозяина.

- А где Тур? - нахмурился Алан. Он не видел сегодня юного раба.

- Ему нездоровится, - пояснил Берт. - Я его заменяю.

- Утром он очень шустро махал мечом, - пробасил Рэй. - Друида его смотрела?

- Он просто объелся.

Что-то здесь было нечисто. Если бы Тур заболел, Виктория об этом сразу узнала бы. Уж Дар точно не промолчал бы, а она видела сына полрыски назад, и паренек был доволен и весел. Интересно, кто испугал Тура, если он решил не показываться своему страху на глаза? Кэп или новый ксен? Кэпа парень видел, и не похоже, чтобы он заинтересовал Тура, значит, ксен. Виктория решила довериться юному герцогу и расспросить его попозже, наедине. Присутствие нового ксена напрягало, но повода выгнать его она не находила. Придумать ему работу и отправить восвояси?

- Ну что же, приступим. Брат Эдар заменит брата Турида. На нем остаются работа со Слушающими, школа и храм. И никакой самостоятельности! Я не позволяю вершить суд Вадия на моих землях без согласования со мной. Вопросы? - Виктория требовательно посмотрела на ксена, ожидая возмущения или несогласия.

- Меня предупредили в канцелярии Приближенного, что вы повесили одного из братьев и с тех пор весьма недоброжелательно относитесь к нашему Ордену. - В голосе ксена Виктории послышался сарказм. - Думаю, это тоже способствовало моему назначению в Кровь. Мои недруги явно рассчитывают, что мы с вами не сработаемся.

- А есть повод? - Ксен, имеющий недругов среди верхушки инквизиции, вызывал недоверие.

- В нашем Ордене существуют разногласия, но, если вы не будете жечь непокорных на кострах, мы сможем жить мирно, - уклончиво ответил Эдар.

- Кир Алан, можно я скажу? - Рэй вопросительно поднял брови, Алан кивнул. - Господин называет нас «командой», и если ты войдешь в нашу команду, то твоим недругам придется иметь дело не с одним ксеном, а с дружиной верных конту людей. Со всеми нами.

- Потому что хозяин своих не бросает, - серьезно кивнул Кэп. - Он спокойный, как сытая горная гадюка, но в случае опасности жалит без промедления. Клянусь парусами!

Как поэтично. Виктория поймала себя на том, что непроизвольно улыбнулась. Ну приятно же услышать такое о себе! Даже захотелось замурлыкать от удовольствия.

- А еще он прекрасно умеет находить неприятности на свой...

В кабинет зашел Иверт с двумя кувшинами вина, за ним следом пунцовая Светика несла поднос, уставленный тарелками с закусками, последним в комнату просочился мальчишка-раб с кружками. Дождавшись, пока они выйдут, Иверт повернулся к конту:

- Там прибыла толстая женщина и кричит, что ты обязан жениться на ее дочери, потому что так приказал Наместник.

Виктория непонимающе вытупилась на хмурого горца, но по мере того как до нее доходил смысл сказанного Ивертом, она начала закипать. Что? Нет, это уже не смешно! На приеме конт едва смог отбиться от наплыва жаждущих его тела девиц, Алвис подарил принцессу (правда, надо еще выяснить, что там за принцесса), теперь появляется еще одна невеста, а где-то в горном селении Валлида ждет беременная женщина. Беременная, между прочим, его ребенком! И еще не факт, что эта женщина согласится переехать в Кровь... А что, собственно, она хочет от Зиры? Виктория задумалась. Жить с нею как с женой она не готова, а Зира, скорее всего, не захочет оставаться рядом с Контом в роли инкубатора. Как все запутано! Виктория потеряла виски и с тоской посмотрела на ксена:

- Эдар, ты не мог бы?..

Искореняющий все понял, кивнул и неслышно вышел.

- Ты заметил, как он двигается? - задумчиво произнес горец, глядя вслед ксену. - Сразу видно - воин. За ним следят?

Рэй кивнул.

- Так, пока ксена нет, давайте обсудим самые важные вопросы. - Алан пятерней отбросил упавшие на лоб волосы. - Кэп привез наш заказ. Рэй, половину оружия отправь Найку в Роган, остальное припречь.

Алвис честно выполнил свою часть сделки. С его помощью удалось закупить очень неплохие мечи, арбалеты и болты к ним. Еще Кэп привез заготовки для кольчуг, и Виктория распорядилась отправить их в Роган, чтобы бронники Найка приступили к изготовлению тяжелых доспехов. Она приказала сделать защиту двух видов: легкую кожаную, предназначенную для разведчиков, диверсантов и конных, и среднюю - усиленную железными пластинами. Имелся еще третий вариант, по образцу армейских бронежилетов, но, пока он не прошел испытаний, запускать его в производство казалось преждевременным. Это был тяжелый доспех, усиленный не только железом, но и керамическими пластинами, вложенными в кармашки, нашитые на грубую бычью кожу в виде чешуи. Кольчуга получилась тяжелая, так что если пройдет испытания, то ее планировалось использовать только для штурмовых отрядов. А вообще Виктория озадачила кузнеца заказом на рыцарский панцирь. Как жаль, что знания о сплавах и металлах никогда не хранились в ее голове. Сейчас она только и смогла нарисовать то, что ей хотелось бы видеть на своих воинах.

Еще Кэп привез заказ на поставку соли и древесины серебрилиста. Нашлись и желающие покупать жемчуг, но продавать пока было нечего. В общем, Виктория осталась довольна первым рейсом «Шустрика».

- Благодарю вас за службу, - обратился Алан к десятнику маркиза - крепкому седовласому неулыбчивому мужчине. - Передайте киру Генри мою благодарность и приглашение в гости.

- У меня приказ генерала остаться в Крови и усилить гарнизон, а в случае путешествия сопровождать вас в поездке.

Ну что же, это неплохо. Десяток ветеранов в бою стоит отряда новобранцев. Но Виктория постаралась не выказывать свою радость.

- Как мне к тебе обращаться?

- Хват.

- Отлично. Теперь о главном. - Виктория бросила взгляд на Рэя, заранее готовясь выдержать бой. - Через десятницу я, переодевшись простым воином, покину Кровь и отправлюсь на корабле в герцогство Вас'Хантер, а оттуда в столицу Галендаса. Со мной пойдет десяток Хвата. Официально мы будем сопровождать кирену Литину. - Конт поднял руку, призывая Рэя к молчанию, капитан послушался, но сопеть начал очень выразительно. - Не стоит исключать того, что кроме ксенов в Крови есть еще соглядатаи, а мне нельзя покидать свои земли больше чем на три дня. Поэтому подумайте, кто станет изображать больного конта, пока меня не будет.

- Кир Алан! Я вас одного не отпущу!

- Рэй, я не могу оставить Кровь без присмотра. Кроме тебя мне не на кого положиться.

- Иверт присмотрит!

- Эй, я иду с Бешеным Аланом, - спокойно сообщил горец.

- Никто со мной не идет! - отрезал конт. - Развели здесь демократию! Если нужно будет, я вас всех запру по камерам! - хлопнул он по столу ладонью.

- Демо... что? - поинтересовался любопытный Кэп.

- Демократию... это когда решает большинство, а не один.

- Так это же хорошо. Много голов лучше, чем одна, попутным ветром клянусь!

- Вот! - Рэй вскочил на ноги и навис над контом горой мышц. - А ежели на вас нападут? Кто спину прикроет? Да ваши раны еще не зажили!

- Мы сможем защитить кира Алана, - холодно произнес Хват, вставая напротив Рэя. - Или капитан сомневается в выучке моих людей?

Еще немного, и эти двое начнут выяснять с мечами в руках, кто из них сильнее. Не хватало разборок между своими! Виктория про себя выматерилась.

- Рэй, сядь!

Голос прозвучал холодно и властно, и капитан не посмел послушаться.

- Я уйду инкогнито...

- Это как? - опять перебил его Кэп.

- Притворившись другим человеком. Если со мной уйдете и вы, шпионы сразу заподозрят неладное и за нами начнется охота.

Дверь тихонько скрипнула и в щель протиснулся Оська. Не обращая внимания на злой взгляд Иверта, который так и не простил шуту разоблачения Алана, он прошмыгнул к сундуку, сел на него и сложил ручки на коленях. Виктория вопросительно подняла брови.

- Ничего у тебя без меня не выйдет, - заговорщицки округлив глаза, громко зашептал шут. - Для хитрости нужен хитрец!

- А давай я его удавлю! - Иверт, прищурившись, окинул маленькую фигурку Оськи оценивающим взглядом. - На одного дурака станет меньше.

- Алан, скажи ему, что без меня ты не справишься!

- Подслушивал?

- Ага. У окошка, там кустики растут, я в них и сидел, - искренне улыбнулся шут.

Ну вот что с ним делать? Виктория уже давно поняла, что Оська ничего не делает просто так, и за каждой его казалась бы дурацкой выходкой стоит хорошо продуманный хитроумный план, подталкивающий кота к определенным событиям и действиям.

- Говори.

- Тебе нельзя покидать свой замок больше чем на три дня, правильно? - дождавшись кивка, шут продолжил: - А у тебя три замка! И в любом из них ты дома. Скажи всем, что поехал провожать ксениху, а потом с этой, как его... - Оська постучал себя по лбу. - С ревизией! А в Осколке поменяешься местами с воином Хвата. Так десятницу выиграем. А потом ты упадешь в ледяную речку и заболеешь. Будешь кашлять, чихать, и друида запретит ходить к тебе всем, кроме Рэя. Он вон какой здоровый, к нему болячки не пристанут. Спрячем воина в твоей спальне, пока ты не приедешь. Правда замечательный план? Только надо будет башку подменному конту перекрасить, а тебя побрить, чтобы твои черные волосики не мелькали.

- Может, и получится, - задумчиво произнес Рэй, глядя на раздутого от гордости шута с уважением. - Только я с вами, потому что...

- Рэй!

Виктория стукнула кулаком по столу. Зазвенели кружки. От рыка кота Берт испуганно подпрыгнул, а Оська икнул. Виктория сама не ожидала, что получится так громко. Кэп резко отъехал на стуле от стола. Моряк смотрел на кота с восхищением.

- Такого голоса даже у моего бoцмана нет, мертвый штиль мне в вечность! – прошептал он.

- Посажу под замок!

Виктория обвела взглядом свою команду. Рэй баюкал в руках кривую оранжевую морковку и молчал, поглядывая исподлобья, но его взгляд красноречиво говорил, что он не оставит попыток переубедить воспитанника. Хват был серьезен, Оська радостно скалился, сияя голубыми глазищами, Берт смотрел настороженно, а Кэп открыто и с легким восторгом. Иверт спокойно цедил вино, и это показалось странным. Нужно за ним проследить, покорный Иверт был так необычен, что ей вдруг захотелось подойти и ткнуть его пальцем. Виктория захихикала про себя, представив, как это будет выглядеть со стороны.

- Значит, этот план и возьмем за основу, – спокойно произнес конт, кивком приказывая Берту налить всем вина. – За успех этого безнадежного дела!

Глава 3

Что есть любовь горянки гордой?

Мечта, обман, разочарованье?

Иль, может быть, она улада для взора нежного?

Не верь красавице надменной, мой пылкий юноша!

Беги! Обман ее любовь и верность.

Лишь только пепел вместо сердца останется в твоей груди...

Дальше разговор пошел легко, и через рыску Виктория наконец-то отправилась знакомиться со своим «подарком». За ней молчаливой тенью следовал Иверт, и от этого становилось спокойнее. Она так привыкла к его присутствию за эти дни, что ощущала игуша кожей, чутко реагируя даже на малейшее изменение расстояния между ними. Слух и обоняние у нового тела были намного выше, чем когда-то у Виктории.

Встретил их Саника. Раб низко поклонился и взмахом руки показал на комнату, у двери которой застыл воин.

– Как она? – поинтересовался конт.

– Кто? – не понял вопроса раб.

– Девушка, которую охраняет воин.

– Девушка? – Саника явно не понимал, о ком речь. – Какая девушка? Воины принесли от вас парня.

– Ты уверен? – О каком парне может быть речь, когда Кэп ясно сказал, что принцесса и что везли ее в гарем? Ничего не понимаю! – Ты точно знаешь, что это парень? Видел его без штанов?

– Без штанов не видел. Но уверен, что это парень. Такой, как наш Неженка, – скривился Саника. – Противный.

Виктория почувствовала обиду и разочарование. Алвис издевается? Намекает на что-то? Ну погоди... Дай только до тебя добраться, шутник... Сзади захрюкал Иверт, Виктория резко обернулась. Игуш стоял, зажав рот двумя руками и выпучив от смеха глаза. Наконец он не выдержал и захохотал в голос, привалившись к стене.

– Принцесса-а-а! Девственница-а-а! Ха-ха! Красавица-а-а! Что я с нею делать буду? – захлебывался он смехом.

Конт хмуро смотрел на веселящегося Иверта. Он насупился, прикусил губу, а потом заржал следом. Со стороны это действительно выглядело смешно. А еще, пока они заходились смехом, перебрасываясь похабными шуточками по поводу применения принцессы, Виктория вдруг очень четко осознала, что ей всего лишь двадцать четыре года! Всего двадцать четыре! И Иверт был не старше.

– Кстати, сколько тебе лет?

– Двадцать пять скоро будет, гы-ы-ы!

– Хочешь, подарю принцессу?

– Э нет, спасибо! Оставь ее себе! Я недостойн такой чести. Это же принцесса! Как я могу претендовать на подарок брата Искореняющего?

Так, хохоча, они ввалились в комнату «принцессы» и рухнули – один на кровать, а второй на одинокий стул.

– Привет, «подарок»! – только спустя минуту смог произнести конт, с интересом

рассматривая синеглазое чудо. – Что-то ты слишком худой.

– Я бы на тебя посмотрела, если бы тебя неделю кормили одной брюквой, – огрызнулась «принцесса».

– Ты вообще кто? Парень или девушка? – икая, поинтересовался Иверт, протянул руку и стащил с лежащего «подарка» одеяло.

«Подарок» оглушительно завизжал и вцепился в одеяло с другой стороны. Иверт недолго думая откинул одеяло с ног визжащего «оно» на голову, обнажив стройные длинные ноги и явные признаки принадлежности к женскому полу.

– Ух ты! А подарок-то – принцесса!

Парни вновь заржали. Девушка прекратила визжать и, закутавшись в одеяло, забилась в угол кровати, подальше от сумасшедшей парочки.

– Не бойся, – успокоившись, произнес конт, с интересом рассматривая свой «подарочек». – Нам сказали, что ты парень, вот мы и проверили.

– А то мало ли что подсунили нашему конту, – кивнул Иверт, хитро поглядывая на Алана и не спеша раскрывать их инкогнито.

Девушка скептически хмыкнула.

– Просто иногда папе нужно, чтобы с клиентами работал кто-то из своих. А к девушкам отношение сами знаете какое. Вот и приходилось играть роль парня. Хорошо, что фигура позволяет.

– А кто у нас папа? – Иверт оседлал стул и с интересом рассматривал девушку.

– Король теней в герцогстве. Так что можете рассчитывать на награду. Только бы с вашим хозяином договориться.

Виктория оглядела свой костюм. Приличные штаны, чистая черная рубаша, начищенные сапоги, пояс владетеля не виден за широким ремнем, на который крепятся ножны. Иверт одет почти так же. Да уж... Кто тут хозяин, понять сложно. Просто двое воинов-шалопаяв пришли поглазеть на нового раба. Рабыню...

– А король теней – это, как я понимаю, неофициальный титул главы воров и убийц?

– Почему сразу воров и убийц? – скривился «подарок», поправляя подушку и усаживаясь поудобнее. – Контрабандисты, наемники, нищие... Все те, кто не любит платить лишние налоги и нуждается в защите от стражи. – Она хитро улыбнулась.

– И как ты оказалась на пути в гарем с таким папочкой? – нахмурилась Виктория и начала подозревать Алвиса в очередной интриге.

– Он меня замуж решил отдать. – Девушка недовольно шмыгнула носом. – Я и сбежала. Ну и попала в стражу, а купцы меня выкупили. Да все так быстро провернули, что я не успела отцу весточку отправить. В общем, дура я, – самокритично закончила пленница. – Ладно, а ваш старик тоже мальчиков любит? Меня же в гарем как парня везли, – она захихикала. – Даже не удосужились проверить, пока насиловать не собрались. Вы бы видели их рожи!

– Наш старик любит мальчиков? – обратился Иверт к конту, округлив глаза, в которых плясали зеленые чертики.

«Наш старик любил лишь одного мальчика, но тот не ответил ему взаимностью», – с легкой печалью подумала Виктория, любуясь резкими чертами горца.

– Наш старик никого не любит, – грустно произнес вслух Алан. – Но очень хочет полюбить.

Настроение упало.

- Ладно, ты пока лечись. Кстати, как тебя звать, «подарок»?

- «Подарок» мне тоже нравится, - улыбнулась девушка. - Но можешь звать меня Мая.

- Пчелка Майя, - произнес конт странную фразу и направился к двери. - Отдыхай. Старик потом решит, что с тобой делать. Но, скорее всего, вернет тебя отцу в целости и сохранности, принцесса, - все же не выдержал он и хохотнул.

Дверь распахнулась и в комнату ворвалась полная женщина, волоча за руку девушку лет шестнадцати. Пока дверь не захлопнулась, Виктория успела увидеть, как незнакомые ей воины приставили меч к горлу стражника. Что происходит? Иверт тоже это заметил. Он моментально подобрался и вытащил из ножен яташ.

- Я так и знала! - Женщина выпустила девушку и затрясла перед носом отшатнувшейся Виктории листом бумаги. - Вот! Приказ регента! За его подписью! Вы обязаны жениться на моей дочери! Я, виконтесса Миринда, требую выполнения приказа!

Виктория отступила на шаг, чтобы не угодить под брызги, вылетающие у дамы изо рта. Судя по ее поведению, дама была чокнутой. А как все хорошо начиналось! Виктория Викторовна Вавилова впервые в этом теле почувствовала себя не пятидесятилетней женщиной, а веселым молодым мужчиной. И нате вам! Получите и распишитесь! Холодная злость поднялась откуда-то из желудка, Виктория сделала шаг вперед, медленно подняла стул и, прицелившись, с силой опустила его на голову визжащей тетке.

- Правильно! - воскликнула Мая. - И вторую прибай! Терпеть не могу дур!

Однако вторую прибавать не пришлось, она открыла рот, чтобы закричать, но вместо этого рухнула у стены.

- Обморок, - со знанием дела сообщила Мая.

Дверь открылась, и в комнату вошли незнакомые воины, вооруженные длинными парными ножами.

- Под кровать! - гаркнул Иверт.

Девушка моментально его послушалась, и Виктория едва не последовала ее примеру, настолько неожиданно властно прозвучал голос горца. Какая умница Мая, решила она, подхватила стул и швырнула его в окно, надеясь таким образом привлечь внимание к происходящему. К ней бросился крепыш, она едва успела отклониться от летящего в лицо ножа и сорвать со стола скатерть, чтобы быстрым движением обмотать левую руку. Парный кинжал отсутствовал, значит, придется воевать одним. Плечо пронзила острая боль. Черт! Только начало заживать! Чтоб вас всех разорвало на куски! Она выхватила кинжал, парируя удары длинного ножа. Куда ты лезешь, придурок! Да с твоим умением вести бой на ножах только в песочнице в перочинные ножики играть. Через несколько секунд в комнату ворвался Рэй, а из троих нападавших живым остался только один. Но и тот был смертельно ранен.

- Сын паршивой овцы, кто тебя послал? - Иверт, не церемонясь, наступил каблуком на пальцы раненого и с силой прокрутил ногу. Мужчина заорал. - Не скажешь, брошу труп свиньям, скажешь, положу на погребальный костер.

- Не надо свиньям. Пусть Вадий меня примет... Это герцог... Герцог заказал убить конта Валлида... Больше ничего не знаю... Виконтесса настоящая. Мы ей служим... из дружины... С ней и пришли... Бабе без воинов нельзя... Это герцог придумал план... У ее дочки распро...

- Сдох, - констатировал Иверт, плюя на труп. - Бросьте его свиньям, - приказал он рабам, выносящим тела.

- Ты же обещал на костер, - раздался голос из-под кровати.

- Когда это горцы говорили правду, а? - удивленно спросил игуш. - Эй, а куда женщин?

- Запри пока в камеру. - Алан сидел на кровати, а друида, тихо шипя сквозь зубы

ругательства, обрабатывала рану на плече настойкой трав. – Комната стала похожа на скотобойню, – печально пробормотал конт в воздух. – А так хорошо все начиналось. «Подарок», принц, который оказался принцессой... Эх, нет в жизни счастья! – Под кроватью тихонько хихикнули. – Рэй, допроси идиотов без меня и отправь домой под охраной.

– А вы, господин?

– А старик устал и хочет спать.

Под кроватью заинтересованно притихли.

– Моя вина, – хмуро сообщил Рэй, когда они шли в донжон. – Я приказал их разоружить. А вот обыскать не приказал. А они ножи в сапогах пронесли.

– Впредь всех воинов оставлять за стенами. Всех без исключения.

Иверт и Рэй отправились в подвал допрашивать женщин, а Виктория поднялась к себе, но по пути заглянула в комнату Тура. Паренек лежал на кровати и смотрел в потолок. Увидев хозяина, он вскочил на ноги и поклонился.

– Турен, что случилось?

– Искогеняющий. Он меня знает. Я видел его у дяди.

– А дядя у нас...

– Нынешний гегцог Вас'Хантег, – тщательно выговаривая слова, с ненавистью закончил Тур.

– Что он там делал?

– Он являлся пгедставителем от Искогеняющих в дядином замке. Только тогда у него еще лицо было цело. Я запомнил, потому что он учил меня зывать к Вадию.

– Хорошо, что ты мне рассказал, – задумчиво произнес Алан. – Что-то слишком много лиц, связанных с герцогом, появилось на горизонте. Ксен, «подарок», виконтесса с невестой...

Раздался стук, и в комнату заглянул мальчишка-раб. Увидев конту, он смутился и, низко поклонившись, спросил:

– Хозяин, можно сказать Туру? – дождавшись кивка Алана, затараторил: – Тур, тама малая заметила на полосе следы! На этой следовой, что наши с утра грабляли. Утром ничего не было, а сейчас след идет в крепость! Точно не наши! Наши тама не ходють!

– Веди, – коротко приказал конт, криво усмехнувшись. Вот и польза от новшества, а то Рэй каждый день бубнит, что только зря людей гоняем.

Следы действительно вели в сторону двора. Но куда именно, проследить было невозможно. Лазутчик спустился со стены, используя дровяной сарай как прикрытие, и исчез между строениями. Пущенные по следу тау только повизгивали и терли носы о шерсть.

– Собери свою команду и прочешите всю Кровь, в каждую щель залезьте. Но ходить по двое! И пусть кто-нибудь следит за колодцем, – приказал конт мальчишке-рабу. – Тур, найди Рэя.

Теперь стали понятны нелепое нападение и прибытие сумасшедшей бабы. Простой, но действенный ход – отвлечь все внимание на шумное событие. А тем временем настоящий убийца тихо проникнет в замок. Вот только никто не удосужился сообщить герцогу, если это был его человек, что в Крови появились кое-какие новшества, пока еще неизвестные в этом мире.

Когда хмурый капитан присоединился к задумчивому конту, у Виктории созрела идея.

– Рэй, всем, кто сегодня дежурит на стенах, розги и по трое суток ареста. За то, что не смотрят вниз. Девочке, которая заметила следы, выдать серебрушку. Мне нужно, чтобы ты нашел нашего шпиона.

– Кого?

– Шпион, лазутчик, разведчик.

– Шпиен... – Рэй покатавал слово на губах. – Как вы такие слова выдумываете, кир Алан?

Конт только усмехнулся.

– Сейчас его ищут дети, но и ты возьми воинов и незаметно прочеши Кровь. Найди, приставь к нему человека и наблюдай.

– Сделаем, – кивнул Рэй и бесшумно исчез. Викторию всегда восторгало это его умение. При всей своей массивности капитан двигался с грацией тигра.

Она направилась к кухне, предупредить Райку, чтобы смотрели в оба, но остановилась возле конюшни, довольно наблюдая за суетой вокруг. По двору носилась босоногая толпа ребятни, со свистом и гиканьем ловя пятерку визжащих поросят, разбегающихся во все стороны.

– Гони их к сараю! Заходи, заходи вбок! Куда?!

Виктория улыбнулась, дети не столько ловили «бекон», сколько разгоняли его в разные стороны, а затем парами кидались каждый за своей жертвой.

– Тетка Райка сказала двоих поймать хозяину на обед! А вы пошто их всех выпустили? – кричал командир босоногого отряда. – Вот уж конт ввалит! Лови их, лови!

Выдумщики. Правильно, так они не вызовут подозрения и смогут заглянуть во все дыры в поисках разбежавшегося «обеда».

– Развлекаешься? – раздался сзади голос Иверта. – Пойдем перекусим, и я тебе расскажу, что узнал.

После того памятного разговора на стене Иверт словно ожил. Он стал многословен, шутил, улыбался, и Виктория со стыдом поняла, что горец догадывался о ее чувствах, точнее, о чувствах Алана, и это делало его более замкнутым и отстраненным. Теперь же он словно вздохнул с облегчением, и каждый день она замечала в нем что-то новое. Небрежность в одежде, привычку сдвигать брови, веселое «эй» при обращении и открытый взгляд. Иверт больше не прятался за сдержанностью и молчаливостью.

Узнали они с Рэем не так чтобы и много. Когда муж виконтессы укатил на охоту, в их замке появился брат Искореняющий, который торжественно вручил хозяйке указ Наместника, предписывающий ей немедленно отправляться в замок Кровь и выдать дочь замуж за конта Алана Валлида. С собой виконтессе было велено взять четырех воинов, которых отобрал лично ксен. Больше перепуганная девочка ничего не знала. А ее мать только кричала, что будет жаловаться лично регенту и Наместнику. Она так надоела Рэю, что тот попросил у друиды снотворное и силой напоил сумасшедшую. В беспамятстве ее погрузили в карету и отправили восояси в сопровождении пятерки воинов. Они должны были доставить виконтессу домой и рассказать ее мужу свою версию произошедшего. Мол, один из ее воинов обманул бедную женщину и втянул в заговор против конта Валлида. А самое смешное, что на грамоте с указом вдруг пропали слова.

– Рэй сказал, что это специальные чернила, – усмехнулся Иверт, заканчивая рассказ. – Они нас хотели отвлечь.

Это было ясно с самого начала.

Остаток дня прошел немного нервно. Все искавшие «шпиена» были напряжены. Алана старались не оставлять без присмотра ни на секунду. Иверт вооружился, словно собирался воевать со всем миром. Рэй прибегал каждые пять минут, чтобы выяснить, а не хочет ли конт поспать? Поест? Пообщаться с девушками? Подняться на башню и там остаться, пока все не закончится? Виктория скрипела зубами, психовала, но молчала, понимая, что капитан заботится в первую очередь о ее безопасности. Когда они сели обедать, наконец-то появился брат Искореняющий. Странно, что только сейчас. Виктория пригласила его за стол и молча продолжила уничтожать суп, давая возможность ксену первым начать разговор.

– Кир Алан, виконтесса привезла мне письмо. Его отправитель явно не рассчитывал, что я о нем вам расскажу, но, мне кажется, вам следует об этом знать, – начал брат Эдар без всякого предисловия.

– Продолжай, – заинтересованно поднял голову от тарелки конт. Послушаем, что ты нам расскажешь, мистер Таинственность.

– Вам говорили, что вы очень привлекательный мужчина?

Что? Этих слов Виктория точно не ожидала. Она откинулась на спинку стула и вылупилась на ксена с нескрываемым удивлением. Алан мужик симпатичный, бесспорно, но скорее брутальный, чем красивый. Рядом хрюкнул Рэй и тихонько захихикал Дарен. Смешно им! «Но ведь ты действительно привлекательный мужчина. Особенно когда смеешься. Я бы в толпе обратила внимание на такого», – возникла в голове мысль, и Виктория представила Алана в узких джинсах и облегающей футболке. Тело у него было великолепное, хотя сейчас не мешало бы набрать пяток килограммов.

– И?

– А то, что я получил заказ на ваш портрет. Знаете от кого?

– От герцога Вас'Хантера, – безразлично пожал плечами Алан. – Вы давно с ним знакомы?

– Давно. Я служил у него в замке, когда он еще был маркизом. Там и получил ожоги.

– Неужели герцог толкнул тебя в огонь? – поинтересовался Иверт, наливая в кубок ксена вино.

– Нет, – сухо ответил Эдар. – Мне интересно, откуда герцог знает, что я теперь служу в Крови?

– У вас в Ордене утечка информации. Меня больше интересует, отчего он решил, что ты выполнишь его просьбу? – внимательно следя за Искореняющим, медленно проговорил Алан.

– Он думает, что у него есть чем меня шантажировать, – усмехнулся ксен. – Он обещал хорошо заплатить и объяснил свой интерес желанием выдать за вас дочь. А портрет ему нужен, чтобы показать девушке.

– Обычно портреты невест присылают жениху, – задумчиво буркнул Рэй, поглядывая на Искореняющего с недоверием. – И что ты собираешься делать, брат Эдар?

– Как решит кир Алан.

– Он просил портрет конта Валлида? Или Алана Валлида? – постукивая пальцами по столу, произнес конт, рассматривая ксена.

– Конта Валлида.

– Ты так хорошо рисуешь?

– Не так хорошо, как раньше. Все же отсутствие глаза и нескольких пальцев не способствует росту таланта.

– Отлично. Пусть Неженка нарисует Берта, но с темными волосами и глазами.

Рэй одобрительно хмыкнул, но не стал ничего говорить, за что Алан был ему благодарен. Рано пока.

– Чего еще хотел от тебя герцог?

– Больше ничего.

Ну что же, поверим на слово, но слежку пока снимать не будем. Интересно, герцог хочет убедиться в подлинности наследника или в том, что храмовники не водят его за нос?

После обеда Виктория плюнула на неизвестного гостя, на ксена и герцога с их интригами и занялась приготовлениями к свадьбе. На сердце было беспокойно, лазутчика не нашли, и это всех немного нервировало. Зато вечером, когда с поля вернулись рабы, появились первые новости. Принес их Саника.

– Хозяин, у меня новый раб появился.

– Ты сам его купил? – Алан, увлеченно обсуждавший с Райкой и Рэем детали церемонии, не сразу понял, о чем речь.

– Нет, – усмехнулся раб. – Он перед ужином обнаружился в бараке в самом дальнем углу. Сказал, что его перевели из Рогана и что он помогал сегодня пасти коров, а теперь главный пастух отправил его в Кровь.

– У нас стадо выгоняют на несколько дней. Там на лугу и доят, и в бочки молоко сливают, и заквашивают. Пастухи меняются раз в трехдневку, – пояснила Райка.

– Вот и думаю, не наш ли это лазутчик притворился новым рабом? – кивнул Саника.

– Он, как есть он! – довольно потер руки Рэй. – В пыточную?

– Ни в коем разе! Саника, сделай вид, что поверил, да приставь к нему кого-то половчее. Чтобы глаз не спускали. Обо всем докладывать будешь мне.

– Знаешь, в чем проблема герцога? – спросил Иверт у капитана, когда Саника ушел. – Он судит о Бешеном Алане как о других. Он ищет мышь и не видит орла.

Виктория только усмехнулась, широко зевая. Спать хотелось жутко, ныла рана на плече, гудела голова, в глазах мелькали мушки, а еще слегка болела диафрагма, но это не самое страшное. Это приятная боль, последствие их с Ивертом хохота. Просто тело забыло, как это – смеяться, и теперь реагировало.

– Я спать. Иверт, ты со мной?

– Лучше возьмите «подарок» Длани, – посоветовал Рэй. – С ним вы быстрее заснете, чем с этим горцем.

Капитан и Иверт заржали. Солдафоны! И шуточки у них солдафонские! Виктория задумалась, может, возмутиться или обидеться, но затем решила, что это будет совершенно не по-мужски, и только покрутила пальцем у виска, едва сдержавшись, чтобы не показать мужчинам язык.

Она вышла на улицу и втянула в себя прохладный воздух. Скоро наступят холода, а там и снег выпадет. Не забыть бы узнать у мастеров, что прикупить к зиме. И вернуться в Кровь нужно до снегопадов.

– Кир Алан.

Эдар неслышно возник из тьмы и остановился в густой тени. Умеют они здесь двигаться бесшумно. Виктория же сколько ни тренировалась, а все равно в этом теле ходила как медведь.

– В последние годы среди ксенов возникли разногласия. Часть считает, что Храм стал слишком мягок со своими врагами, что троевластие не оправдывает себя, что Наместник и Приближенные далеки от простых служителей. Слишком разнится жизнь скромного

ксена на фронтире и ксена, служащего при дворе аристократа. В Храме давно пора провести чистку. Я был среди тех, кто поддерживал эти взгляды. Нам казалось, что если мы сменим нынешнюю династию и старого Наместника, то все изменится. Кандидатом на трон выбрали герцога Вас'Хантера. Но он отказался. Он остался верен Наместнику и договору о дружбе. Тогда мы предложили трон его брату и поддержали его в войне. Как вы знаете, сейчас в герцогстве новый хозяин. Но то, что я увидел после того, как он вошел в город, повергло меня в ужас. Я понял, какого монстра мы привели к власти. Костры пылали на каждой улице, кровь лилась рекой, сотни убитых, замученных, изнасилованных. Ненужные жертвы, ненужная жестокость... Тогда мы узнали, как ошиблись, внушив маркизу мысль о Короне Королей. Этот человек зальет страну кровью. При нем в Храме власть возьмут фанатики. Я стоял у истоков переворота и тоже виновен в смертях многих. Именно этим герцог меня шантажирует.

С этими словами он так же тихо исчез, как и появился.

Виктория еще немного постояла на улице, осмысливая услышанное. Странное поведение ксена вызывало у нее недоверие. Прибыть к неизвестному владельцу и сразу выложить ему всю подноготную мог либо дурак, либо уверенный в конте человек, играющий свою собственную игру. Эдар был неизвестной величиной, и как к нему относиться, Виктория пока не решила. Она застыла на месте, прикидывая, с кем можно обсудить поведение ксена, но кроме Алвиса никто на ум не пришел. А Длань был далеко, да и расстались они скорее примирившимися врагами, чем друзьями. Виктория тяжело вздохнула и отправилась к себе. Неслышной тенью за ней скользила Кусь. То, что рассказал ксен, не являлось новостью, но она понимала, каким мужеством нужно обладать, чтобы признаться в таком поступке. Особенно зная, что когда-нибудь эти слова Алан Валлид сможет использовать против того, кто их произнес.

- Хозяин. - Шепот Саники догнал уже на лестнице.

Виктория остановилась, поджидая раба. Кусь слегка зарычала, она не любила Санику и постоянно на него порывивала, впрочем, кусаться не пыталась.

- Я насчет нового раба. Он никуда не лезет, но обо всем выпрашивает. Какой гарнизон, сколько слуг, сколько рабов, как часто вы ездите в Осколок и Роган. Что люди о вас думают. То к одному подсядет, то к другому. И с каждым находит общий язык. И так все незаметно, словно и не интересно ему. Если бы я не знал, что нужно слушать, и не догадался бы.

Виктория хмыкнула. Профи. По меркам этого мира - профи. И явно не простой слуга, раз умеет найти подход к каждому. Значит, не диверсант, а разведчик.

- Тогда сделай вид, что именно такого помощника ты искал, и приблизь его. И расскажи ему следующее...

Сольем немного дезы герцогу...

В комнате конта ждала девушка. Опять. На этот раз - симпатичная молоденькая рабыня. Да сколько можно! Виктории казалось, что в ее спальне уже перебивали все молодки Крови. Светика настойчиво пыталась найти замену Олике. Черт знает что! Вот упорная.

- Возьми второе одеяло и ложись у стенки.

Порадуем Светику, сделаем вид, что на этот раз она угодила. Уже засыпая, Виктория подумала про Зиру и вдруг отчетливо поняла, что скучает по ней, по ее нежным рукам, по ее гладкому телу, по запаху корицы и лимона, по узким ступням с покрашенными красными ноготками, по шелковистым волосам и зеленым глазам. Это было так необычно, что она распахнула глаза и долго лежала, уставившись в темный потолок. Это что же выходит? Когда она думает о Зире, она ощущает себя Аланом. Каждая их встреча, каждое слово, сказанное зеленоглазой горянкой, каждое ее прикосновение воспринимались разумом как должное. Не было отторжения, не было того щемящего чувства неправильности, которое возникало у нее каждый раз, когда она оставалась наедине с женщиной. Зиру тело воспринимало как родную, с нею измученная душа отдыхала. С нею и только с нею Виктория мирилась со своим мужским телом и ни разу

не пожалела, что Зира видит в ней Алана. Отчего так? От того, что она была у обновленного конта первой и единственной? Или оттого, что Виктория видела в девушке Иверта? А может быть, подсознание научилось делить разум на две части – мужскую и женскую? Или наконец-то она приняла это тело?

«А может, потому что ты всегда была бисексуальна, но ввиду воспитания никогда не придавала этому значения?» – прошептал внутренний голос и затих, испугавшись собственных мыслей.

Вопросы, вопросы, и нет на них ответов.

Рядом беззвучно спала девушка, но она совершенно не возбуждала конта. Скорее даже наоборот. Слишком юная, слишком невинная и слишком испуганная. «Е-мое! Да я становлюсь настоящим мужиком!» – была последняя мысль перед тем, как Виктория уснула крепким сном честного человека.

Всю ночь ей снились обнаженные девушки, которые гонялись за контом с сачками, а впереди всех бежала Виктория в защитном комбинезоне и, размахивая деревянным парабеллумом, кричала: «Стой, сволочь! Тебе не уйти от большой и светлой любви!»

Утро выдалось суетное. Литина нервничала, Турид нервничал еще больше и шлялся по Крови, словно недокормленный призрак отца Гамлета. Брат Искореняющий командовал украшением храма, Райка орала на кухарок, Светика носилась со скатертями и серебряной посудой, подавальщики накрывали столы, старшие дети таскали из-за стены букеты, а малыши обрывали лепестки с больших красных цветов и складывали их в маленькие корзинки. Веселая предпраздничная суета.

И наконец настал торжественный момент. Все собрались во дворе, образовав длинный живой коридор от двери донжона до храма. Музыканты заиграли красивую печальную мелодию. Когда Иверт поинтересовался у конта, отчего мелодия такая печальная, услышал в ответ, что это плач по загубленной молодости. Он так и не понял, шутил Бешеный Алан или говорил серьезно.

– Идут, идут! – закричал кто-то из мальчишек.

Из донжона вышла трехлетняя дочка покалеченной рабыни Маричка с корзинкой в руках. Она сосредоточенно и старательно рассыпала под ноги лепестки, следом шли Тур и Дарен, оба в белоснежных рубашках, оба при церемониальных мечях, оба строгие и ужасно важные. Они несли маленькие деревянные шкатулки. Когда Виктория смотрела на них, ее сердце наполнялось гордостью, словно это она выносила, родила и воспитала этих мальчишек. Ну и плевать, что не она! Эти парни – ее! И пусть кто-нибудь только посмеет заявить обратное! Вот еще вернется Ольт, и будет у нее вновь трое сыновей. Хорошо бы Зира родила девочку. Маленькую черноволосую девчушку с зелеными глазами. Похожую на своих мать и дядю. И имя ей она уже придумала. Она назовет ее Виктория. Победительница. В память о... себе. О той себе, которая все еще борется за жизнь в этом мужском теле.

Конт Валлид вел под руку Литину в изумительном голубом платье, расшитом золотом и жемчугами. Замыкали шествие четверо воинов в парадных мундирах. Тоже изобретение Виктории. Непрактично для боя, зато очень эффектно в таких вот торжественных случаях.

Наградой ей были крики восторга и абсолютно глупое лицо жениха. Конт подвел Литину к Туриду и передал из рук в руки.

– Береги ее. И сделай счастливой.

Они вошли в храм и остановились напротив портретов братьев. Новый ксен Крови улыбнулся и начал нараспев читать «Песнь любви».

– ...Пусть Ирий дарует вам друзей, а Вадий избавит от врагов. Именем Отца Небесного называю вас мужем и женой! Да будут все свидетелями! А теперь в знак любви и верности обменяйтесь кольцами.

А вот это было для местных чем-то совершенно новым. Невиданным и неожиданным. Виктория довольно улыбнулась. Ей удалось удивить людей, никогда не слышавших об обычае обмениваться кольцами. Ну не признаваться же, что ностальгия по родине замучила! Тур и Дарен вышли вперед и открыли коробочки с золотыми ободками, символизирующими для одного конец одинокой жизни, а для другой надежду. Самые настоящие обручальные кольца с вырезанными на внутренней стороне словами «Литина + Турид = любовь». И только Вадий знал, сколько это стоило конту и как удивился ювелир, когда Кэп пришел к нему с заказом. Это был подарок Валлида своей бывшей жене, и теперь, глядя на плачущую от счастья Литину, Виктория ни секунды не пожалела о переплавленных золотых монетах, из которых отлили эти невзрачные колечки.

– Целуй жену! – заорал конт.

– Целуй! – подхватили все.

В молодоженов полетели зерно и мелкие голубые цветочки.

Эх, хорошо! Почти как дома. Осталось напиться, устроить мордобой и заснуть в салате.

– Слушай, Бешеный Алан, – наклонился к конту Иверт, когда они уже наорались здравец, пожелали молодым всяческих благ и теперь просто сидели – сытые, умиротворенные, добрые. – А ты уверен, что твой «подарок» – девушка? Ты хорошо рассмотрел? – Он кивнул на стол, за которым сидели рабы.

Мая в мешковатой мужской одежде выглядела стопроцентным парнем. Она сидела рядом со смущенным Неженкой, и он казался более женственным и трепетным, чем она. Перед «подарком» стояла полная тарелка, но девушка, не стесняясь, таскала зажаренные кусочки мяса с тарелки художника.

– Ну я не очень внимательно рассматривал, – признался Алан, пристально следя за Маей и Неженкой. – Просто глянул, что ничего не торчит.

– А вдруг этот «принц» просто зажал их? – не унимался подозрительный игуш.

– Кого «их»? – не поняла Виктория, которая стала мужчиной недавно и еще не знала о таких тонкостях.

– Яйца! – зашипел Иверт. – Знаешь, вот что-то меня сомнения начинают одолевать. Надо бы проверить хорошенько еще раз.

– И кто проверять будет? – прищурился Алан.

Они допивали второй кувшин вина, и настроение из стадии «просто весело» плавно перекатывалось в «чего бы отчебучить».

– Вместе! – твердо заявил игуш. – Чтобы уж точно! Эй, «подарок», иди сюда! – замахал он руками.

Виктория окинула взглядом окружающих и улыбнулась. Все же хорошо, что им удалось вот так собраться всем вместе по приятному поводу. И пусть все сидели согласно иерархии, но все равно она чувствовала полное единение со своими людьми. Рэй увивался за Райкой, и кухарка сегодня была на удивление благосклонна. Тур и Дарен давно уже отпросились и убежали с другими детьми куда-то на стену, смотреть, как солнце будет садиться за горы, чтобы в момент, когда последний луч коснется неба, успеть загадать желание. Литину и Турида с песнями и пошлыми шуточками отправили спать. Брат Искореняющий удалился в храм в компании мастера Семона, прихватив с собой кувшин вина и блюдо с мясом. Шпион сидел рядом с Саникой, и тот постоянно подливал ему в кубок вина из кувшина с синей полоской. Райка предупредила конта, что в эти кувшины налиты крепкие вина.

– Привет, мальчики! – «Подарок» с лукавой улыбкой стояла рядом. – Так ты и правда мой хозяин? – Мая оценивающе осмотрела конта и безапелляционно заявила: – Такой хозяин мне подойдет!

- Эй, ты и наглая, женщина! - восторженно произнес Иверт, подталкивая к ней ногой стул. - А плетей за непочтение?

- Он обещал, что вернет меня отцу в целости и сохранности! - заявила девушка, плюхаясь на стул. - Сам сказал, я за язык не тянула. А раз так, то зачем соблюдать все эти условности? Да, хозяин? - Она перевела на конта чистый взгляд синих глаз. - Но если ты хочешь, я могу притвориться, что жутко тебя боюсь и уважаю.

- А на самом деле не боишься и не уважаешь? - скептически поинтересовалась Виктория, прекрасно видевшая за напускной бравадой напряженную, сжатую, словно пружинка, юную душу.

- Не боюсь, но уважаю. Разбираться в людях меня учили с детства. Ты человек слова, и я верю тебе. - Мая открыто и легко улыбнулась, протягивая конту руку. - Я верю тебе, верь и ты мне.

- Жест настоящего мужчины! - тотчас заявил Иверт и многозначительно подмигнул конту.

Виктория усмехнулась, пожала протянутую ладонь и сразу заметила, как с облегчением вздохнула «принцесса».

- Мальчики, а давайте выпьем?

- А давай! - Иверт с самым заговорщицким видом потянулся к кувшину с синей полоской. - До дна!

«Ох, ешкин кот! Или лучше вспомнить скунса? За что же ты, судьба, меня так не любишь? Это же надо, так накачаться, чтобы не помнить, чем дело закончилось. Фу, какая гадость поселилась во рту? Рассола! Полконства за рассол! Ну почему, если вчера было весело, здорово и очень приятно, то на утро обязательно гадко, противно и очень больно? Кто бы голову повернул набок и глаза открыл. Поднимите мне веки!»

Рядом тихонько застонали мужским голосом.

- Эй, Бешеный Алан, в кувшине вина не осталось? - прохрипел Иверт. - Как вы можете столько пить?

- Мы не можем, - простонал в ответ Алан, свесившись с кровати, он наконец-то смог открыть один глаз.

Да уж... Все вокруг орало о бурно проведенной ночи. Мужская одежда валялась везде. На столе, на полу, на подоконнике, даже на шкафу и в камине. И почему-то штанов было три пары. А вина не было. Совсем не было. Только пустой кувшин сиротливо лежал возле кровати.

- Вина нет! Нет вина!

- Вадий всемогущий, что же вы так орете?

Виктория, придерживая руками голову, медленно повернулась и так же медленно несколько раз моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд.

- Ты что делаешь в моей кровати? - задала она очень умный и уместный вопрос.

- А то, что в твоей кровати лежит горец, одетый лишь в улыбку, тебя не возмущает? - не осталась в долгу Мая. - Ты сам предложил пойти проверить, женщина я или парень. Еще и Хвата звал с собой как гаранта вашей порядочности, - захихикала она и передразнила: - «Я только посмотрю, а трогать руками не буду! Ни-ни!»

- И как, проверили? - Виктория с удовольствием поглядывала на потягивающуюся девушку. И никакого смущения не чувствовала! Это было странно, но приятно.

- Мальчики, вот скажу вам честно, - Мая легла на спину и закинула руки за голову, совершенно не стесняясь своей наготы. Виктория отметила, что грудь у нее все же есть,

но очень маленькая. – Я не помню!

– Я тоже, – по другую сторону от девушки над подушкой приподнялась голова Иверта. – Бешеный Алан, мне кажется, что мы смогли лишь раздеться.

– Угу. Очень быстро и очень качественно. Догола! Хорошо хоть Мая оказалась между нами, – буркнул Алан, глядя на едва сдерживающего смех Иверта. – Нет, ну что ты опять ржешь? Представляешь, если бы мы проснулись в обнимку...

Виктория это прекрасно представила и почувствовала, как краснеют уши. Иверт не выдержал и все же рассмеялся, откинувшись на подушку. Глядя на него, начала хихикать Мая.

– Да ну вас, придурки!

Виктория сползла с ложа и, пошатываясь, поплелась по комнате собирать свои вещи под дружный смех... кого? Кто для нее эти двое? Иверта она давно уже про себя называла другом, а вот Мая? Кем станет для конта «подарок»? Алан натянул штаны и повернулся к притихшей парочке.

– Слушай, Иверт, выходит, мы так и не убедились в том, что она девушка?

Ответом ему был очередной взрыв хохота. Ну и что такого он сказал?

Иверт со смехом стянул с Маи одеяло.

– Девушка! Я очень хорошо все рассмотрел! И даже пощупал!

– Не верь ему, хозяин! Не было такого! Щупал меня ты!

Мая, хохоча, швырнула в горца подушкой и, отобрав одеяло, накрылась с головой.

– Мальчики, шли бы вы заниматься делами, а я еще посплю.

– Бешеный Алан, мне нравится наглость твоей новой рабыни. – Иверт перелез через Маю, ползком добрался до края кровати, поймал штаны, брошенные в него контом, и, натягивая их, продолжил: – Ты рабыня! А рабыня должна работать, а не спать дольше своего хозяина!

– Угу, – сонно произнес девичий голос из-под одеяла. – Кем я только не была: воровкой под прикрытием, торговкой, виконтом, бароном, шлюхой, контессой, даже один раз ксеном. Теперь вот рабыня. Между прочим, я работаю! Грею господину постель, – она громко и вкусно зевнула. – Хозяин, ты ведь не против?

– Спи, рабыня-принцесса, – усмехнулся конт, выходя из комнаты.

Солнце стояло высоко. Черт, давно она так долго не спала. Сейчас бы хорошую физическую нагрузку да баню. Эх, мечты, мечты.

Виктория поднялась на верхнюю площадку донжона, откуда начиналась канатная дорога на скалу. Караульный, увидев конта, вытянулся в струнку и прижал к груди кулак. Алан кивнул воину и ухватился за кожаную петлю, Виктории просто необходимо было подумать, привести мысли и чувства в норму, понять, что делать дальше и как жить.

Любимый камень отдавал в спину легкой прохладой, сверху светило солнце, уже не такое жаркое, как еще месяц назад. Скоро начнутся дожди. Воины не беспокоили конта, лежащего на камне с закрытыми глазами, они знали, что в такие моменты господина лучше не трогать.

– Доброе утро, Виктория, – раздался тихий голос, и на камень опустился синеглазый мужчина в белом костюме.

Виктория приоткрыла глаза, чтобы тотчас их зажмурить.

– Выключи иллюминацию, на тебя смотреть невозможно.

- Ты неисправима. - Ирий улыбнулся и перестал светиться.

- Чем обязан?

- Ты все же решила принять это тело, - грустно констатировал ангел. - Знаешь, мне кажется, что тебе в нем неуютно.

- Тебе только кажется, - произнесла Виктория, закинув руки за голову. - Я к нему привыкаю. Не могу сказать, что мне легко, но знаешь, иногда я с ужасом думаю, что, если бы в прошлой жизни я была мужчиной и меня запихнули в этом мире в тело женщины...

- А в чем разница?

- В свободе. Мужчины могут выбирать.

- Спорное утверждение, - улыбнулся Ирий. - Вот ты выбрала Иверта, и к чему это привело? К безответной любви, к мукам, к нереализованным желаниям. Ты стала несчастной. А будь ты женщиной, у тебя были бы все шансы завоевать гордого игуша.

- Ты не понимаешь, - улыбнулась Виктория. - Я и сейчас могу завоевать Иверта. Я это вижу, чувствую, знаю. Он мой должник, и будь я более напористой, более откровенной, более циничной - он сдался бы. Только мне этого не нужно. Любовь - это не исполнение своих эгоистических прихотей, любовь - это умение жертвовать ради другого человека, это уважение его чувств, это радость от осознания, что он счастлив. Мне достаточно видеть его глаза, достаточно, чтобы он был рядом, достаточно его дружбы.

- Значит, ты не любила его, раз так легко сдалась.

Виктория с сожалением посмотрела на Ирия.

- Мне жаль тебя, ты так ничего и не понял. Так зачем ты пришел?

- А ты любила своего мужа?

К чему этот вопрос?

- Да, я любила своего мужа, - спокойно ответила она.

- Он умер. Сейчас его душа находится у нас, и я мог бы сделать так, чтобы вы были вместе. Вместе переродились в следующей жизни, счастливо ее прожили бы. Если хочешь, я даже сохраню твою память. Тебе нужно просто воспользоваться моим предложением. Ну подумай сама, зачем тебе этот мир? Тебя в нем ничего не держит! Тебя никто не любит, люди погрустят немного и забудут о конте Валлиде, здесь у тебя одни проблемы, враги, и никто не гарантирует, что ты не погибнешь через несколько дней. Но тогда мое предложение уже не будет действовать.

Тварь! Знает, как ударить побольнее. Знает, как она скучает по своим мужчинам. Как иногда мечтает вернуть все, чтобы успеть сказать те важные слова, которые так трудно произносить при жизни, на которые всегда не хватает времени. Все рассчитал. Дождался момента, когда конт оказался на распутье. Когда наступило время окончательного выбора. Сейчас ничего не держит Викторию в этом мире, кроме долга. Любовь к Иверту превратилась в спокойную крепкую дружбу, а другая любовь еще не вспыхнула обжигающим пламенем. Но он не учел того, что она наконец-то смогла преодолеть чувства к игушу, что она приняла Зиру как мать своего ребенка и как женщину, с которой у Алана что-то может получиться, что в ее жизни появилась смешливая и беззаботная Мая, что она узнала, кто скрывается за словом «Чупачурик», у нее появились цель и смысл жизни. А этот светлый голубчик предлагает променять все это на призрачное счастье? Вернуть счастливую жизнь? Жизнь, в которой не будет выбора, потому что выбор за нее сделал Ирий, решив вновь соединить ее душу с душой ее мужа? Видите ли, он сохранит ей память! Чтобы она наверняка помнила и знала, кто захотел поиграть чувствами и мыслями смертных?

- Что я могу для тебя сделать?

- Ты ведь не уберешь из моей памяти воспоминания? - Ирий отрицательно покачал

головой. – Тогда, может быть, подаришь мне какой-нибудь тумблер? Щелк – и я Алан, еще раз щелк – Виктория, – грустно пошутила она, ложась обратно на камень.

– Ты хочешь сохранить два сознания в одном теле? – судя по интонации, эта идея показалась светлему богу не такой уж и плохой. Он даже ехидно усмехнулся. – А это может быть интересно, – пробормотал себе под нос. – Пусть попробует отмотать назад.

– Уйди. Прошу по-хорошему.

Виктории удалось сказать это спокойным холодным голосом. Ирий укоризненно вздохнул и исчез.

Как же больно! Горе накатывало на душу горячими волнами, выжигало рубцы на сердце, сводило спазмами желудок. Сухие глаза нестерпимо жгло, хотелось рыдать в голос, кричать, крушить все вокруг, но слез не было. Это несправедливо! Он не должен был умереть! Только не он! Он был еще так молод! Бедные мальчишки, как же им тяжело, как тяжело. Похоронить мать, а следом отца. Остаться сиротами за несколько месяцев. Сволочь! Неужели ради того, чтобы заставить Викторию уйти из этого мира, Ирий убил ее мужа?

– Как ты могла такое подумать! – раздался в голове возмущенный голос Ирия. – Просто его время пришло.

– Да пошел ты! Я выполню свою часть сделки с Вадием! Выполню, чего бы мне это ни стоило!

– Оська, завтра мы уходим. Ты хотел подготовить моего двойника. Можешь этим заняться.

– Оська уже убежал, Алан-малан! Можешь на него положиться!

– Рэй, пока меня не будет, разбей воинов на группы. Лучники и арбалетчики, легкая конница, легкая пехота, штурмовики, ты знаешь, о ком я говорю, мы не раз это обсуждали. А самых ловких, хитрых, умелых определи в спецназ, это будет элита нашей маленькой армии – диверсанты, разведчики, убийцы. Они должны быть как тени, пришли, нагадили, ушли. Мне нужно, чтобы они ходили по лесу и по горам невидимо и неслышно, чтобы владели всеми видами оружия и рукопашкой. Мордобоем по-твоему. – Рэй усмехнулся. – Их возглавит Иверт, а подготовкой займешься ты лично. Отбери опытных десятников и назначь их старшими в каждой группе, это будут сержанты. Костяк нашей армии. Вот, держи, – Алан протянул капитану кипу бумаг, – я здесь все расписал. Людей в спецназ отбери со всех замков.

– Надо бы названия каждой группе дать, а то длинно выходит, – задумчиво произнес Серый, прибывший сегодня в Кровь с небольшим обозом.

– Сами придумайте, мне некогда.

– Кир Алан, посмотрите, пожалуйста. – Брат Эдар протянул конту лист бумаги.

– Что это?

– Отчет в Орден Искореняющих.

Как интересно. И с чего это вдруг ксен решил расщедриться? В принципе ничего интересного. Вскользь про приезд сумасшедшей виконтессы, несколько слов о планах конта посетить все свои замки с инспекцией, подробно про свадьбу и очень подробно об удачно проведенной местной травницей операции «ивертово сечение». С рисунками, описанием материалов, трав, состояния больной и младенца. И три слова о том, что конт ассистировал ворожее.

– С вашего позволения, я отправлю моему Учителю более подробное описание операции.

Уж куда более?

– Я не возражаю, если это поможет спасти жизни роженицам. – Алан протянул письмо ксену. – Брат Эдар, зачем ты мне его показал?

Единственный глаз ксена смотрел внимательно и с легким вызовом.

– Не буду лгать, что я не преследую никаких целей. Вы прекрасно осведомлены, что ксены обязаны сообщать в канцелярию обо всем интересном, что происходит на вверенной им территории. – Алан кивнул. Он об этом догадывался. Великолепная шпионская сеть. – Я не хочу вам вредить, кир Алан. Привык доверять собственной интуиции, а она говорит, что с вами я смогу достигнуть большего, чем места простого ксена в замке на фронтире. Я поддерживаю вас в борьбе за власть, если вы решите вернуть себе трон. У меня еще остались друзья в столице...

– А взамен...

– Я хочу место Приближенного Ордена Искореняющих, – твердо заявил брат Эдар.

Оба-на! Хм... а нужна ли Алану Валлиду его поддержка? Хотя иметь за спиной отряд умелых и жестоких братьев Искореняющих весьма заманчиво. Вот только... как бы лекарство не оказалось хуже болезни.

– Я пока слишком плохо тебя знаю, чтобы доверять. Давай вернемся к этому разговору позже.

– Я не удивлен вашим ответом, было бы наивно думать, что вы сразу согласитесь. Но я не хочу недомолвок. Меня сослали в Кровь, хотя ничего плохого для Храма я не сделал.

Угу, только хотел сместить нынешнего Наместника. Ксен ушел, а Виктория еще долго хмуро смотрела ему вслед. Играет, чтобы втереться в доверие, или на самом деле искренен? Время покажет.

– Тур, с брата Искореняющего глаз не спускать! Где Берт?

– Отбыл на рассвете раскапывать пещеру, – отрапортовал мальчишка.

– Кир Дарен, пока меня не будет, ты остаешься владельцем Крови. Советуйся с Рэем и Туром, но решения принимай сам. Спрошу с тебя.

Они завтракали в столовой, и Алан давал сыну последние наставления.

– Хорошо, папа. А можно мне с тобой?

– А кто останется присматривать за нашими людьми?

– Я понимаю, но вдруг с тобой случится что-нибудь? – Дарен хмуро ковырял вилкой в тарелке.

– Дар, я постараюсь вернуться как можно скорее. Обними меня, сын.

Сын... какое емкое слово. Как много оно значит для неприкаянной души, пытающейся обрести себя...

– Саника, что наш шпион?

– Сегодня утром исчез. Ушел на прополку со всеми рабами. Отлучился в кусты и исчез. Пацанята видели, как он уходил лесом, у него там лошадь была стреножена на поляне, но вы приказали его не трогать, поэтому мы провели ипустили.

– Ты его снабдил нужными сведениями?

– Все как вы приказали, хозяин.

- Приветствую самого лучшего лекаря фронта! – гаркнул Валлид, подкравшись к ворожее сзади.

- Конт, смерти моей хочешь? Так орать над ухом! – Женщина развернулась и огрела смеющегося Алана деревянной ложкой.

- Прости, не удержался. Ты так сосредоточенно рассматривала эту банку. Бе! Что это за гадость в ней плавает?

- Паук ядовит. Что ты хотел, конт?

- Как роженица?

- Удивительно, но идет на поправку. Никак вам сам Ирий ворожил. Уже встает. Одноглазый ксен меня замучил расспросами, – пробурчала друида, но Виктория уловила в ее голосе гордость.

- Я уезжаю, собери мне, пожалуйста, все, необходимое в путешествии. На все случаи жизни, – многозначительно произнес конт.

- Кэп, отправляйся на корабль. Через день он должен быть готов выйти в море. С тобой едут брат Турид с женой и Мая.

- Иверт, перед отъездом я бы хотел встретиться с твоим отцом. Выезжаем сегодня.

- Эй, ты уверен, что тебе нужен Гривастый Волк?

- Да. Проводишь меня к нему, а сам вернешься в Кровь. И не смотри на меня так хитро! Ладно! Я соскучился по твоей сестре! Доволен?

- Еще как. – Иверт расплылся в широкой улыбке, обнажив белоснежные зубы. – Я буду готов через полрыски. Пойду Хвата предупрежу.

- Райка! Ты сошла с ума? Да я не съем этого за год! – Виктория с возмущением смотрела на пять больших корзин, заполненных свертками, горшками, чугунками и мешочками.

- Знаю я, как готовят в вашем Осколке! Да и в Рогане не лучше! Насмотрелась! У вас желудок деликатный, а там привыкли свиньям готовить! И не спорьте со мной, кир Алан, а то...

- А то что? – со смехом прищурился конт.

- А то не будет вам сладкого!

- Райка, так не честно! Твои пирожки с ягодой – это лучшее, что есть в моей жизни!

- Ой, кир Алан... – всхлипнула кухарка и счастливо улыбнулась.

- Светика, чтоб к моему возвращению замок сиял! Законопатить щели, проверить крышу, промазать стены. И не стесняйся гонять мастеров. Управляющая ты или кто? И проверь, чтобы рабы тоже утеплили свой барак. Скоро осень. Составь списки, что нужно купить. И еще... – Конт обнял пискнувшую девушку и шепнул ей на ухо: – Не вздумай выскочить замуж, пока я не вернусь! Я сам подберу тебе жениха.

- Пока вы подберете, я от немочи помру, – покрасневшая Светика прижалась к конту сильнее. – Вы такой горячий, кир Алан, я прямо вся горю. А «подарок» ваш с вами едет?

- Со мной.

- Это хорошо, кир Алан, – шепнула Светика, нехотя отодвигаясь от конта. – А про жениха я вам напомню, как вернетесь. Очень замуж охота. – Она опустила взгляд и вздохнула.

- Неужели вырвались? – с недоверием оглядываясь назад, спросил у Иверта конт, когда они отъехали от Крови на несколько километров.

Хват, едущий рядом, усмехнулся.

- Капитан Рэй словно наседка. Я был уверен, что он за нами погоню вышлет.

- Вот и я так думал, – оглянулся теперь уже Иверт. – Хват, ты со своими воинами поезжай в Осколок, а мы здесь свернем. Проведу Бешеного Алана через горы, чтобы след запутать.

- Двое поедут с вами. Я перед маркизом отвечаю за безопасность кира Алана.

Виктория согласно кивнула и еще раз оглянулась. Бежали они из Крови, словно тати ночные, подловив момент, когда Рэй отвлекся на смену караула. Ведь меньше чем с тремя десятками воинов отпустить конта из замка капитан не соглашался. Да еще и сам хотел провести до Осколка. И на все уговоры, приказы и угрозы у него был один ответ: «Вы в прошлый раз уже без охраны поехали. Вот вернетесь в Кровь благополучно, тогда можете меня под арест посадить».

К родному аулу Иверта выехали в сумерках. Во дворе дома Гривастого Волка их уже ждали – стройный и худощавый Ибог и еще один улыбчивый мужчина, при виде которого Иверт нахмурился. Они бегло заговорили на своем наречии, Алан обернулся к Ибогу, и парень, тихо подойдя ближе, начал переводить. Говорил он на языке равнин намного хуже своего старшего брата, но Виктория прекрасно поняла, о чем речь.

- Эй, что ты делаешь в доме моего отца, Ростам?

- Приехал сватать твою сестру, – улыбнулся незнакомец, гордо вскинув голову.

- А разве отец назначал смотрины?

Виктория спешила, передала поводья Угля подбежавшему мальчишке и прислушалась к интонациям. Иверт злился, а незнакомец говорил с превосходством в голосе. Интересно, которую из сестер Иверта сватает этот мачо?

- Он назначил выбор. Ты же знаешь закон, женщина в тягости не предлагает себя, а выбирает.

Иверт грозно сверлил мачо взглядом, а тот беззаботно лыбился. Так и хотелось подойти и проверить его челюсть на крепость. И этот хмырь претендует на руку Зиры? Его Зиры? В мозгу что-то щелкнуло, словно переключатель сработал. Тело встрепенулось, и на Ростам с ненавистью посмотрел конт Алан Валлид, резко оттеснивший куда-то на задворки сознания свое женское начало. И что значит – она будет выбирать? Ох какое сильное и забытое чувство. Ревность. Алану оно было незнакомо, ему некого было ревновать, он всегда получал то, что хотел, а вот Виктория еще помнила, что это такое. Но такой сильной, всепоглощающей, яростной, горькой и ядовитой ревности она не испытывала никогда. В голове стучала лишь одна мысль – убью! И совершенно не важно было, насколько велик шанс соперников реально заинтересовать Зиру: важно прямо сейчас пресечь любые попытки!

«Стоп! Успокойся, самец! Валлид, возьми себя в руки! Это не твои чувства, это чувства того, прежнего Алана, это его злость, его желание драки. Ты же цивилизованный человек, тебе претит мысль о насилии, так почему ты лишаешь Зиру выбора? Это ее жизнь, ее сердце и ее любовь. Она ведь не давала тебе повода думать, что любит, так почему ты так болезненно это принимаешь?»

Вдох, выдох. Счет до десяти и обратно, улыбка.

- Иверт, ты сообщишь о нас отцу?

- Алан!

Вот глупое сердце! Ну и чего ты так колотишься?

- Здравствуй, Рыжая Ласка. – Лицо мужчины озарила мягкая улыбка. Алан протянул обе руки. – Я скучал, – вырвалось само собой. – Я так скучал.

Она прижалась к нему, уткнулась в кольчугу и тихо заплакала.

– Ну же, – Алан приподнял двумя ладонями ее лицо и осторожно поцеловал в мокрые соленые щеки, – не плачь, ведь ничего не случилось.

– Это все из-за ребенка. Я сейчас плачу и от радости, и от горя, – сквозь слезы улыбнулась Зира. – Женщины говорят, что будет девочка, раз я постоянно лью слезы.

– Зира, я так счастлив, – прошептал Алан, всматриваясь в зеленые глаза. Такие родные и близкие. – Девочка – это замечательно.

– Бешеный Алан, добро пожаловать в мой дом.

К ним подошел Сарх, и Зира смущенно отодвинулась к Иверту. Брат обнял ее за плечи и что-то зашептал на ухо. Девушка ойкнула и убежала к дому. Следом за нею пошел Ростам, и Алан вновь почувствовал укол ревности, но уже не такой сильный. Искренняя радость Зиры словно чистой водой смыла все дурные мысли с души. Но на всякий случай конт кивнул Иверту в сторону дома, друг все понял правильно и, прихватив воинов, поспешил вслед за сестрой. Сарх проводил их задумчивым взглядом.

– Тебе кто-то сказал, что сегодня в мой дом съехались женихи для Зиры?

– Нет. Просто я почувствовал, что если не успею, то потеряю что-то очень важное.

– Ты хочешь взять Зиру в жены?

Они сидели под разлапистым деревом, где когда-то конт познакомился с Ведмедем, и потягивали кислое вино, заедая его козым сыром. Вопрос повис в воздухе. Как объяснить Сарху то, что он чувствует? Как объяснить разницу между «хочет» и «должен»? Черт! Черт! Черт! Он еще не король, а уже страдает от тяжести долга! Будь проклята эта сделка! Алан машинально потер тавро на запястье.

– Сарх, я признаю ребенка своим, сделаю его наследником. Я подарю Зире замок, земли, все, что она захочет, но ты прекрасно знаешь, что Храм никогда не одобрит мой официальный брак с твоей дочерью.

Волк молчал, с довольной улыбкой рассматривая конт.

– Чем тебя привлекла моя дочь, вождь равнинников?

Алан задумался. Зира была полной противоположностью Виктории. Нежная, покладистая, тихая. Уютная. В ее объятиях он чувствовал себя умиротворенно. Ему хотелось к ней возвращаться. А еще она была матерью его будущего ребенка.

Сарх внимательно наблюдал за ним, не торопя и не ожидая ответа.

– Бешеный Алан, ты возьмешь мою дочь в свой дом по обычаю моего народа?

– Да. Если она этого захочет.

– Моя дочь умная женщина, я думаю, она сделает правильный выбор. А теперь ступай мыться, от тебя воняет, как от блудливого жеребца. Эй, Ибог! Проводи драгоценного гостя в мыльню и вели женщинам накрывать столы! Похоже, мы просватали Зиру!

Ну, спасибо, свекр! Или тесть? Вот дерьмо! Хоть бы не запутаться!

Знакомая мыльня с чашей бассейна была наполнена легкой взвесью пара. Ибог помог Алану раздеться и молча исчез, унес с собой грязную одежду и предварительно показал вход в маленькую пещеру, которую использовали как парную. Алан с удовольствием забрался на полку и лег, прикрыв глаза, но вспомнил, что забыл спросить, где мыло и мочалка. В прошлый раз его мыли две очаровательные девушки и не приходилось заботиться о таких мелочах. Воспоминания о том, что последовало за помывкой, вызвали приятную истому внизу живота. Зира. До этого момента он даже не подозревал, что значит для него эта женщина. И причина его симпатии крылась не в ее схожести с братом, хотя это радовало и вызывало тихую грусть, а в ней самой. В ее нежности,

податливости, в ее безграничном доверии, в умении слушать и слышать. Она приняла конта с его тараканами, страхами, неуверенностью, внутренним конфликтом. Ей не нужно было ничего объяснять, ничего доказывать, и это подкупало. Зира просто видела его таким, каким он был. Скорее всего, когда-нибудь ему захочется войти в бурный поток, но сейчас Алан привлекал штиль в тихой гавани.

Рыжая Ласка.

Она зашла неслышно, мягко ступая по полу босыми ногами. Высокая, стройная, с распущенными волосами, небрежной волной прикрывающими остrokонечные груди. Алан следил за нею, лежа на широкой скамье, куда взгромоздился после посещения парной. Мыслей не было, в голове гулко звучало эхо громкого шепота Виктории: «На этот раз позволь себе все». Действительно, сколько можно притворяться, что тебе это не нужно, сколько можно бояться и подавлять в себе желание? Мужчина он или нет? Пора было определиться не только на словах. И Алан отпустил чувства и эмоции, неспешно, плавно, полно.

Зира легко опустилась на колени, поставила рядом с собой широкую миску с пеной и, окунув в нее мочалку, начала осторожно намыливать плечи мужчины. Он расслабленно лежал, позволяя своей женщине заботиться о себе, и думал, как изменилось его сознание, если он так спокойно называет Зиру своей женщиной. Лицо ее в красноватом свете нескольких свечей виделось мягким, ранимым и далеким. Ему нравилось незаметно смотреть на нее сквозь щель полуприкрытых век.

Они оба молчали, казалось, прозвучи сейчас хоть одно слово, и исчезнет хрупкий мост полного единения, протянувшийся между их душами. И только опустившись в бассейн, конт решил заговорить:

– Иди ко мне.

Алан подал руку, и девушка осторожно спустилась в воду, а потом посмотрела на него прямо и нежно. Он притянул ее в свои объятия, чувствуя, как его увлекает за собой нахлынувшая волна желания. Неумолимо. Головокружительно. Необычно. Упругость ее губ, их влажность, податливость, ее шелковистая кожа, запах корицы и лимона, ее тихий смех и отзывчивое, чувственное тело – все это несло его в омут страсти. И сегодня он отдался своему желанию без оглядки, не думая, не переживая. Весь, до последней капли, со всей неистовой жаждой и пылкостью молодого тела. Не разрывая поцелуя, он подхватил девушку на руки, вынес из бассейна и осторожно опустил на широкую лавку, покрытую полотенцами. Он покрывал поцелуями каждый миллиметр ее кожи, сначала жадно исследуя, затем медленно и вдумчиво познавая ее тайны, даря ей удовольствие и получая наслаждение взамен, наполняясь гордостью и радостью от ее тихих стонов, от тела, стремящегося ему навстречу, от своего желания, готового взорваться тысячей ярких солнц.

На ужин их так и не дождались. Иверт догадался принести халаты, и Алан отнес прижимающуюся к нему девушку вверх, в знакомую маленькую комнату с горой шкур на полу.

Теперь он не спешил, лаская гибкое тело. Этот мужчина прекрасно знал, как доставить женщине удовольствие, он знал все чувственные места, дрожащие и пульсирующие под его настойчивыми пальцами, он прислушивался к тихим стонам, следуя за ними, руководствуясь ими, он вырывал крики и отступал, дразня и обещая. Алан следил за своими ощущениями, с интересом сравнивал их с прошлым опытом, когда он жил в женском теле. Это было... познавательно и очень сложно. Сложно удержаться на краю, не упасть в пропасть раньше Зиры. Но, как говорится, опыт не пропьешь, он помнил некоторые приемы, позволяющие продлить игру, и беззастенчиво ими пользовался, пока не понял, что еще немного, и его просто разорвет.

«Ты крутой любовник, Алан Валлид», – в глубине сознания самодовольно пробормотала Виктория.

– Милая, – прошептал на ухо Зире обессиленный Алан, прежде чем провалиться в счастливый сон без сновидений.

... – Алан, – шепот Иверта выдернул конту из сна. – Нам пора. Жду тебя внизу.

Конт открыл глаза, улыбнулся, встретившись со взглядом больших зеленых глаз.

– Спи, милая. Я вернусь и заберу тебя в Кровь. Дождись меня.

Он наклонился и поцеловал Зиру в еще плоский животик.

– Я люблю тебя, Бешеный Алан.

– Никогда еще не видел тебя таким счастливым, – вместо доброго утра сообщил конту Иверт. – Неужели ты излечился полностью?

– От чего? – Алан покачивался на спине Угля, но его чувства все еще были рядом с Зирой, он вновь переживал новые, доселе незнакомые ощущения. Сравнивал. Вспоминал. Анализировал.

– Да ничего, это я так, – буркнул себе под нос горец, глядя на конту с легкой грустью, но потом, что-то для себя решив, тряхнул гривой волос и весело предложил: – А хочешь, заедем в Древний город? Здесь недалеко.

– А? Что? – Конт поднял на игуша рассеянный, но довольный взгляд. – Прости, я не услышал.

– Еще бы ты слышал! – фыркнул Иверт. – Здесь недалеко тропа в Древний город. Помню, ты хотел посмотреть.

В мозгу словно опять что-то щелкнуло, и Виктория встряхнула головой. События ночи отошли на второй план, она встрепелась и с азартом повернулась к Иверту.

– Конечно, поехали! – Такую возможность она точно не упустит! Остатки техногенной цивилизации! Это же круто! Ха, какие словечки она, оказывается, помнит!

Иверт ударил пятками кобылу и стрелой понесся в сторону леса.

– Догоняй!

– Господи, как же хорошо! – закричал конт по-русски и, свистнув, пустил Угля в галоп, пытаясь догнать стремительно удаляющегося горца.

Глава 4

Скучно стало братьям в чертогах своих. И попросили они у Отца Небо создать им подругу. Согласился Отец и смешал грозовой ветер и пьянящий аромат, и родилась Дева, ликом прекрасная и станом манящая. И вспыхнули братья к ней желанием, и каждый хотел первым взойти на ложе ее. Сошлись они в бою жестоком, разгневался Отец Небо и забрал Деву в свои чертоги, и спрятал ее от сыновей. С тех пор ищут ее братья, да найти не могут.

Странное ощущение, словно они оказались среди декораций к фильму об апокалипсисе. Когда-то город находился в уютной небольшой долине, окруженной горами. И, наверное, был очень симпатичным. Сейчас же от него остались лишь оплавленные разрушенные стены зданий, поросшие редким кустарником, и груды расколотых плит с кое-где торчащей из них ржавой арматурой. Нелепое и страшное нагромождение обломков. С того места, где они стояли, Виктория с замиранием сердца разглядывала остатки заросших травой улиц, когда-то разделявших город на ровные квадраты.

– Дальше нужно идти пешком. – Иверт легко соскочил с кобылы. – Там есть очень интересные пещеры.

Пещеры оказались подземными тоннелями с уходящими во тьму обрывками искореженных и проржавевших рельсов. Метро? Вряд ли. Слишком узкая колея и низкие своды. Скорее некие подсобные помещения.

– Спустимся? – с азартом предложил Иверт.

– А ты знаешь, что там, внизу? – Алан всматривался в темный, уходящий в неизвестность провал.

– Когда я побывал здесь последний раз, мне исполнилось лет десять и у нас не было факелов, поэтому мы прошли до первого поворота. Там еще находилась странная дверь, которую мы не смогли открыть. А потом отец запретил нам сюда ходить. Эти земли принадлежат Горной Гадюке. Племени, где правит женщина.

– И ты притащил нас сюда? – Алан покачал головой. Как-то совершенно не хотелось попасть в плен к воинственным амазонкам. Кто этих фанатичек-феминисток поймет?

– Эй, нам нечего бояться. Они редко убивают мужчин. – Иверт задорно подмигнул, помахивая связкой факелов. В этот раз он подготовился и, похоже, не сомневался, что сможет соблазнить конта спуститься во тьму. – Ну что, идем? Там тоже есть картинки на стенах.

Ну не зря же они сюда приехали? В душе поднимались азарт и предвкушение, сравнимые с предэкзаменационным мандражем. Оставив воинов Хвата караулить вход, они вошли в тоннель. Оплавленные черные стены, словно здесь когда-то бушевал пожар, засыпанный мелкими обломками проход – все это заставляло сердце Виктории биться чуть громче, чуть сильнее. Приходилось пробираться очень осторожно, держась одной рукой за стену, чтобы не оступиться и не упасть. Метров через двадцать в стене обнаружилась ниша с куском ржавого листа железа и небольшими огрызками странных нитей, и лишь подойдя ближе, Виктория поняла, что это! Остатки электрошита! Сердце громко стукнуло и притихло, прежде чем забиться с удвоенной силой. Она почувствовала дрожь в руках. Черт! Это действительно остатки техногенной цивилизации!

– Смотри, Бешеный Алан.

Иверт приподнял факел выше, и они увидели почти стертый рисунок. Лицо. Судя по всему – женское. Раскосые глаза, широкий нос, большой, раскрытый в крике рот. Не очень красивая женщина по привычным меркам. И совершенно не похожая на современных представителей Земли. Было в ее лице нечто чуждое, непропорциональное, отталкивающее.

– Предки, – прошептал Иверт. – Деды рассказывали, что много-много лет назад духи гор разгневались на племена, живущие не по законам предков. Они послали огненный дождь, и тогда море перемешалось с горами, вода сдвинула камни и обрушила их

на людей.

Катаклизм или ядерная война? Может быть, падение метеорита? Цунами, землетрясения? Как сейчас узнать?

Чем дальше под землю они спускались, тем суше и холоднее становился воздух, и еще через двадцать минут исследователи уперлись в люк, перекрывающий проход.

– Видишь, какая неправильная дверь? Без ручки и без замка, – шепотом произнес Иверт, зажигая очередной факел.

Виктория только усмехнулась. Да уж... Кодовый замок здесь явно не работает, да и не сохранился он за эти века, превратился в запекшийся ржавый комок. И гидравлика вряд ли работает исправно, а вот поворотная ручка-штурвал... Алан с силой попробовал ее провернуть. Удивительно, но штурвал пошел. Не легко, но пошел!

– Словно его недавно смазали. Тебе не кажется это странным?

Сзади треснул камешек и раздался приглушенный расстоянием крик. Виктория резко оглянулась и успела увидеть отблеск факела, мелькнувший в коридоре, откуда они совсем недавно ушли.

– Факел туши! Скорее внутрь! – крикнул Алан, изо всех сил потянув на себя дверь. Рядом ухватился за дверь Иверт, раздался характерный щелчок. Кто-то взвел арбалет. Твою мать! – Еще! Быстрее!

Дверь нехотя начала открываться, на них пахнуло ледяным воздухом.

– Выходите! И тогда один из вас будет жить! – прокричал женский голос с сильным акцентом.

– Да пошла ты! – гаркнул Иверт и первым юркнул в образовавшуюся щель, готовясь отразить неизвестную опасность. – Ищи себе других жеребцов, кобыла старая!

Рядом в стену что-то ударило, и Виктория, обдирая бока, пролезла за горцем. Иверт уже высекал искры, в мелькании которых конт скорее почувствовал, чем увидел закрывающийся штурвал. Они дружно ухватились за него и успели захлопнуть дверь до того, как их смогли удержать неизвестные с другой стороны. Иверт наконец-то зажег факел, и Виктория, пошарив взглядом по полу, нашла несколько толстых сучьев, приготовленных для костра, одним из них она и заблокировала поворотный штурвал.

– У меня два вопроса: кто это был и где мы находимся?

Она очень надеялась, что воины, ждущие их у выхода, не пострадали и смогут прийти на помощь. Иверт поднял факел и медленно обошел помещение, высвечивая разбросанные по полу предметы. Истлевшие тряпки, черепки, стекло и среди этого хлама – новенькие деревянные нары и стол, на котором стояли три толстые свечи и лежало несколько сухарей. Не густо. В углу виднелась прекрасно сохранившаяся железная дверь, но открыть ее они не смогли, просто не нашли ручку, было похоже, что дверь заперта с другой стороны.

– Я думаю, на нас напали люди Гадюки, – усевшись на нары, безмятежно сообщил Иверт. – Вожди говорили, что она совершенно потеряла разум. Э-э-э... не знаю, известно ли тебе, но, когда женщина становится старой, у нее начинаются проблемы с мужчинами. Гадюка и раньше была ненасытна, а теперь, говорят, она только и думает о молодых воинах.

Угу. Такое бывает. И не очень редко, но обычно не длится долго. Скорее всего, вожди-мужчины преувеличивают. Виктория на это надеялась. Очень уж не хотелось подвергаться сексуальным домогательствам со стороны старушки.

– А сколько ей лет?

– Э-э, она родилась в один год с Сархом Гривастым Волком. Отец даже когда-то ее хотел,

но Гадюка выбрала другого воина.

Ну ни черта себе! Волку, значит, можно еще жениться и брать третью жену, да и делать детей ему никто не запрещал, а бедную женщину с повышенным либидо тут же обвинили в сумасшествии? Нет! И в этом мире нет справедливости! Старик, берущий в жены малолетку, – герой, а зрелая женщина, посягнувшая на молодое и сильное тело, – нимфоманка! И хотя теперь Виктория играла на другом поле, она почувствовала возмущение.

– Что делать будем? – Иверт улегся на нары и закинул руки за голову.

– Ты нас сюда завел, ты и предлагай. – Алан пихнул друга в бок, заставив подвинуться, и сел рядом.

– Насколько я знаю, наши племена не враждуют. Поэтому можно немного подождать, вдруг ей надоест сидеть под дверью и она уйдет? Или сдаться. Мне кажется, она не станет нас убивать... Думаю, она просто э-э-э... кого-нибудь из нас... Если ты не захочешь, то я могу... Это, конечно, унижительно, со старухой, но если она захочет...

– Ага, она захочет нас изнасиловать, – по-русски пробормотал конт. – Что-то мне не нравится ни один вариант, – буркнул он и потер тавро на руке. Можно воззвать к Вадию... Только вот какова будет цена?

– Эй, не волнуйся, Бешеный Алан, – беззаботно сказал Иверт. – Не пропадем. – Он потянулся и сел. – Холодно здесь, где-то есть щель, а где есть щель, там может быть и лаз.

Он легко поднялся на ноги, цапнул со стола сухарик, обнюхал его со всех сторон и положил обратно. После чего встал на колени и заглянул вниз.

– Дай огня.

Конт, прихватив факел, опустился рядом с Ивертом, который нырнул под нары и чем-то усердно грелел.

– Здесь дыра. Забита досками.

Они отодвинули нары и, расцарапывая руки, отодрали от стены доски, обнажив узкий квадратный отнорок, вырубленный прямо в скале. По-видимому, когда-то через него проходили трубы или пучки кабеля.

– Я пролезу, а вот ты – не знаю. – Иверт с сомнением посмотрел на широкоплечего конта.

Тот только вздохнул. Виктории нравилась внешность Алана Валлида. Его рост, фигура, глаза, волосы, но сейчас она очень жалела, что конт не пошел телосложением в материнскую линию. Нанни рассказывала, что его дед был изящным и узкоплечим.

– Знаешь, надо лезть, – произнес Иверт, стягивая верхнюю рубаху.

– Нет.

– Нет? Почему?

– Ты не сможешь развернуться и вернуться назад, если лаз станет слишком узким.

– Ерунда! – самоуверенно воскликнул горец и, не дожидаясь одобрения конта, ужом проскользнул в темную дыру.

Виктории осталось лишь выругаться. Ну вот что делать с этим идиотом? Безрассудно полез неизвестно куда! А если застрянет, а если там змеи, а если?.. Да мало ли что может произойти! Она легла на пол и, подсунув к лазу факел, постаралась хоть что-нибудь рассмотреть.

Время тянулось слишком медленно, и Виктория успела придумать десятки несчастий,

которые могут случиться с Ивертом.

«И после этого ты утверждаешь, что ты Алан? Ты – Виктория! И волнуешься ты как Виктория! И мыслишь как Виктория! И даже сейчас занимаешься самоедством тоже как она! А то, что ты старательно делаешь вид, что ты мужчина, – полная ерунда! Хоть сама себе не ври!» Странно, мысли вроде ее, а голос в голове – Ирия.

Раздался тихий скрежет, она медленно вытянула из ножен кинжал и встала сбоку от той двери, которую они не смогли открыть, поставив факел так, чтобы он светил, оставляя конта во тьме. Черт побери! Неужели это люди Гадюки? Дверь бесшумно приоткрылась...

Тишина. Виктория затаилась, затаился и тот, кто находился по ту сторону двери. Спокойно, дышим носом, считаем до десяти. Война нервов. Выиграет тот, у кого они окажутся крепче. Досчитав до ста, она все же не выдержала. Осторожно присела, нашарила рукой камешек и бросила его в щель между дверью и стеной. Раздался звук падения – и опять тишина.

– Эй! – шепотом позвал конт.

Тихо.

– У меня арбалет, и я буду стрелять.

Тихо. Неизвестность злила. Где Иверт? Кто открыл дверь? Что там за стеной? Виктория подняла пучок воняющей плесенью ветоши, подожгла его и, резко распахнув дверь, кинула в образовавшийся проход, а сама метнулась к стене. Тишина. Она выглянула, быстро осмотрела освещенный коридор и нырнула обратно. В коридоре никого не было. По крайней мере, в зоне видимости, в световом пятне от догорающих тряпок. Странно. Вдали раздался тихий шум шагов. Если бы Виктория так напряженно не прислушивалась, она бы его не услышала.

– Алан! – громкий шепот Иверта словно ударил в барабанные перепонки. – Ты как дверь открыл?

– Я думал, это ты.

Виктория подхватила факел и, вытянув руку перед собой, осторожно выглянула в коридор. Иверт шел, придерживаясь за стену. Оцарапанный, грязный, но живой. И это радовало. Она почувствовала колоссальное облегчение, увидев его довольную физиономию.

– Я прополз до следующей такой же комнаты, только более грязной. Там в стене была какая-то палка, я за нее зацепился, рубаху порвал, но зато двери открылись. Может быть, она все двери здесь открывает?

– Слушай, куда нам дальше идти?

Они находились в узком низком проходе, заканчивающемся двумя развилками. Иверт, словно пес, повел носом и решительно зашагал в правый проход.

– Оттуда тянет свежим воздухом. – Он широко зевнул и потер глаза. – Я пойду первым, и смотри под ноги, здесь могут быть ...

Виктория не поняла, о каком звере говорит игуш, слово было незнакомое, но глядеть под ноги стала еще внимательнее. Не хотелось пораниться. Не хватало им еще застрять здесь на сутки или заблудиться. Судя по неровным каменным сводам, эти проходы появились значительно раньше, чем комната, которую они только что покинули. Впереди громким шепотом ругался Иверт, перемежая слова разных языков.

– Засыпаю на ходу, – пожаловался он. – Хотя солнце еще не перевалило середины неба.

– Может, это кислородное голодание? – предположил конт.

– Эй, откуда ты такие слова берешь? Рэй Молчун мне жаловался, что иногда он тебя не понимает. – Иверт тихо рассмеялся и тут же зашипел от боли, расцарапав руку об острый выступ.

- Не обращай внимания. Я, когда боюсь, несу всякую ахинею.

- Что несешь?

- Чушь.

- А ты боишься? - Иверт даже приостановился и оглянулся на конта.

- Очень, - признался Алан, не думая делать из этого тайны.

А вот действительно смешно, у Виктории никогда не было клаустрофобии, а у конта, оказывается, была.

- Давай скорее выбираться отсюда. Эти стены меня угнетают, я кажусь себе маленьким щуплым кузнечиком.

- Расскажу Зире - не поверит! Ты же спокойно мылся в нашей мыльне, а она, между прочим, выбита в скалах.

- Так я же там с девушкой мылся, - глубокомысленно заявил конт.

Потянуло дымом, и впереди забрезжил серый свет. Иверт поставил факел у стены, и они осторожно прокрались к приоткрытой двери с маленьким зарешеченным окошком, за которым виднелась зелень гор.

- А вот и гости! - раздался женский голос, и парни увидели нацеленный на них лук. - Назад бежать нельзя.

Горец метнулся вперед, Алан выхватил метательный нож.

- Не убивать! Иначе - война! - крикнул Иверт, вихрем налетел на нечеткий силуэт, вытолкнул не ожидавшую такой прыти лучницу на улицу и захлопнул дверь, набросив на петлю хлипкую деревянную задвижку. На минуту, может быть, и задержит преследователей.

- Ураган, - раздался из-за двери смеющийся голос. - Сын Гривастого Волка, твое ли смазливое лицо я только что видела?

- Мое, Гадюка, - заорал в ответ Иверт. - Отчего ты на нас злишься, женщина? Отчего не разговариваешь на языке горцев?

Женщина хрипло рассмеялась и начала что-то гортанно выкрикивать. Игуш знаками показал конту, что надо отходить. Виктория не стала спорить, развернулась и, подхватив факел, быстро пошла назад, Иверт припустил следом. Они вернулись в коридор, объединяющий две развилки, и побежали в противоположный отнорок. Вскоре уперлись в еще одну дверь. Она открывалась внутрь и была заблокирована толстой палкой, просунутой в ручку.

- Стой! - Алан ухватил горца за плечо, не давая тому выдернуть дубину. - Вдруг там опасно?

- Нет времени это проверять. - Иверт распахнул дверь и замер на границе света и тьмы, пригнувшись. - Зверя там нет. - Он вытащил засапожный нож и проскользнул внутрь.

Виктория оглянулась. Вдали мелькали отблески огня, она не стала рисковать и протиснулась следом, захлопнула дверь, подперла ее дубиной.

- Кир Алан?

Виктория моментально развернулась, но Иверт оказался быстрее. Он прыгнул вперед, закрывая собой конта, и слегка согнулся, готовясь отразить нападение.

Свет факела выхватил небольшой тоннель, заканчивающийся толстой деревянной дверью с маленьким окошком. Виктория оглянулась. Вдоль стен на тонких рваных циновках сидели мужчины, и среди них она увидела одного из сопровождавших ее

воинов маркиза. Рыжего. Смотрелся он неважно. На лице красовался кровоподтек, одежды на нем не было, тело пестрело синяками и ссадинами. Он кутался в рваное одеяло, но выглядел вполне живым. Виктория осмотрела остальных пленников. Трое подростков, два пожилых горца и парень в крестьянской одежде с повязкой на глазах, судя по светлому цвету волос – равнинник. Пожилые горцы смотрели на них безучастно, словно к ним ежеминутно забегали вооруженные люди, а подростки с интересом пялились на Иверта, но молчали.

– Вот и сходили за хлебушком, – пробормотал Алан по-русски, подсаживаясь к воину. – Ты цел? А где второй?

– Да что нам будет, – хмыкнул ветеран. – Бабы тута правят, а они оголодали без мужиков, вот и кидаются на любого. Пип еще у них. – Он сплюнул и потер нос. – Всегда мечтал оказаться в кровати с несколькими бабами. Вот уж не думал, что так расстроюсь, когда мечта сбудется.

– Просто ты уже старик, – глубокомысленно изрек Иверт. – Сколько женщин ты смог... э-э-э... сделать счастливыми, а?

– Двоих! – гордо ответил воин. – Не так уж и плохо для старика, а, горец?

– Э! Разве это много? – Иверт покрутился на расстеленных вдоль стены соломенных циновках, устроился поудобнее.

– Я на тебя посмотрю, хвастун, – добродушно пророкотал воин. – Вы как здесь оказались, кир Алан?

– Прячемся, – лаконично ответил конт. – Что с оружием?

– Забрала Гадюка. Подошла женщина, немолодая, красивая. Не опасная. Мы же не думали, что она яташем владеет, как дух Тарании! И откуда она его выхватила? – В голосе воина послышалась обида. – Не успели даже мечи достать, как нас окружили и разоружили. И кто? Бабы! Расскажу десятнику – со смеху помрет, – мрачно закончил он. – Меня в шалаш отвели, а Пипа куда-то потащили. Надеюсь, жив. Мы с ним две кампании прошли, ни одного ранения. А тут... бабы!

Виктория усмехнулась, больше всего воина задело то, что его победила женщина, а не то, что его использовали как быка-чемпиона и заперли в камере.

Иверт заржал и быстро заговорил, обращаясь к самому старшему игушу:

– Он говорит, что в племени больше нет мужчин. Все они здесь. Совсем маленькое племя, Бешеный Алан. Пятеро детей, двадцать семь женщин, все воины и охотники. Две женщины беременны. Говорит, что раньше они жили вместе, но пять дней назад Гадюка потеряла рассудок и заперла всех мужчин здесь.

Точно чокнутая бабища. И чего от нее ждать?

– А это кто? – Алан ткнул пальцем в белобрысого.

– Пленник. Чужак, – пожал плечами Иверт. – Охотник, посмевающий прийти на земли Гадюки. Его поймали.

– А почему в повязке?

– Ослепили, значицца, когда бежать попытался, – с горечью произнес слепой, поворачивая голову на голос. – А я на лету любую птицу бил. В веске небось меня уже похоронили, да лучше бы убили, чем так...

– Зачем ослеплять хорошего охотника? – не понял Алан. – Зачем им калека?

– А зачем им вы? – с вызовом ответил охотник. – Баб много, до мужиков все охочи. Вот и пользуют. Тьфу! Хорошо, что не вижу, старая она али молодая. Представляю свою женку, когда... А вы тут ржете, хвастаете, кто сколько. Скоро молить Вадия начнете, чтоб смерть послал.

- Чужак. Пришел сам. Враг. Убить, – коверкая слова, пояснил один из подростков.

Виктория, нахмурившись, повернулась к Иверту, но не успела задать очередной вопрос.

- Для горцев все, кто пришел в горы незванным, – их враги. А враг – не человек. Вы бы видели, что они творят в захваченных весках, – с ненавистью в голосе произнес воин маркиза. – Замок нашего господина далеко от гор, но и к нам как-то пришли три звезды горцев. От вески остались только угли да выпотрошенные трупы.

- Какое племя? – напряженным голосом поинтересовался Иверт, отводя взгляд в сторону.

- Теперь уже никакое. Генерал такого не прощает. Мы пять дней их гнали, на шестой взяли горную веску. Вырезали всех. От младенцев до стариков.

- Зачем детей? – Виктория тоже старалась не смотреть на Иверта.

- Всех. Да простит нас Ирий. Генерал сказал, нельзя оставлять, потому что дети вырастут и придут мстить.

- И что, никто из других племен не пришел на помощь?

- Горцы постоянно воюют между собой. Еще небось и порадовались, что мы подсобили. Они со своими тоже не нянчатся. Мужиков под нож, баб, что помоложе да погорячее, себе берут, детей, правда, никогда не обижают. Своих. Ненавижу. Вы вот с ними союз заключили, а зря. Предадут. И в спину нож засадят. Дикае люди, но с гонором, – буркнул Рыжий и опустил голову.

Твою мать! А Виктории быт горцев показался чуть ли не идеальным. Хотя что она, собственно, видела? Только то, что ей показали. В памяти сразу начали всплывать мелкие детали, на которые раньше она не обращала внимания. Похищение Берта и слова Рэя о том, что парня могут пустить на размножение или на утеху вождя, условия, в которых она нашла своего слугу и Оську. Почему было не расспросить тогда Иверта о том, что движет этим народом, к чему горцы стремятся, кто для них враг, а кто друг? Вспомнилось заявление Сарха Гривастого Волка, что он не пойдет с Ведмедем против Алана только потому, что на нем долг крови; Ведмедь, по-хозяйски осматривающий замок и его окрестности; хитрые взгляды отца Зиры. И тут ее словно кипятком ошпарило. Дерьмо! Она оставила Ведмедя и его людей в Осколке. Да еще и сама напросилась, чтобы они патрулировали земли вокруг!

А, черт! Иверт. Его неожиданное решение остаться. Влюбленная в него Виктория не задумывалась о причинах, движущих горцем. А вдруг он просто втирался в доверие, чтобы в определенный момент нанести решительный удар? Ведь и в эти развалины ее привел Иверт, который был прекрасно осведомлен о том, кто проживает в подземных тоннелях. Да и Гадюка его хорошо знала, судя по их встрече. Серый отбывает в Кровь, гарнизон Осколка полностью не набран и состоит из плохо обученных новобранцев, горцам даже не надо брать стены, их давно уже приняли в замке как друзей. Стоит разделить конта с его охраной, состоящей из проверенных опытных ветеранов, задержать на несколько дней, и...

Все эти мысли пронеслись в голове со скоростью выпущенной пули. Возможное предательство Иверта, которого она только начала считать своим другом, больно ударило по душе. Вспыхнуло давно забытое чувство обиды. Почему? Дурная привычка – видеть в людях только хорошее. Кем бы ни была Виктория в прошлой жизни, в глубине души она всегда оставалась романтиком. Выросшая на рыцарских романах Вальтера Скотта, на книгах Жюль Верна и Дюма, она верила в честь, гордость и верность. Никогда никому об этом не говорила, даже своим лучшим подругам, потому что они просто покрутили бы пальцем у виска, сочтя ее наивные убеждения блажью. В двадцать первом веке нельзя быть романтиком. Романтики не выживают. Но вера в лучшее в людях никуда не делась. У каждого человека, пока он жив, есть уйма разнообразных желаний, верований, убеждений, но, как оказалось, не стоит их все тащить в следующую жизнь!

- Ураган...

- Я не предавал тебя, Бешеный Алан. И не предам.

Иверт не отвел взгляда. Но скользкий холодный червячок сомнений уже пробудился в душе и вызвал неконтролируемую злость. Алан стремительно выбросил вперед руку, сжал пальцы на горле игуша. «Интересно, это у Иверта такая тонкая шея или у меня такая большая ладонь?» – промелькнула нелепая мысль и исчезла за туманом ярости, заволакивающим мозг. Пальцы сжались сильнее. Горец не шевелился и не отрывал взгляда от гневно почерневших глаз.

– Есть вещи, которые я не прощу никогда. И первым в этом списке значится предательство, Иверт. Если придется, я убью тебя. Возможно, и даже наверняка, потом я буду сожалеть, но я сделаю это.

С этими словами Алан отпустил шею своего телохранителя. На ней явственно проступали пятна от пальцев. Будут синяки. Черт, неужели она это сделала? Неконтролируемые приступы гнева – это слишком большая роскошь, которую Виктория позволить себе не могла. Злость – это тьма, она делает человека слабым, а слабость в этом мире сродни смерти, которая отбирает у тебя все, не гарантируя, что даст что-то равноценное взамен. Если не обуздать это чувство, то не заметишь, как превратишься в монстра, стремящегося в заманчивую тьму. Простой путь, ведущий в бездну.

Алан потерял виски.

В наружную дверь забарабанили. Звонкий женский голос с сильным акцентом прокричал:

– Мы знаем, что у вас есть оружие, поэтому выгляни в окошко, Ураган!

Но к окошку подошел Алан. Виктория постаралась стать так, чтобы не находиться напротив отверстия в двери, иначе для хорошего лучника она была бы идеальной мишенью. Взгляд выхватил небольшую площадку, заполненную людьми. Впереди всех стояла высокая женщина. Немолодая, но со следами бывлой красоты на лице, коротко стриженная, мускулистая, зеленоглазая, подтянутая, но неухоженная и какая-то неопрятная. Она была одета как мужчина-горец. В руках женщина держала Ярость – меч Алана. А рядом с нею на коленях стоял обнаженный Пип, второй воин, сопровождавший Алана.

– Я буду отрезать от него по куску, если ты не выйдешь, Ураган! А потом приду к тебе и возьму всех! Я посажу вас на цепь, как тау, и заставлю выть.

Иверт, гневно сверкая глазами, оттолкнул Викторию от двери и быстро затараторил на своем языке, Гадюка отвечала ему со смехом.

Ну вот! Он специально, что ли? Виктория сильно хлопнула игуша по спине, прислушиваясь к громкому и быстрому говору невидимой женщины. Ну что за шутки мироздания? Почему ее душу не перенесло в мир, где все говорят по-русски? Где справедливость? Женщина спрашивала, Иверт отвечал, и, судя по его хмурому лицу, разговор горцу не нравился. Вот он с силой пнул дверь и, крикнув что-то на прощанье, отошел и сел у стены на расчищенном от камней участке.

– Эй, Кузнецик! – Вот зараза! Подслушала, как он жаловался на клаустрофобию и сравнивал себя с кузнециком! – Иди к нам! Тебе смерть будет радостью, нет? – В голосе говорившей женщины слышался смех.

– Только посмей тронуть моего культи, и два племени придут мстить за его жизнь! – зло крикнул в ответ Иверт.

За дверью притихли, а затем загомонили на разные голоса, а по пещере пронесся общий вздох, то ли презрительный, то ли сочувствующий.

– А теперь быстро расскажи мне о сути переговоров. – Виктория присела рядом с Ивертом, изо всех сил стараясь не бояться.

– Меня не тронут. У нас нет вражды с этим племенем, но ты хороший товар. Тебя можно продать, а можно отдать женщинам. Не волнуйся, этого не будет, – увидев, как напрягся Алан, поспешил успокоить его горец. – Они хотят... э-э-э... а потом тебя, наверное, продадут, если никто из женщин не захочет взять себе мужа. Они не знают, кто ты. Думают, что ты простой воин.

– Угу. А кто такой кульфи?

Иверт сделал вид, что рассматривает щель в стене.

– Кульфи... они презренные, рабы, вас не тронут, это игуш хорошо придумал, – зашептал воин. – Только никому об этом не рассказывайте. Это позор для мужчины.

Блин! Да что же это такое?

– Кто такие кульфи? – грозным шепотом спросил Алан, чувствуя, что его втягивают в какую-то очередную авантюру.

В это время вновь раздался голос Гадюки.

– Что она говорит? – спросил Алан.

Ну вот отчего было не начать изучать язык горцев? Эх, Виктория, как много ты упустила за своими переживаниями!

– Она говорит... – начал переводить Иверт, но конт поднял руку, останавливая его.

– Эй, охотник, ты знаешь язык горцев? – обратился Алан к слепому мужчине.

– Знаю маленько, кир.

– Переводи ты.

Глаза Иверта гневно блеснули, он автоматически положил руку на пояс, словно искал там нож, но затем, заметив, что конт внимательно за ним следит, расслабился и медленно отошел к стене.

Виктория больше не могла доверять Иверту. Вот гадство! Неужели она в нем ошиблась? Она ведь редко ошибалась в людях. Раньше. В той жизни.

– Она, значицца, бает, что жаль, что горец успел вас охолостить! Теперь, мол, Урагану придется работать за двоих. Она начнет резать вашего воина. Если игуш, значицца, не выйдет к ней. – Иверт что-то прокричал в ответ, и слепой перевел: – Он бает, что выйдет, ежели она поклянется духами предков вас не трогать. Она поклялась.

Виктория повернулась к Иверту, но горец уже распахнул дверь и выскользнул наружу.

Идиот! Как можно верить словам? Хотелось выскочить следом, не пустить, защитить, прибить эту сексуальную маньячку! Но вместо этого Виктория опустилась у стены на корточки и задумчиво произнесла, ни к кому не обращаясь:

– Кульфи – это евнух?

Вот сучонок! Да как он посмел! Зачем? Чтобы посмеяться? Эй, спокойно! Чтобы защитить! Он спас тебя от изнасилования! Судя по всему, горцам даже дотрагиваться до кульфи противно. Это многое объясняет. Виктория прислушалась к своим эмоциям. Нет, ее совершенно это не задело. Все же психика у конта больше женская, чем мужская, чтобы еще париться по этому поводу. Евнух так евнух. Лишь бы не пришлось работать жеребцом-производителем. Но Иверту она об этом говорить не станет.

Виктория села, вытянула ноги, заметила, что горцы отодвинулись от нее как можно дальше, зато ее воин подвинулся и сел рядом. Стало спокойнее, хотя душа болела за Иверта. А еще в голову лезли мысли о его предательстве. Неужели он специально завел их в ловушку? Но тогда отчего не сдал сразу Гадюке, почему защищает? Нелогично. Она пыталась проанализировать ситуацию, взглянуть на нее со стороны. Но мысли возвращались к Гадюке. К тому, что сейчас происходит за стенами их вынужденной темницы. Сдержит ли горянка свое слово? Отпустит ли их после того, как Иверт... думать о том, чем сейчас занимается горец, не хотелось. И Виктория, прикрыв глаза, начала вспоминать родных. Их лица постепенно исчезали из памяти, но она помнила свою прошлую жизнь очень отчетливо. Так, незаметно для себя, она и заснула. А проснулась от криков, раздающихся за дверью. Один из игушей

попытался открыть дверь, но она не поддавалась. Он разочарованно воскликнул и стукнул кулаком по стене.

– На племя напали, – прошептал слепой, который старался держаться ближе к конту и его воину.

Неужели Рэй пришел за своим воспитанником? Но как смог вычислить, где они?

Вскоре крики стихли, послышался властный мужской голос, он не принадлежал никому из знакомых Викторией. Дверь распахнулась, в тоннель втолкнули нагих Иверта и Пипа, дверь вновь захлопнулась. Все, что успела рассмотреть Виктория, – это серую хламиду ксена. Черт! Да кто же это такие? Пип начал заваливаться вперед, и Рыжий подхватил своего товарища, а Виктория повернулась к Иверту и сразу поняла, от какого ужаса спас ее горец. Иверт был натурально растерзан. Исцарапан, покрыт засосами, с опухшими губами, с оловянным взглядом и не очень счастливым выражением лица.

– Гадюка совсем лишилась разума! – сказал он, как только опустился на рогожку. – Так издеваться над женщинами! Да они у нее хуже тау в период течки! Жаль, что ксены успели убить ее раньше, чем я! Она нарушила слово, и духи предков ее покарали. Гадюка хотела оставить себе Кузнечика! – с возмущением закончил он. – В город древних пришли ксены. Такие, как Алвис. Они убили эту вшивую овцу и ее воинов. Остальных держат в большом шатре. Что будешь делать, Бешеный Алан?

– Женю тебя, – ехидно сообщил Алан. Иверт был жив и здоров, и Виктория только сейчас, увидев его рядом, поняла, как волновалась за горца. Зато теперь она готова была его удавить голыми руками! – Ведь я кульфи, мне женщины уже ни к чему, – продолжила печально. – И как повеселился, жеребец? Думаю, Оська сочинит прекрасную балладу о твоих подвигах в Древнем городе.

– Ты ведь ему не расскажешь? – Иверт тихо застонал.

Ха! Еще как расскажет! Виктория только многообещающе усмехнулась, и по улыбке на лице конта Иверт понял, что он попал.

– И сколько женщин ты успел порадовать? – тихо посмеиваясь, поинтересовался Рыжий, накрывая товарища своим одеялом.

– Пять! – гордо произнес Иверт. – Правда, пятой уже досталось совсем мало-мало меня, – добавил он с искренней грустью.

– Бреешь! – прохрипел из-под одеяла Пип.

– Горцы никогда не врут!

Ага. А кто недавно заявлял Мае, что верить горцам нельзя ни в каком случае?

– Вы еще достоинствами померяйтесь, – не подумав, посоветовала Виктория, она подошла к двери, через которую они попали в тоннель-темницу, и попыталась ее толкнуть. Безрезультатно. Дверь была заблокирована с другой стороны. Из огня да в полымя. Но если ксены их сразу не убили, то, может быть, они смогут договориться?

Тем временем мужчины обдумали ее предложение, внимательно изучили друг друга и заржали. Виктория посмотрела на них и покачала головой: нашли время веселиться. Однако спустя мгновение она уже хохотала с остальными. Смех четверых взрослых мужчин эхом разнесся по проходу и рикошетом ударил в дверь, закрывающую выход. Она приоткрылась, и в щель заглянул ксен.

– Молчать! А то рты кляпами закрою.

– Молчим, молчим, – со смехом ответил ему Алан. – Скажи своему командиру, чтобы вернул пленникам одежду. Иначе лечение будет за его счет.

Ответа не последовало, но ксен очень внимательно всмотрелся в лицо конта и только после этого захлопнул дверь. Однако вскоре в тоннель бросили сверток с одеждой

и обувью, из чего Виктория сделала вывод, что убивать их в ближайшее время никто не собирается. Иверт, кряхтя, поднялся на ноги, потирая плечи; скривился, наступив босыми ногами на камешек, и, подобрав сверток, шустро оделся.

– Что Орден Искоряющих делает в этих землях? – задумчиво произнес Рыжий. – Вы ведь заметили, господин, что во дворе стоит белый шатер с золотым вымпелом?

Виктория этого не заметила, она смотрела на ксена, а не на двор за его спиной.

– И что это означает?

– Что здесь Учитель.

Учитель... Этому слову здесь придавалось другое значение, чем на Земле.

К ним подошел молодой горец и тронул Иверта за плечо, тот выслушал парня и перевел:

– Он говорит, что двое чужаков уже приходили к Горной Гадюке, они просили разрешения поглядеть нижние пещеры и давали за это хороший...

– Что давали?

– Абрык – плату за проход по землям племени. Еду, ткани, оружие. Но глупая женщина выгнала их. Теперь их пришлось много.

– Здесь все мужики племени, значицца, – встрял в разговор слепой охотник. – Гадюка умудрилась рассориться со всеми соседями, и тепереча, когда ее нет, их просто порежут, как коз. Ох, как же я этому рад, господин! – не удержался он. – Рад, что эту мерзкую бабу убили! Вот где дурной народ! Место бабы в поле, у печи да у колыски дитяти. А у этих ненормальных детей Вадия все наоборот! Всех их надо под нож! – со злобой закончил он.

Виктория его понимала, Иверт – нет. Он размахнулся и несколько раз ударил слепого в лицо, тот упал на землю, закрыл голову руками и начал тихо подвывать.

– Закрой свой грязный рот, чужак!

Ненависть исказила красивое лицо, и Виктория вдруг отчетливо осознала, что она совершенно не знает этого зеленоглазого мужчину. Неприятный холодок пробежал по спине, но она постаралась не поддаваться эмоциям.

– Я тоже чужак, горец. Попробуешь и меня ударить? – холодно поинтересовался Алан.

– Ты чужак для горцев, но ты чужак и для равнинников, Алан Бешеный Кузнечик, – раздался чистый высокий голос, и дверь распахнулась, впуская в тоннель теплый вечерний воздух.

Виктория заметила, как ухмыльнулся Рыжий и улыбнулся его товарищ. Да уж... Бешеный Кузнечик, это круто! Рэй точно со смеху помрет.

Однако смешно не было. Навалилась апатия. Плевать. На всех плевать. К чему такая жизнь, если нельзя доверять даже... кому? Кто он для тебя, черт побери, конт Алан Валлид? Для тебя-мужчины, а не для тебя-женщины? Она бросила взгляд на Иверта. Тот заметил, открыл рот, словно собирался что-то сказать, но промолчал. Захотелось заорать, схватить Иверта за грудки и встрясти из него ответы, но вместо этого Виктория решительно направилась к выходу. В мозгу занозой сидела одна-единственная мысль – предал ее Иверт или нет? Все остальное сейчас не имело значения. Было горько, обидно и страшно. Что делать, если это так? Как спасти своих людей в Осколке? Как поступить с Ивертом? За себя страшно не было. Виктория уже один раз умерла, да и тавро Вадия внушало уверенность, что темный бог не оставит протеже без прикрытия. Вот еще головная боль, зачем ему адепт в этом мире? Внутри клокотал коктейль из эмоций – ожидание, обида, гнев, надежда, вера в лучшее и жуткое разочарование. Почему Иверт молчит? Не оправдывается, не объясняет причину своего поведения? Э! Остановись! Он мужчина, а мужчины редко объясняют свои поступки, особенно когда они уверены

в собственной правоте. Это ведь не кино, это жизнь. Дай ему время. Ха! Время! Кто бы дал это время ему, конту Валлиду, и его людям, которые сейчас, возможно, умирают в Осколке от ножей горцев!

Подойдя к двери, она остановилась. Охранник с яблоком в руке громко хмыкнул и с поклоном отошел в сторону.

– Что-то вы не торопитесь. – Ксен откинул капюшон, и Виктория увидела совсем юное зеленоглазое веснушчатое лицо, на лоб незнакомца спадала рыжая челка, делавшая его еще моложе. Лет восемнадцать-девятнадцать, не старше. Парень весело скалился. – Учитель ждет вас, кир Алан. Я провожу, остальные пока могут присоединиться к женщинам. Они готовят обед возле шатра Гадюки.

– Я с тобой. – Иверт привычно занял место за спиной конта.

– Нет, – резко ответил Алан.

Виктория злилась. Злилась на Иверта, хотя понимала, что это иррациональная, бесполезная и глупая злость.

Горцу это не понравилось, но он не сдвинулся с места, когда ксен приглашающим жестом указал конту, в каком направлении двигаться.

Они наконец-то вошли в город древних. Вблизи нагромождение обломков не выглядело так жутко, как с высоты скал. В воздухе пахло дымом, козами и кровью. Среди обломков было разбросано семь больших шатров – замызганных и залатанных. Рядом с одним прямо на земле сидела древняя старуха, а вокруг нее играли дети. Худые и грязные, совершенно не похожие на упитанных карапузов, которых Виктория видела в племени Гривастого Волка. На веревках, натянутых между камнями, висели какие-то тряпки перемешку со шкурами и сушеным мясом, и все это воняло тухлятиной.

Они спустились на широкую, чистую от камней площадку, где сустились ксены, устанавливая серые палатки, и остановились у белоснежного шатра, смотревшегося среди этой нищеты новеньким звездолетом на автомобильной свалке.

– Кир Алан, постарайтесь быть вежливым и почтительным, – проговорил ксен, откидывая перед контом полог. – Учитель, я привел его.

– Спасибо, мой мальчик. Проследи, чтобы нам никто не мешал.

Раздавшийся тихий голос мог принадлежать и юноше, и зрелому мужу. Глубокий, спокойный, полный внутренней силы. Виктория шагнула внутрь, с интересом рассматривая вставшего навстречу мужчину в белой сутане, подпоясанной золотой кордой. Так вот ты какой, северный олень... На первый взгляд – ничего выдающегося. Низкорослый, щуплый, высокий лоб, хищный нос, родинка у левого глаза, обрит налысо. Но это только на первый взгляд. Когда Учитель пошел навстречу Алану с мягкой улыбкой на бледных губах, Виктория поняла, кто обучал Длань. Движения мужчины невозможно было уловить, он словно плыл над землей – бесшумно, мягко, легко. Даже длинные полы сутаны не колыхались при ходьбе. И глаза! Таких глаз она никогда не видела. Юные глаза на покрытом тонкими морщинами лице. Кошачьи. Синие. Выразительные. Проникающие в душу, словно рентген. Доброжелательный взгляд с легкими смешинками в глубине зрачков покорила Викторию моментально. Учитель протянул к ней узкие сухощавые ладони и улыбнулся.

– Давно мечтал с вами познакомиться, кир Алан Валлид, сын Айро Второго.

О, черт! А вот теперь Виктория испугалась.

Глава 5

...и только безответственный человек, алчный, одержимый, мог создать горящий порошок! Этот несчастный сжег посевы соседа, как он утверждает – по неосторожности, но это ложь! Он жаждет убийства многих людей! Ваше спасение в Храме, который стоит на страже жизни каждого человека. Мы не позволим опасным знаниям попасть в руки злодеев! Конфискация всех записей, уничтожение лаборатории и смерть одержимого спасут наш мир от этой напасти! Именем Ирия Всемогущего, который дорожит каждой невинной жизнью...

– Алан Валлид, родился в десятый день месяца Зеленого Вепря двадцать четыре года назад от порочной связи между его величеством Айро Вторым и контессой Ксаной Валлид. Через полгода после рождения ребенка мать погибла при невыясненных обстоятельствах. Орден подозревает, что ее отравил супруг – конт Сани Валлид, не сумевший простить жене измену. Алан воспитан капитаном Рэем Адавески и любовницей приемного отца Нанни Кассини. Был женат на баронессе Литине Ситко. Жесток, самоуверен, бессердечен, эгоистичен, вспыльчив. Легко впадает в ярость. Садист. Шестьдесят четыре дня назад убил на охоте конта Сани Валлида и сам был ранен. Провел без памяти почти десятидневку. Я ничего не забыл, мой мальчик? – Пожилой мужчина приветливо улыбнулся, приглашающим жестом показывая на кресло. – В старости начинаешь ценить комфорт, вот и я даже в походе никак не могу отказать себе в некоторых мелочах, – словно извиняясь за роскошь, произнес он.

Угу. Мелочи. У стены, отгороженная невысокой ширмой, примостилась узкая кровать, покрытая пушистым мехом, три мягких кресла окружали деревянный круглый столик, на котором стояли изящный двухъярусный подсвечник на девять свечей, напоминающий свадебный торт, и шкатулка для бумаг, на полу лежал овальный красный ковер. Завершал «скромное» убранство походного жилища большой, окованный серебром сундук. За тяжелыми, наполовину закрытыми шторами виднелась моечная, напоминающая умывальник из знаменитого «Мойдодыра». Очень скромная обстановка, ну прямо спартанская. Ага.

Алан усмехнулся, дождался, пока хозяин сядет в мягкое невысокое кресло, и сам уселся напротив, всем своим видом демонстрируя скучающее безразличие.

– Вам виднее.

Отчего-то «тыкать» этому старику не хотелось.

– О, не сомневайся, юноша, я не выпускал тебя из вида. И, как оказалось, не зря. До момента ранения твоя жизнь и характер читались, словно неприличная надпись на стене портового кабака. Что же с тобой произошло, после того как ты очнулся?

Алан пожал плечами:

– Поумнел.

Старик смотрел на конта, ожидая продолжения, но Виктория молчала, изучая корешки книг, лежащих на столике. Язык был незнаком, и сами книги выглядели очень древними. В конце концов, не она была инициатором этого разговора, не ей его и продолжать. Она всеми фибрами души чувствовала, что ступила на тонкий лед, и за внешне безразличной мужчиной скрывалась сосредоточенная, бдительная, напряженная, готовая бороться за свою жизнь женщина.

– Мальчик мой, расскажи мне все с того момента, как на тебя напал ведмедь.

Мягкий голос обволакивал, обещал поддержку и покровительство. Ох, нечестно ты играешь, старик! Нечестно. Но мы это уже проходили с твоим учеником. Хотелось бы знать, чем интересен опальный конт Валлид? Тебе просто любопытно или ты вынашиваешь далеко идущие планы?

– Позвольте уточнить, почему я должен вам что-то рассказывать? Я вас впервые вижу, вы не мой духовник. Мы даже не знакомы, а с незнакомыми людьми я обычно не обсуждаю свою жизнь.

– О, прости мою забывчивость, мальчик мой. Я в прошлом отец Искореняющий, а ныне Учитель. – Он сделал многозначительную паузу, но, не заметив на лице Алана никакого восторженного почтения, тихо рассмеялся, откинувшись на спинку кресла. – Именно об этом и говорил Алвис, никакого почтения и никакой осторожности.

Вот черт, может быть, стоило бухнуться на колени и начать лобызать руки этому милому безобидному старичку? Может быть, и стоило, но Виктории даже сама мысль об этом претила. Она только улыбнулась и почтительно склонила голову.

– Как мне к вам обращаться?

Учитель расхохотался. Искренним молодым смехом. Смеялись морщинки в уголках глаз, смеялись выразительные синие глаза. Виктория слегка улыбнулась, ее такой искренностью не отвлечь.

– Как я рад, что мы с тобой встретились, мальчик мой. Как я рад, – отсмеявшись, произнес старик. – У нас будет очень много времени для интереснейших бесед. Можешь звать меня отец Пауль.

– Боюсь вас разочаровать, отец Пауль, – лицо конта Валлида выражало искреннее сожаление, – но вряд ли я смогу остаться. Меня ждут в Осколке.

– Ты рассчитываешь уйти с боем? – В голосе старика звучал неподдельный интерес. Он чуть подался вперед и смотрел на конта как зоолог на чрезвычайно редкий вид животного.

– Если придется, я попытаюсь.

Виктория была готова к нападению, она очень внимательно следила за позой и руками собеседника, но удар прозевала. Все произошло за долю секунды. Еще мгновение назад перед нею сидел пожилой добродушный мужчина, а спустя мгновение конт Валлид лежал, уткнувшись лицом в пол, правая рука находилась в болевом захвате, колено Искореняющего с силой упиралось в поясницу, а к шее, как раз в районе яремной вены, прижимался кончик острейшего шила. Можно было попробовать вывернуться, но Виктория реально оценивала свои силы и не была уверена, что сумеет выиграть, а значит, и дергаться не стоило.

– Стар я стал, не так быстр, как раньше. – Отец Пауль чуть надавил шилом, и кожу болезненно кольнуло. – Последний раз мне пришлось приложить усилия, чтобы победить Длань. Если так будет продолжаться, то через несколько лет мой воспитанник сможет бороться со мной на равных.

В его голосе проскользнула гордость учителя за своего ученика. Виктория внимательно следила за интонацией и поэтому отчетливо почувствовала, что старик не красуется, он искренне сожалеет о своей старости и искренне радуется успехам Алвиса. Дьявол! Если сейчас Алвис может противостоять этому «ниндзя», то ей стоит поставить свечи братьям-богам за то, что она до сих пор жива. Их бой на ножах, о котором Виктория иногда вспоминала с гордостью, был просто игрой тигра с котенком. Какая же она дура! Алвис провел ее как ребенка!

Тем временем отец Пауль легко поднялся на ноги, заточка исчезла из его рук словно по волшебству, и перед Викторией опять сидел добродушный пенсионер. Но теперь он не улыбался. Его глаза смотрели цепко и холодно. Игры закончились, им предстоял серьезный разговор. Соберись, Виктория. Она неспешно встала с пола, подняла опрокинутое кресло и села напротив Учителя.

– Да, я знаю, что ты собираешься проехать с проверками по своим землям, – продолжил отец Пауль, словно и не было только что сокрушительной демонстрации силы. – Это официальная версия твоего отъезда, но ведь есть еще и неофициальная.

– Не понимаю, о чем вы.

– Не притворяйся глупее, чем ты есть, мой мальчик. Ты ведь уже понял, что мы следим за тобой. Все, что ты до сих пор делал, делалось с нашего одобрения и по нашей подсказке. Мой ученик сообщил, что у вас с ним встреча в герцогстве. Хочу услышать, каковы твои планы.

- Не вижу необходимости делиться ими.

- Где друидский оберег? - неожиданно спросил Учитель.

- Потерял.

- Лжешь. Твой раб вернул его ворожее, и она сожгла его. В чем была причина твоего поступка?

- Он был сделан на конта Валлида, наследника Сани Валлида. - Виктория откинулась в кресле. Напряжение не покидало ее, но теперь к нему прибавился страх. Этот соперник был ей не по зубам.

- О! Этот вариант мы не рассматривали, - нахмурился собеседник. - Так вот отчего он тянул из ворожее силы. Она не знала, что Берт - сын Сани Валлида и настоящий его наследник. К слову сказать, об этом мало кому известно. Орден изъял письмо и завещание Сани Валлида до того, как оно попало в руки Приближенного Взывающих. Кто тебе рассказал, что Земеля вертится вокруг солнца? Только не говори, что это не твоя идея. У меня есть письма мастера Семона, брата Турида и маркиза Рамана. Брат Взывающий и мастер утверждают, что ты только высказал предположение, а вот генерал очень подробно описывает весь разговор. Не волнуйся, - Учитель заметил тень разочарования, пробежавшую по лицу Алана, и поспешил обелить честное имя маркиза, - кир Генри никому об этом не рассказывал, но он сделал подробную запись в своем дневнике. Сам понимаешь, генерал слишком известная фигура, чтобы оставлять его без присмотра.

Виктория молчала. Если не знаешь, что говорить, то копи золото, молчи. Железное правило. Замолчал и отец Искореняющий, похоже, ему ответы были не нужны. Он просто показал конту Валлиду свою осведомленность и очень прозрачно намекнул, что не верит в официальные версии происходящего. Взгляд его затуманился, он словно «свел глаза в кучку». Виктория усмехнулась. Она тоже так умела. Каждый хоть раз в жизни рассматривал стереокартинки, когда нужно перестраивать взгляд, чтобы увидеть скрытый за графическим изображением рисунок. Интересно, что хочет найти в конте Пауль? Скрытую сущность? Возможно ли это? Ей пришла в голову нелепая мысль: а вдруг он тоже попаданец? Она сосредоточилась, вспоминая ощущения и забытое умение. Получилось не сразу, но получилось. Стараясь удержать взгляд, посмотрела на застывшего напротив нее Учителя. Вначале ничего особенного не заметила, но затем что-то щелкнуло, и Виктория увидела светящийся ореол вокруг тела мужчины - ослепительно белый, а за его спиной клубилась темно-серая, почти черная дымка, по форме напоминающая крылья. От удивления конт Алан Валлид моргнул, и видение исчезло.

- Что это было? - вырвался произвольный вопрос.

Отец Пауль задумчиво рассматривал сидящего напротив него молодого мужчину.

- А что ты увидел, мальчик мой? - вкрадчиво спросил он.

- Туман. Напоминающий крылья, почти черный туман.

Врать было бессмысленно. Учитель согласно кивнул:

- Это знак расположения нашего покровителя.

- Вадия?

- Да. У тебя тоже такие крылья за спиной, мальчик мой, - довольно произнес Учитель. - Я виноват перед своим учеником, я ему не поверил. Ай-ай, как нехорошо вышло, - покачал он головой. - Обязательно извинюсь, мое недоверие его очень обидело. Что привело вас в город древних? - вновь резко сменил он тему разговора.

- Картинки на стенах. - Алан слегка улыбнулся, заметив переход от «ты» к «вы». - Хотя теперь я подозреваю, что Иверт привел меня сюда совершенно по другой причине. Он тоже работает на вас?

- Тоже? - невинно переспросил отец Пауль.

- Прекращайте притворяться. Я прекрасно знаю, что вам служат все ваши ученики, что Алвис постоянно поддерживает с вами связь, что, кроме ксенов, в каждом замке у вас имеются другие шпионы. В Крови это... Рэй? Чем же вы смогли его подкупить?

- Вашей жизнью, - не стал юлить отец Пауль. - Вы уже выяснили, кто или что такое Чупачурик? - Алан кивнул. - И вы мне, конечно, об этом не сообщите? - Конт отрицательно покачал головой. - Что вы планируете предпринять?

- Вы не ответили на мой вопрос, Иверт.

- Ваш любимый никакого отношения к нам не имеет.

Вот сволочь Алвис! Только он мог сообщить своему наставнику о чувствах Виктории к Иверту. И как догадался?

- У вас устаревшие сведения, - холодно произнес Алан. - Иверт больше не является объектом моей страсти.

Виктория рассчитывала удивить Искореняющего, и ей это удалось. Но не так, как она планировала.

- Будьте столь добры, мой мальчик, произнесите последние слова этой фразы на известном мне языке, - с улыбкой Моны Лизы попросил отец Пауль. Он откинулся на кресле и смотрел на Алана с легкой снисходительностью.

Виктория прикусила язык. Она поняла, что он специально ее спровоцировал. И она купилась, как девчонка!

- Это означает, что мое сердце свободно, - ехидно произнес Алан, сделав вид, что ничего непредсказуемого не произошло.

Отец Пауль протянул руку и раскрыл белую лаковую шкатулку, стоящую на столике. Он достал из нее лист бумаги и протянул конту. На листе размашистыми буквами было написано по-русски: «Лучше жить, чем просто сдохнуть. Дышать, совершать безумные поступки, не боясь умереть, потому что теперь я точно знаю, что смерть - это еще не конец. Но как же там скучно!»

- Не хотите рассказать, на каком языке это написано? Какому наречию вы обучаете вашего секретаря-раба? Откуда вы знаете язык, на котором никогда не говорили в этом мире?

Виктория молчала. А что говорить? Правду? Тогда ее путь на костер будет слишком быстр, а она собиралась еще потрепыхаться. Она недооценила инквизицию этого мира, как и структуру Храма. Интересно...

- Интересно, Наместник тоже вам подчиняется?

- Ну что вы, мальчик мой! Мы - всеми забытые старики, которые от скуки любят разгадывать загадки и тайны. Мы воспитываем учеников, занимаемся исследованиями и не вмешиваемся в дела правителей. Нами движет праздное любопытство.

Ага. А она мать Тереза. Но ей несложно притвориться, что поверила.

- И чего вы хотите от меня?

- Правды, мой мальчик. Только правды, и ничего более, - улыбнулся Учитель.

- Правда... какое емкое слово, не находите? Что есть правда, отец Пауль? Всего лишь ложь, в которую мы верим.

- Поясните.

- Представьте, что идет суд и судят женщину, убившую своего мужа. Она заявляет, что не могла больше терпеть его издевательств, и это ее правда. Обвинитель доказал, что у женщины был выход - уйти от своего мужа-тирана, и тогда все остались бы живы,

и это тоже правда. Одна ситуация, а правд много.

- Это следствия одного события.

- Моя жизнь тоже следствие одного события – моей смерти. Правда заключается в том, что я живу ее сначала, и больше ничего вам сказать не могу. И ни пытки, ни угрозы, ни костер не изменят этой правды. Я очень мало помню из прошлой жизни Алана Валлида. В моей голове просто есть знания, которыми я пользуюсь.

- Пластик. Что это такое?

- Это материал, который использовали древние для изготовления различных изделий.

- Кто вам это сообщил?

- Анчута? – Виктория поняла, что просто так она отсюда не уйдет, и это понимание сработало как клапан, через который ушел страх.

- Вы ведь не верите в это?

- В одержимость? – Отец Пауль кивнул. – Пожалуй, верю, – подумав, произнес Алан. – Но не так, как верят весчане и некоторые ксены.

- Я вижу, что у вас нет прошлого. И помню, что вы сказали этому мальчику Длани.

- И что же? – В отличие от Учителя Виктория не помнила.

- Что только другу вы расскажете о себе.

Ответить на это было нечего. Один черт, ее ждут или костер, или роль подопытного кролика. Виктория приготовилась драться. Ну и пусть она не победит, но попробовать-то можно?

- Что будет с моими людьми?

- Это вам решать, кир Алан, – чуть улыбнулся отец Пауль. – Из вашего окружения меня интересует лишь Турен Ли.

- Я его не отдам!

- Я сказал, интересует, а не хочу купить, – перебил Алана старик. – Я думаю, что пока, – он выделил голосом слово «пока», – мы ограничимся беседой. Я изложу свое впечатление о вас остальным Учителям, и мы сообщим о своем решении. До тех пор рекомендую вам, мальчик мой, постараться быть полезным Храму.

- Храму или вам лично?

- Это одно и то же, мальчик мой. Одно и то же. – Отец Пауль мягко улыбнулся. – Мы все служим людям. А сейчас помогите мне подняться и пойдемте, я покажу вам столь заинтересовавшие вас картинки. А затем мы поговорим с вашим игушем.

С этими словами он протянул Алану руку, и тому ничего не осталось делать, как встать и позволить старику опереться о свое плечо.

- Совершенно не обязательно притворяться немощным, после того как вы продемонстрировали мне свое умение, – не удержалась от шпильки Виктория.

- Колени подводят, – усмехнулся отец Пауль. – Вы ведь не будете творить глупостей? И не будете противостоять Храму? Кем бы вы ни стали после того, как побывали у реки Забвения, мы превратим вас в пыль.

- Зря вы так думаете.

Быть марионеткой Алан Валлид не собирался. Если дойдет до войны с Храмом, Виктория поступит так, как поступили в свое время на Земле, – принесет в этот мир новую религию и новую Церковь. И подготовку к этому нужно начинать уже сейчас. Но она предпочла бы стать настолько сильным и нужным человеком, чтобы у храмовников

не возникло мыслей избавиться от Алана Валлида. Надо постараться и сделать Храм союзником, или придется уничтожить его. Третьего варианта не дано. Не об этом ли говорил Вадий, когда упрекал Ирия в желании возвести на трон единого бога? И какие цели преследует сам темный?

– Что вы можете сказать о брате Эдаре? – Надо воспользоваться моментом и разузнать хоть что-то.

– Я прочил ему место Приближенного, однако юноша меня немного разочаровал, но он амбициозен, и я рассчитываю, что мальчик еще себя проявит. Он прислал мне подробнейшее описание операции «инвертированного сечения». Еще один проснувшийся в вас талант?

Слишком осведомлен. Неприятное открытие. Весь разговор с отцом Искореняющим – неприятное открытие.

У палатки их уже ждали четверо молодых ребят в серых сутанах. Они несли факелы, веревки и холщовые сумки. Пока спускались к зияющему темной дырой входу в скалу, Виктория огляделась. Лагерь Искореняющих располагался на очищенной от камней площадке возле ручья. Восемь больших серых палаток, поставленных в два ряда, окружали белый шатер Учителя, создавая квадрат. В углах квадрата стояли часовые. Лошадей, как и людей, видно не было.

– Мы обследовали все закрытые тоннели этого поселения. Кое-что нашли. – Учитель протянул руку назад, и один из ксенов подал ему большую папку на завязках, которую он передал Алану. – Пока мальчики подготовят все необходимое, посмотрите, может быть, увидите что-либо знакомое.

Виктория бросила быстрый взгляд на старика, но он смотрел себе под ноги, легко ступая по камням.

– Осталась лишь одна дверь. В прошлый раз нам не хватило сил ее открыть. Очень толстое железо и нет ни одного замка.

Они прошли по знакомому Виктории тоннелю мимо портрета кричащей женщины и свернули в неприметный узкий отнорок с низким потолком. Высокому Алану пришлось идти согнувшись. Шли долго, в полной тишине, пол под ногами постепенно уходил вниз, и Виктория старалась не думать, сколько сейчас над ними тонн горной породы. Она сосредоточилась на дыхании и боролась с первыми признаками клаустрофобии.

– Вас что-то беспокоит, мальчик мой? – спросил идущий впереди отец Пауль.

Интересно, как догадался? Ведь не оглядывался, а Виктория старалась дышать равномерно и не привлекать внимания к своим страхам. Это знание точно не следовало давать в руки инквизиции.

– Все нормально, просто надоело идти согнувшись, – буркнул Алан.

– А мне казалось, что вы неудобно чувствуете себя в помещении без окон.

Вот гад! И это он знает! Неужели теперь даже в мелочах нельзя никому доверять?

Наконец они добрались до небольшой площадки, на которую выходил еще один засыпанный тоннель.

– У вас есть схема проходов и помещений? – спросил Алан, когда они остановились.

– Есть, малая в папке, большая у меня, – ответил один из ксенов и поднес ближе факел, чтобы дать возможность конту рассмотреть изображения.

Виктория присела у стены и, развязав тесьму, раскрыла папку. Рисунки. Очень качественно выполненные зарисовки предметов. Скульптурная группа – кубы, шары, треугольники, полная абстракция. Какие-то куски непонятно чего; смятая жестяная банка; рельсы, изображенные прямо в тоннеле; куски кабеля; слегка деформированная

пластиковая бутылка; стеклянные бутылочки, явно из-под духов; пульт управления с большой красной кнопкой и полустертой надписью на неизвестном Виктории языке; указатели в виде стрелок и несколько скелетов, лежащих в причудливых позах. Скелеты были такими же, как тот, что висел на дереве на развилке Висяка. Ничего интересного.

– Что-нибудь знакомо? – В голосе отца Пауля сквозил интерес.

Виктория отобрала несколько рисунков и подала их Учителю.

– Мне кажется, это банка для хранения напитков, сделана из тонкого железа, которое называется алюминий. Когда она была целой, она выглядела как маленький бочонок, запаянный с двух сторон. Это пластиковая бутылка для тех же целей. Рельсы, по ним передвигались телеги на специальных колесах с углублением – вагоны. Остальное – куски приспособлений, которые в наше время работать не будут. В маленьких бутылках хранились ароматные воды, их называли «духи». У меня появилась одна мысль, дайте мне большую схему.

Учитель кивнул, и один из ксенов моментально вручил Алану скрученный в трубку пергамент. Отец Пауль склонился ближе, Виктория чувствовала его дыхание на своей шее, от мужчины пахло едва уловимым запахом полыни.

– Отодвиньтесь, пожалуйста. Я не выношу, когда на меня дышат.

Искореняющий молча отодвинулся.

Итак, что тут у нас? Так и есть. Пять пещер, объединенных тоннелями, между ними небольшие отнорки, заканчивающиеся комнатками типа той, где они укрывались с Ивертом от Гадюки. В одной из пещер имелось озеро и, судя по схеме, росли сталактиты или сталагмиты – она вечно их путала.

– Это похоже на природный заповедник, – бормотал Алан себе под нос, водя пальцем по схеме. – Здесь проходили туристические маршруты и, наверное, оказывали спասлужуги. В маленьких комнатах располагались: обслуживающий персонал, комнаты отдыха, туалеты, столовые. Гостей возили в маленьких вагончиках, как в метро. Здесь есть соляные пещеры? Или пещеры с особенным целебным воздухом? – ни к кому не обращаясь, спросил конт.

– Откуда вы знаете? – тут же подал голос отец Пауль. – Две из пяти пещер подходят под ваши описания. Какие выводы вы сделали?

– Это место развлечений. Сюда люди приезжали отдыхать, лечиться, любоваться красотой подгорных пещер.

– Мы тоже сделали такой вывод, – кивнул отец Пауль, – но нам для этого понадобилось несколько лет. Мальчики, приступайте.

Один из ксенов достал несколько холщовых мешочков и уложил их у запертой двери. Алан втянул ноздрями знакомый запах. Не может быть! Так вот зачем им всем мокрые шарфы! Он встал на ноги и заглянул за спину ксена. Так и есть, парень осторожно насыпал тонкую струйку черного пороха. Здесь есть порох?! Почему он никогда об этом не слышал? Но ведь это открывает такие перспективы!

Виктория задумчиво отошла за угол и там, прислонившись к стене, начала лихорадочно вспоминать, из чего состояли ранние китайские пороховые ракеты. Ведь это же такие возможности! Особенно во время военных действий. Но почему Рэй ничего не рассказывал? А может, это недавнее изобретение и о нем еще никому не известно? Она так увлеклась своими мыслями, что обратила внимание на отца Пауля, лишь когда он встал рядом.

– Отчего вы здесь спрятались? – Отец Искореняющий смотрел серьезно и холодно. – Можете не отвечать. Вы уже видели действие взрывного порошка. Где? Когда? Кто вам рассказал?

– О чем вы? – Виктория пыталась лихорадочно сообразить, что говорить. Врать было нельзя, вдруг отец Пауль, как и его ученик, умеет распознавать ложь? – Я просто отошел в сторону, чтобы не мешать работать вашим мальчикам. А что такое взрывной порошок?

Как он действует? И почему о нем никому не известно?

– Этой земле рано знать о таком изобретении. Храм не позволяет опасным знаниям просочиться наружу. Учителя тщательно следят за всеми новинками и принимают решения, что нужно нашим людям, а без чего они могут прекрасно жить дальше, – жестко отрезал отец Пауль.

Они искусственно тормозят развитие цивилизации, поняла Виктория. Интересно, с какой целью? Специально или по своему невежеству? Но назвать старика невежей язык не поворачивался. Значит, преследуют какую-то цель, но какую?

Тем временем к ним присоединились остальные, один из ксенов поджег фитиль и бегом бросился за угол. Все торопливо отбежали назад, закрыли лица шарфами и присели, зажав уши. Идиоты! А если их сейчас завалит? Паническая мысль взорвала мозг вместе с взрывом у двери. Алан обхватил голову руками и, уткнувшись в колени, молил всех богов, чтобы пронесло. Проход заволокло едким дымом. Конт закашлялся, но спустя несколько минут дым вытянуло легким сквозняком.

– Не стоило так бояться, – раздался веселый юношеский голос, и рыжий ксен протянул конту баклажку. Кислое вино сняло ощущение выжженной Сахары во рту. – Мы здесь все проверили заранее.

«Господи! Пусть эти муки будут не напрасны! Пусть за этой дверью окажется сохранившаяся оружейная! Здесь же должна была быть охрана! Пусть там найдется парочка винтовок! А еще лучше – автомат! И много патронов. Пожалуйста, пожалуйста! Что же еще можно хранить за такой массивной дверью? Не банковский же сейф! Зачем в зоне отдыха банк? Клянусь, если там будет оружие, я... я... не стану попрекать Рэя за связь с храмовниками! И Иверту не стану бить морду! Хотя, Ирий свидетель, как хочется! Если бы не он, я бы не влипла так с этим стариканом! Говоря откровенно, хорошо, что поняла сейчас, в какой заднице оказалась. Знание – это тоже оружие! Выходит, я еще и благодарить Иверта должна?» – В голове была каша из сумбурных мыслей, руки немного тряслись, и очень хотелось еще раз попросить у рыжего ксена фляжку с вином.

Виктория подошла вовремя, как раз когда четверо парней с усилием отодвигали в сторону искореженную взрывом дверь. Вполне могут что-нибудь найти. Пещера находится глубоко под горой, если не было притока воздуха, то, может быть, что-то и сохранилось. Первым в помещение проскользнули двое Искоряющих.

– Учитель! – Голос парня звенел от восторга. – Тут такое!

Отец Пауль шустро подхватил свои белые одежды и исчез в дыре, слышались довольные восторженные возгласы, отрывистые команды. Виктория заглянула внутрь, не переступая через железные обломки, ей хватило нескольких секунд, чтобы понять, что же ценного нашли ксены. Она прислонилась к целой стене и захихикала, постепенно тихое хихиканье перешло в смех, а смех – в дикий необузданный хохот. Усилилось сердцебиение, руки начали дрожать, появилась колющая боль в области желудка, но Виктория не могла остановиться.

– Что с тобой, мой мальчик? – Голос отца Пауля звучал глухо, словно говоривший был в соседнем помещении.

– Эт-то, эт-то... ой, не могу-у! Вадий, т-тварь! Твои шут-точки! – Алан согнулся, кашляя и смеясь одновременно, в висках начало пульсировать. – Это... качалка! 3-зачем под горой качалка? Лучше бы секс-шоп наш-шли!

– Прекрати!

Сильный удар отбросил конта к стене, зато истерика моментально прекратилась.

– А теперь повтори, что ты сказал, – жестко произнес отец Пауль.

– Это... механизмы для тела. При их помощи можно давать... нагрузку разным... мышцам, частям тела. Можешь использовать их для тренировок. Это бесполезные вещи. Бесполезные.

С этими словами конт развернулся и побрел в темноту. Проход один, найдет дорогу. Терять время он больше не собирался. Разочарование сдавило грудь тисками и никак не хотело отпустить. Стало обидно. Из кучи полезных вещей в хорошем состоянии сохранилась лишь грудa металлолома и пластика!

– Юноша, подождите старика. Я составлю вам компанию, пока мальчики здесь приберутся и все зарисуют.

Когда они выбрались наружу, солнце уже садилось за горы. Пахло жареным мясом, и Виктория почувствовала сильный голод. Последний раз они ели в Крови. Черт! Ее наверняка ищут. В Осколке, возможно, гибнут люди, а она здесь развлекается поисками тренажерных залов.

– Там есть механизм на двух колесах. Я его хочу, – устало произнес Алан, поворачиваясь к Учителю. – Ты мне должен за консультации.

Странно, но отец Пауль понял, о чем речь. Он согласно кивнул, не обращая внимания на непочтительное «ты».

– Если ты мне расскажешь о его назначении.

– Даже покажу. Хочу, чтобы твои кузнецы разобрали его и подумали, как сделать аналогичные... такие же... детали в наших условиях. Чем можно заменить. – К ним шел Иверт с настоящим шашлыком в руке и куском лепешки. – Отец Пауль, ты можешь убить меня, но это не даст ответы на твои вопросы. Попыток я не боюсь, Алвис подтвердит. Я буду орать, проклинать вас всех, материться, но ничего не скажу. Живой я буду полезней. Но мне бы хотелось сохранить нашу встречу в тайне.

– Мальчик мой, я уже понял, что с тобой лучше договариваться. Пока ты мне интересен, а поэтому ты свободен. Жду от тебя отчеты каждые десять дней, а когда начнется сезон холодов, ты прибудешь в нашу обитель, чтобы пройти обучение. Ты слишком невежествен для будущего короля.

Виктория поняла, что это не обсуждается. Она поклонилась отцу Паулю и про себя вздохнула с облегчением. До сезона холодов еще многое может произойти. Но пока конт Валлид зачем-то нужен Храму, а значит, ему еще позволят пожить в этом мире.

– Бешеный Алан, тебе нужно поесть. – Иверт протянул конту шашлык и лепешку.

«А жизнь налаживается», – подумала Виктория, вгрызаясь в сочное мясо зубами.

– Гордец, что заставило тебя привести Алана Валлида в ловушку?

Глаза отца Искореняющего заволакивал серебристый туман, но Иверт плевать хотел на его глаза. Он отступил на шаг и сложил руки на груди.

– С каких пор Бешеный Алан говорит твоими устами, старик?

– Непочтителен и дерзок, как и его хозяин. Мальчик мой, сам разговаривай со своим телохранителем. – Отец Пауль с усмешкой присел на стул, который ему принес ученик, и с интересом приготовился наблюдать.

– Иверт, ответь на вопрос, – проглотив недожеванный кусок мяса и едва не подавившись, произнес Алан.

– Мне нужно было заставить Рэя отправиться в Осколок с большим отрядом.

– Зачем?

– Чтобы помешать Ведмедю взять замок и выход к морю.

– И каким образом мое пленение тебе помогло? – Алан отложил мясо в сторону и непонимающе уставился в глаза горцу.

– Ты пропал? Пропал! Не пришел в Осколок. Молчун приказал Хвату отправить ему гонца, когда мы доберемся до места. Ветераны маркиза придут первыми, они вступят в бой или останутся в замке ждать тебя. Гонца нет. Что делает Молчун?

- Берет всех свободных людей и идет в Осколок.
- Видит, что Ведмедь предал наш союз, и бьет его, - закончил игуш.
- Но отчего ты просто не предупредил Рэя? - воскликнул Алан.
- Мальчик мой, лекции об обычаях народов, живущих на этом материке, я тоже включу в план обучения. Твое образование вопиюще неполное. Знания, которые хранит твоя голова, поразительны, но ты совершенно не ведаешь об обыденных вещах. Этот пробел мы устраним. Горец, ты должен рассказать своему господину о ваших обычаях.
- Это честь, не предавать своих. Вы чужаки. Я не могу доказать, что Ведмедь нападет на Осколок, но я подозреваю его в обмане. - Иверт пожал плечами. - Здесь тебе ничего не грозило.
- Ага, только изнасилование дурной бабой. - Алан покачал головой и потянулся за мясом. Сам черт не поймет этих горцев с их психологией. Но какое облегчение, что Иверт не предатель. От этой мысли по телу разлилась теплая волна, и конт улыбнулся. - И не думай, что я забуду рассказать Оське о твоих подвигах.
- Так не честно!
- Вам нужно поспешить. Племя Ведмедя самое большое на фронтире. - Всего парой слов отец Пауль сумел испортить Алану настроение. - С вами пойдут мои мальчишки, им давно пора пройти испытание боем. Две звезды. Этого будет достаточно. Когда все закончится, двое из них останутся сопровождать тебя в качестве телохранителей. Я дам им письмо для Длани.
- Виктория хотела возмутиться, не хватало ей еще соглядатаев, но сдержалась. Двое таких бойцов, как Длань, могли пригодиться в пути. А так как конт Валлид теперь «под колпаком» у отца Пауля, то чего уж возмущаться. Влипла по полной программе, теперь нужно расслабиться и получить от этого как можно больше удовольствия.
- Собрались они быстро. Двое воинов маркиза - сосредоточенные, серьезные, решительные - привели лошадей. Когда конт уже сидел в седле, к нему подошел отец Пауль с бокалом вина в руке.
- Что делать с твоим племенем, мальчик мой? - задал он странный вопрос.
- С каким племенем? - не понял Алан.
- Мне не нужны здесь люди. Я предложил горцам выбор: смерть или твою руку. Они выбрали тебя, мальчик мой.
- Все?
- Большинство.
- Это как? - растерялся Алан, с недоверием глядя в синие смеющиеся глаза.
- Поверь, я могу быть убедителен.
- В это она верила, видела, как работает Длань. Эта старая ехидна еще и улыбалась! Конт застонал и повернулся к Иверту за поддержкой, но горец только зубы скалил.
- Иверт, тебе не нужно племя? - вкрадчиво поинтересовался конт под дружный смех десяти юных ксенов. - Ты меня сюда привел, значит, тебе с ними и возиться.
- Бешеный Алан, я не хочу тебя убивать!
- Не понял.
- Горцы лишь раз присягают вождю. Чтобы принять нового, нужно убить прежнего.
- Мне никто не присягал, - поспешил Алан отказаться от сомнительной чести.
- Они присягнули через меня, - улыбнулся Учитель.

– Вот спасибо! – Алан не знал, плакать ему или смеяться. – Отправьте их в Кровь, пусть Рэй пока разместит их за стеной. И предупредите, что у меня свои законы. Жить отдельно они не будут. Если захотят, пусть уходят в другие племена. Я возражать не стану.

– Алан Бешеный Кузнечик – вождь племени, – покачал головой Иверт, выезжая на дорогу, ведущую вниз. – Вот отец будет смеяться.

Алан лишь сверкнул на него гневно глазами, прикидывая, что еще рассказать Оське об этом паршивце.

Они скакали в ночи, рискуя переломать лошадям ноги, гнали, надеясь успеть. Уголь и кони воинов маркиза постепенно отставали от легконогих и быстрых приземистых лошадей горцев, на которых ехали ксены, ведомые Ивертом. Виктория изредка бросала на них взгляды, гадая, как Алан смотрится со стороны. Парни практически лежали на шеях лошадей, ветер раздувал прижатые коленями подолы сутан и подвязанные под подбородками капюшоны. У каждого седла была закреплена короткая пика. Она обратила внимание на то, что мечи были только у троих ксенов – кривые яташи горцев, остальные предпочитали длинные ножи. Конечно, под сутанами у братьев наверняка припасено несколько сюрпризов, но знать это точно Виктория не могла.

Взошла луна, стало немного светлее. Виктория начала узнавать местность. Скоро будут видны стены Осколка. Может быть, тревога ложная и замку ничего не грозит? Может, они успеют?

Но они не успели. Когда отряд выехал на пригорок, с которого дорога спускалась к замку, ночь озарил свет пожара. Осколок горел, освещая распахнутые настежь ворота и мелькающие по обе стороны стены темные фигуры. Ветер дул в противоположную сторону, унося звуки к морю, и им были слышны лишь выкрики и треск лопающейся черепицы.

Виктория еще не разобралась в ситуации, не поняла толком, что происходит, когда десяток ксенов врзлся в гущу боя, а спешившийся Иверт ухватил Угля под узды.

– Эй, слезай с коня, ты слишком заметная мишень, – крикнул он.

Алан соскользнул со спины жеребца, и воины маркиза с мечами в руках тотчас застыли с двух сторон. Иверт увел лошадей в сторону и вернулся уже с луком в руках.

– Я на разведку, – бросил он и бесшумно помчался вниз, перебегая от камня к камню.

– Спрячьтесь за скалу, господин. – Пип чуть выдвинулся вперед, закрывая обзор.

– Ветер от нас, сюда ни одна стрела не долетит, – нетерпеливо повел Алан плечами, следя, как храмовники на ходу спрыгивают с лошадей, как мелькают серебристые росчерки их оружия.

– Коняки-то у ксенов выученные, – тихо проговорил Рыжий, обращая внимание конта на сбившихся в табун лошадей, которые, отбежав метров на сто от воюющих людей, застыли плотной группкой. – А вона и Хват с нашими. – Воин вытянул руку, показывая на людей, машущих мечами возле самых ворот.

Виктория прищурилась и только по росту смогла узнать ветеранов маркиза. Трое мужчин орудовали мечами, словно хворостинками, тесня за ворота четыре более худощавые фигуры.

– Рыжий, кто побеждает?

Блин! Она ни черта не понимает в этой средневековой мясорубке!

– Смотрите, кир! Это Рэй!

К замку неслась темная кавалькада всадников, навскидку – человек тридцать. Вперед вырвался воин на здоровенном жеребце, за его спиной развевался голубой вымпел

Валлидов. Виктория перевела взгляд на замок, серые балахоны ксенов мелькали в каждой группе сражающихся, и там, где сверкали пики или мечи братьев, трупов было больше всего. Эх, ей бы сюда лук! Ну почему она отдала его Хвату?

Отряд из Крови ударил с тыла, и исход боя был предreshен. От замка в горы поскакали одинокие всадники, их начали преследовать люди Рэя, один из убежавших отделился от группы и резко свернул на тропу чуть ниже того места, где находились Виктория и воины.

– Мы перехватим его! Быстро!

Адреналин ударил в голову не хуже шампанского. Она не думала о разболевшемся плече, о том, что Ярость в верховом бою для нее лишь помеха, ей нужно было что-то делать, а не ждать, пока люди гибнут по ее вине! Это она не раскрыла предательство, она купилась на сладкие речи, она доверилась чужаку! Ее вина! Только ее! И сейчас ненависть и злая тоска гнали конта вперед, на перехват одинокого всадника.

Они столкнулись почти лоб в лоб.

– Ведмедь! Сукин сын! Стоять! – заорал конт по-русски, узнав массивную фигуру и гриву волос и в азарте боя забыв все другие языки. Ярость удобно лег в правую руку, конт натянул поводья, пытаясь развернуть коня боком, и тут Уголь встал на дыбы и замолотил передними ногами, наступая на рыжего жеребца. Виктория, не особенно преуспевшая в джигитовке и не ожидавшая такой подлости от своего коня, не удержалась в седле и свалилась на землю, больно приложившись боком о собственный меч. Это и спасло ей жизнь – яташ горца просвистел как раз в том месте, где секунду назад была голова конта. Уголь заржал и попятился назад, чуть не наступив на своего хозяина.

– В сторону, кир Алан!

Ветераны окружили горца, отрезая ему путь к тропе. Он попытался рвануть в горы по камням, при этом успел ранить Пипа в руку, и может быть, прорвался бы, но что-то вжикнуло, и игуш начал заваливаться набок...

– Ну и зачем? – через пять минут спросил Алан, со злой тоской пнув труп Ведмедя, из горла которого торчала стрела с белым опереньем, прошившая его насквозь. – Зачем ты это сделал? – едва сдерживая гнев, прошипел он, резко разворачиваясь к Иверту. Улыбка сползла с лица горца. – Следы заметаешь? Ты мог убить его лошадь, мог ранить Гихарда, но ты его убил!

Виктория поняла, что еще немного, и она бросится на Иверта с кулаками. Недоверие вновь просочилось в мысли и отравило разум. Она подошла к Углю, устало забралась в седло.

– Обыщите труп и завалите его камнями.

Виктория прищпорила жеребца и погнала в сторону Осколка, совершенно не заботясь о своей безопасности, только отметила отстраненно, что Иверт едет следом, держа лук на коленях. В голову закралась мысль, что сейчас конт для горца просто идеальная мишень. Выстрелил в спину – и свалил все на людей Ведмедя. Трезво оценивать ситуацию не получалось, оказывается, она совершенно не знала этого зеленоглазого мужчину.

На подъезде к Осколку им наперерез выехали две группы – двое ксенов в неизменных балахах и с пиками в руках и несколько воинов, размахивающих мечами.

– Это Уголь господина! – Виктория с облегчением узнала хриплый надсадный крик Серого. Ее окружили воины во главе с окровавленным наместником Осколка. – Живой! Слава Ирию, живой! Эй, Кривой, скажи капитану, сообщи радостную новость, пока он всех пленных не перерезал.

– Сильно ранен? – коротко спросил Алан, заметив в отблесках пожара наскоро перетянутое обрывками рубашки плечо Серого.

– Сквозная, от стрелы, заштопают и буду как новенький, – усмехнулся воин.

– Много погибших?

– Много, кир Алан. – Даже в темноте было видно, как посуровело лицо воина. – Кабы не подмога, всех бы порезали. Хват попал в засаду, едва отбилсЯ со своими парнями, двоих потерял, а мои салаги только меч держать научились. Ведмедь, ур-род, почитай, все свое племя привел, да еще договор заключил с Черным Ястребом.

Когда за ее спиной замаячили двое ксенов, Виктория даже не заметила, но Серый заметил и не смолчал:

– Кир Алан, где вы таких знатных бойцов раздобыли? Один такой воин пятерых в бою стоит. Никогда не видел, чтобы так пиками орудовали, не братья, а дети Вадия, – с искренним восхищением заявил он. – Мне бы таких парней в сержанты, и мы бы удержали Осколок. Простите меня, господин, – склонил он голову, придерживая поводья здоровой рукой, по импровизированной повязке расползлось кровавое пятно, но наместник не обращал на это внимания.

– Не ты виновен, Серый, – громко заявил Алан, выразительно глядя на Иверта.

– Я, кир Алан. Ведь не верил я горцам, знал, что обманут, готовился, но не успел. Думал, они соль выкачают, а только потом полезут, а оно вона как вышло.

Битва началась внутри. Ведмедь в сопровождении звезды приехал обсудить сроки отправки соли на континент. Пока Серый с вождем спорили, а затем обмывали договор, горцы разоружили охрану на воротах и впустили в замок своих. Когда ударил тревожный колокол, Ведмедь попытался убить наместника, но старый воин оказался сильнее и опытнее, он пошел на прорыв и смог присоединиться к своим людям. Ведмедю очень хотелось сохранить Осколок для себя, поэтому фактически бой шел за каждую комнату, и когда Серый понял, что горцев слишком много, он приказал поджечь замок.

– Помирать мы уже собрались, так, чтобы этой роже немытой ничего не досталось, думаю, дай спалю все к духам темного!

Они спешили к стенам, недалеко от ворот, и первым, кого заметила Виктория, был Рэй, спешащий навстречу, а следом за ним, ругаясь и что-то крича, бежал Хват, размахивая полотенцем.

– Швы разойдутся, тау ты бешеный! Капитан! Стой, башку перевяжу!

Рэй только отмахивался. Он налетел, словно резкий пустынный ветер, пахнущий дымом и кровью, молча ощупал конта, а потом вдруг прижал к себе. Даже когда Викторию вытащили из плена, Рэй не проявлял столько чувств.

– Живой я, живой, – пробормотал в смущении Алан. – Рэй! Да у тебя голова рассечена!

– Один ур-род кожу снял, да Хват уже зашил, – отмахнулся капитан. В этот момент его и догнал вышеупомянутый Хват. – Давай сюда тряпку, сам намотаю, – буркнул Рэй, поворачиваясь к ветерану и отбирая у него полотенце.

– Капитан, тама игуш! Один! Говорит, что он отец жены нашего конта! Ага! Гнать али вешать? – К ним подбежал молоденький парнишка из слуг. Он смотрел на Рэя с нескрываемым восторгом. – Он в поле, его братья Искореняющие на пику взяли да мордой в землю поклали! А меня послали вас найти! И сказали это вам отдать! – Он с благоговейным трепетом, как огромную ценность, протянул Рэю большую мытую морковку.

Алан отвернулся, чтобы скрыть неуместный смех, так и рвущийся наружу. Нервы, не иначе.

Они сидели в чудом уцелевшей замковой кухне: конт, Рэй, Хват, Сарх и Иверт, за стулом Алана стоял безмолвный ксен, второй сидел на подоконнике и наблюдал за всеми безразличными зелеными глазами, – тот рыжий, что вывел конта из заточения в лагере

Гадюки. За все это время Виктория не услышала от воспитанников отца Пауля ни одного слова. Где остальные Искореняющие и чем они занимаются, она не знала, только видела несколько фигур в длинных рясах возле раненых.

– Эй, брат Искореняющий, как мне к вам обращаться?

– Как угодно, – улыбнулся рыжий. – Только не называйте нас Искореняющими, мы пока еще ученики.

– А имена у вас есть?

Парень безразлично пожал плечами:

– Имя дается вместе с саном.

Вот еще головная боль! Ну не звать же их «Первый» и «Второй»! Виктория резко повернулась и всмотрелась в лицо второго парня, в противоположность курносому и круглолицему рыжему этот был худощавый, темноволосый, с длинным тонким носом с горбинкой и карими круглыми глазами.

– Я буду звать его Ворон, а тебя Лис.

– Что означают эти имена? – поинтересовался темноволосый.

Виктория впервые услышала его голос – хриловатый, словно простуженный или сорванный долгим криком.

– Ворон – это хищная птица, посредник между миром мертвых и живых. Лис – хитрый и коварный рыжий зверь.

Парни согласно кивнули.

– Вы не могли бы помочь нашим ксенам?

– Кир Алан, у нас есть четкий приказ охранять вас. Вы просто забудьте о нашем существовании, – ответил рыжий, который верховодил в этой двойке и, как подозревала Виктория, не только здесь.

Просто забудьте еще о двух шпионах! Прекрасно!

– Не слишком ли много телохранителей на одного скромного меня? – с тихой злостью прошипел Алан. – Десяток Хвата, Иверт, теперь еще и вы!

– Вы ведь до сих пор живы, – безразлично произнес рыжий, глядя на конта пустыми глазами.

– Они готовы умереть за вас, встав на пути стрелы? – подал голос Ворон из-за спины конта.

Иверт, услышав вопрос, встрепнулся, но Сарх положил руку на плечо сыну и отрицательно покачал головой.

– А вы готовы? – нахмурился Алан, ощущая колоссальную усталость.

– Нас этому учили – умирать за других, принимать за других боль. Мы сумеем защитить вас, кир Алан, пусть даже ценой своей жизни, – просто ответил парень.

И Виктория поняла, что это не бравада. Они действительно готовы умереть за незнакомого и ненужного им человека только потому, что им приказали. А писать доносы, кроме них, есть кому. Что-то громко щелкнуло, она опустила взгляд и поняла, что сломала деревянную ложку, которую крутила в руках. Мальчишки ведь совсем! Им еще и по двадцать не исполнилось, почему они должны умирать за чужие идеи? Ладно, пора брать себя в руки.

– Я постараюсь сохранить вам жизнь, – пообещал конт Алан Валлид своим охранникам и повернулся к остальным: – Рассказывайте.

Виктория понимала, что не навязанные телохранители-соглядатаи за спиной выбили ее из колеи, а то, что она увидела в Осколке.

Трупы, трупы, трупы. Молодые воины, которые пришли в замок в расчете на лучшую жизнь, рабы, слуги. Женщины, мужчины и дети. Она никак не могла избавиться от видения – мальчишка не старше семи лет с разможенной головой... он лежал на животе в луже крови, нелепо подогнув ногу. Она не хотела видеть его лица, не хотела видеть страх и боль в детских глазах, но кто-то из воинов перевернул тело. Стоя над трупом, Виктория представила, как перепуганный ребенок убегает, как его догоняет взрослый мужчина и опускает тяжелый яташ на светлую макушку. Она так хорошо и отчетливо это вообразила – ужас ребенка и безразличие убийцы, отчаянное желание жить и ненависть, что ее повело в сторону, и только благодаря Рэю, схватившему конта за руку, Алан не упал. Что сделал им ребенок? В чем его вина? И как теперь поступить конту Алану Валлиду? Как сделать так, чтобы больше никогда такое не повторилось? Маркиз приказал вырезать племя за нападение на веску, не так ли он был не прав?

– Пожалуй, я начну, – устало улыбнулся Хват, а затем повернулся к Иверту: – Спасибо, игуш. Спас ты меня от позора, а нашего конта – от смерти неминуемой. Кабы не увел кира в сторону, вместе с нами в засаду попали бы, и пела бы Тарания нам песню погребальную. Люди Ястреба как увидели, что конта с нами нет, так сразу половина ушла, тем и спаслись. Козопасы все полегли, да и я двоих потерял, зато остальных успел привести в Осколок на подмогу Серому.

– Кир Алан, а эти откуда? – покосился на безмолвных послушников Рэй и выволок на свет тонкую кривую морковку.

– От твоего друга Учителя. Где Литина? – не обращая внимания на побледневшего великана, спросил Алан.

– Хват не прислал гонца, и я понял, что вы в Осколок не прибыли. А как понял, сразу скомандовал задержать обоз, а сам взял три десятка и поспешил на подмогу, – сообщил Рэй. – С нами брат Эдар и наш Турид. Они раненых пользуют. Я гонца отправил в Роган и в Кровь, чтобы глядели во все глаза. Найк в Рогане, готов выступить на Черного Ястреба, им там близко. Племя-то мы раньше хорошо пощипали, да не добились ур-родов. Эх, говорил я вам, надо было с ними заканчивать, еще когда они Берта взяли, – взмахнул он морковкой. – Сейчас ударить самое время. Там в племени, почитай, одни бабы да дети остались, мужики все сюда пришли. Те, что выжили после бойни, которую ученики ксенов устроили, нам не соперники. Прикажете, кир Алан, да я гонца Найку пошлю. Ему своих салаг в деле опробовать надо, чем не повод?

– Лис? Выделишь людей в помощь? – отстраненно поинтересовалась Виктория, уже приняв непростое решение. Ученик отца Пауля подумал мгновение и кивнул. – Хочу, чтобы от племен Ведмеда и Ястреба ничего не осталось, хочу, чтобы вы разрушили их селения, чтобы о них забыли через зиму! – Алан стукнул кулаком по столу, заставив стоящие на нем тарелки жалобно звякнуть. – Только не трогать детей до пяти лет. Мальчиков послушники заберут с собой, к Учителю. Скажи, я просил воспитать из них Искореняющих, не знающих своих предков и преданных нам и нашим богам. – А про себя подумала, что эти мальчишки вырастут и придут на земли своих родных огнем и словом выжигать ересь и навязывать остаткам игушей новую религию. – Девочек отдадим на воспитание нашим бабам, за каждую дам приданое, но чтобы растили как своих, не попрекая происхождением. – Алан поднял глаза, его жесткий и прямой взгляд пробежал по притихшим собеседникам и остановился на лице Сарха Гривастого Волка. – За каждого моего человека, убитого игушем, я буду брать жизнь всего племени. Я приветствую мир, но готов к войне. Племя Ведмеда было самым большим на фронтире, но через несколько дней о нем все забудут. Запомни это, Сарх!

– Так я пошлю гонца в Роган? – Рэй хмурился, но не оспаривал решения господина. – Может, взять в рабство баб и старших детей? Или всех под нож?

– Сарх, ты возьмешь в племя старших детей или женщин?

– Ты удивил меня, Бешеный Алан. Твоя месть изощренная и коварная. Воспитать наших детей против нас... Ты очень опасный человек, и мое сердце наполняет радость от мысли, что не я твой враг. От Ястреба никого не возьму, у нас с ним вражда еще от прадеда, – спокойно ответил Волк, он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел

на конта, словно впервые его видел. С уважением, которого Виктория никогда раньше не замечала в его глазах. – А от Ведмеда позволь мне выбрать! Я женат на его дочери и хотел бы забрать ее родню.

– Почему ты не предупредил меня? – вырвался вопрос, который Виктория не собиралась задавать. Но он уже слетел с губ и отозвался в душе болью. Ведь можно было избежать кровопролития!

– У меня союз с Ведмедем, его дочь мне жена, но у меня союз и с тобой, моя любимая дочь носит твоего ребенка. Чтобы не запятнать честь, я задал вопрос духам предков, как мне поступить? И не получил ответа. Духи хотели проверить меня, что я выберу – давнюю дружбу или новые возможности? Я не глупая девушка, Бешеный Алан, я выучил ваш язык, я плавал по морю и видел ваши селения. Я вижу, что мир меняется, растут города, появляется новое оружие, ваши наставники делают новые открытия, и только мой народ не хочет идти вперед, цепляясь за старые обычаи. Я не хочу, чтобы нас забыли, я хочу, чтобы со мной считались, чтобы нас принимали как... государство. Чтобы больше ни один король не смог сказать, что это его горы! Он не воевал с нами! Он просто сказал, что это его земля, и все ему поверили! Я не хочу отдавать земли предков изгнанникам! Я хочу, чтобы мой народ тоже жил в городах, чтобы нас уважали и боялись, а не считали глупыми козопасами. Ты понимаешь меня, сын моего кровника Сани? – Алан кивнул. – Поэтому я не стал воевать на стороне Ведмеда, и он очень на меня обиделся, и молодые воины племени обиделись. Мне пришлось убить двоих, потому что волчата посмели бросить вызов матерому волку. Но я не стал воевать и на твоей стороне, Бешеный Алан. А ты очень хорошо справился сам.

– Ты не мой друг, Сарх Гривастый Волк, ты партнер, и я понимаю тебя, но твоего сына я считал другом. Он предал меня, не сказав о готовящемся нападении. Я больше не хочу видеть Иверта Урагана рядом с собой.

Ну и зачем она это сказала? Кто ее дернул за язык? Да еще и голос сорвался от обиды. У, как стыдно! Как это не по-мужски! Надо было просто дать ему в морду!

– Эй, Бешеный Алан. – В отличие от спокойного отца Иверт бурлил, словно весенний ручей, хватанувший слишком много талых вод. Он вскочил на ноги и положил руку на рукоять кинжала. Виктория почувствовала, как сзади подобрался Ворон. – Я давал клятву верности лично тебе, а не твоему народу! Тебе, Бешеный Алан, я должен жизни!

– Мой сын не мог пойти против союзного племени, – пояснил Сарх. – Это бесчестие – выдать захватчикам тех, с кем у тебя общие предки.

– Он убил Ведмеда.

– Я горжусь своим сыном. Он спас моего друга от позора. Смерть в бою ведет к предкам, смерть от веревки – ведет к забвению. Это худшее, что может произойти с воином.

– Он спас вас, кир Алан, – вступил в разговор Хват. – Увел от опасности, а ваше исчезновение навело Рэя на подозрения, что затевается грязное дело, и капитан поспешил на помощь. Иначе мы все были бы мертвы. Все. И вы тоже. У горцев странные понятия о чести, но если они дают клятвы, можно не волноваться.

Какая прелесть! Любую клятву можно обойти, и Иверт это прекрасно продемонстрировал. Виктория не хотела слушать никакие доводы. Ей нужен был виновный, и она назначила на эту роль Иверта.

– Спасибо, Иверт Ураган. Если бы все мои люди погибли, а я остался жив, я был бы благодарен тебе еще больше, – процедил Алан сквозь зубы. – Я сделал выводы и запомнил все ваши слова.

– Я не мальчик, чтобы оправдываться перед тобой, Бешеный Алан. Я делаю то, что считаю нужным, чтобы отдать тебе долг жизни, – не менее ядовито ответил Иверт, кривя губы в перекошенной улыбке.

– Ты спас мне жизнь, поэтому выполнил свой долг. Я возвращаю твои клятвы. Ты больше мне ничего не должен, можешь спать спокойно, и желательно подальше от меня. – Голос конта сочился ехидством, хотя больше всего Виктории хотелось кулаками размазать

улыбку горца по его лицу.

– Я сам решаю, где и с кем мне спать.

– Это я заметил, пока мы были в плену у Гадюки.

– Я пошел на это, чтобы защитить тебя от женщин! – возмущенно заявил Иверт.

– Да мне плевать! Главное, чтобы ты сейчас находился как можно дальше!

– Вы ругаетесь, как старые любовники, – довольно улыбнулся Сарх. Дождавшись, когда мужчины с одинаково возмущенными лицами повернутся к нему, он сменил тон на более жесткий, и Виктория моментально вспомнила, где они находятся и что ей предстоит. – Когда ты пойдешь в поход на селение Ведмеда?

Алан перевел взгляд на Рэя.

– К обеду выступим.

– В Роган отправятся трое послушников, – безразличным голосом проговорил Лис. – Остальные будут с вами, конт Алан Валлид. Ведь это вы поведете в бой своих людей?

Виктории показалось или в голосе парня прозвучал намек? Зная, каким может быть Алвис, она решила, что не показалось. Черт! Черт! Черт! Как соблазнительно остаться здесь, а еще лучше – сесть на корабль и убраться как можно дальше от горцев, от мести, от проклятого решения, которого она себе никогда не простит! Сказать, что она не может нарушить график, что у нее встреча, и уйти морем в герцогство. Малодушно сбежать от убийства. Нельзя убивать детей! Нельзя! А она собирается это сделать, потому что точно знает, что эти дети вырастут и придут убивать ее детей. Она ненавидела себя за жалость, ненавидела за принятое решение, ненавидела за трусость. Но конт Алан Валлид не имел права трусливо прятаться за спиной Рэя, за спинами этих мальчишек-ксенов, за спиной Хвата и его ветеранов. Не позволит она себе такого. Виктория никогда не была трусом, но сейчас она боялась. Боялась собственной совести. Оправдания вроде «это не я, это время такое» она считала для себя неприемлемыми. Полностью осознавала свою ответственность за отданное распоряжение, осознавала, что она себе этого не простит, и когда придет ее время, ответит на божьем суде за принятое решение.

– Кир Алан, у вас же еще плечо не зажило, – начал Рэй.

Да! Скажи это! Скажи, что ей нельзя в бой, что рука еще плохо работает, что конт не тренировался последние несколько десятилетий! Скажи это, Рэй! Отговори своего воспитанника от глупого шага! Запрети! Не дай увидеть еще раз этот кошмар!

– Это мое решение и моя боль, Рэй. Мне нести этот грех до самой смерти, – прошептал конт по-русски, глядя в окно, на подоконнике которого примостился Лис. – Ты прав, ученик Искореняющего, я сам поведу в бой людей. Рэй, проследи, чтобы у братьев было все необходимое для путешествия, и отправь их в Роган с двумя сопровождающими. А теперь оставьте меня. Все!

Прежде чем Лис плотно закрыл дверь, она услышала, как Ворон говорит Сарху:

– Я слежу за тобой, вождь. Будь на виду, пока капитан допрашивает пленных.

Еще и пленные. Интересно, много ли? Хотя какое это имеет значение? Кто к нам с мечом пришел, тот на него и напорется. Нужно взять этот девиз и не забыть сказать Неженке, чтобы написал под гербом в зале приема. Красивыми буквами, полукругом, белым цветом на голубом. Или лучше синим? Господи, о чем она думает?

Виктория подошла к узкому окну и, упершись лбом в раму, затихла. Поплакать бы, но слез не было. Солнце уже взошло, по двору сновали люди, кто-то скидывал с крыши обгоревшую черепицу, кто-то стаскивал ее в кучу за ворота. Трупы уже убрали, и Виктория видела, как немногочисленные женщины таскают за стену дрова и хворост. На погребальный костер. Один на всех. Серый, без рубашки, с перевязанным плечом и замотанной окровавленной тряпкой головой, хрипло руководил подъемом бревна на стену. Утром выяснилось, что разрушения не такие глобальные, как показалось

Виктории изначально, просто пламя в ночи смотрелось очень устрашающе. Полностью сторели казарма и крыша левого крыла. Наместник сказал, что к холодам крышу перекроют, а вот от запаха избавиться будет намного сложнее. Надо приказать Рэю, чтобы заставил пленных работать. Пусть хоть какая-то польза от них будет, повесить всегда успеется. Серый уже послал гонцов в соседние вески за подмогой, и к обеду ожидалось первые подводы с крестьянами, а пока нужно было привлекать всех здоровых людей. Справятся.

Виктория потеряла уставшие глаза и всхлипнула. Ну почему ее не оставят в покое? Она просто хочет жить, растить детей, обустроить дом, учиться и учить. Хочет принять это тело и создать настоящую семью, хочет любви. К Вадию дурные мысли! Хватит жалеть себя! Проблему горцев надо решать, и решать раз и навсегда, иначе Дару придется постоянно воевать. Кнут и пряник. Сегодня она покажет кнут, а завтра предложит пряник. Не хотелось бы приносить в этот мир геноцид, поэтому Алан Валлид попробует найти другой путь.

«Но если не получится?» – спросил женский внутренний голос.

«Вот тогда и будем думать, что можно еще сделать», – ответил ему мужской.

Странное раздвоение сознания – по половому признаку, грустно усмехнулась она.

– Позовите горцев и Серого!

Вместе с игрушками пришел Ворон, он мазнул по конту ничего не выражающим взглядом потенциального убийцы и стал у стены, спрятав кисти рук в широкие рукава сутаны. Раздражает. Сарх сел на стул, с задумчивым интересом поглядывая на конта и поигрывая длинной травинкой, а Иверт примостился за спиной отца, сложив руки на груди. Он вновь замкнулся, как в первые дни их знакомства, и Виктория ничего не могла прочесть по его лицу. Ну и дьявол с ним! Она не считала себя виноватой или неправой. И плевать ей на их обычаи! Дружья так не поступают. И тут же себя одернула, словно два человека спорили в ее голове. Ну что за детсадовские мысли? Что за девичья обида? Иверт поступил верно – с точки зрения местных и их понятий о чести. Он пытался защитить, пытался как мог, как воспитан. А вместо благодарности получил презрение и обиду. Алан, у тебя вроде как не должно быть ПМС, так что это за психи?

Поток бессвязных мыслей прервал приход Серого.

– Бешеный Алан? – вопросительно поднял красивые брови Сарх, когда наместник сел за стол.

– Гривастый Волк, я хочу, чтобы ты собрал всех вождей свободных племен. Всех! Через три дня, здесь, в Осколке.

– Ты хочешь напасть на вождей?

– Нет, я хочу сделать предложение, от которого они не смогут отказаться, – увидев непонимание на лицах собеседников, Алан вздохнул. – Пока я просто хочу поговорить.

– Вожди не станут говорить с равнинником, – категорически заявил Сарх, выразительно покачав головой. – Ты не вождь, а с чужаками не ведут бесед.

Вот же жук этот отец Пауль! Ведь знал, интриган старый! Знал! Поэтому и всучил Алану племя Гадюки! Поэтому и настаивал! Вот хитрый сукин сын, но спасибо за подарок. Сочтемся!

– А с вождем племени они будут разговаривать? – Алан облокотился ладонями на стол и склонился в сторону Сарха.

– С вождем?

– Вождь Сарх Гривастый Волк, позволь представить тебе вождя Алана Бешеного Кузнечика, – голосом, лишенным эмоций, произнес Ворон. – По праву сильного он взял племя Горной Гадюки под свою руку.

Иверт стоял и откровенно смеялся. Бросив на него взгляд, Виктория скрипнула зубами. Что за дурацкое имя! И дернул же ее черт сравнить себя с кузнечиком! Нет чтобы назваться драконом! Как бы звучало – Алан Бешеный Дракон. Фу! Еще хуже.

Сказать, что Сарх удивился, – значит промолчать. Он открыл рот и вылупился на Алана, как на спустившегося с небес духа любимого дедушки. Последовали быстрый взгляд на сына, кивок Иверта, и вождь громогласно расхохотался.

Нашли себе шута, обиделась Виктория. Ну не виновата она, что постоянно влипает в какие-то истории! Вдруг становится то мужчиной, то папой, то вождем.

– Ты не устаешь поражать, Бешеный Алан! Вожди будут в ярости, но закон предков гласит, что все мы равны между собой. Я соберу Совет племен.

– Отлично. Серый, сегодня же отправь гонца к маркизу Генри Раман. Я напишу ему, чтобы через три дня все опальные дворяне фронта прибыли в Осколок. Те, кто не явится, будут объявлены моими личными врагами.

Глава 6

Над всеми горами возвышается гора Иверия, где в окружении храбрых воинов обитает Первый Дух. Стены дома его сложены из камня, а крыша покрыта облаками. Сидят за столами духи предков и пьют вина сладкие. Играет музыка, и взоры их услаждают танцовщицы молодые. Рядом с Первым Духом восседают его жены – грозная и ревнивая Снежная Буря, воинственная, всегда готовая к бою Подгорная Дева и тихая, скромная, вечно юная Утренняя Заря. Приходит на пир и Дух Моря, когда он не занят ловлей жемчуга и усмирением ветра морского. Нет большей чести для павшего воина, чем попасть на гору Иверия.

Отец Пауль отложил в сторону последний отчет, задумчиво кивнул собственным мыслям и поднял глаза на застывшего у входа в шатер рыжего ученика.

– Садись, мальчик мой, угощайся, – махнул он рукой на накрытый стол. – А пока будешь ужинать, ответь на несколько вопросов.

Лис сел за стол и пододвинул к себе тарелку с тушеной птицей. Желудок жалобно рыкнул, когда аромат мяса коснулся ноздрей, и, хотя воспоминания о резне, устроенной ими в поселении Ведмеда, до сих пор вызывали тошноту, он понимал, что скоро придется отправиться в обратный путь и неизвестно, когда удастся поесть. Отец Пауль подождал, пока ученик утолит первый голод, и задал совершенно не тот вопрос, который рассчитывал услышать послушник.

– Как ты себя чувствуешь?

Лис прислушался к себе.

– Устал, – не поднимая глаз от тарелки, ответил он.

– Ты поступил верно. Мне жаль, что вам пришлось в этом участвовать, но это было необходимо. Я прочел отчеты, но теперь хочу услышать твой рассказ. Меня интересует конт Алан Валлид. Твои впечатления.

Рыжий ненадолго задумался, вспоминая детали, жесты, взгляды, слова.

– Ему это не нравилось. Очень не нравилось, он постоянно искал способ избежать резни. Разведчиков Серый отправил сразу, как только было принято решение о нападении на племя. Они доложили, что горцы поспешно собирают вещи, видно, хотели уйти в горы, там мы бы их не достали. Пришлось выйти раньше запланированного. С нами шли воины вождя Гривастого Волка, немного, пятнадцать человек, на этом настоял капитан Рэй, но конту это не нравилось, он больше не доверяет горцам. Мы окружили поселение в сумерках, перекрыли все тропы, закрыли каждую щель. Горцы действительно собирались уходить, вы же знаете, как устроены их вески? Большая площадь в центре, от которой идут дороги. Так вот, вся площадь была забита людьми, козами, повозками. Словно Вадий нас услышал и собрал всех врагов в одном месте, чтобы мы не бегали. Мы сняли дозоры. Девять мужчин, точнее, восемь очень молодых мужчин и один дед. Странно, но они нас даже не заметили, только дед успел метнуть нож, но и он промазал. Они так слабы и беспечны?

– Это не они слабы, это вы сильны, – улыбнулся Учитель. – Продолжай, мальчик мой.

– Рэй расставил лучников на ближайших скалах, они держали под контролем каждый угол селения и все подступы к нему. Они и начали выбивать цели. Кир Алан был среди них. Знаете, Учитель, он отличный стрелок. Никогда не слышал о благородном, который владел бы луком. Я специально следил, ни одного промаха, все стрелы попали в цель, все в жизненно важные точки. Он не ранил, он убивал. Восемь человек. Пятеро мужчин и три женщины. Я заметил, что он избегает стрельбы по подросткам и молодым женщинам. Остальные лучники такой щепетильностью не отличались. Когда горцы поняли, что на них напали, половина уже была ранена или убита. И тогда в бой вступили мы. – Ученик замолчал, налил себе немного вина, изрядно разбавил его водой, выпил и только после этого продолжил: – Это не было боем, это было избиением. Я приказал убивать только тех, у кого в руках оружие, мы не наемники, чтобы резать детей и безоружных. Это не наша война. Если я не прав, готов принять любое наказание. – Он склонил голову.

– Мальчик мой, что я вам сказал, когда вы уходили с контом? – мягко спросил отец Пауль.

– Помните о выборе. Вы слуги Вадия, а не конта Алана Валлида.

Учитель довольно кивнул:

– Продолжай.

– Они сопротивлялись так, как могут сопротивляться только обреченные, даже дети, словно бешеные звери, кидались на пики. Мы вырезали всех мужчин за четвертую часть рыски. Следом за нами шли горцы, они добивали раненых и оттаскивали в стороны детей и женщин, которые им приглянулись. Никто не возражал, уверен, кир Алан сам просил об этом Волка. Некоторые женщины сопротивлялись не хуже мужчин, они обучены владеть яташами с детства и, не раздумывая, пускали их в ход. Их всех ликвидировали. Люди Рэя прочесали дома, дорезали тех, кто прятался, нашли еще детей и двух беременных женщин. А потом всех оставшихся в живых согнали в кучу. Крики, плач, проклятия и ненависть. Я ощущал эту ненависть собственной кожей. Как можно так ненавидеть? На что они рассчитывали, нападая на замок конта? На то, что он их простит? Но это ведь глупо.

– Они считают поселенцев захватчиками, врагами. И не так ли они не правы? Подумай об этом на досуге и напиши мне, к каким выводам пришел. Что в это время делал кир Алан?

– Он не расстался с луком, постоянно держал стрелу на тетиве, чтобы в случае необходимости прийти на помощь. Несколько раз он спас чьи-то жизни. Ворон был с ним, его отчет я тоже привез.

– Ворон и Лис, да, я читал. Очень занимательно, очень, не находишь? Он дал новое название известному животному, а вот о какой птице речь, я не понял. Постарайся разузнать о ней побольше.

Ученик почтительно склонил голову.

– Детей до пяти лет сразу увели. Они прибыли к вам вчера.

– Да, спустя три рыски после того, как мальчики привезли партию детишек из племени Черного Ястреба. Блистательная идея! Сделать детей врагов верными союзниками. Я рад, что не ошибся в Алане Валлиде. Я тебе говорил, что наши мальчики испытали очищенный взрывной порошок? Превосходные результаты. Превосходные! Они спустили на селение Ястреба камнепад. Говорят, очень впечатляющее зрелище. Но мы отвлеклись. Я тебя слушаю, мальчик мой.

– Кир Алан называет взрывной порошок «порох». Он хотел купить у нас кувшин.

– Порох? Хорошее название. Интересно... интересно... Не отвлекайся, об этом мы поговорим позже, но пока я не считаю правильным выпускать это изобретение в мир.

– Когда все закончилось, конт спустился вниз. Учитель, на него было страшно смотреть. Белый, на щеках болезненная краснота, только глаза блестят – черные, нездоровые, запавшие внутрь, и губы прокушены до крови. Я подумал, он сейчас упадет, но он встал напротив пленных, оперся на меч и совершенно спокойным голосом спросил у Волка: «Ты взял себе женщин и детей?» Когда тот кивнул, он повернулся к остальным и произнес: «Я – вождь Алан Бешеный Кузнечик, мое племя живет на равнине в замке Кровь. Я пришел мстить за смерть своих людей. Вашего племени больше нет, ваш вождь убит, ваши воины повержены. Вы можете пойти под мою руку в мое племя, можете перейти в племя Сарха Гривастого Волка или умереть. Каков будет ваш выбор?» Иверт Ураган перевел. Клянусь, Учитель, пока игуши кричали, возмущались, советовались – он зывал. Я уверен в этом! Я видел, как люди зывают в отчаянии, и конт Валлид зывал. И зывал он не к нашим богам. Потому что, когда кир Алан открыл глаза, он сделал такой жест. – Ученик размахисто перекрестился. – И прошептал: «Господи, спаси и сохрани!»

– Иноверец? Где-то я уже это слышал...

Отец Пауль встал и подошел к шкафу с папками, он пробежал пальцами по переплетам, наконец вытащил темно-синюю папку, водрузил ее на стол и начал быстро переключать листы бумаги. Спустя некоторое время он нашел то, что искал, несколько раз перечитал, затем медленно повторил жест.

– Я не ошибся. Брат Алвис тоже заметил этот жест у конта Валлида. Продолжай.

– Женщины отдали детей Сарху. Трое подростков тоже попросились в его племя, две женщины согласились перейти в племя Алана Бешеного Кузнечика, остальные предпочли смерть.

– Но ведь не это ввело кира Алана в то плачевное состояние, в котором он сейчас находится?

– Нет, это известие он воспринял весьма спокойно. По крайней мере внешне. Хочу сказать, что у него отличное самообладание. Как вы говорите, он умеет держать лицо. Но его глаза... глаза его иногда выдают. Когда он задумывается или злится, он забывает, что надо смотреть холодно и отчужденно, – улыбнулся юноша. – Пленные попросили смерти от меча, а не от веревки. Кир Алан спросил у воинов, кто это сделает? Вызвались Сарх и его горцы. Вождь сказал, что это его долг – отправить друзей к духам предков, у них для этого даже есть какой-то ритуал. Но мне кажется, он просто оказывал услугу киру Алану или таким образом рассчитался с ним за то, что не предупредил о предательстве Ведмеда. Горцев трудно понять, но, думаю, мы сможем это выяснить, если вам интересно. Когда они приступили к ритуалу, одна из девушек смогла вырвать кинжал из рук воина и бросилась на конта. Он стоял к ней вполоборота, держал меч в ножнах и не успевал выхватить оружие. Но он отбросил меч и схватил ее за руку так, что кинжал оказался у ее горла. Когда мы подбежали, конт лежал на спине, на нем застыл труп горянки, у нее оказалось перерезано горло – от уха до уха. Кир Алан был весь в крови, мне даже почудилось, что он наглотался крови. Когда мы его подняли, он плевался и ругался, а потом почти побежал к речке. Вы видели на карте, что рядом с селением протекает речка – ледяная, быстрая и мелкая. Он встал на колени, начал мыться. Мне показалось, что он хотел снять с себя кожу. А потом конт покачнулся и упал лицом прямо в воду. Рэй заорал, что это стрела, Ворон тут же его вытащил, но мы не нашли никаких новых ран, только воспаленную старую рану на плече. Рэй раздел конта, упаковал в одеяло, и Ворон в сопровождении ветеранов маркиза повез его в Осколок. Мы взорвали дома, горцы завалили трупы камнями, люди конта Алана вернулись к нему, а я поспешил к вам за дальнейшими указаниями.

– Все указания здесь. – Отец Пауль протянул юноше кошель с деньгами и небольшой кожаный футляр. – Вскроешь его, когда прибудете в герцогство.

Телега тряслась и подпрыгивала, солома забралась под одеяло и нещадно кололась, тело затекло так, что пробуждение вышло весьма неприятным. Раскалывалась голова, во рту все еще стоял привкус чужой крови, и, кроме того, конта бросало то в холод, то в жар и очень хотелось пить.

– Эй, – тихо позвал он.

– Кир Алан, попейте. – Над ним склонилось выбритое лицо ветерана, воин приподнял голову конта и прижал к его губам глиняную фляжку. Горький напиток потек в горло, и Алан, поперхнувшись, закашлялся. – Осторожненько, осторожненько. Скоро приедем, уже видны сторожевые башни Осколка. Потерпите немножко. А там мы вас вымоем, покормим да спать уложим. Девку горячую под бок, и утром встанете, словно младенец.

– Что случилось?

– Вы в речку упали. А там быстрина, вода ледяная, пока вытащили, вы и простудились.

– А чего я в воду упал? Меня подстрелили?

– Дык мы решили, что это от голода. Вы же голодный с позавчера, а еще крови нахлебались, да когда с лука стреляли, рану разбередили, вот оно и поплохело вам на берегу. Вы спите.

Угу, как же, заснешь тут, трясет, словно на тренажере Назарова. Алан откинулся обратно на солому и прикрыл глаза. Зря он это сделал. Кровь, потоки крови, она льется на лицо, попадает в нос, в рот, в глаза, а он ничего не может исправить. Руки словно налились свинцом, не было сил спихнуть с себя тяжесть чужого тела. Опять затошнило, и мужчина распахнул глаза, старательно дыша ртом. Никогда больше он не будет есть борщ!

Ранняя ночь. Рядом ехали воины маркиза с факелами в руках. «Спеленали как младенца, – лениво подумала Виктория. – Но пока есть время, нужно разобраться в себе». Странно, но щемящее давящее чувство вины исчезло. Остались опустошение, усталость, апатия, но вины она не чувствовала. А еще ей не хотелось думать о себе как о женщине, сейчас она полностью ощущала себя контом Аланом Валлидом, жителем этого мира, мужчиной. Интересно, это что же получается, разум нашел лазейку и у нее началось раздвоение личности? Чтобы избежать ответственности за совершенные поступки, одна личность ушла в тень? Бред какой-то. А если не бред? Во время боя в горах она ощущала себя стопроцентной Викторией, думала о себе как о женщине, переживала, мучилась, страдала, глядя на то, как набирает обороты запущенный ею процесс убийства. Она даже хотела остановить эту бойню, но поняла, что это будет неправильно, и смолчала. А вот потом... Что произошло потом? Она помнила, как на конта напала женщина; как тело сработало автоматически; как она пыталась отмыть руки от крови, а кровь не смывалась; помнила свое отчаяние, ей казалось, что если она смоет с рук кровь, то и сама отмоется от того, что совершила. Она с остервенением терла руки и лицо, пила ледяную воду, а затем в голове словно что-то лопнуло, и наступила темнота.

«Твоего кузнечика! Ну и кто я сейчас? – с тоской думал конт Алан Валлид, трясаясь на телеге. – Шизик? Что это за выверты сознания? Говорят, психика человека очень гибкая, она сама подстраивается под ситуацию, возможно, то, что я сейчас не ощущаю себя женщиной, поможет мне окончательно не спать? Ау, Виктория! Ты здесь?»

«Где мне еще быть, – ответил внутренний голос. – Идиот ты, Алан, и идеи у тебя идиотские, если исходить из твоей теории, то вина лежит на Виктории?»

«Ничего подобного, – возражал Алан, – это наш общий разум, как я могу валить все на нее?»

«Общий разум? Да судя по тому, что мы с тобой ведем диалог, разум у нас нынче отдельный».

«Считаешь, это плохо? – спросил Алан, и внутренний голос ответил в присущей Виктории манере:

«А хрен его знает, но, по крайней мере, я точно знаю, что больше не свихнусь».

«Куда уж больше!»

На это утверждение голос промолчал.

Алан вздохнул и попытался лечь на бок. Похоже, от всех этих переживаний он полностью повредился рассудком. Полный сюр. А чего, собственно, об этом переживать? Можно подумать, что Виктория, будучи запертой в мужском теле, осталась нормальной! Она и до этого была чокнутой, нормальные люди не общаются с богами. Да и сойти два раза с ума невозможно, как невозможно четко осознать, где проходит линия между обычным и необычным, между чуждым и нормальным. Викторию никогда не пугало то, что выходит за рамки традиционного миропорядка, даже напротив, привлекало, так чего переживать?

«Будем считать, что у тебя гибкая психика, и свести тебя с ума не так уж и просто», – отозвался на этот монолог внутренний голос.

В принципе Алан был согласен со своим внутренним голосом. С одной стороны – это такой замечательный выход, иметь возможность хоть некоторое время не рвать душу. Но с другой – такое раздвоение личности может помешать ему стать целостной натурой. А ведь именно к этому он стремился!

Голова раскалывалась, в горле першило, ныли суставы. Он закашлялся, чувствуя, как каждый хриплый звук отдается в висках. Не хватало еще заболеть.

До бани Алан дошел с помощью Ворона. Рана на плече воспалилась и покраснела, но гноя не было, и это очень радовало. Не хотелось начинать все сначала.

– У меня в сумке настойка и мазь.

Ворон ушел, а конт растянулся на лавке в парилке и опять начал заниматься самоедством, но, пять раз подряд прокрутив в голове события последних суток, он приказал себе прекратить и прислушался к организму. Надо хорошо пропариться, чтобы не заболеть. Угораздило же грохнуться в ледяную воду. Вот уж выверты сознания! Понятно, что это своего рода защита психики, но мог бы обойтись и без падения! Он еще немного покряхтел, пожалел сам себя, пока никого не было, и пошаркал в пустую моечную. Горячая вода – это благо! И спасибо Ворону, что никого не пустил, сейчас видеть сочувствующие взгляды у Алана не хватило бы сил.

Когда вернулся Ворон, конт сидел в раздевалке, закутавшись в простыню, и стучал зубами. Ему стало холодно, хотя до печи невозможно было дотронуться и от мокрых полотенец, развешанных на веревке, поднимался пар. Зубы выбивали дрожь, а по телу тек пот.

– Блин, кажется, я заболел, – просипел Алан, выхватывая из рук Ворона пузырек Алвиса с обезболивающим. – Прикажи приготовить постель. Ужинать не могу, меня выворачивает при мысли о еде.

Его отвели в ту комнату, где несколько десятниц назад он предавался пьянству. Ее прибрали, поставили новую мебель, застеклили окно. Только нарисованную углем рожу, подписанную «Вадий», не стерли со стены, и сейчас кривая ухмылка бога вызывала у Алана непреодолимое желание запустить в него чем-нибудь тяжелым. Но и на это сил не осталось.

Как же плохо. Мало того что на душе кошки скребут, так еще и физические страдания добавились. В голове звенело, бросало в жар, и Алан скинул с себя теплое меховое одеяло. Тотчас на лоб легла мокрая тряпка.

– Выпейте. – Ворон поднес к губам чашку. – Это молоко с медом и маслом.

Миры разные, а методы лечения одинаковые. Алан осторожно выпил теплое молоко и тотчас закашлялся. Мысли путались, больше всего хотелось окунуться в ледяную воду и не шевелиться. Рядом кто-то заговорил, но слова доносились словно издали. Холодная ткань скользнула по телу, принесла мгновенную прохладу.

– Надо развести воду чем-то кислым и обтереть меня, – прокашлял Алан. Температура, видно, под сорок. «Сгорю к чертовой матери, вот смеху будет, очутиться в другом мире и помереть от простуды», – проскользнула нелепая мысль.

– Ты слышала? – спросил Ворон у невидимой служанки.

Алан закрыл глаза.

– У меня жар. Надо сбить. Обтирание. Может, травки есть?

– Сейчас женщина принесет яблочный уксус, а я заварю вам травы. Лежите.

Да уж, куда он денется, лежит. Абсолютно голый, раскрытый перед чужим парнем и чужой служанкой. Ай, к черту! Так плохо, что даже не стыдно.

...Виктория стояла посреди выжженной пустыни, задыхаясь от жара. Пот заливал глаза, тек по спине, глаза резало от невыносимого слепящего солнца, болели обгоревшее плечо и спина. Вокруг, куда ни кинь взгляд, расстилалась белая растрескавшаяся земля, сливаясь на горизонте с блеклым небом. Ни одного дерева, ни одного облака, ни одной травинки. Виктория понимала, что этот пейзаж – плод ее больного воображения и связан с ее нынешним состоянием, но все равно было страшно. Раздался далекий грохот, очень похожий на раскат грома. Она с тоской подняла голову и всмотрелась в небо. На горизонте появилась маленькая тучка, она стремительно росла, и вскоре голубое

небо превратилось в черный, клубящийся, постоянно меняющий свое очертание туманный хаос. Сверкнула молния, и на Викторцию посыпался крупный ледяной град...

Через несколько часов жар сменился ознобом. Алана колотило так, что он чуть не прикусил язык. Ворон накинул на него несколько одеял, но тот никак не мог согреться. Болели каждая косточка, каждая мышца, каждый нерв. Голова превратилась в барабан, по которому стучал гигантскими палочками злой великан. Алан малодушно мечтал умереть. Забыть все, вернуться в небытие.

- Женщина, раздевайся, - услышал он голос Ворона. - Ляжешь с господином. Будешь греть.

- Н-не н-надо! - Не хочу! От нее воняет! Зира, пусть позовут Зиру. Никого другого не хочу!

Но сказать это вслух сил уже не было. Словно сквозь одеяло, послышался другой голос:

- Он не любит ваших женщин. Они волосатые и плохо пахнут.

Иверт, сукин ты сын! Запомнил же! Да ну вас к черту!

«Вот умру и плакать будете!» - хихикнул внутренний голос, и Алан вновь провалился в беспамятство, едва соображая, что вокруг происходит.

- Я принес травы, которые мы даем детям, когда у них горит тело. - Холодная рука легла на лоб. - Он горит, но его трясет. Как такое может быть, ксен?

- Завари травы, горец.

Кто-то отбросил одеяло и обтер Алана мокрой тряпкой, пахнувшей уксусом. От пяток до макушки, осторожно переворачивая тело. Затем его подняли на руки, и голос Ворона приказал:

- Перестели простыни, эти мокрые.

Холодно, как же холодно. Отчего они не зажгут огонь?

Его положили на подушки, и рядом под простынь скользнуло обнаженное тело, сверху упали тяжелые одеяла. Кто-то прижал его к себе спиной, крепко обняв поперек груди.

- Пей! - Голос Иверта, в губы уткнулся тонкий носик чайника. Алан с трудом проглотил почти горячий тягучий горький отвар. - Бешеный Алан, ты меня слышишь?

- Д-да. - озноб никак не хотел отпускать измученное тело.

- Если ты умрешь, не поговорив со мной, я буду пинать твой труп ногами.

- Д-да пошел т-ты.

Очнулся Алан, когда рассвет уже позолотил виднеющиеся в окне ледники. Самочувствие показалось сносным. Если и была температура, то не очень высокая. Стало жарко, и конт попытался сбросить одеяла. Стоп! Чья-то рука лежала поперек живота, Алан чувствовал мужское тело за своей спиной. Э? Черт побори! Это что такое?

- Как вы себя чувствуете, кир Алан? - Шею защекотало чужое дыхание.

Дерьмо! Вам когда-нибудь дышали в шею? Это очень возбуждает. Тело моментально согласилось с этим утверждением.

- Нормально.

Абсолютно нелепая ситуация. Виктория хихикнула, с облегчением понимая, что Алан испуганно сбежал, уступив место женской сущности. Ну и зря. Ей-то как раз лежать, обнявшись с молодым мужчиной, было очень приятно. Приятно, но... неправильно. Даже если в медицинских целях - неправильно! А неправильно было то, что тело

отреагировало!

- Ворон, не мог бы ты исчезнуть из моей постели и приказать служанке принести одежду?

- Если вам больше не холодно... - выдохнул в шею парень.

- Мне уже жарко! Исчезни из моей кровати! - гаркнул Алан, понимая, что ему как раз этого и не хочется. Это испугало и вылечило быстрее, чем микстура. Нет, от Виктории в этом теле пора избавляться!

- Как пожелаете.

Ворон выбрался из-под одеяла, и Алан с облегчением увидел, что тот был в коротких облегающих штанах, заменявших местным мужчинам трусы.

- А что, у вас не осуждаются такие... э... моменты? - не сдержал конт любопытства.

- Я с пяти лет живу в мужском обществе, - просто ответил Ворон. А выводы делайте, какие вам хочется. - Наши казармы отапливаются только в сильные морозы. Мы привыкли так согреваться.

Э-э-э... Так - это как? Но вслух задавать этот вопрос конт не стал. Меньше знаешь, крепче спишь. И вообще, это память о развратном двадцать первом веке пытается подогнать все под свои стандарты, а здесь, возможно, никто не придает никакого похабного значения такому методу согревания больного!

- Лежите. Сегодня вам еще нельзя вставать. Я прикажу подать завтрак и заварю травы.

- Завтрак не надо, я не хочу есть. Спасибо, Ворон.

- За что?

- За то, что был мне нянькой. Я это ценю.

- У меня приказ, - безразлично произнес юноша и вышел за дверь.

Вот и пойми этих придурочных Искореняющих! Виктория потеряла виски. Еще и проблема раздвоения личности. Черт! Как жить дальше?

«Прекрасно жить, - хихикнул внутренний голос. - Зато теперь тебе не придется мучиться с выбором».

Да уж. Щелк - и я мальчик, еще раз щелк - девочка. Здравствуй, шизофрения!

...Проснулся конт от чужого взгляда. Ничего не болело, только слегка першило в горле. Это было так невероятно восхитительно, что он поначалу не поверил, но, прислушавшись к ощущениям, понял, что жара нет. Алан открыл глаза, и губы сами растянулись в счастливой улыбке. Вокруг кровати тихонько сидели и с нежностью смотрели на конт те, кого он никак не ожидал увидеть.

- Он проснулся! - воскликнул Дарен.

Литина всхлипнула и тотчас улыбнулась...

- Алан, скажите что-нибудь! Как вы себя чувствуете?

- Хорошо, - просипел Алан, переводя взгляд с одного лица на другое. Литина плакала, муж гладил ее по плечу и улыбался очень искренней улыбкой. Алан вдруг почувствовал небывалую нежность ко всем этим людям. - Дорогие мои, - сказал он, ощущая, как щемит сердце. - Я вам еще не говорил, как я вас всех люблю?

- Нет, - без улыбки ответила ворожея, наливая в чашку пахнущую полынью жидкость. - Но мы как-то и сами догадались и, смею уверить, мы тебя тоже любим. - Она положила ладонь на лоб конт. - Однако, несмотря на это, я сейчас всех выгоню, а ты поешь

и отдохнешь как следует.

– Отдыхать? – возмутился Алан поспешно пытаясь сесть. – Но я выспался и отлично себя чувствую!

– И думать не смей вставать! – нахмурилась ворожея. – Иначе я попрошу Рэя силой напоить тебя сон-травой! – категорично заявила она, вставая. – Дела подождут.

– Кстати, где капитан?

– Они с Ивертом в коридоре. Дядя Рэй сказал, что здесь и так воздуха не хватает, они потом зайдут. – Дарен смотрел на конта сияющими глазами.

– Алан-балан, ты нас перепугал. Нельзя же умирать, не оставив завещания! – Оська лежал на спине в ногах у конта и подбрасывал большое зеленое яблоко. – Яблочка хочешь? Я у Серого украл!

– Какое яблоко, коротышка! Тетка Райка велела накормить хозяина крепким бульоном. – Мая сидела на полу по-турецки, опираясь рукой о колени замкового художника Неженки, который, примостившись в углу на трехногую стулу, что-то рисовал на листе бумаги. – Ты бы еще больному человеку предложил жареную курицу!

– Я бы не отказался от курочки, – мечтательно протянул конт, ощутив вдруг, что он не ел несколько суток.

– Так я прикажу, – подхватился Берт, с умилением глядя на конта. – Господин, а вы специально бороду отращиваете, чтобы горянкам нравиться?

– Каким горянкам?

– Ой, папа! Ты не знаешь? – Дар и Тур примостились на узком подоконнике, как два воробышка на жердочке, такие разные, но такие похожие счастливым сиянием глаз.

– Я! Я расскажу! – перебил Дара Оська.

– Дайте киру Алану прийти в себя, – мягко произнес брат Турид. – И не шумите, пока ворожея нас не выгнала.

– Кирена Литина, пойдемте отсюда. Не стоит вам возле больного находиться, – травница грозно нахмурила брови. – А вы чтоб через полрыски оставили конта в покое!

Женщины ушли, вместе с ними ушел и брат Турид, не желающий оставлять жену одну, а Берт убежал передать кухаркам, чтобы готовили бульон.

– Как вы здесь оказались? – Алан сел, опершись на стену и натянув одеяло до подмышек, потому что одежду ему так никто и не принес, а мелькать голым торсом вдруг показалось неудобным.

– Мы – провожающие! – гордо сообщил Оська и перевернулся на живот, свесив лицо с кровати. – Кэп как узнал, что на Осколок напали, сразу поскакал проверять, как там его разлюбезная лодочка.

– И как? – с тревогой спросил конт, он и забыл о корабле.

– Да что ему будет, – беспечно махнула рукой Мая. – Морские люди, как увидели горцев, сразу ушли в море.

– А когда все закончилось, брат Турид с мальчишкой прислал кирене Литине сообщение. Вот все собрались и поехали, и мы тоже отправились в путь, их провожать. Чтобы красиво было и пышно, – закончил Оська и протянул руку под кровать, оттуда раздалось тихое рычание, и Дар вдруг резко смутился.

– Папа! Я не хотел, он сам за нами побежал! Честное слово!

– Кто «он»? – уже догадываясь, кто прячется под кроватью, спросил с улыбкой Алан.

– Акела, – потупился Дарен.

– Ай! Он меня укусил! – Оська выставил вверх укушенный палец с капелькой крови. – Вы видели? – радостно спросил он, перебираясь в центр кровати и облизывая палец. – Я теперь ему брат по крови!

– Хорошо, допустим, я вам поверю, что вы просто поехали провожать Литину и Маю и больше никаких целей не преследовали. Но что здесь делает наш замковый художник? Неженка, ты здесь зачем?

Парень залился румянцем и засмутился, он всегда смущался в присутствии Алана.

– Хозяин, я никогда не видел моря. И мастер Семон позволил мне поехать с ними. А еще брат Эдар приказал нарисовать ваш портрет. Когда вы спите.

– Семон здесь? Но это же отличная новость! Он мне как раз нужен. Зайдете ко мне после того, как я поговорю с Рэем. А зачем Эдару мой портрет?

– Я не знаю, хозяин, – чуть слышно прошептал парень, опустив голову.

– Он его жутко боится, – похлопала Мая Неженку по ноге.

– Отчего? – с любопытством спросил Алан.

Парень еще сильнее покраснел. Вот уж точно неженка.

– А теперь рассказывайте, как вы посмели выехать из замка без охраны?

– Мы выехали с охраной! – возмутился Дарен, а Тур вдруг широко улыбнулся. – Еще с какой охраной! Две звезды лучниц!

– Я! Я расскажу! – Оська кубарем скатился с кровати, встал посреди комнаты и, выставив вперед укушенный палец, пафосно начал: – Когда спускался с гор утренний туман, когда солнце только вышло из-за моря, зоркий одноглазый стражник заметил грозный отряд воительниц. Они бежали к Крови, потрясая луками и мечами. Доспехи их сверкали на солнце словно бриллианты, длинные волосы развевались по ветру, стройные ноги притягивали взоры всех стражников! Девы были так восхитительны в своей первозданной красе, что в Крови сразу начался переполох, зазвенело оружие, раздался громкий голос капитана Рэя. Воины выстроились на стенах, лучники приготовили смертоносные стрелы, но никто не смог выстрелить в прекрасных воительниц, все были сражены их красотой и грацией.

– Ну ты и врун, тебе только баллады писать, – раздался у двери низкий голос Рэя.

– А что, не так было? – возмутился Оська.

– Если двадцать оборванных, грязных и голодных баб и пяток едва живых горцев – это для тебя грозный отряд воительниц...

– Нет в тебе, Молчун, поэтического таланта, одна только правда жизни. Сам тогда рассказывай, – обиделся Оська и полез под кровать, судя по тому, как захихикали Мая и мальчишки, он начал оттуда корчить рожи. Но Алан этого не видел.

– Вы бы знали, как мы все удивились, когда послушник Храма привел горцев в Кровь и сообщил, что это ваше племя и вы теперь вождь, – начал рассказ Рэй. – Я сразу решил, что это какой-то обман, чтобы мы открыли ворота, но брат Эдар задал несколько вопросов храмовнику и сказал, что это не шутка, это действительно ваше племя. – Он замолчал, выжидательно уставившись на конта, словно боялся, что тот сейчас опровергнет его слова, но Алан лишь кивнул и улыбнулся, представив себе, какое выражение было на лицах встречающих. – Храмовник передал ваш приказ разместить племя за стенами. Мы так и сделали. Да только Светика как увидела, какие они грязные, тут же потащила ребятишек и баб мыться, а за ними и горцы попросились в баню. Вот там с одним я разговорился, он мне все и рассказал. Сказал, что это те, которые решили остаться у вас, а еще семеро ушли к родне в другие племена, да какого-то слепого весчанина храмовники отправили домой. Горец по-нашему говорит неплохо, сказал, что бабы все охотницы и очень хорошие лучницы. Да я не поверил, у горцев детей одинаково учат, но только до того, как девочка первую кровь бросит. Потом у них уже другие науки начинаются. А тут... Ну и устроил я им испытание. Поставил щиты,

выставил своих лучших лучников, дал каждому по одной стреле. Сказал, если моих парней победят, то я поверю. Не соврал старик. Ни одна не промахнулась, а у моих парней случались промахи. Ух, я их потом гонял на покойницкой полосе. Так опозорили! Ну и я не прост, взял да и предложил горянкам вступить в ваш отряд. Как отдельное подразделение лучниц. Ну, как вы писали в инструкции. Думаю, женитесь же вы когда-нибудь и будет у вашей жены своя охрана.

– А они что, согласились? – с интересом спросил конт, подавшись вперед.

– Еще бы! И в племени, и вождю служить, и жалованье получать, да и мужиков у нас холостых много, – хитро улыбнулся Рэй. – Я им сразу сказал, что жить отдельно они не будут, что вы этого не любите. Так что пусть себе женихов присматривают.

– Ну вот у нас и появились свои амазонки, – довольно усмехнулся конт. – Это ты хорошо придумал. Правильно.

– Амазонки? – переспросила Мая.

– Так называли женщин-воительниц на одном далеком острове.

– Значит, так и назовем, – серьезно кивнул Рэй. – Я с ними позанимаюсь, коль вы не возражаете. Только вы как вождь прикажите им меня слушать. А то они подчиняются только вам да Дарену.

– Они сами пришли, когда мы уходить собрались. Сказали, что я сын вождя, а значит, их долг – меня защищать, – гордо сообщил Дарен с восторгом в голосе. – Папа, а отчего они меня зовут «маленьким кузнечиком»?

За приоткрытой дверью заржал Иверт, но у Алана было слишком хорошее настроение, чтобы обращать на это внимание.

– Потому что я теперь – вождь Алан Бешеный Кузнечик.

Мая прыснула в ладошку, но затем не удержалась и в голос расхохоталась, ей вторил из-под кровати Оська, Дарен и Тур сначала удивленно переглянулись, а затем захихикали, да и сам Алан не смог удержаться и присоединился к общему веселью.

– Хозяин, ты их только одень по-людски. А то они в каких-то шкурах ходят и в штанах.

«Ага, в кожу и бронелифчики, – хихикнул внутренний голос. – Это будет круто».

– А еще их надо откормить, – продолжила Мая, когда все отсмеялись. – Ты бы видел, хозяин, как их дети затирку ели, тетка Райка чуть не плакала. Ругалась на какую-то змею так, что даже дядька Рэй заслушался.

– Никогда не слышал, чтобы Райка такие слова говорила, – смущенно покаялся Рэй и полез за пазуху за морковкой.

– Тур, а ты что все время молчишь? – Алан улыбнулся своему секретарю.

– Я просто рад, что вы живы, – с облегчением вздохнул Тур, и Алан понял, как сильно парнишка переживал за него. – Мы пойдем, а то ворожея ругаться будет.

– Там Иверт стоит, он ее не пустит, – прыгивая с подоконника, заявил Дарен.

– Спорим, она его даже не заметит! Пройдет мимо, даже если он будет яташем махать! – раздался из-под кровати голос, и Оська выполз на свет, следом за ним, виляя коротким хвостом, выкатился рыжий шарик и сразу полез к Дарену лизаться.

– На пять щелбанов, – азартно согласился Дар. – Папа, мы потом еще придем! Мая, ты с нами?

– Хозяин, ты как? Хочешь, чтобы я осталась и почухала тебе спинку? – Она прыснула.

– Иди уже, «подарочек». А Светика разве тебе не рассказала, чем закончилось ее чухание?

Мая показала язык, и они, смеясь и толкаясь, покинули комнату. И сразу стало тихо и отчего-то грустно. Алан отчетливо понял, что минуты отдыха закончились и впереди его ждут дела, проблемы и непростые разговоры. Он откинулся на подушку и притих, пытаясь запомнить те приятные ощущения, которые не покидали его с того момента, как он открыл глаза и увидел родные лица.

Дверь распахнулась, и в комнату решительно вошла ворожея, она держала поднос, на котором стояли две дымящиеся чашки. Следом за нею показалось возмущенное лицо Иверта.

– Эй, женщина! Я же сказал, что Алан занят!

– Подставляй лоб, Дарен-мадарен! – радостно заорал в коридоре Оська, и следом послышался дружный хохот.

– Закрой дверь, горец, – скомандовала ворожея, ставя на кровать поднос. – Сейчас выпиваешь бульон, потом травяной чай. А через рыску Берт принесет тебе курицу. И чтобы все съел! – Отдав приказ, она развернулась и стремительно вышла из комнаты. Пока не захлопнулась дверь, Алан успел услышать, как Снежка говорит Иверту: – Никогда не стой на моем пути, горец, иначе нашлаю на тебя почесуху!

– Не баба, а огонь, – покачал забинтованной головой Рэй. – Как вы ее терпите?

Алан только плечами пожал и потянулся за чашкой с бульоном. Он медленно пил горячую жидкость и вел сам с собой беззвучный разговор.

«Ворожея тебе напоминает саму себя? Ту тебя, которой тебе никогда уже не стать?»

«Да, – печально отвечал голос Виктории. – Знаешь, я тоже была безапелляционной и бескомпромиссной, не любила, когда со мной спорили, и всегда была уверена в своей правоте».

«Знаю, ведь это наша общая память».

«Не молчи, а то Рэй сейчас с ума сойдет. Он явно переживает из-за Учителя».

«Ага, сейчас начнет каяться и просить наказать его».

«И что будешь делать, Алан?»

«Да ничего. У него не было выбора, я же не идиот, понимаю».

«Угу, ложки нашли, но осадок остался».

«Знаешь, это ты заварила всю кашу! Ты обижена на Иверта, подозреваешь Рэя, вот сама с ними и разбирайся! А я вернусь, когда Мая опять предложит почухать спину!»

«Милая беседа меня и меня, – хихикнула Виктория. – И я еще надеюсь, что это просто стресс, а не психическое расстройство?»

В комнату зашел Иверт и бросил на Рэя вопросительный взгляд, капитан слегка покачал головой.

– Ладно, – отставив в сторону пустую чашку, тряхнул головой Алан. – Кайтесь.

Он сел, спустил ноги с кровати и накинул на бедра простынь. Больше всего сейчас хотелось помыться, приказать сменить пропахшую потом постель, поесть и лечь спать. Слабость накатывала приливами, бросая то в жар, то в холод, словно намекая, что до полного выздоровления еще далеко.

Виктория покосилась на Рэя. Капитан смотрел глазами нашкодившего пса, и ей стало его жалко.

– Рэй, я знаю, что ты не можешь поступить иначе. Знаю, что тебе не оставили выбора, поэтому прекращай заниматься самоедством и лучше расскажи, как прошла операция у Найка.

– Спасибо, кир Алан. – Рэй тяжело вздохнул, игнорируя незнакомое слово «операция», они в Крови уже привыкли к манере конта вставлять в свою речь непонятные слова и часто просто по смыслу догадывались, что они означают, вот и сейчас капитан понял вопрос. Он сел на стул, который под ним угрожающе затрещал, здоровяк тут же вскочил, с удивлением посмотрел на пол. Обломок ножки сиротливо лежал в сторонке от рухнувшего стула. – Эко оно вышло, – растерянно пробормотал богатырь, а Виктория хихикнула. – У нас один убитый, двое раненых. Да у одного послушника глубокий порез на бедре, но его свои же зашили. Ушли ксенята, Вадий им в помощь. У Найка три человека убитыми, пятеро раненых. Все салаги, да Ольт с коня свалился, руку вывернул.

– Кто позволил брать мальчишку в бой? – тут же хрипло зашипела Виктория, вспомнив непутевого товарища Дарена. – А если бы он погиб! – накатили запоздалый страх и чувство вины.

– Не кричите, кир Алан, – степенно произнес Рэй. – Он зачислен в отряд, вы сами разрешили. Оставить его в Рогане – на всю жизнь убить уверенность в себе, а для воина это смерти подобно. Найк его возле себя держал, как вы и велели, а сам он в бой не лез. Это Ольт за овцой погнался, да не удержался в седле. – Капитан слегка улыбнулся. – Найк детей малых, как вы велели, с ксенами отправил, остальных... Беременных баб только с собой в Роган забрал да одну девчущку, приглянулась она ему, сразу же в горах предложил замуж за него идти, как отъехали от селения, где его люди делали зачистку. Хорошее слово вы придумали, «зачистка», – не в тему перескочил он. – Сказал, все по закону хочет. Жениться, мол, под благословением Ирия, да жить семьей. Во как бывает, – задумчиво и недоверчиво покачал он головой, вытаскивая откуда-то из-за спины очередную морковку. – Горянка согласилась. Мне парни шепнули, что Найк давно уже на нее поглядывал, еще как торговать в племя ходили. Так что скоро явится к вам за разрешением. Девка ладная, полукровка, сирота, вы уж не препятствуйте, коль любовь у него. За него-то после рабства ни одна благородная не пойдет, несмотря на то, что он и наместник, и баронет бывший. Клеймо позорное, оно на всю жизнь. – Рэй по-стариковски вздохнул и отвел взгляд. – Мы взяли хорошую добычу. Жемчуг, меха, овец и соль. Но главное – лошадей! Кир Алан, у нас теперь свой табун горных лошадок! Я всех в Кровь велел доставить. – В голосе Рэя звучал детский восторг.

– Серхи.

Иверт так тихо стоял у двери, опустив голову и сложив на груди руки, что Виктория забыла о его присутствии.

– Наши кони называются серхи.

– Летящие над горами, – кивнув своим мыслям, перевел Рэй.

– Иверт, лошадей забереешь для своего отряда диверсантов. Отбирай людей и начинай обучение. Я хочу, чтобы твои парни воевали лучше горцев, чтобы они могли противостоять даже таким, как Лис. – Иверт поднял голову и взглянул на конта странными глазами. – Что не так?

– Бешеный Алан, ты доверишь мне воинов? – Его голос звучал глухо.

Виктория все утро думала об этом, но все равно не была уверена в своем решении.

– Алан? – Голос Иверта прозвучал совсем тихо, но требовательно.

Да что же это с нею такое? Разве хоть раз Иверт дал ей повод усомниться в своей честности? Разве он лгал? Нет, он просто не договаривал. А как бы она поступила на его месте? Если бы по одну сторону стояла ее семья, а по другую – только что обретенный друг? Кого бы выбрала она?

Семью. Ей даже не пришлось бы делать выбор, она всегда ставила семью выше всего остального. А Иверт придумал такой ход, что и друга спас, и семью не предал.

– Иверт, если я введу в свой дом Зиру, будет ли ее отец чтить наш дружественный договор?

– Да. Нет крепче союза, чем союз, скрепленный кровными узами, если это одобрено духами предков и старейшинами.

– Сарх спрашивал духов, они одобрили, – тихо буркнул у окна Рэй. Он внимательно всматривался во что-то за стеклом, и Викторией стало интересно, что привлекло внимание капитана на скотном дворе, куда выходили окна комнаты? – Но чтобы наверняка, надо кого-то из наших ему в племя отдать. Из близких. Да только нет у вас ни сестры, ни свояченицы. Если только Берта или дочку вашу непутевую. Так сбежит же, дуреха, скандал будет.

– Никто никого не станет никуда отдавать против его желания. А пока я не вижу толпы, просящейся в племя Сарха.

– Зира баба хорошая. Красивая и вас любит. Только любите ли ее вы? – глухо спросил Рэй.

– А какое это имеет значение, – раздраженно ответил Алан. – Можно подумать, когда меня женили на Литине, кто-то спрашивал нас о любви! Смешно! Зира носит моего ребенка, и нам нужен союз с Сархом.

А там видно будет, может, Алан и не доживет до этого «там». Выбор есть, но... так ли он велик?

– А как корону возьмете? – совсем глухо спросил Рэй с некой болезненностью в голосе, и Виктория заподозрила неладное.

– Храм?

– Они не одобряют, они уже сейчас не одобряют. Если это будет сын и вы его признаете, он станет вторым наследником.

«Дерьмо! Зира в большой опасности. А с другой стороны... – в голову закралась явно чужая мысль, – если с ней что-нибудь случится, ты будешь свободен от всяких обязательств. Сам ведь знаешь, что женитьба – это не для тебя. Может, пусть все идет своим чередом, – вкрадчиво нашептывал голос, очень похожий на голос Ирия, – может быть, все еще изменится и ты вернешься на Землю?»

«К кому? Кто меня там ждет? Изыди, сволочь!»

– А если у вас не сложится с Зирой? – пробубнил из угла Рэй, все так же не отрывая взгляда от пейзажа за окном. – Это же на всю жизнь. Даже если жену возьмете законную, горянка с вами останется. Как тогда? А после того, что вы сотворили с племенем Ведмеда, горцы выступят против вас сообща, если призовет Волк. Против такого врага они сумеют договориться. Такое уже бывало. Мы не выстоим против всех, это поодиночке их можно бить, а если кучей навалятся... Баб и детей уведут в горы, а сами придут. Не устоим. А этот, – он словно нехотя кивнул головой в сторону Иверта, – не предупредит. Кровь, чтоб ее! Иверт, ты парень хороший, и я тебя люблю как сына, помню те времена, когда ты еще грудь у мамки сосал, но знаю, что не предупредишь. Погибнешь за кира Алана, но и своих не предашь. Шел бы ты домой, а? Зачем тебе честь свою марать? Это сегодня кир простил, а завтра ведь повесить прикажет. – Рэй так и не отвернулся от окна.

«Не прикажу», – хотела возразить Виктория, но смолчала. Ведь прикажет. Будет потом выть в звериной тоске, скулить ночами, пить до беспамятства, но прикажет. Потому что грех убийства уже лежит клеймом на душе. Не убийства в бою от отчаяния или для защиты, а убийства по холодному расчету, по решению ума, а это намного страшнее.

– Я много думал, – не отходя от двери, тихо, но твердо произнес Иверт. – Я поступил так, как мне велела честь, и оправдываться не стану. Предки меня не поймут, если я буду сожалеть о том, что спас тебе жизнь, не предав своего рода. Мне нечего стыдиться и не о чем сожалеть. – Он гордо вскинул голову, глядя Алану прямо в глаза. Требовательно, твердо, но с какой-то глубоко спрятанной болью. И Виктория вдруг четко осознала: сейчас произойдет что-то непоправимое. – Я, Иверт Ураган, принял решение.

Он стремительно шагнул вперед и, одновременно опускаясь у кровати на колено, выхватил из-за голенища острый тонкий нож.

Не стукнула дверь, не заскрипели половицы, только серой крысой метнулся балахон послушника. Телохранитель увидел клинок в опасной близости от конта и решил вмешаться, не дожидаясь развития событий.

– Очень медленно положи нож на пол, – в сонную артерию игуша уткнулось острие короткой пики.

Иверт послушался. Он медленно опустил нож у левой ноги и поднял вверх руки.

– А теперь руки за голову и двигай к двери, не вставая с колен. – Ворон говорил негромко и совершенно безэмоционально.

Иверт послушно развернулся, сцепив руки за головой, и чуть сдвинул колено, отталкиваясь второй ногой, перед тем как едва уловимым движением отбросить в сторону пику и броситься на послушника.

Он дрался зло, с бесшабашным азартом, словно ему было наплевать на смерть, словно пытался выплеснуть всю накопившуюся обиду, разочарование от непонимания и недоверия. Он дрался красиво. Как зверь, защищающий свою территорию, – гибкий, опасный, непредсказуемый зверь, которого инстинкты заставляют вцепиться в горло противника и держать, пока жертва не затихнет в его клыках. Только сейчас Виктория поняла, почему его назвали Ураган. Неистовый, безжалостный и очень быстрый. Он действительно напоминал ураган. Она никогда не видела Иверта в ярости, никогда не видела его в бою, не видела, на что способен этот мужчина. И теперь, сидя в опасной близости от двух стремительно атакующих хищников, она с восторгом следила за горцем и не в силах была приказать остановиться, не в силах отвести взгляд.

Чертов Иверт! Что же ты творишь! Я ведь уже забыла, смирилась, успокоилась. Я почти поверила, что смогу прожить мужскую жизнь. Зачем? Распаленный, с горящими глазами и окровавленной улыбкой на губах, он был так сексуален, что тело отозвалось тяжелой приятной горячностью и легкой болью в паху.

«Представляешь, каков он в постели?» – простонал внутренний голос.

«Нам с тобой этого никогда не узнать», – с сожалением ответила ему Виктория.

«А может?..»

«Нет!»

«А ты хоть знаешь, как это происходит?»

«Технически знаю, но практики у меня, сам понимаешь, нет».

Внутренний голос захихикал, и Виктория не поняла, кто это был – Алан или она сама.

Однако этот монолог снял напряжение и позволил переключить мысли на другое.

«Не о том ты думаешь, Виктория, – раздался голос Алана в голове, – думай о том, что тебе придется хоронить или Иверта, или Ворона».

Хищник против охотника, опыт жестоких игр и войн против тишины тренировочных залов, ярость против холодного расчета, воин против мальчишки. Хороший мальчишка, сильный, техничный, но ему не хватает азарта, слишком расчетлив, слишком предсказуем. С другим бойцом он бы выиграл, но против Урагана не устоял. Горец провел молниеносную подсеку, Ворон не успел отскочить и рухнул на пол, придавленный сверху телом игуша. Он еще сопротивлялся, но пальцы Иверта уже обхватили шею соперника.

– Отпусти его, – усталый голос Лиса раздался у двери. Вовремя же он вернулся, подумала Виктория. – Отпусти, горец, иначе я продырявлю тебе горло.

– Уверен? – весело спросил Иверт, сильнее сжимая руки на шее Ворона.

– Ты помеха для Храма, мне приказано убить тебя, если будешь мешать, – просто ответил

Лис и слегка покачнулся, но стрела, лежащая на тетиве, ни на миллиметр не сдвинулась в сторону.

Виктория и Рэй молчали, наблюдая за всем с отстраненным интересом. Это не их игры, и влезать в них они не собирались. Себе дороже.

Иверт зло усмехнулся и легко поднялся с пола.

– Красавцы, – протянул Алан, запихивая расчувствовавшуюся Викторину подальше в глубину сознания. – Синяки и шрамы украшают мужчин, теперь я в это верю. Иверт, зачем ты достал нож?

– Не для того, чтобы убить тебя, – горец улыбался, – чтобы принести клятву крови. Твой телохранитель поспешил с вы-во-да-ми. Так ты всегда говоришь, Бешеный Алан?

Он поднял с пола нож, покрутил его в пальцах и снисходительно посмотрел на Ворона. Послушники переглянулись, и Алан, чувства которого были обострены до предела, заметил, как чуть улыбнулся Лис, глядя на товарища, и какое облегчение проскользнуло в глазах Ворона. Лис убрал стрелу и поставил лук у двери. Они встали рядом и склонили перед горцем головы.

– Мастер Ураган, просим дать нам несколько уроков рукопашного боя.

В комнате будто россыпью повисли тяжелые влажные капли, знаете, как бывает, когда идешь сквозь густой туман, дышать становится тяжело, словно не хватает воздуха.

Иверт коротко кивнул и повернулся к застывшему на кровати Алану. Но подал голос Рэй.

– И какого Вадия ты устроил это представление? – недовольно произнес он, вперив в Иверта злой взгляд. – Трудно было объяснить, для чего тебе нож в руке? Зачем на парня набросился?

– У меня есть гордость, и я не намерен отчитываться перед волчатами, – выпалил все еще возбужденный дракой горец.

– Да ты уже несколько дней ищешь, кому бы морду набить, – недовольно произнес Рэй. – Здесь бык есть, шел бы с ним силой мериться. Тьфу, тау буйный! – в сердцах воскликнул он и вновь отвернулся к окну.

Иверту же было, похоже, плевать на его тираду, он весело блеснул глазами и сделал шаг к кровати.

– Нам помешали, Бешеный Алан. Я нарушаю закон предков, но прошу принять меня в племя, вождь Алан Бешеный Кузнечик. – Он вновь опустился на одно колено, при этом слегка скривившись, словно от острой боли, и Алан подумал, что Ворон все же хорош, просто опыта маловато.

Э? И что это означает? Конт беспомощно посмотрел на Рэя.

– Не делай этого, Ураган. Просто уйди. – Рэй все так же смотрел в окно. – Ты старший сын и наследник рода. Так нельзя. Нельзя уходить из племени без разрешения вождя. Сарх тебя не простит.

– Я так решил, Молчун.

– Мне кто-нибудь объяснит? – не выдержал Алан.

– Он хочет поменять род. Перейти в ваше племя, тогда ему не придется больше выбирать – семья или долг крови, – буркнул Рэй, не поворачиваясь. – Это не по правилам. Будет скандал.

– Я говорил с духами предков, они поддержали меня. – Иверт стер с губ кровь. – Каков твой ответ, вождь?

Сердце стукнуло, и на миг Алан забыл, как нужно дышать. Виктория недооценила преданность Иверта, ошиблась в нем, оскорбила недоверием, и от этого душу залил жгучий стыд. А зачем это надо Иверту? Неужели ради того, чтобы исполнить свой долг

крови? Ради дружбы? Ха! У него есть какая-то выгода...

«Ну что за дурные мысли! Вспомни, что ты уже не на Земле, что здесь чтят забытые у нас качества – честь, долг, верность. Сейчас Ураган жертвует всем, что у него есть – своей семьей, уважением соплеменников, возможностью возглавить когда-нибудь племя. Он идет наперекор отцу ради того, чтобы у Алана не было больше повода не доверять горцу. Так стоит ли его жертва твоего доверия, конт Алан Валлид? Или ты будешь и дальше предаваться обидам?»

«Стоит, но я не забуду того, что случилось несколько дней назад. Иверт преподавал мне хороший урок, никому нельзя доверять, как себе, люди разные, разный менталитет, разные ценности. Другое время, другой народ, другие реалии».

– Я приму тебя в племя, Иверт Ураган. Это честь для меня – иметь столь искусного воина и столь честного человека.

Слова сами вырвались из уст, а Иверт уже полосовал ладонь острейшим ножом и протягивал нож Алану. Тот знал, что надо делать, знал какой-то книжной памятью. Острое лезвие едва коснулось ладони, и тотчас из тонкого пореза выступила кровь. Они соединили руки, и Иверт начал скороговоркой что-то говорить на своем языке.

– Он клянется вам в верности и признает старшим над собой. Вы вождь, а он ваша стрела, – перевел Рэй и от себя добавил: – Ох, Сарх разозлится. Быть беде.

– Не будет беды, – дождавшись, пока Иверт закончит и отнимет ладонь, произнес Алан. По телу словно иголками потыкали, оно горело, сердце стучало учащенно, а в желудке образовался ком. Целая гамма чувств пылала в душе. От неверия до восхищения, от желания прижать к груди до страха, что это может произойти. Кровь к крови, дух к духу, плоть к плоти.

– Спасибо, Иверт.

– За что, мой вождь?

– За твое трудное решение.

«За то, что любовь к тебе не дала в свое время сойти с ума».

– На Совет племен ты пойдешь со мной в качестве старейшины.

Дверь распахнулась, и вошел Берт, нагруженный подносом с едой, следом за ним явилась ворожея. Она окинула всех пронзительным взглядом зеленых глаз и коротко скомандовала:

– Конту нужно отдохнуть. Приходите через три рыски.

– Берт, – перебил ее вышеупомянутый конт, – вели перестелить мне постель и принести воду. Через... – глянув на ворожею, Алан тяжело вздохнул, поняв, что она не отстанет, – три рыски пригласи ко мне мастера Семона, Неженку и Сарха. Скажи Туру, что он будет мне нужен. Когда я поговорю с мастерами, пригласи Кэпа и Маю. Рэй, вы с Серым тоже приходите.

– Хватит! – Ворожея положила на лоб конта холодную ладонь. – У тебя опять жар. Все вон!

– Не командуй в моем доме, женщина, – возмутился Алан, но наткнулся на такой холодный и решительный взгляд, что решил не продолжать. – Я тебя тоже люблю! – Травница улыбнулась. – Лис, останься. Ты ведь только приехал? Голоден? Тогда пообедай со мной и заодно расскажешь, как съездил.

Ворон бросил быстрый взгляд на друга и чуть заметно кивнул, Алан про себя улыбнулся. Если Лис и был главным в этой группе, то только не в личных отношениях. Неужели никто не замечает?

«А кто тут может заметить, – тут же отозвался внутренний голос, – это ты у нас такая глазастая и любопытная. Тебе интересны отношения между людьми, а не их воинское искусство, да и жизненный опыт никуда не денешь».

И не поспоришь.

Когда все вышли, ворожея повернулась к Лису:

– Раздевайся!

– Я сам справлюсь, – упрямо тряхнул головой рыжий.

– Сам ты будешь справляться у себя в казармах, а здесь я решаю, кого лечить, а кого закапывать, – безапелляционно заявила лекарка. – Раздевайся!

Лис открыл рот, чтобы возразить, но, наткнувшись на взгляд ворожеи, промолчал. Ага! Не только Алан тушевался перед этой женщиной. Парень стянул сутану, затем стащил с плеч тонкую кольчугу, теплую и нижнюю рубахи, штаны и остался в одних тонких полотняных подштанниках. На левой руке чуть выше локтя была намотана окровавленная тряпка, из-под нее к плечу шла татуировка виноградной лозы. Три оборота вокруг плеча и один лист на ключице. Это сколько же тебе еще, мальчик, нужно пройти, чтобы получить такую развесистую лозу, как у Длани? Все тело рыжего было покрыто тонкими белыми шрамами. Такие шрамы Виктория видела и у Алвиса.

Призывая в помощь каких-то Духов Алесан, друида размотала тряпку и резким движением оторвала ее от раны. Лис даже не вздрогнул, только в глазах что-то мелькнуло, но Алан не понял что, он перевел взгляд на рану – глубокий воспаленный порез.

– Передай старику, чтобы нашел вам нормального травника, – пробурчала Снежка, доставая из сумки и выставляя на стол пузырьки, мешочки с травами и прочие малопонятные предметы. – Отправляет детей воевать, а они даже не умеют раны правильно обрабатывать.

– Мы умеем, – попытался оправдаться Лис, в отличие от молчаливо наблюдающего за всем этим Алана, он еще не знал, что спорить с упрямой женщиной – бесполезное и неблагодарное занятие. – Просто у меня времени не было. Я третьи сутки в седле.

– Не времени у тебя не было, а ума не было и не будет! А еще в Длани метишь. – Ворожея припечатала парня ладонью по лбу. Не сильно, но обидно. Тот сверкнул зелеными глазами, но смолчал.

– Друида, откуда ты знаешь, куда он метит? – поинтересовался Алан, протягивая руку к курице. Он хотел дожидаться Лиса, но аромат курятины упрямо лез в ноздри, не давая сосредоточиться на чем-либо другом.

– А у тебя что, глаз нет? – съехидничала травница. – Не видишь, что он прошел три круга обучения? – Она споро промывала рану.

– Я-то вижу, – с полным ртом прошамкал Алан. – Но ты откуда это знаешь?

Ворожея только хмыкнула, но отвечать не стала, и конт понял, что спрашивать бесполезно, свои секреты друида умела хранить не хуже Учителя.

В комнату вернулся Берт с охапкой одежды, следом за ним рабы притащили корыто и воду, а миловидная служанка перестелила постель, при этом косясь на конт, кутающегося в простыню и с аппетитом поедающего куриную ногу. Дождавшись, пока все покинут помещение, Алан с удовольствием забрался в воду и отдался в умелые руки Берта. Ворожея попробовала что-то говорить о вреде мытья при простуде, но тут Алан был непреклонен, и она сдалась, хотя и бубнила себе под нос о всяких глупых контактах, которые так и стремятся на встречу с Вадием. Зато, не имея возможности запретить мыться конту, она отыгралась на Лисе. Парень услышал о себе много интересного.

Нежась в постели в чистом белье (верхнюю одежду Берт не принес, явно побоялся, что господин рванет куда-нибудь по делам, а в подштанниках попробуй побегай!), Алан лениво наблюдал, как ворожея накладывает швы, а Лис сидит с таким безучастным

выражением лица, словно ему не иглой в кожу тыкают, а лекцию по политэкономии читают.

– Дай ему мое обезболивающее, то, что мне Алвис оставил, – когда чистая повязка легла на руку рыжего, а ворожея, сунув каждому по чашке с густым травяным отваром, наконец-то их покинула, приказал конт Берту. – И воду пусть для него принесут.

– Я в баню схожу, – попытался запротестовать парень, но Алан видел, как осоловели его глаза, и точно знал, что после еды никуда идти он уже не сможет. Трое суток без нормального сна любого выбьют из колеи, даже если ты трижды супергерой. А ему хотелось о многом расспросить Лиса, раз уж три рыски ничем другим заниматься нельзя.

– Воду, одежду брата-послушника в стирку, ему чистое белье. Выполнять!

Берта как ветром сдуло.

«Умеешь, когда хочешь, произвести на людей впечатление», – захихикал внутренний голос.

– Где вас разместили?

– Нам приказано вас охранять, – просто ответил Лис, словно этим все было сказано.

– Так вы что, спите на коврик у моей двери? – пошутил Алан, подтягивая подушку и садясь поудобнее. Глаза слипались, что же ворожея добавляет в свой отвар?

– Там нет коврика, – улыбнулся рыжий, и Алан вдруг осознал, что он не шутит. Они действительно должны постоянно находиться рядом, как настоящие телохранители. Или как настоящие шпионы?

Принесли воду, и пока Лис плюхался в корыте, Алан боролся со сном.

«А вот фиг вам, не усну, пока не задам вопросы. – Потом рыжий послушник ел, зевая и закрывая глаза, и Алан ему вторил. – Словно два коматозника, всю ночь проשлявшихся неизвестно где», – подумал конт про себя. Больше он ни за что не будет пить настоек друиды. Лучше пусть организм сам борется с болезнью.

– Бери второе одеяло и ложись у стены, – скомандовал конт, когда Лис поел. Видя, что парень колеблется, он с ехидцей добавил: – Не бойся, приставать я сейчас не в состоянии, едва глаза держу открытыми.

Лис зевнул и полез на кровать.

– Я привез вам письмо от Учителя. Там, в котомке, – кивнул он на сиротливо лежащую у двери холщовую сумку. – Учитель просил передать на словах, что он доволен вашими решениями.

– Я не нуждаюсь в его одобрении, – не сдержался Алан. – Откуда у тебя эти шрамы?

– пытки, – коротко ответил рыжий. – Нас обучают всему, что должен знать и уметь Длань. Учитель считает, что если ксен решит применить пытки, он должен понимать, что чувствует пытаемый. Мы все проходим через боль. Это учит.

– Он сам вас пытается? – вспомнились слова Алвиса о боли, и неприятный ком собрался в тугой клубок холодных змей где-то в области желудка. Даже спать расхотелось.

– Нет. Мы сами пытаем друг друга, – тихо и спокойно ответил Лис. Он лежал на спине, глядя в потолок. – Учитель назначает пару, он всегда выбирает того, кто тебе дорог, как бы ты ни скрывал свои чувства. Причинять боль тому, кого ты ненавидишь, легко, а видеть, как от твоих действий мучается твой друг, очень сложно. Не все могут переступить через себя, это часть обучения, умение контролировать чувства и эмоции. Длань служит не человеку, а Храму. Нельзя быть привязанным к кому-то очень сильно. Но это сложно. Если кто-то из пары не выдерживает, можно все остановить, нужно только попросить.

– И много таких, кто останавливается?

– Много.

– Что с ними происходит?

– Не знаю. Больше никого из тех, кто не сумел, я не видел.

Неужели их убивают, как бракованный материал? Тихая ненависть начала подниматься в груди.

– Нет, кир Алан, их не убивают. – Как он догадался? Или Алан произнес эти слова вслух? – Это было бы слишком расточительно, как говорит Учитель. Скорее всего, они просто заканчивают обучение как простые Искоряющие.

– Значит, ты пытал Ворона?

– Да. А он меня. Не один раз. Мы решили, что пройдем это вместе, что справимся.

Слишком спокойно он об этом говорит. Алан молчал, замолчал и Лис, а когда конт повернул голову, парень спал, из-под рыжих ресниц по щеке катилась одинокая слеза. Не так просто это было для тебя, мальчик.

Чертово время! Чертово средневековье! Чертов Храм и его Учителя! Через что же пришлось пройти тебе, Алвис, чтобы почти все тело покрыть виноградной лозой?

Сон пропал, словно его и не было, и Алан, тихо поднявшись, проскользнул к двери. В котомке лежала толстая папка, заполненная рисунками и описаниями.

Сверху конт Валлид обнаружил короткое письмо:

«Кир Алан, я разрешил Лису отвечать на любые ваши вопросы, если они не затрагивают тайн Храма. Мне показалось, что вы весьма любопытный молодой человек. Некоторые вещи могут вас шокировать, но смею вас заверить, жизнь каждого послушника мне дорога, как и моя жизнь. Мы не убиваем своих учеников, даже если они нас разочаровывают. Впрочем, не вам ли знать, что часто слабость оборачивается силой. Нужно иметь огромное мужество признать свою слабость, в этом тоже заключается доблесть.

Высылаю вам копии документов, собранных Храмом в местах, где мы находили остатки поселений неизвестных нам народов, которых мы считаем своими предками. Уверен, в вашем языке найдутся более короткие слова для обозначения наших находок, буду весьма признателен, если вы ими с нами поделитесь. Хотелось бы узнать ваши мысли на этот счет.

Писано в двенадцатый день месяца Серого Тумана в ущелье Древнего города».

За эти годы храмовники много раскопали в буквальном смысле этого слова. Но, к сожалению, ничего ценного. Остатки домов, куски арматуры, застывшие в пепле и замурованные в лаве скелеты, несколько жестяных и пластиковых бутылок различных форм и степени деформации, запчасти, предназначение которых Виктория никогда бы не смогла определить, и... куклу. Самую обычную пластмассовую куклу с синими стеклянными глазами. Ничего интересного. Хотелось бы знать, находили ли ксены книги? Вот что было ценно. Книги. Но если погибшая цивилизация шла по сходному с Землей пути развития, то основная информация находилась на цифровых носителях, а значит, сохраниться не могла. А книги могли, раз сохранились рисунки. Пусть чудом, но вдруг?

А вот это интересно. На листе бумаги была тщательно перерисована картина. Мужчина, одетый в белоснежную рубашку и светлые штаны, играл на инструменте, очень похожем на старинный клавесин. С картинки на Викторию смотрел негр. Не такой, как Оська, а настоящий земной негр. Высокий, черноволосый, с полными губами, широким приплюснутым носом и белоснежной улыбкой. Но даже не это заинтересовало Викторию. Ее внимание привлек тщательно прорисованный задний фон. За спиной

мужчины находился огромный плазменный телевизор или, может быть, это был монитор большого компьютера, в котором отражались лица трех женщин. Некрасивые, чуждые лица. Одна из них курила сигарету на длинном мундштуке, две других восторженно слушали музыканта. Одеты они были в старинные вечерние платья, что никак не соответствовало небольшому ноутбуку, стоящему на столике справа от музыканта, и электрочайнику причудливой формы, не оставлявшему ни малейших сомнений в своем предназначении, потому что из него разливал некий коричневый напиток юноша в синей тоге. Виктория долго рассматривала картину, неторопливо смакуя детали. Обои приглушенных тонов, пейзажи на стене, блики солнца в чашках. Она заподозрила, что рисунок перенесен с фотографии, так много на нем было мелких, тщательно прорисованных деталей. Стало тоскливо и грустно, по-особому защемило сердце. Что же случилось на этой планете много веков назад, что отбросило цивилизацию в средневековье? И для чего призвали ее душу в этот мир два интригана, выдающие себя за Вадия и Ирия?

Она взяла в руки исписанные листы бумаги. На них в скупых выражениях было тщательно записано, кто, когда и где нашел те или иные находки, и мысли Учителей об их назначении. Некоторые гипотезы вызвали у Виктории тихий смех, чего только стоило предположение, что пластиковая бутылка использовалась древними вместо клизмы. Но некоторые выводы оказались верными, например на одной из картинок был изображен парень в наушниках с микрофоном. И ксены сделали почти правильный вывод, что, по всей вероятности, это устройство для усиления звука, только вот назначение его они определили неверно, решив, что оно использовалось для лечения глухоты.

Дверь тихонько отворилась, и в комнату прошмыгнул Оська, а следом за ним заглянул Ворон. Алан поманил юношу пальцем.

– Найди комнату и выпишись, – шепотом приказал он. – Мне не нужны уставшие телохранители. Завтра у нас тяжелый день.

Парень бросил быстрый взгляд на безмятежно спящего Лиса и, кивнув, так же бесшумно исчез, как и появился. Хорошо хоть спорить не стал, видно, действительно вымотался. Виктория тяжело вздохнула, вспомнив своих сыновей. Если бы хоть на мгновение вернуться, посмотреть на них, обнять... «Хватит думать о том, что никогда произойти не сможет», – одернула она себя.

Оська, нагло забравшись на кровать, перебирал рисунки. Она ему не мешала, ожидала реакции на картину с музыкантом.

– Ниегро, – прошептал Оська и поднял на конта синие глаза, полные удивления. – Наши шаманы рассказывают, что когда-то мы все были такими же. Высокими и черноволосыми, но потом пришла из-за моря болезнь, дети стали рождаться слабыми, с кривыми ногами и руками, и редко-редко на островах появлялись высокие люди. Прошло много раз по десять десятков лет, мы стали такими, как сейчас, и теперь только в легендах и песнях вспоминаем, что были такими, как он.

– Радиация, – тихо ответил ему конт. – Знаешь, Оська, я очень хочу побывать на твоих островах и поговорить с вашими шаманами.

– Алан-балан, ты еще более любопытный, чем я, – округлил шут глаза. – У тебя же есть лодочка. Надо запеть песенку, дожждаться, когда подует Шад-Нгурат, и плыть туда, где встает солнце.

– Шад-Нгурат?

– Это самый главный ветер. Откуда бы он ни дул, он всегда приводит к нашим островам. Нетерпеливый, зовущий, толкающий в спину. Он заставит паруса выгибаться в желании, словно девицу в объятиях опытного сердцееда. Шад-Нгурат покажет путь, нужно только склониться перед ним и позволить ему вести.

– Оська, ты поэт. – Алан улыбнулся, наблюдая, как проворные пальцы шута перебирают листы с рисунками. – А ты хочешь домой?

– Могу сплавать с тобой в гости. – Оська беспечно махнул правой рукой, в то время

как левая вытаскивала из вороха бумаг сложенный вчетверо лист, который Алан еще не видел. – Я люблю свой дом, но там скучно. Нет таких забавных человечков, как ты.

Он развернул лист, и оба застыли в немом восхищении. Карта материка, выполненная в той неподражаемой манере, в какой рисовали на земле в стародавние времена. С ветрами, надувающими щеки, улыбающимися луной и солнцем. Не карта, а произведение искусства. Алан нетерпеливо выхватил ее из рук Оськи и, расправив на коленях, жадно всмотрелся в рисунок. Вот фронтир, вот бухта, возле которой они находятся, и название замка не «Линь», а «Осколок», значит, карту нарисовали недавно, специально для него, Алана Валлида.

– Царский подарок, отец Пауль, – по-русски прошептал Алан пересохшими от волнения губами. – Воистину царский. Неужели догадался? Да нет, откуда, я сам только вчера решил, – шептал он, рассматривая карту. – За это я расскажу тебе о том, что увидел на картине.

– Вот Кровь, кривая какая-то, – восторженно ткнул пальцем в нарисованную башню Оська. – А вот поселение папаши Иверта. Смотри, Алан-балан, они нарисовали костер там, где жило племя Черного Ястреба! Здорово, правда? Здесь есть все поселения горцев, – с тихим восторгом прошептал он. – Теперь мы им покажем! Да? Покажем? Будут знать, как обижать шута и его короля!

– Оська, тсс. – Алан с улыбкой приложил палец к губам. – Отнеси карту Неженке, вели перерисовать ее в трех экземплярах и один из них принести мне через три рыски. Только чтобы никто об этом не знал. Проследишь?

– Я его запугаю братом Эдаром, – проказливо улыбнулся Оська и скривил лицо на одну сторону.

– Слушай, а отчего он его так боится?

– А отчего он тебя боится? – ответил вопросом на вопрос шут и сощурился.

– Не знаю. Я никогда его не обижал. – Или обижал? Виктория задумалась. Ведь она не знала, что делал с Неженкой реципиент. И знать об этом не желала!

– Поэтому и боится, – глубокомысленно сообщил Оська и, засунув карту за пазуху, направился к двери. – Знаешь, Алан, мне кажется, что он вас с обгорелым боится по одной и той же причине, – совершенно серьезно произнес шут, исчезая за дверью.

Неженка. Вот еще загадка. Надо о нем у Майи расспросить, похоже, они сдружились. Алан зевнул, убрал рисунки в папку, а папку засунул под подушку и, накрывшись с головой, моментально провалился в сон. Ему снился Неженка, танцующий танец живота на столе в шатре Учителя. А отец Пауль смотрел на него и с укоризной говорил Алану: «Тебе нужно чаще заниматься сексом, иначе ты станешь психически ненормальным». На что Алан возражал, что женщины его не возбуждают, а с мужчинами делать этого он не умеет. Отец Пауль смеялся и обещал научить, а спустя мгновение вместо него в кресле сидела ворожея и укоризненно качала головой: «Нормальные переселенцы кружева и зеркала изобретают, а ты принес в наш мир стриптиз, шалунишка!» А затем из воздуха соткалась Светика, одетая в маленькое платье от кутюр, она строгим голосом напоминала, что он обещал подобрать ей жениха. Ей очень хочется замуж за конта, но если он не согласен, то пусть отдаст ей Сарха Гривастого Волка.

Проснулся конт с головной болью и полным непониманием того, где он находится. Во сне или уже в яви. Он скосил глаза, ожидая увидеть что угодно. Отца Пауля с иллюстрированным изданием Камасутры, Неженку, отплясывающего с матросами «яблочко», или ворожею с большой пластиковой клизмой в руке, догоняющую радостно скачущего по крышам Оську в розовой балетной пачке. Но, к счастью, рядом был только Лис. Он спал, закрыв глаза согнутой рукой и выставив из-под одеяла ногу. Алан улыбнулся, изо всех сил запихнул сентиментальную Викторию поглубже, пока ей не пришлось в голову погладить парня по голове. Черт! Сон явно приснился неспроста. Ему действительно не мешало бы как-то разнообразить свою сексуальную жизнь, пока

не начал на людей бросаться.

За окном стояли глубокие сумерки, когда в комнату проскользнул Тур с бумагой под мышкой, следом за ним с мягкой улыбкой на тонких выцветших губах вошел мастер Семон. Неженка пропустил вперед Сарха и тихо закрыл дверь. Алан, сидящий за столом, приложил палец к губам.

– Громко не кричите, пусть мой охранник выспится. Я рад вас всех видеть. Сарх, не рычи. Это был его выбор. Ты же знаешь, что я отпущу Иверта в любой момент. И какому бы вождю он ни присягнул, он все равно останется твоим сыном.

– Это позор, когда наследник рода уходит к другому вождю, – яростно прошипел горец. – Как я объясню другим вождям, отчего мой старший сын покинул семью?

– Объяснишь тем, что мальчик вырос и достоин лучшего, чем быть твоей тенью.

– И кем он будет у тебя, Бешеный Кузнечик?

– Старейшиной самого сильного вождя фронта. Моим советником и заместителем. Командиром отряда. Этого мало?

– В твоём племени всего двадцать три человека! Одни женщины!

– О-о-о, – протянул конт, – ты себе не представляешь, на что способны женщины, особенно если их разозлить. Но ты ошибаешься, Сарх Гривастый Волк. Мое племя в десять раз больше. Я не отделяю горцев от своих людей. И закончим на этом! Ты со мной или против меня?

Горец молчал, только грозно шевелились тонкие ноздри и яростно сжимались кулаки на рукоятках двух кинжалов, заткнутых за широкий алый кушак. Алан сидел за столом, не сводя с игуша спокойного взгляда, и никто не знал, чего ему стоило это спокойствие. Конт был напряжен как натянутая тетива и готовился в любой момент отразить атаку разбушевавшегося Сарха. Кто же в тебе победит – вождь, политик или отец? Победил политик. Волк сел напротив конта Валлида, сложил руки на столе и тихо прошипел:

– Ты отдашь в мое племя женщину, ту, которую выберет мой младший сын Ибог, это скрепит наш союз.

– Если он сможет уговорить девушку, – кивнул конт. – Против воли я никого замуж отдавать не собираюсь.

Они долго сверлили друг друга глазами, пока Сарх не прошептал, наклонившись через стол:

– Не сомневайся, он сумеет. А ты, я вижу, взял на свое ложе рыжего ксена. Некрасивый, твой кульфи намного красивей. – Он кивнул на зардевшегося Неженку. – Если он тебе надоел, то отдай его мне. Женщина для моего сына и кульфи для моих гостей утешат мое сердце и сгладят обиду от ухода Урагана.

Неженка испуганно всхлипнул и спрятался за спину Семона, старик открыл рот, но промолчал. Все смотрели на Алана, но он тоже молчал. Не оттого, что не знал, что ответить, а оттого, что боялся сорваться на крик. Зубы свело от злости. Как он посмел что-то требовать у Алана? Как посмел думать, что Алан отдаст ему Неженку, словно постельную игрушку? Как он вообще посмел такое предположить?

«Успокойся, – отозвалась в глубине сознания Виктория, – он просто хочет тебя уколоть побольнее, а может быть и проверить, готов ли ты жертвовать своими людьми. Не поддавайся на провокации».

Глубокий вдох и медленный выдох, счет до десяти. Алан откинулся на спинку стула, посмотрел на Сарха со снисходительной улыбкой:

– Пустой разговор, вождь. Я слишком жадный, чтобы отдать свое, и слишком злопамятный, чтобы забыть, как меня пытались обобрать... – В голосе конта явно чувствовалась неприкрытая угроза.

Алан вдруг резко осознал, что он говорит правду, что никого из тех, кто рядом с ним, он никому не отдаст. Даже такого, как Неженка, пусть он и кульфи. Черт, неужели это правда? Бедный мальчик. Алан перевел взгляд на испуганного раба и ободряюще ему улыбнулся.

– Зачем он тебе? – никак не успокаивался Сарх, то ли его действительно так заинтересовал художник, то ли он просто хотел уколоть Алана побольнее. – Ты не брал этого кульфи на свое ложе. Я же вижу. Его очень давно никто не брал, он трепещет как молодая козочка от любого жаркого взгляда. Так зачем он тебе? Отдай его, и я забуду свои обиды, вождь Бешеный Кузнечик. Многие вожди будут завидовать мне, когда я предложу гостям такого красивого белого кульфи.

Нет, это уже слишком! Что за день сегодня такой? Все разговоры с каким-то сексуальным подтекстом! Или это организм наконец-то взбунтовался после длительного воздержания и ему в каждом слове видится намек? С этим надо что-то делать, и немедленно!

«Еще бы знать что!» – буркнул внутренний голос.

– Сарх, ты хочешь поругаться? – устало спросил Алан, не сводя с игуша глаз. – Если тебе не нужен наш союз, то что ты здесь делаешь? Иди с миром. Встретимся через день на Совете племен. Но Неженку я не отдам. И никого не отдам. А спать мне с ним или не спать, решу сам, без твоей помощи. Так что прекращай маяться дурью, и давайте наконец приступим к разговору, ради которого я вас позвал! – В конце он не выдержал и припечатал ладонью по столешнице.

– Кир Алан, помощь нужна? – донесся с кровати бодрый голос Лиса.

– Спи. Все нормально, – тихо ответил Алан.

– Что такое «маяться дурью»?

– Лишиться разума. Спи. – Алан тяжело вздохнул. Ну вот, опять сорвался. Действительно стал неуравновешенным, неужели из-за гормонов?

Лис повернулся на бок, натянул на голову подушку Алана и затих, Сарх улыбнулся и кивнул несколько раз подряд. Ну, слава богу, эта попытка дурными разговорами закончилась. Проверил его старый волк, что ли?

– Неженка, карту. – Раб быстро расстелил на столе точную копию карты отца Пауля. При этом от взгляда Алана не ускользнуло, что держаться он старался ближе к мастеру Семону, подальше и от конта, и от горца. – Я хочу построить здесь город. – Алан ткнул пальцем в то место, где сейчас находился Осколок. – Единственная судоходная бухта на побережье, идеально защищенное место и уже есть крепость, которая перекрывает подходы с гор. Что скажете, господа? – весело спросил конт, глядя на ошарашенные лица Семона и Сарха. – «Отсель грозить мы будем шведу...» – непонятно пропел Алан. – Мастер Семон, завтра на рассвете мы с вами и нашим художником все осмотрим на местности, а пока давайте прикинем на карте, как начнем планировать застройку. Тур, записывай!

Глава 7

Забыли люди, кто их создал, перестали славить покровителей. Горды стали и заносчивы, решили, что проживут они без богов. И осерчал Отец-Небо, и послал кару свою. Упал на горы огромный огненный шар, и загорелись горы, закипела вода морская, твари из глубин выпрыгивали на сушу, падали камни и превращались в огненную воду. И сошли горы с места, и столкнулись с морем. И улыбнулся Вадий, радуясь смертям, и зарыдал Ирий, не в силах видеть гибель любимых детей своих.

Уже через рыску Виктория жалела только об одном – что она не засунула в рот кляп и черти дернули ее ляпнуть о строительстве города. Слава Петра Великого покоя не давала? Решила увековечить себя? Ну ты и дура! Где-то в глубине сознания она надеялась, что Семон и Сарх воспримут эту бредовую идею как неосуществимую блажь больного на всю голову Алана Валлида. Однако Сарх с нездоровым для его возраста энтузиазмом одобрил нелепое предложение. Глядя на возбужденного горца, Виктория сравнивала его со сластеной, которому после годовой диеты разрешили единолично съесть торт, украшенный взбитыми сливками. Горец моментально забыл о возникших распрях и, словно малое дите, сумел заразить своим энтузиазмом Семона и Неженку, которому в будущем отводилась роль архитектора. А когда к ним присоединились Кэп и оба капитана, Виктория поняла, что попала. Даже скептические замечания Рэя не охладили пыла этой компании, которая отчего-то решила, что раз конт сказал, значит, так тому и быть, и восприняли его идею как приказ, который не подлежит обсуждению. Они так увлеклись рассматриванием карты, спорами и планированием, что не заметили, как наступила ночь, и просидели бы до утра, если бы не ворожея, которая с присущей ей резкостью разогнала всех по комнатам.

Проснулся конт, когда окрашенные утренней зарей бледно-розовые облака начали подниматься из-за дальних ледников, и первые отблески рассвета робко отразились в мутноватом стекле. Состояние было вполне сносным, голова не болела и жара не ощущалось. Он потянулся и выбрался из-под одеяла, коснулся босыми ногами теплого деревянного пола, немного посидел, прислушиваясь к организму, затем подошел к окну и распахнул его. Некоторое время бездумно следил за довольными жизнью свиньями, суетсящими у большой кормушки, а затем перевел взгляд на виднеющееся вдали море. В комнату влетел легкий прохладный ветерок. Скоро похолодает и наступит момент, когда конту Валлиду придется явиться к отцу Паулю для обучения. Похоже, у храмовников изменились планы на опального бастарда, и если раньше брат Турид имел четкий приказ не поощрять Алана в учебе, то сейчас намерения ксенов резко поменяли полярность. Что-то замышлялось за спиной конты, а что – понять он не мог. Недостаточно знаний и информации. Ох как не хватало разведки! Сидя здесь, на фронтире, ничего не добьешься, поэтому нужно срочно заканчивать дела и отплывать в герцогство. Хотя бы посмотреть, как живет цивилизация, да не мешало бы начинать заводить связи и знакомиться с нужными людьми, пока вновь не явился Вадий и не потребовал еще чего-нибудь. Виктория глубоко втянула холодный воздух, пахнувший гарью и навозом. Идиллия. Сразу вспомнились бабушкин дом с высоким крыльцом, чисто выметенный двор, по которому бродили только кошка да собака, мазанка летней кухни, большой сад и огород, упирающийся в пруд. Бабушка тоже держала свиней, специально чтобы к Рождеству порадовать детей и внуков домашними колбасами и вялеными окороками. Сыновья Виктории обожали проводить лето в селе, где у них было множество друзей и полная свобода. Хочешь – в лес за лещиной, хочешь – на рыбалку, а хочешь – на коровник, помочь матери друга во время вечерней дойки. Для городских мальчишек это было целое приключение. Ее старший даже как-то на очередной вопрос доставучего гостя – кем он хочет стать? – гордо ответил, что только дояркой. Как давно это было! Уже много лет нет бабушки, да и сама Виктория вроде как умерла, а ностальгия и память остались.

За спиной легко скрипнул пол.

– Доброе утро, Лис. Завтракайте, через рыску жду вас с Вороном у ворот. Возьмите лошадей, нам предстоит насыщенный день, – не оборачиваясь, произнес Алан.

– Доброе утро, кир Алан.

Лис открыл дверь, впуская в комнату Берта, а сам выскользнул в коридор. Слуга принес одежду и бадью с водой, а заодно и сплетни.

– Весь Осколок гудит. Ваши ама-зон-ки набили морду конюху за то, что он сказал, что вы странный, баб к себе не таскаете. Им Иверт перевел. Ворон спал в крыле для слуг, и к нему всю ночь девки ходили, то покушать приносили, то попить, то спросить, не жесткая ли перина и не холодное ли одеяло. Дядька Рэй в конце концов так разозлился, что поставил у двери вооруженного салагу и пригрозил выпороть развратниц. – Берт орудовал ножом, сбывая со щек Алана щетину, и безостановочно вываливал на него местные новости, а при этом сам едва сдерживался от смеха. – Зато Оська не растерялся и утешил самую симпатичную, они с Туром сегодня ночевали не в своих комнатах. На вашего Тура тоже охоту открыли. Весчанки, что пришли замок после пожара убирать, глаз с него не сводят. Он же ваш секретарь! А коль вы сами недоступны, так пока Тура привечают.

– Он же еще ребенок! – возмутилась Виктория, едва не лишившись при этом куса уха. Берт в самый последний момент успел убрать нож от дернувшего головой конта.

– Да какой он ребенок? Его через три месяца уже женить можно. С киром Дареном тоже пробовали заигрывать, но Серый быстро это пресек. Да и ама-зонок ваших боятся, а они постоянно за киром ходят. Виконт обиделся на Серого и теперь дует, что ему не позволили девку к себе взять, – хихикнул Берт.

– А Серый что?

– Сказал, что кир Дарен ему еще спасибо скажет. От позора его сберегли. Мол, мал он еще.

Ничего себе заявочки! Ее мальчиков соблазняют какие-то... какие-то... девки! Сразу всплыли воспоминания Алана Валлида о его первом опыте. Плохие воспоминания, ненужные, неуместные. Но все равно, если это неизбежно, надо все взять под контроль, чтобы у Дарена не осталось на всю жизнь отвратительных шрамов на душе.

– Берт, ты же сам по бабам ходок. – Слуга только усмехнулся. – Ты проследи, чтобы все было как надо. Дарену еще рано, но если заметишь, что ему... нестерпимо, скажи мне. Я его к горцам отвезу. – Их опыт сексуального воспитания Виктории нравился намного больше, чем «с весчанками просто ради интереса». – Слушай, а что, наш Оська пользуется успехом у дам? – Любопытство пересилило, и Виктория не удержалась от вопроса.

– Не знаю, как у дам, но у баб – пользуется. Он же такой необычный, говорит красиво, стихи знает и песни поет, а бабы это любят. А по девкам он сам не ходит. Говорит, что вдовицы и замужние ему больше нравятся. Опытные и замуж не хотят.

– А брат Эдар?

– Этот всех сторонится. Приветлив, но на сближение не идет. Светика вокруг него, словно кошка вокруг сливок, крутится, а он только жутко улыбается, и все.

Ох, конт же обещал отдать эту егозу замуж. Надо ее с Ибогом познакомить, а вдруг сложится? А Эдар... Кто знает, что таит его искалеченная психика? Конечно, весчанка не пара тому, кто метит на пост Приближенного. Светика – девушка искренняя, заботливая и добрая, но слишком проста для умного ксена. Им не о чем будет разговаривать, а связь ради секса только ранит девушку, видимо, брат Эдар это понимает, что ему в плюс.

– А та рабыня, которой вы живот резали, уже в поле работает, Саника ей только не разрешает тяжести носить, а так нормально все. А сын ее Адам на вашего батюшку очень похож. Видать, старый господин ее обрюхатил. Зато раб ваш Саника и ворожея ладят. Саника сейчас в Крови за лекаря остался. Придумал для рабыни, которой барон покойный ноги укоротил, тележку на колесах. Она на ней и ездит, руками от земли отталкивается, да так и передвигается по двору, а в доме на коленках принаровилась ползать. Саника ее к швеям определил. Хорошая баба, веселая. На нее Рваный засматривается, это один из отряда лучников. Все орехи сахарные ее малой таскает. Может, и сговорятся. Деревня-то растет, уже три дома поставили, ждите просителей к сезону холодов.

– Каких просителей? – не понял конт, разворачиваясь к столу, на который служанка

выставила тарелки с едой.

– А за разрешениями на свадьбы. – Берт усмехнулся и, прихватив бадью с мыльной водой, пошел к выходу. – Господин, велеть Угля седлать?

– Да. Ты тоже поедешь. Мастеру Семону пусть возок запрягут. Негоже старику верхом скакать.

– Тогда и Неженка пусть с ним едет. Он верхом вряд ли умеет, – предложил Берт. – Друида велела вам передать, чтобы вы пили травы еще пять дней. Она в Кровь вернулась, сказала, дела у нее там, а здесь болтаться с вами недосуг.

– Могла бы зайти попрощаться, – буркнул Алан.

– Она велела передать, если будете возмущаться, что она вас тоже любит.

С этими словами Берт быстро юркнул за дверь. Виктория усмехнулась, у них с ворожеей это уже вошло в привычку – признаваться друг другу в любви, когда сказать нечего.

Конт съел завтрак, не чувствуя его вкуса, поблагодарил прислуживавшую ему служанку, отчего девушка зарделась, и вышел на улицу.

Ага! Вот и амазонки. И как с ними общаться? Виктория ухватила пробежавшего мимо раба и велела найти Иверта. Горец появился спустя несколько минут, да не один, а в компании Серого. Оба выглядели до неприличия бодрыми и веселыми.

– Утречка доброго, кир Алан, – поклонился наместник.

– Доброе утро, мой вождь, – весело блеснул глазами Иверт, и Виктория улыбнулась в ответ.

– Как-то «Бешеный Алан» мне нравилось больше, – хмыкнул конт, кивая Серому. – Капитан, вышли дозоры на все дороги и тропы. Я хочу заранее знать, кто приближается к Осколку. Сегодня начнут съезжаться вожди горцев и опальные дворяне. Подготовь четырнадцать комнат для дворян и поставь за стеной шатры для их сопровождения. На территории замка не должно быть ни одного чужого воина. Для горцев огороди отдельную площадку. Иверт тебе поможет, он знает законы гостеприимства своего народа. Сделайте все правильно! Еды хватает? – Серый кивнул. – Отлично. Выполняй. – Алан развернулся к Иверту. – Слушай, мне срочно надо начать изучать ваш язык. Поэтому с сегодняшнего дня разговариваем на двух языках.

– Как ты говоришь с Туром?

Алан кивнул.

– Что ты хочешь узнать у женщин?

Иверт повторил два раза. Но из общего предложения Виктория вычленила последнее слово и тщательно его проговорила: «арюн – женщина». Ничего, постепенно выучим. Никогда она не жаловалась на память, с раннего детства запоминала стихи после двух прочтений.

– Завтра соберется Совет племен и сюда съедутся все вожди свободных горцев. Я хочу, чтобы меня охраняли воины нашего племени.

Виктория заметила, как довольно блеснули глаза женщин, когда Алан назвал их воинами, а не охотницами. Значит, правильно она угадала, верную тактику выбрала.

– Я хочу, чтобы вожди увидели и позавидовали силе, скорости и красоте моих воинов. Хочу, чтобы они ели соль и пили морскую воду, сожалея о том, что не к ним пришло под руку племя Гадюки. – Хорошо, что в свое время она расспросила Рэя о поговорках горцев. – Кто у вас старшая?

Вперед вышла высокая мускулистая женщина с коротко остриженными волосами. Светло-зеленые раскосые глаза и загорелое лицо делали ее похожей на кошку.

– Суно Ядовитая Типара, – представил ее Иверт. – Типара – это морская рыба, –

пояснил он.

– Я говорить твой язык, Бешеный Кузнечик. – Голос у Суно оказался низкий, богатый, сочный. – Ты говорить наш язык, мой вождь?

– Я учусь, арюн, – без улыбки сообщил конт.

– Ты звать нас амазонка, что это есть?

– Это очень сильное племя воительниц, против которых не мог устоять ни один мужчина. Они красивы, умны, безжалостны к врагам. В бою свирепые воины, а дома ласковые жены.

Незачем местным знать настоящую легенду об амазонках. Феминисток растить мы не будем! Если раньше идеи борьбы за равноправие находили отклики в душе Виктории Вавиловой, то сейчас она оказалась по другую сторону баррикад и ее все устраивало. Семью и воинскую службу сложно совместить, но... Она никого не собиралась держать на службе насильно, просто эти женщины ничего другого не умели.

Иверт перевел. Судя по довольным лицам, название приживется.

– Я хочу, чтобы вы одевались как подобает моим воинам. На Совет меня будут сопровождать четверо, они поступают в распоряжение старейшины Иверта Урагана. – Конт кивнул на бесстрастного горца. – Остальные через час отправляются обратно в Кровь вместе с моим сыном. Я отдам приказ, чтобы вас одели, вооружили и всячески помогали. Пока вы все переходите в распоряжение капитана Рэя. Учитесь, отдыхайте, ходите на охоту. И... – конт лукаво улыбнулся, – присматривайте себе женихов. В Крови много хороших парней.

Эти слова вызвали смех и улыбки и сняли остатки напряженности.

– Ты добрый вождь, Алан Бешеный Кузнечик, – прижала руку к груди Суно. – Ты сможешь пообещать защиту и безопасность нашим старшим и нашим детям? – добавила она на своем языке, и Иверт перевел.

– Да, – твердо ответил конт, глядя женщине в глаза.

– Тогда мы будем верны нашим клятвам, – серьезно и без пафоса заявила Суно. – Когда мы шли к тебе, многие боялись, что будет вражда, но твои женщины в Крови приняли наших детей как своих. Кормили, мыли, одевали. Мы сожалеем о недостойных мыслях.

Затем Виктории пришлось сыграть роль строгого отца и отправить Дарена домой в сопровождении брата Эдара. Ксен оказался на удивление покладистым и даже не попытался поговорить с Аланом, он вообще старательно не попадался конту и его охранникам на глаза, чем вызвал у Виктории серьезные подозрения. Зато Оську найти так и не смогли, хитрый шут исчез вместе с Маей, и Виктория была уверена, что появится он в самый подходящий момент. Для него – подходящий.

Она оглянулась и улыбнулась, увидев, кто спешит к конту.

– Доброе утро, кир Алан, – склонил голову наставник Дарена.

Мастер Семон с неизменной отрешенной улыбкой на старом лице подошел к конту в сопровождении застенчивого Неженки, несшего тубус и коробочку с письменными принадлежностями. Раб низко поклонился и застыл, опустив взгляд.

– Доброе утро, мастер. – Алан ободряюще улыбнулся старику. – Доброе утро, Неженка.

– Доброе утро, хозяин. – Неженка залился румянцем.

– Мальчик, не нужно бояться, – ласково произнес Семон и погладил раба по руке. – Кир Алан, вы позволите? – Дождавшись кивка заинтригованного конта, он продолжил: – Я знаю, что тебя воспитали в строгости и ты не смеешь заговорить с хозяином без его разрешения, но правила приличия требуют, чтобы ты первым здоровался с господином. Он старше тебя по положению и по возрасту. И не нужно его бояться, ты ведь уже понял, в Крови не такие законы, как в гареме хана.

Неженка еще больше покраснел, хотя, казалось бы, куда больше? Виктория с любопытством слушала.

– Если кир Алан мне позволит, я буду заниматься с тобой не только рисованием, но и основами этикета. Ведь когда-нибудь ты станешь свободным мастером и очень знаменитым живописцем. И тогда тебе придется общаться даже с королями!

Викторию очень умиляла вера мастера Семона в людей. Он умудрялся видеть хорошее в каждом, с кем общался. Мастер ни разу не пожаловался на Дарена, только хвалил его, называя непоседливым, но умненьким мальчиком. Виктория часто спрашивала Семона о том или ином человеке, и всегда он находил и подчеркивал сильные стороны и ни о ком ни разу не отзывался плохо. Даже о своем бывшем хозяине он говорил как о несчастном человеке с отравленной пьянством душой.

– Я буду только рад, если ты научишь нашего художника не только рисованию. Кстати, Неженка, ты сделал то, что я просил?

– Да, хозяин.

Парень протянул конту тубус с картами.

– Отличная работа. Я доволен, – похвалил Алан раба, быстро просмотрев карты и отобрав ту, на которой не было поселений. Остальные вновь сложил в тубус и вручил подошедшему Берту. – Спрячь.

Через десять минут из ворот замка выехала странная процессия. Впереди на высоких жеребцах скакали конт и Рэй в сопровождении двух послушников, чуть позади за ними – Берт и трое ветеранов маркиза Генри, следом трясся возок с Семоном и Неженкой, а за ними, громыхая и подпрыгивая, катились две телеги, груженные лопатами, кольями, веревками и с дюжиной крепких весчан в придачу.

До бухты они добрались быстро и тут же принялись за работу. Весчанам под присмотром Семона было велено копать ямы на расстоянии ста шагов одна от другой – Виктория хотела знать, что находится под верхним слоем почвы. Они же с Неженкой поднялись на скалу, с которой открывался вид на бухту и расстилающуюся перед нею равнину.

– Смотри, – конт махнул рукой, – вот здесь будет причал. Для этого придется снести некоторые валуны. – Он повернулся к послушникам, тенью следовавшим за ним: – Лис, ты спрашивал у отца Пауля о порохе? Продаст он мне пару кувшинов?

– Учитель просил узнать, для каких целей он вам нужен? Но я уже понял. Вы хотите взорвать эти камни и вытащить их из воды кусками?

– Да. Крупные валуны я хочу взорвать, более мелкие мы разобьем. Нужно очистить проход к большой воде. Не до самого берега, но на максимальное расстояние.

– Я напишу Учителю.

– Сегодня же. И напиши еще, что мне известно, как делать порох. Просто у меня нет времени этим заниматься.

Не признаваться же, что Виктория понятия не имеет, где брать в этом мире компоненты. Нет, она знала, что селитру можно отыскать на стенах свинарника, но знать – еще не значит суметь извлечь, а химия никогда не была ее любимым предметом. Вот если подсмотреть, как это делают местные умельцы... Но шпионаж оставим на будущее.

– Учитель спросит, откуда вы об этом знаете? – В голосе Ворона впервые с момента их знакомства проскользнул интерес.

– Приснился Вадий и рассказал, – совершенно серьезно ответил Алан.

Виктории надоело бояться. Тем более что она прекрасно понимала: войну с Учителем она уже проиграла. Он контролирует каждый шаг Алана Валлида, так какой резон скрываться? Особенно сейчас, когда она решила открыто бросить вызов регенту и Наместнику. Последний был пока величиной неизвестной. До сих пор он никак себя

не проявил, и это настораживало. Зато у Виктории напрочь пропал страх перед Учителем, хотел бы запереть в подвалах и подвергнуть допросу с пристрастием – уже сделал бы это. А раз ему пока любопытен конт Алан Валлид, следует извлечь из этого максимальную выгоду.

– Я сам напишу завтра письмо отцу Паулю после того, как закончится Совет племен. – Алан отвернулся от телохранителей и тронул Неженку за руку, отчего тот ощутимо вздрогнул. – Зарисуй бухту и место перед ней. От этих скал до леса на горизонте. – Он показал на виднеющиеся вдали деревья. – Именно здесь будет город. Изобрази так, чтобы потом можно было добавить дома и улицы.

Пока Неженка занимался наброском, конт отошел в сторону и повернулся лицом к морю. Как красиво. Вдали на зеленой воде раскачивался корабль Кэпа. Нет, неправильно – корабль Валлида. Отсюда он казался игрушечным и очень хрупким. По морю гулял ветер, гонял волны, белыми пенистыми шапками разбивавшиеся о прибрежные камни. Алан подставил ветру лицо и прикрыл глаза, вслушиваясь в шум прибоя, ловя легкий запах соли и водорослей. Где-то внизу слышались голоса работающих людей и раскатистый бас Рэя, зовущего мастера Семона.

Все же она чокнутая! Вот отчего не сидится на месте? Денег хватает, люди любят и уважают, есть сын и женщина, которая приняла ее со всеми тараканами, но непоседливая натура заставляет бежать вперед, совершать опрометчивые поступки, ввязываться в авантюры.

«Ой, не зуди, – тут же отозвался внутренний голос с явно мужскими интонациями. – Ты бы сдохла со скуки через полгода. А так – сплошные приключения. Конечно, ты ненормальная, кто же спорит? Абсолютно больная на всю голову, непредсказуемая даже для себя. Но это же здорово! Пользуйся моментом, а то на том свете ужасно скучно, сама же об этом написала, когда еще помнила. Так что я – за безумство!»

– Безумству смелых поем мы песню, – прошептал с улыбкой конт и, открыв глаза, посмотрел на стоящих рядом послушников.

Ворон держал Лиса за руку, их пальцы переплелись, они оба смотрели за горизонт. Лис с восторгом, а Ворон с легкой грустью.

– Никогда не замечал, как красиво может быть море, – тихо произнес рыжий. – Переменчиво, непредсказуемо, маняще.

– Ласковое и опасное. Оно может быть союзником, а может быть твоим убийцей, – ответил ему Ворон и сильнее сжал руку друга.

Виктория про себя вздохнула. Ей было до боли в сердце жаль этих мальчишек, лишенных семьи, детства, выбора. Но она ничего не могла изменить. Если только сломать систему, но пока ей об этом и мечтать не стоило. Сначала придется разобраться со своими проблемами.

Послушники еще долго стояли, молча глядя на волны, и каждый думал о чем-то своем. А потом раздался тихий голос Неженки:

– Хозяин, я сделал, что вы велели.

Вот теперь Виктория не сомневалась, что Семон не ошибся в этом парне. Рисунок был безукоризненным, не план местности, как она рассчитывала, а тщательно прорисованный быстрыми короткими штрихами пейзаж.

– Неженка, принеси мне вечером свои работы. Или ты все оставил в Крови?

– У меня есть то, что я рисовал по дороге сюда, и портреты, – тихо ответил раб, не поднимая глаз.

– Я хочу посмотреть. А теперь садись удобнее, мы будем рисовать город моей мечты. Виктоград.

«Виктоград? – тут же захихикал противный внутренний голос. – Отчего же не Санта-Виктория?»

«Я думала об этом. Слишком сложно для местного языка. И вообще, ты чего ржешь? Алан-град звучит слишком пафосно. – Обиделась Виктория. – Между прочим, этот город назван в честь моего ребенка. Если это будет девочка, я назову ее Виктория, а если будет сын – Виктор. И вообще, не мешай развлекаться моей мании величия!»

«Нашей», – поправил ее голос Алана и наконец-то заткнулся.

– В центре, здесь, – палец Алана ткнул в точку на рисунке, – будет находиться академия.

«Магии, – тут же влез со своим комментарием внутренний голос. – Какой же средневековый город без академии магии? И чтобы ректор был бабник!»

Виктория улыбнулась. Это действительно смешно. Но перед глазами встали стены Петербургской академии искусств, основанной Екатериной.

– Большое белое здание с колоннадой. Ты знаешь, что это такое?

– Да, я был в столице, – прошептал Неженка, быстро рисуя здание академии. Не совсем то, что представляла Виктория, но ведь это только план.

– Вокруг нее будет парк. А еще дальше храмы. Храм братьев-близнецов, церковь, место для взывания к духам и, возможно, еще чьи-нибудь храмы. В наш город будут приезжать разные люди, и я хочу, чтобы каждый из гостей смог обратиться к своему богу. Или посмотреть на других богов и, возможно, поменять покровителя.

– Церковь? Я не знаю, как это рисуется, – смущенно проговорил Неженка. Виктория боковым зрением заметила, как подались вперед ее охранники. А что вы думали? Она пропустит мимо ушей угрозы Учителя? Нет, мои дорогие, эта церковь будет первым блоком в пирамиде новой веры.

Алан взял из рук раба угольный карандаш и быстро изобразил небольшую церквушку с куполом, увенчанным крестом. В принципе ее устроит и часовня, но церковь звучит круче.

– Я никогда не слышал о такой вере. Кому поклоняются ее последователи? – спросил Ворон, рассматривая рисунок из-за плеча Неженки.

– Отцу Небесному, – уклончиво ответил конт.

О концепции новой религии нужно было еще подумать. Виктория собиралась взять за основу христианство, но привнести в него многое от буддизма. И говорить на эту тему она не была готова. Впереди путешествие по морю, будет время для размышлений. А ей просто хотелось иметь хоть что-то, напоминающее дом. Место, куда можно прийти и подумать.

«Странный выверт психики. Ты всегда была атеисткой. Причем воинственной. Но стоило умереть, как у тебя появилось неистребимое желание встать на колени у иконы и помолиться за тех, кто остался в прошлой жизни. Своего рода психотерапия?»

На это она ничего не могла ответить своему внутреннему собеседнику. Христианкой она не стала, но все чаще ей хотелось перекреститься и все чаще вечерами с губ срывались слова простой молитвы о близких. Может быть, и правда Бог остался единственным, с кем она могла разговаривать откровенно?

– Чуть в стороне оставь место для делового центра, здесь будут находиться всевозможные конторы и магазины. С обратной стороны парка место для театра. Пока нарисуй просто дом со статуей. От центра проведи лучи-улицы, вдоль них расположатся жилые дома.

Они еще долго сидели на скале, прикидывая различные варианты расположения улиц. Постепенно Виктория вовлекла в обсуждение своих охранников, и когда они закончили, на коленях Неженки лежало шесть вариантов будущего города.

– Кир Алан, соизвольте спуститься вниз и покушать.

Чуть запыхавшийся Рэй с каплями пота на бритой макушке укоризненно смотрел

на конта.

– Рэй, какие успехи у Семона? Что удалось выяснить? Вы разметили круги, чтобы не путаться?

Капитан кивнул и, поскользнувшись на мелкой гальке, ухватился за кустарник, но на ногах устоял. Они быстро спускались по извилистой тропе, сдерживаясь, чтобы не пуститься в бег, что было бы очень опасно на таком крутом склоне.

– До четвертого круга под землей камень на глубину лопаты, а с пятого уже мягкий песок. В одном месте нашли ручей. Вода хорошая, не соленая.

– Ты посмотрел места под сторожевые башни? Я хочу полностью перекрыть проход в бухту. Возможно, даже цепь натянуть между башнями, чтобы поднимать ее в случае опасности. Конечно, если найду столько железа.

– Кир Алан! – взмолился капитан. – Когда же мне было успеть? Вот сейчас пообедаем и посмотрю.

Алан на ходу повернул голову и ухватил Рэя за руку.

– Рэй! Что происходит? Ты сам на себя не похож!

– Да нормально все, – отвел взгляд капитан. Но Викторину было не обмануть, слишком хорошо она успела изучить своего няньку. Поэтому остановилась и требовательно посмотрела в глаза великана. – Это все из-за моего предательства. Вы мне доверяли, а я... я за вами следил. Много лет вас обманывал. А теперь, как вы об этом узнали, мне в глаза вам смотреть стыдно. Вы мне верили, а я... – Он ссутулился и опустил голову.

– Рэй, – как можно мягче произнесла Виктория, – что тебе обещал Учитель за шпионаж?

– Что вы жить будете. Что они вас не тронут, – честно ответил богатырь, но глаз не поднял.

– Так в чем твое предательство? Ты мне жизнь спас. – Алан слегка сжал руку Рэя.

– Если бы я вам сразу рассказал, – тяжело вздохнул капитан. – Как брат Эдар. А я трусил. Нет мне прощения. Отпустите меня в Роган, прошу вас.

Блин! Никогда не умела утешать больших крепких мужиков, отягощенных комплексом вины.

– Рэй! Посмотри мне в глаза! – Капитан поднял на конта тусклый взгляд. – Лучшего времени для самобичевания ты не нашел? Сейчас, когда мне нужна поддержка верных людей, ты решил меня оставить? Знаешь, именно это я называю предательством. А не то, что ты делал до этого, спасая мне жизнь и жертвуя своей честью.

С этими словами Алан развернулся и поспешил вниз. Если Рэй и сейчас ничего не поймет, Виктория потеряет верного друга и соратника. Как жаль! В желудке собрался горький ком ожидания. Ну же, Рэй! Сделай правильный выбор! Не подведи!

Рэй догнал Алана уже внизу, когда до ноздрей конта донесся запах шашлыка, и он понял, что очень, очень голоден.

– Простите, кир Алан.

– Прощаю. Больше никогда так не говори. Я люблю тебя как отца. Не разочаровывай меня, Рэй.

Они пробыли на берегу до самого вечера, но успели сделать разметку и вбить колышки на месте будущей академии, здание которой должно было стать центром Виктограда.

Домой возвращались в темноте, Алан едва не падал с Угля, так ломило от усталости тело.

– Прибыли дворяне и трое вождей. – Их встретил Серый. – Горцы ушли ночевать в горы, киров я разместил в комнатах, как вы и велели. Сейчас они между собой ругаются в столовой, – усмехнулся он, помогая конту слезть с лошади. – Маркиз Генри Раман ждет в вашей комнате. Подавать ужин?

– Сначала мыться.

– Я знал, что вы так скажете. Баня готова, – чуть улыбнулся воин.

Конечно, знал. Любовь конта к мытью уже стала притчей во языцех. Этакая безобидная странность господина.

... – Добрый вечер, сир. – Маркиз, все такой же подтянутый, строгий и немного чопорный, встал навстречу входящему конту. – Слухи о вас встряхнули это болото. Наше небольшое общество гудит, словно растревоженный ведмедом пчелиный рой. Предположения настолько несуразны, что я решил встретиться с вами лично до собрания племен, на которое вы нас всех пригласили.

– Рад вас видеть, генерал, – искренне ответил Алан, протягивая руку. – И что же говорят? – с любопытством спросил он, пропуская к столу Берта и служанок с подносами. Следом за ними в комнату вошел Ворон и застыл у двери.

– Говорят, что вы истребили племена Черного Ястреба и Ведмедя, – дождавшись, когда служанки выйдут, начал перечислять маркиз. – Говорят, что вы женились на горянке, забрали ее племя, а саму ее убили, говорят, что вам прислуживает Орден Искореняющих, – он бросил быстрый и многозначительный взгляд на безразличного Ворона, – что вы взяли в гарем сына и дочь сильного вождя, что вы захватили земли на побережье и что в вас живет анчута.

– Последнее – вранье, – улыбнулся Алан, жестом приглашая маркиза за стол. Берт налил вина и застыл за стулом конта.

– Значит, остальное правда? – Маркиз поднял бокал, посмотрел на вино сквозь свет свечей и отпил глоток.

– У меня теперь есть племя, я согласился взять в свой дом дочь Сарха Гривастого Волка. Его сын принес мне клятву верности, и теперь он старейшина и мой советник. И да, я полностью вырезал племена Ястреба и Ведмедя.

– А земли?

– Они мои по праву. Эти земли принадлежали барону Линю, и теперь они мои.

– А Искореняющие?

– Я встретился с Учителем...

Алан почти все рассказал маркизу, опустив лишь причину появления отца Пауля в горах. Ему очень нужен был совет умудренного жизнью человека, знающего реальный расклад сил в королевстве.

– Я всегда подозревал, что за Наместником кто-то стоит, – проговорил маркиз. – Не могу сказать, что подтверждение моих подозрений принесло радость. Лучше бы это было не так. Короче, вы заручились поддержкой храмовников и вам даже выделили охрану?

– Скорее конвой, – недобро усмехнулся конт. – Вы ведь понимаете, что юноши не только охраняют меня, но и шпионят за мной.

– И вы так спокойно об этом говорите в присутствии... этого? – Кир Генри кивнул головой на Ворона.

– Он знает, что я знаю.

– Я могу подождать за дверью, если кир Генри поклянется не причинять вам вреда, – глухо произнес Ворон.

– Я давал киру Алану клятву верности, – холодно процедил генерал. – Никто еще ни разу

не посмел обвинить мой род в нарушении клятв.

Ворон слегка поклонился и бесшумно выскользнул за дверь. Странно. Интересно, какие распоряжения вы получили, парни?

– Генерал, я хочу с вами посоветоваться.

Когда маркиз ушел, наступила глубокая ночь. Ныли плечи, тело ломило от усталости, а голова трещала от переполнявших ее сведений – имен, биографий, приговоров. Зато теперь Виктория знала, на кого можно рассчитывать, а кого сразу стоит записать во враги.

В дверь постучали, и в комнату робко вошел Неженка со стопкой рисунков в руках. На парне были надеты белая рубаша и широкие штаны, из-под которых выглядывали босые ноги. Мокрые волосы он заложил за уши, полностью открыв лицо. Он застыл у двери и опустил взгляд в пол.

– Вы приказали принести рисунки, хозяин, – тихо произнес раб.

Алан потер глаза. Время позднее, как-то не располагает рассматривать рисунки.

– Оставь на столе.

Неженка положил рисунки на стол и нерешительно замер рядом. Алан покрутил шеей, разгоняя кровь, отвел руки назад, чтобы хоть немного снять напряжение в спине.

– Хозяин, сделать вам массаж?

– А ты умеешь? – удивился конт.

– Меня обучали, – чуть улыбнулся парень.

– Что же ты до сих пор молчал? – воскликнул Алан, падая на кровать.

Это было прекрасно. Неженка действительно умел делать массаж. Алан даже постанывал от удовольствия под умелыми и на удивление сильными руками и сам не заметил, как задремал. Проснулся оттого, что кто-то осторожно гладил спину, и тело моментально отозвалось на чужие прикосновения. Конт еще немного понежился под ласковыми руками, а затем до него вдруг дошло, кто может касаться его спины так нежно и чувственно.

– Ты что делаешь, паршивец? Убью! – гаркнул он, резко разворачиваясь на спину.

Неженка вскрикнул и отпрыгнул к дальней стене. Когда раздраженный Алан вскочил с кровати, он увидел раба, скорчившегося в темном углу и закрывшего голову руками. Мальчишка безостановочно шептал:

– Я ничего не делал, я ничего не делал. Вы приказали сделать массаж и заснули, вы сами приказали... Я боялся остановиться...

Сразу стало мучительно стыдно за свою несдержанность. Алан медленно подошел и присел перед парнем, боясь к нему прикоснуться, чтобы не вызвать еще большую панику.

– Ну перестань. Это я спросонья. Не бойся, – тихо и ласково проговорил конт. Так Виктория разговаривала с лошадьми и собаками. – Все хорошо. Тебя никто не обидит. Выбирайся оттуда. – Она протянула руку и едва коснулась кончиками пальцев плеча Неженки. От этого невинного жеста раб вздрогнул и попытался сильнее вжаться в стену. – Как все запущено, – прошептала Виктория. И этого забитого парня пытались подsunуть конту, когда он только начал вставать после болезни? Но тогда Неженка не выглядел таким запуганным.

– Милый, что произошло? Отчего ты стал так меня бояться? Отвечай, я приказываю! – Алан чуть повысил голос.

– Горец сказал, что я кульфи, игрушка для постели. А когда я ему ответил, что это не так, он сказал, что вы сделаете меня таким. Что если я вам не буду нужен, вы сделаете меня кульфи и отдадите ему. Чтобы... чтобы сохранить мир между вами. Я не хочу стать ненужным вам, хозяин. Простите меня! Я все сделаю, только не делайте меня кульфи.

– Это Сарх тебе сказал? – нахмурился Алан, притягивая к себе и крепко обнимая плачущего раба. – Не слушай его. Я никому тебя не отдам и никому не позволю издеваться над тобой. Неженка, ты мне веришь? Горе ты мое луковое, – добавил он по-русски, совершенно не представляя, как утешать парня. И Виктория, как назло, затаилась на периферии сознания, выжидая и ехидничая.

Что же с тобой делали, если простые беспочвенные угрозы превратили милого улыбчивого парня в запуганное дрожащее существо? Алан крепко прижал к себе сжавшегося в комок раба, он тихо его раскачивал, шепча всякие глупости, а сам вспоминал, как впервые увидел Неженку, которого Саника отправил к нему в баню, чтобы помочь мыться. Это случилось, когда Берт попал в плен к игушам и в Крови шептались о нетрадиционной ориентации конта. Алан покосился на хрупкое тело в его руках. Ну какой секс? С этим чудом? Да ничего, кроме материнских инстинктов и желания защитить, он не вызывал.

«Вот уж точно, – согласился внутренний голос, и Виктория захихикала. – Может, усыновить, раз он тебя не возбуждает как наложник?»

«А тебя возбуждает?» – с интересом спросил Алан, глядя раба по голове, так как он обычно гладил Кусь – приятно, но ничего более.

«Нет. Слишком юн, слишком женственен, слишком смазлив, – отозвался внутренний голос. – Мне его жалко».

– Неженка, – Алан вытер слезы с зареванной мордашки, – живи, рисуй, учись. Я клянусь, что никому тебя не отдам, ты должен доверять мне. Но делить с тобой ложе я не буду. Никогда. Запомни это, и даже не делай попыток соблазнить меня, иначе мы крепко поссоримся. А вот на массаж – согласен. Ты великолепно его делаешь. Договорились? – Раб кивнул и чуть улыбнулся. – Вот и отлично, теперь марш спать. С Сархом я поговорю.

Дурдом «Веселка»! Словно своих проблем мало! Эх, парню бы хорошего психоаналитика, а то что же он от каждого намека шарахается? Но дальше мысли поплыли совершенно по другому руслу, и, уже проваливаясь в сон, Алан подумал, что Неженке ни в коем случае нельзя давать свободу. Пропадет с таким характером. А еще он вспомнил, что не выпил лекарство, но понадеялся, что ворожея никогда об этом не узнает.

Следующий вечер Виктория встретила с сорванным голосом, головной болью и разбитыми кулаками. Нет, этот барон Вантус (или как его там звали) явно был ненормальным. Полезть к конту драться на глазах у его охранников! Ворон даже не стал делать вид, что пытается сохранить барону жизнь. Прирезал и глазом не моргнул. Кулаки же Алан сбил, когда разнимал драку между «благородными завоевателями» и «дикими горцами». Хорошо, что на собрание не позволили принести оружие и дело обошлось банальным мордобоем. Алан даже порадовался возможности спустить пар, тем паче что кулаки чесались с самого утра, с тех пор, когда прибыли почти все приглашенные. Почти, но не все. Из четырнадцати опальных семей на зов конта Валлида явились двенадцать владетелей. Пятеро из них числились в друзьях маркиза, и с ними особых проблем не возникло, а вот остальные заставили конта поволноваться.

– Кир Алан? Можно? – В дверь заглянул Рэй. – Маркиз спрашивает, присоединитесь ли вы к ним?

– А что они делают? – подозрительно просипел конт, рассматривая руки.

– Что могут делать мужчины после такого знатного побоища? – делано вылупил глаза Рэй. – Пьют!

– Кто пьет? – растерянно спросил Алан, не сразу понявший, о чем речь.

- Все пьют! Вожди с нашими кирами.

Песец! И здесь тоже?

- Они там еще не клянутся друг другу в вечном уважении?

- Нет, господин. До этого еще не дошло, но очень близко, - улыбнулся Лис.

Черт знает что! Столько вопросов, которые нужно решить, а они устроили пьянку! Ну... мужики!

«А ты кто сейчас? - весело поинтересовался внутренний голос и сам себе ответил: - Мужик!»

Когда они подошли к площадке, на которой слуги расставили столы для гостей, Виктория услышала громкий голос виконта Вареса, разговор шел о конте Алане Валлиде. Не все из присутствующих на мероприятии были приглашены на Совет, вот и делились с ними впечатлениями те, кто имел счастье или несчастье - это как посмотреть - увидеть происходившее собственными глазами. Конт остановился в тени дерева и прижал палец к губам, намекая Лису, что не хочет быть обнаруженным раньше времени. Всегда любопытно послушать рассказы о себе, тем более что со стороны виднее допущенные ошибки.

- Сидим. Косимся друг на друга, и никто не знает, зачем нас позвали. Догадки одна другой нелепее. А когда зашли вожди, я первым схватился за меч. Да только не было на поясе меча, воздух полапал да обратно сел. Это конт правильно придумал, всех разоружить, а то бы порезали друг друга. Оно естественно, тут же ругань началась, кто, мол, пустил на Совет завоевателей? Мы тоже в долгу не остались. Мы справа сидим, горцы слева, а между нами ветераны маркиза Генри с мечами стоят. Если бы не они, точно драться полезли бы.

Ага! Виктория про себя хмыкнула. Она специально задержалась и спровоцировала небольшой конфликт, чтобы посмотреть, кто громче всех кричит. Воины маркиза не только разделяли два враждующих лагеря, но и внимательно следили за каждым человеком в зале.

- А тут вдруг входят две воительницы с луками. Да такие красотки, что у меня челюсть отпала. Да и не только у меня. Фигуры - во! Грудь - во! Ноги - во!

- Виконт, ноги-то ты как рассмотрел? - раздался смеющийся голос. - Небось под юбками не видать?

- Какие юбки? - возмутился невидимый виконт. - Говорю же - воительницы! В штанах узких и рубашках мужских, прям по фигуре. Эх, вот тогда я пожалел, что не вождь. Красивые у них бабы все же. Не то что наши курицы.

А то! Иверт отобрал самых симпатичных горянок. На это и был расчет, что, увидев прелестниц, мужчины немного сбавят обороты.

- А следом идет конт, на шаг позади него старейшина, а по бокам еще две красавицы. Ух, бабы! Огонь! Я, честно скажу, до сих пор завидую кире Алану. Завалить таких грудастеньких - это лучше, чем на ведмедя охотиться! - Вокруг засмеялись. - А сзади скользят братья Искореняющие. Из тех, что обучаются у Учителей. Вы ведь все знаете легенды?

Интересно, о каких легендах идет речь?

- Ну, думаю, непрост наш хозяин. Непрост! Заполучить в охрану таких бойцов может только король или глава храмовников.

- Ты совершенно прав, друг мой, - раздался громкий голос маркиза. - Только королей так охраняют.

- И что дальше? - Виктория узнала голос Серого и улыбнулась.

- Кир Алан встал перед нами и так спокойно говорит: «Я - вождь Алан Бешеный

Кузнечик». Ну тут, конечно, смеяться начали некоторые глупцы, но быстро замолчали, как только воительницы на них луки навели. Со стрелами! Прямо каждому в сердце. Смех и прекратился.

– Это амазонки, девы-воины. Личная охрана вождя и его семьи, – пояснил невидимый Виктории Иверт. – Лучшие стрелки в этих землях.

– Ураган, познакомил бы ты виконта хоть с одной! – раздался веселый голос.

– Я бы с радостью, – громыхнул виконт, и все заржали. – А кир Алан спокойно так на всех посмотрел и говорит: «Вожди, я вырезал племена Черного Ястреба и Ведмедя и полностью разрушил их поселения. Они напали на моих людей, подло нарушив наши договоренности». Я думал, горцы будут возмущаться, но они молчали. Только встал один и спрашивает: «Зачем ты нам это говоришь, Бешеный Алан?» – «Потому что вас осталось слишком мало, чтобы погибать из-за глупости ваших вождей и беспричинной вражды. Потому что я истреблю вас поодиночке. А если это сделаю не я, то придут люди Наместника и вырежут ваши племена». Виктория вздохнула, повторяя про себя собственную речь.

– «Я хочу сохранить ваш народ, – цитирующий речь конта красивый мужской голос был тих, но эхо его слов разносилось по всей поляне. Этого вождя Виктория запомнила, хотя не могла выговорить его сложное имя, на слух состоящее из одних гласных. Пожилой, грузный и очень сдержанный – Красный Бык. Он очень чисто говорил на языке королевств, лучше, чем Сарх и любой из вождей. – Я предлагаю вам дружбу. Сейчас, когда вы разобщены, вас легко перебить поодиночке, но если мы объединимся в государство, с нами придется считаться всем королям. Вместе мы станем той силой, победить которую будет очень сложно. Игуши и забытые регентом и Храмом изгнанники. Истинные хозяева этих земель и те, кого отправили сюда в ссылку, несмотря на заслуги и верность короне».

– А потом кир Алан сказал, что с нами или без нас, но он построит город и порт.

– Он много говорил о выгоде объединения, о том, что игушам пора вместо того, чтобы жить отдельными племенами, о которых никто не знает, становиться единой страной.

Угу. И название даже предложил – Игушетия. По аналогии с Землей. Ору, конечно, было немало. И громче всех кричали вожди маленьких и бедных племен. Зато дворяне были в шоке. Двое сразу встали и ушли, заявив, что это бунт, а они в нем участвовать не собираются и другим не советуют. До владений их должны были провожать люди Рэя, и, насколько знала Виктория, до дома ни один из них не доедет. А наследников вскоре посетит маркиз Генри Раман, чтобы выразить соболезнования и предложить помощь и сотрудничество.

– Горцы начали расспрашивать кира Алана. И про его племя, и про него самого, и про планы. – Голоса раздавались со всех сторон.

– А потом встал Сарх Гривастый Волк...

И убил наповал всех вождей заявлением, что Алан женат на его дочери, а наследник племени Волка присягнул на верность роду Бешеного Кузнечика. И что он, Сарх, пойдет за Аланом хоть в горы, хоть в море, хоть против всех королей и вождей. И если вожди идиоты, то он мужик умный и уже застолбил себе в новом городе участок. Сказал он это, конечно, в более изысканных выражениях, но его заявление прорвало плотину.

– А потом выступил маркиз Генри...

Угу, и после его слов заволновалась даже Виктория.

– «Я долго ждал этого момента. Сегодня у нас есть шанс изменить жизнь, я иду за киром Аланом Валлидом!» – А когда кто-то спросил генерала, откуда у него столько доверия к этому выскочке, он со свойственной ему прямоотой заявил...

– Я и сейчас с гордостью это повторяю. Кир Алан Валлид – сын Айро Второго и законный наследник трона. Я счастлив служить своему королю. – Раздался спокойный и уверенный голос маркиза Генри.

Спасибо, генерал. Обратного пути нет. Через несколько дней Наместник будет знать, что Алан Валлид вступил на тропу войны. Да поможет нам Бог!

– Маркизу поверили сразу. Здесь, на фронтире, он единственный, кому можно верить безоговорочно. Раз он сказал, значит, так и есть. Но многим захотелось доказательств, и тогда один из юношей Искореняющих заявил, что Учителя не сомневаются в том, что наследник настоящий.

А вот это было сюрпризом. Очень большим и не очень приятным сюрпризом. Виктория тогда сразу почувствовала, как на ее шее затягивается удавка. Ей открыто дали понять, что пока Храм поддерживает конта Алана Валлида. Но что отец Пауль потребует взамен? Неизвестность пугала, но в то же время в душе поднимался азарт предвкушения. Пока она пешка на доске, но кто знает, как поведет себя пешка, пробившись в королевы? Вернее, в данном случае – в короли?

– А потом началось настоящее веселье, – с легкой веселостью в голосе продолжил Сарх. – Мы начали делить земли, короля без трона, дома в городе. Горцы считали все своим, но и люди равнины считали все своим. Началась хорошая драка.

Началось безобразие! Как сказал со смехом Иверт, еще ни разу на Совете племен не случалось драк. По закону предков на этот период забывались все распри, даже непримиримые враги садились за один стол. А тут... Позор!

Виктория вышла из тени и направилась к накрытым столам. Впереди много работы. Не все дворяне были согласны с ее предложениями, некоторые хотели гарантий, земель, привилегий. Не все вожди желали менять свою жизнь. Но она и не рассчитывала на большее. Главное, что им удалось не поубивать друг друга и договориться обсудить детали через день. Она понимала, что доверие людей нужно заслужить, оно не возникает из простых слов, им нельзя наградить, его нельзя подарить. Но сегодня, несмотря на вспыхнувшую драку, несмотря на кардинальные разногласия, они сумели положить начало диалогу. А это намного больше, чем она рассчитывала.

Глава 8

Долго трудился Ирий над созданием людей по своему подобию –голубоглазых, белокожих, светловолосых.Сильных и мужественных, умных и веселых.Посмотрел на это коварный Вадий и решил пошутить.Изменил он некоторым людям внешность:окрасил волосы и кожу в разные цвета,сделал низкими и толстыми, глупыми и грустными.С тех пор не похожи люди на своего создателя,и вызывает это грусть в сердцах наших.

– Наша первая проблема – это вода и способы ее подачи в город. – Виктория обвела взглядом собравшихся вокруг мужчин, прикидывая, какой вариант самый простой. Акведуки? Нет, для их строительства не хватит людей и знаний. Да и смысла нет, воду надо отводить от горной реки, а она всего в трех километрах от будущего города. – Предлагаю самотечный водопровод. – Ей пришлось потратить десять минут, чтобы выяснить у Тура, как звучит аналогичное слово на местном языке, а заодно и узнать, что такие сооружения известны в этом мире. – Да, это будет самым правильным решением. Река находится на более высокой точке над уровнем моря, чем будущий город, а значит, можно использовать естественный уклон местности, лишь немного понижая его на равнине. Может быть, изменить русло речки и направить ее в нужную сторону, чтобы она протекала через город и впадала в море? А дальше проложить трубы, отвести нужное количество пресной воды в соединяющиеся между собой большие резервуары?

Черт! Нужны специалисты! Виктория представляла себе, как устроены водопроводы и акведуки, но никогда серьезно не вникала в особенности этих инженерных сооружений.

– Кир Алан, позвольте уточнить? – Семон поднял вверх сухую старческую ладонь. – Вы хотите довести воду до каждого дома? – Дождавшись кивка конта, он улыбнулся. – Это не очень сложно. Мы отведем воду по галереям, через равные расстояния установим смотровые колодцы, чтобы следить за исправностью водопровода и очищать его. А еще на том месте, где весчане обнаружили родник, хорошо было бы выкопать озеро и вокруг него посадить парк.

Виктория готова была расцеловать старика. Она все утро ломала голову, как объяснить местным, что такое водопровод, а оказывается, все было изобретено до нее. Нет, нужно срочно отплывать в герцогство и наконец-то посмотреть, как живут нормальные люди, а не ссыльные аристократы.

– Лис, – Алан повернулся к послушнику, тот поднял голову и посмотрел на конта серьезно и немного напряженно, – как считаешь, если я открою в академии отделение по подготовке ксенов, Учителя это одобряют?

Все перевели взгляд на рыжего.

– Мне кажется, лучше открыть отдельную школу, – подумав несколько секунд, ответил Лис. – Только... кто будет в ней обучаться?

– Как и в академии, все желающие, прошедшие вступительные испытания, – твердо ответил Алан. – Я буду настаивать на том, чтобы у нас учились талантливые молодые люди независимо от их происхождения и положения в обществе. Это не оспаривается!

Наступила оглушающая тишина, которую разорвал тихий голос Красного Быка:

– И наши дети?

– Все. Если раб умен, талантлив и захочет принести пользу нашему городу, то и он сможет пройти обучение. Я хочу, чтобы граждане этого города были свободными. Все! Чтобы о нас говорили как о процветающем, вольном и справедливом народе.

– Так что, и рабства не будет? – спросил кто-то из баронов.

Виктория тяжело вздохнула, как бы ей хотелось заявить прямо сейчас, что она отменит рабство, но это было бы неправильно. Еще не время. Отмена рабства настроит против Алана всех влиятельных людей этого континента.

– Скажу вам честно, я против рабства и надеюсь, что наступит время, когда мы забудем это слово навсегда. Но пока говорить об этом рано. Вы все знаете, что в Крови я предложил рабам выкупить свободу при условии, что они после этого останутся на моих землях. Я считаю, что свободный человек, работающий на себя, может достигнуть большего. Он будет больше трудиться, больше зарабатывать, а значит, платить больше налогов. Будут богаты мои люди, буду богат и я. Если мой опыт даст положительный результат, я предложу остальным последовать этому примеру. А пока оставим данную тему.

– Давайте решим, кто сколько человек пришлет на строительство города. – Маркиз Генри своей репликой помог Алану избежать сложных вопросов. – Киры, кто из вас хочет иметь дом в Виктограде?

Ох как все засуетились! Виктория присела на край подоконника. Очередной суматошный день приближался к концу, солнце склонялось к горам, еще немного, и совсем уйдет за серебриющиеся в небе ледники. Полдня конт вел переговоры с вождями: рассказывал, доказывал, договаривался, льстил, разнимал особо горячих и успокаивал особо нервных. И врал.

Вожди совещались всю ночь и утром вынесли свое решение – они согласны объединиться в государство при условии, что править им станет вождь самого большого племени, но решения приниматься будут только сообща.

– Значит, править будет Алан Бешеный Кузнечик, – без улыбки заявил Иверт. – Ему принадлежит три замка, семь весок и корабль. Кто из вас может таким похвастаться?

Никто. Но как не хотелось вождям отдавать власть пришлому выскочке! И Виктория сразу пошла на уступки, решив, что закрутить гайки всегда успеет.

– Вожди, мы ведь не завтра построим город, и не завтра к нам придут первые корабли с купцами. Сейчас нам надо просто договориться. Будем мы жить в мире или будем и дальше истреблять друг друга? Я хочу заключить договор о дружбе и взаимопомощи.

– А что, слова вождя теперь недостаточно? – спросил крепкий еще старик с седой головой.

– Нет! Если мы хотим стать государством, то мы должны в первую очередь соблюдать законы этого государства. Законы, которые мы с вами напишем вместе! А начнем мы с «Договора о дружбе и намерениях»! Если вы хотите остаться в прошлом, когда весь мир идет вперед, то я вас ни к чему не принуждаю. Я предлагаю вам будущее. Будущее для ваших детей и внуков. И никого не заставляю идти со мной, но если кто-либо из вас попытается помешать, я без жалости уничтожу его вместе с его племенем. – Последние слова прозвучали особенно громко.

Кто-то попытался возмущаться, кто-то сказал, что не стоит принимать решение так быстро, надо еще подумать, обсудить, посоветоваться со стариками, но Алан Валлид прихлопнул по столешнице ладонью и холодно заявил:

– Никто из вас не выйдет из этой комнаты, пока мы не подпишем договор! – В голосе конта явственно слышалась угроза. – Это вам ясно?

– Нам ясно, – встал со своего места Сарх. – Мы знаем, на что ты способен, Бешеный Алан, но и мы не мальчишки, не стоит нам угрожать. Мое племя признает тебя вождем над нами, но мы хотим знать, сможет ли Совет племен и дальше решать вопросы, важные для нашего народа, или ты сам будешь принимать решения?

А вот это было проверкой, и Сарх неспроста задал вопрос. Это была та морковка, которой можно было завлечь гордых независимых мужчин. Виктория не раздумывала, она была согласна поиграть в демократию. Пока. До тех пор, пока ее войско не станет способно противостоять всем племенам разом.

– Я горжусь тем, что отец моей женщины задал правильный вопрос. Я слишком молодой вождь, чтобы отказываться от мудрости и опыта воинов и вождей. – Немного лести еще

никому не повредило. Конт слегка склонил голову, обозначая легкий поклон равного. – Я клянусь не принимать важных для нашего народа решений самостоятельно – Алан поднял руку вверх, а вторую прижал к груди. – Клянусь духами предков, своим покровителем Вадием и своим Богом, что буду прислушиваться к Совету вождей. В нашем первом договоре мы запишем, как часто будем собираться все вместе, чтобы обсудить проблемы, чтобы решить сложные вопросы, посоветоваться и просто выпить хорошего вина, поговорить о женщинах. – Алан лукаво улыбнулся и подмигнул седовласому вождю. – Может быть, у вас есть достойные женихи для моих амазонок?

Это был классический прием резкой смены разговора. И он сработал. Отчего бы не прервать дебаты, чтобы поговорить о приятном? Алан кивнул Ворону, который не отходил от него даже на Совете, и спустя несколько минут симпатичные молодки внесли в зал закуски и легкое вино. Постепенно напряжение спало, и разговор об амазонках плавно перетек к обсуждению будущего. Через несколько рысок Турен и Иверт закончили писать «Договор о дружбе», состоящий из семнадцати пунктов. На двух языках. Вожди в большинстве своем оказались въедливыми и недоверчивыми, и каждый пункт подвергся бурному обсуждению. Но все когда-нибудь заканчивается. Турен и Иверт здесь же сели переписывать договоры, чтобы у каждого вождя был свой экземпляр, затем их торжественно подписали и не менее торжественно «обмыли».

Алану пришлось выдержать очередной штурм на крепость своей холостяцкой жизни, и он нагло прикрылся Сархом как щитом. В отместку Гривастый Волк во всеуслышание заявил, что еще до захода солнца вожди смогут лицезреть цветок гор – его дочь Зиру, жену вождя Алана Бешеного Кузнечика. И теперь, спустя три рыски, конт сидел на подоконнике, краем уха слушая спор о территориях, и смотрел в окно на ворота. Ему хотелось увидеть Зиру, но в то же время его страшила эта встреча. Ведь теперь Ласка признана чуть ли не официальной его женой. Как она станет себя вести среди всех этих мужиков? И как ему вести себя с нею? О чем разговаривать? Они ведь совершенно не знают друг друга. Две предыдущие встречи закончились сексом, а о третьей вспоминать стыдно – позорно проплакать на коленях у девушки, жалуясь на несчастную любовь к ее брату. Хуже с ним в этом мире ничего не приключалось.

«А страсть к Иверту? – тотчас съехидничал внутренний голос, подражая интонациям Виктории. – Побег Алвиса. Неумение держать в руках меч. Клаустрофобия, из-за которой ты стал Кузнечиком!»

Вот спасибо, утешила!

«Обращайся! Окажу психологическую помощь совершенно бесплатно!»

– А где будет находиться королевский дворец? – раздался голос маркиза, и Алан отвлекся от своих невеселых мыслей.

– Кир Алан, а действительно? Где будет находиться ваш дворец? – поинтересовался мастер Смон.

– А зачем он мне? Осколок рядом, – недоуменно пожал плечами конт.

– Сир! – В голосе маркиза Рамана явно слышалось осуждение. – Вы и гостей из других королевств собираетесь принимать в Осколке?

– Гости?

Так далеко Алан не загадывал. Он подошел к прикрепленному на стене большому листу бумаги с планом Виктограда и с задумчивым интересом начал его рассматривать. Вот еще головная боль! Придумали – дворец! В понятии Виктории дворец должен был быть как Версаль или Петергоф. А ее вполне устроит небольшой белый особняк в окружении цветов и парка, но уж точно не Эрмитаж!

Рядом с планом стоял Неженка с карандашом в руке, а за его спиной находился Ворон. Алан попросил парня присмотреть, чтобы никто не обидел художника, слишком уж презрительные взгляды бросали на него горцы, а у раба психика неустойчивая, не хватало еще, чтобы он впал в истерику.

На знакомом пейзаже появились новые рисунки, схематически изображающие домики,

каждый был подписан именем владельца. Конт заметил, что горцы предпочли селиться отдельно от местной знати. И очень кучно.

– Не пойдет. – Алан ткнул пальцем в скопление домов. – Места много, земли много. Не нужно селиться близко друг от друга. Вокруг каждого дома будут небольшой сад, конюшни, рабочие помещения. Расстояния между домами должны быть больше. Не жадничайте.

– Я перерисую, хозяин, – прошептал художник.

– Не стоит, просто пометь, что нужно расширить границы владений. – Конт внимательно смотрел на план. – Мой дом будет здесь, возле озера в парке. Ты доволен? – Он повернулся к маркизу.

– А где будут казармы? – Кир Генри стоял, заложив руки за спину, и слегка покачивался на пятках. – Элитные войска стоит разместить рядом с дворцом. В непосредственной близости. Как и конюшни. А основной гарнизон можно поселить чуть в стороне – здесь и здесь, – он прочертил ногтем крестики и, не поворачивая головы, бросил: – Мальчик, нарисуй. – Неженка залился краской и тотчас исполнил приказ. – В Осколке мы тоже оставим усиленный гарнизон. Еще одну казарму нужно разместить недалеко от порта.

– Кир Генри, а если нам создать отдельное подразделение, которое будет следить за порядком в городе? Открепить его от армии и подчинить доверенному лицу?

– При условии, что во время военных действий они переходят непосредственно под мое командование.

– Так ты согласен возглавить наши вооруженные силы?

– Армию, сир?

– Армию, генерал.

– Сочту за честь.

Ура! Ура! Ура! Виктория в душе ликовала. Все же были у нее сомнения, что опальный аристократ согласится.

– Если вы мне пообещаете, что создание нового королевства не мешает вам вернуть трон предков.

Галдеж стих моментально. Вот уж прямолинейный товарищ! Нет чтобы задать этот вопрос наедине. Эх, дубина стоеросовая ты, Генри Раман!

– Мы уже обсуждали этот вопрос, – довольно холодно ответил конт. – Я не отказываюсь от своих слов, генерал.

Маркиз поклонился и подошел к большому столу, на котором лежала карта. Следом за ним потянулись и остальные.

– Земли королевства Игушетии... – начал кир Генри, но его перебил веселый голос виконта Вареса:

– Значит, королевство Игушетия? Барон, ты мне должен золотой! – В ответ послышались тяжкий вздох и тихое ругательство.

– Киры, вы закончили? – нетерпеливо поинтересовался маркиз и, дождавшись уверений, что его внимательно слушают, продолжил: – Так вот, земли Игушетии от королевства Галендас, трон которого нагло узурпировал регент, отделяет герцогство Вас'Хантер. У нас стратегически выгодное месторасположение. Если мы сможем перекрыть единственный проход к герцогству, который находится здесь, – он провел пальцем с коротко остриженным ногтем по карте, указывая на небольшую долину между гор, через которую шла дорога, пересекающая фронтир, – нас будет очень сложно завоевать.

– А если храмовники используют драконов? – спросил один из баронов.

Виктория недоверчиво повернулась к Лису, ощущая, как в груди затрепетал комок

предвкушения. Неужели она правильно поняла это слово? Драконы?

– Я правильно услышал? Дракон? Большой змей с крыльями?

– Никогда не видел, – флегматично ответил Лис. – Драконов не существует.

Не повезло, а жаль. Увидеть живого дракона было бы так здорово!

«А еще птеродактиля, диплодока и жар-птицу».

«Ага. И отыскать в горах цветик-семицветик. Заткнись!»

– Так что, легенды врут? – разочарованно протянул виконт Варес.

– На то они и легенды, – строго сообщил маркиз Раман. – Сир, считаю необходимым поставить здесь заставу.

Рядом с контом над картой склонился Красный Бык, они едва головами не стукнулись.

– Мое племя живет недалеко от этого места. Я могу выслать воинов вам на помощь, раз это теперь наша граница.

– Буду безмерно благодарен, – слегка кивнул генерал.

– И взывайте с каждого купца пошлину за проезд и торговлю на наших землях. А то они вывозят соль, рабов, древесину и ничего нам за это не платят. Вот еще вопрос – казна.

Если бы это был единственный вопрос! Но и здесь Алана выручил маркиз.

– Не переживайте об этом, сир. У меня есть на примете человек, прекрасно подходящий на пост казначея. Я вам его представляю.

Казначей без казны. Смешно.

– А казну мы наполним. Помните наш разговор на скале?

«Это когда маркиз сказал, что у него много друзей, желающих вернуть на трон сына Айро, – напомнил внутренний голос. – Пусть скидываются ради такого дела. Перевероты никогда не делаются за личные деньги! Рыжие мы, что ли?»

«Так ведь отрабатывать придется».

«Есть еще один верный способ. Точнее – два, – радостно воскликнул внутренний голос, мешая прислушиваться к беседе маркиза и седовласого вождя. Алан никак не мог вспомнить его имя. – Можно пощипать Учителя. А можно завоевать герцогство!»

«Ни один из вариантов не внушает доверия».

«А чего нам бояться? Черноглазый очаровашка, если что, прикроет. Ради него ведь стараемся».

«Это ты о Вадии?»

«А о ком же еще? Пусть помогает, коли толкнул нас на эту авантюру. Кстати, что-то давно его не видать».

«И слава богу! А теперь замолчи, дай сказать, пока не забыл».

– Киры, прошу объявить по всем поселениям, что я приглашаю мастеровых и рабочих. Все, кто примет участие в стройке, смогут остаться в городе, открыть мастерские или лавки и жить вольными людьми. Рабов это тоже касается. Если у вас есть связи в королевстве, пусть ваши друзья вербуют и отправляют к нам всех желающих. Вожди, кто возьмет выпарные пруды, которые раньше принадлежали племени Ведмеда? Жалко терять такой источник доходов.

Горцы сбились в кучку и устроили галдеж. Ладно, пусть сами решают, ей эти пруды не особо нужны. А вот вспомнить другой метод добычи соли, менее длительный,

не помешает.

– Кир Алан, – дверь приоткрылась и в нее просунулась лохматая голова Берта. – Прибыла Зира.

– Киры, продолжайте обсуждение без меня, – Алан, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег, стремительно направился к двери и, уже взявшись за ручку, услышал голос виконта Вареса:

– Не слишком ли маленькая территория для королевства? Да и королевство подразумевает, что править будет король.

Ох, елки-мotalки! Нет уж, увольте от такой чести! Виктория тут же представила конта на троне в белой меховой мантии, с золотой сказочной короной на голове и с тоской в глазах. Мрак! Образ совершенно не вдохновлял. Конт резко развернулся и застыл, пытаясь придумать какой-нибудь вариант, который устраивал бы всех, особенно его.

– Киры, давайте не спешить с королевством! Пусть пока будет просто Игушетия! Без короля.

– А кто будет править? – не унимался неугомонный виконт. – Вот горцы говорят, что вождь Алан Бешеный Кузнечик выбран главным. Выходит, и король – он?

Сломать бы ему челюсть, чтобы не раскрывал рот!

– Пока править будет Совет вождей под моим руководством.

– А представители от Храма и от переселенцев? – раздался тихий голос брата Турида.

Весь вечер он вел себя незаметно, и Виктория о нем совершенно забыла. Черт! Просто ей не будет. Но на помощь пришел тот седовласый вождь, чье имя она так и не вспомнила.

– Это наши земли. Здесь всегда жили наши предки. Вы пришли незваными. Горцы не будут подчиняться чужакам!

Опять начинается!

«Так будет всегда, – спокойно проговорил внутренний голос. – Они будут биться плечо к плечу, а потом вырезать друг друга под покровом ночи».

«Знаю. Но что делать?»

– Кир Алан тоже чужак! – запальчиво воскликнул кто-то. – Однако вы его слушаете.

– Он вождь! Один из нас. У него жена из нашего народа. Его советник – сын уважаемого горца. Мы признали его за равного. Но с вами у нас нет ничего общего, равнинники. – Последнее слово горец презрительно процедил.

Пора вмешаться, а то барон уже шарит руками по поясу в поисках меча. Хорошо, что было приказано всех разоружить перед этим совещанием.

– Думаю, несложно найти общее между нами, – тихо, но твердо начал говорить конт Валлид. – Мы нуждаемся друг в друге и дополняем друг друга. Например. У нас есть знания о строительстве городов и портов, но мы не знаем, где брать на строительство материалы. Игуши знают горы как свой дом, где какие деревья растут, где можно брать камень для стройки, где протекают реки с чистой водой. Нам не обойтись друг без друга. – Он обвел присутствующих взглядом. – Давайте не будем начинать наш союз со склок. А все разногласия попробуем решить словами, а не мечами.

– Так кто же будет править? – никак не успокаивался виконт.

– Кем править? – Алану надоело пререкаться, да и Зиру хотелось увидеть. – Волнами? Прибоем? Ветром? – Вокруг засмеялись. – Когда появятся подданные, тогда и решим.

– Но...

– Кто будет за все это отвечать, ты это хотел спросить, кир Варес? Кто будет виновен в неподчинении регенту? За кем придут Искореняющие? Кого обвинят в измене? Вижу по твоим глазам, что эту сторону правления ты не рассматривал. Править – значит нести ответственность. Хочешь править? – Не дождавшись ответа, Алан презрительно скривил губы. – Я не знаю другой родины, кроме этой. Горы стали моим домом, я здесь родился и вырос. Здесь умерли моя мать и моя кормилица. И мне плевать, что в моих венах не течет кровь горца, это моя земля, и я хочу сделать жизнь на ней лучше! Лучше для всех! Я не боюсь трудностей и беру на себя ответственность!

«Я птичка маленькая, но гордая! – хихикнул внутренний голос. – Поднимусь повыше, нагажу побольше».

В оглушающей тишине раздались громкие одиночные хлопки. Красный Бык склонил голову и прижал к груди раскрытую ладонь – жест уважения. Следом за ним этот жест повторили почти все горцы, маркиз победоносно улыбнулся. Алан кивнул и наконец-то покинул помещение. Внутри все клокотало от ярости. Трон им подавай, дворцы, придворных, пиры, охоты... А работать кто будет? Надо создавать республику! И писать Конституцию!

«Угу, и созывать съезд. Пролетариату – булыжники, интеллигенции – лагеря, буржуям – расстрел!»

«Не смешно!»

«Какая, к Вадию, республика? Какая демократия? Перегрызутся ведь. – В голосе послышалась тоска. – Править нужно начинать жестко, чтобы боялись. Иначе быть беде. Сможешь?»

«А разве есть выбор?»

Дерьмо! Оно ей надо было? Плыла бы сейчас спокойно в герцогство, болтала с Маей, ржала над шутками Оськи. Может быть, даже... Эх, тоска.

– Здравствуй, милая. – Алан осторожно поцеловал Зиру в щеку, чувствуя прилив нежности, как всегда с ним случалось, когда они встречались. – Устала?

– Нет, мой вождь. – Женщина прижалась к нему всем телом, ласково перебирая отросшие волосы.

– Ты уже знаешь? – Алан наклонился и поцеловал ее в макушку, ощущая легкий аромат горьких трав.

– Кузнечик. – Зира тихонько засмеялась и подняла голову, чем Алан с удовольствием воспользовался, легко коснувшись губ невесомым поцелуем.

– Ласка, если ты не устала, позволишь пригласить тебя на свидание?

– Как я могу отказать своему вождю и мужу? – лукаво поинтересовалась Зира. – Бешеный Алан, а где здесь можно умыться?

Алан оглянулся. Зрителей хватало, все, кто был во дворе, не скрывая любопытства, глазели на конта и его подругу. Чуть в стороне он заметил двух стоящих в тени амазонок. Одна из них была Суно. Отлично! Как раз они ему и нужны.

– Суно, это Ласка, моя женщина. Я хочу, чтобы вы охраняли ее, пока меня не будет. Ты меня понимаешь?

– Понимать, мой вождь. Она носить твой ребенок, много врагов хотеть мешать тебе. Твой женщина в опасность. Мы защитим. Молчун знать?

– Я предупрежу Рэя, чтобы он тоже присматривал за Лаской. Спасибо. Покажите ей здесь все. Я буду ждать у ворот.

«Муж... Для тебя это не звучит странно? – с печальным сарказмом поинтересовался

внутренний голос, когда конт поискал глазами Берта и поманил его к себе. – Ты хоть помнишь, как это – ходить на свидания?»

«Не волнуйся, помню. А если что-то позабуду, то зачем мне женский голос в голове? Подскажешь! А сейчас – сгинь!.. А то у меня начнутся мужские проблемы!» – нагло добавил конт и замолчал...

– Берт, организуй корзинку с закусками и вином, несколько покрывал и позови Рэя. – Когда слуга исчез, Алан повернулся к Лису, немой тенью следующему за ним. – Бери Ворона, лошадей, через полпрыски мы выезжаем к морю, на пикник.

– На что? – поднял рыжие брови послушник.

– Пикник – это трапеза на природе в хорошей компании.

– А трапеза – это?

– Еда. – Алан широко усмехнулся. – Я странный?

– Нет. С вами я узнал множество новых слов, и все они похожи на слова того языка, на котором вы разговариваете с вашим секретарем, – без улыбки сообщил рыжий.

Слишком умный. Ну и ладно. Сейчас у Алана было прекрасное настроение, бесшабашное, радостное, и совершенно не хотелось анализировать и вникать в умозаключения юного ксена, как не хотелось думать о последствиях его выводов. Он ожидал предстоящей прогулки с пылким восторгом пятнадцатилетнего подростка.

– Звали, кир Алан? – Рэй подошел как всегда бесшумно. В большой ладони был зажат пучок моркови.

– Рэй, где ты ее берешь? – Наконец-то конт решил удовлетворить свое любопытство. – Здесь ведь нет огорода!

– Посылал человека в веску. Купил целую корзину, хотите? – Великан протянул пучок конту, но тот отрицательно покачал головой. В детстве Викторию заставляли пить морковный сок, с тех пор она терпеть не могла вкуса сырой моркови. – Как там ваше собрание? Ругаются?

– Да ну их! У Сарха потом расспросишь и мне расскажешь. Слушай, я пригласил Зиру на свидание. Хочу устроить ужин на берегу, у подножия той скалы, куда мы с тобой поднимались. Организуй, пожалуйста, охрану периметра. Так, чтобы воины нам не мешали. Сделаешь?

– Кир Алан, неужели вы стали осмотрительны и осторожны? – с улыбкой поинтересовался капитан. – Вы даже представить себе не можете, как меня это радует.

– Это из-за Зиры, – нехотя признался конт. – Не хочу, чтобы с нею что-либо случилось.

– Ксенята пойдут с вами?

– Да. Нужно, чтобы парни отдохнули. Кстати, вы нашли Оську и Маю?

– Они у Кэпа на корабле. Готовят помещения для вас и кирены Литины.

Вот разгильдяи! А Виктория здесь волнуется, куда подевались шут и «подарочек»!

– И что с этой парочкой делать? – задал Алан риторический вопрос и, естественно, не получил на него ответа.

Берт расстарался, и корзинка была полна вкусностей. Они весело провели время, поглощая закуски и запивая их ягодным компотом. Зира в основном молчала и улыбалась, зато конт болтал без умолку, расспрашивал своих телохранителей об их жизни, шутил и придумывал для Зиры всевозможные ласковые прозвища. Они и не заметили, как солнце село.

Вода казалась почти фиолетовой, сливалась на горизонте с темно-грифельным небом. Причудливые отражения бликов восходящей луны скользили по легким волнам. Где-то вдалеке несколько раз крикнула птица и затихла, прячась от ночных хищников, ей на смену вылетели из своих пещер небольшие летучие мыши. Они низко скользили над водой и тихо попискивали.

Алан крепче прижал к себе Зиру. Они сидели на шерстяном одеяле на плоском, нагретом за день камне и смотрели на море. Было очень приятно вот так просто сидеть, вдыхать аромат ее кожи, слушать тихое дыхание. И молчать.

– Мне никогда не надоест смотреть на море, – раздался тихий голос Лиса. Он сидел, прижавшись спиной к Ворону, и тот крепко обнимал друга поперек груди, положив голову ему на плечо. – То оно тихое и мирное, то яростное, сверкающее, опасное. Но больше всего меня влечет тайна, которую оно прячет в своих глубинах. Может быть, на песчаном дне стоят прекрасные древние города? Плавают необычные существа? Как думаешь?

– Я боюсь моря, – так тихо, что Алан едва расслышал его слова, ответил Ворон. – Оно погубило мою семью. Мои родители утонули.

– Ты никогда не рассказывал. – Рыжий чуть повернул голову и, закинув руку назад, провел пальцами по скулам Ворона. – Не грусти.

– Не буду.

Ворон чуть заметно улыбнулся и скользнул губами по щеке напарника.

Алан отвернулся и посмотрел на первые звезды, появившиеся на небе.

– Что это за звезда? – спросил он, указывая на самую яркую желтую точку, неровно мерцающую на горизонте.

– Око, – ответил Ворон, и парни вновь притихли.

– Зира, тебе не холодно?

Алан наклонился вперед и заглянул ей в глаза. В темноте они казались огромными и мерцали точно так же, как и далекое Око. Он не удержался и осторожно поцеловал эти глаза, до боли родные и знакомые. Девушка улыбнулась и, развернувшись, уселась к конту на ноги, лицом к нему, закинула руки на плечи и, озорно улыбаясь, произнесла:

– Мой вождь скучал?

– Еще как. Каждый день, каждую рыску.

Это не было правдой, но сейчас Алан сам верил в свою ложь. Зира тихо рассмеялась и, склонившись к мужчине, прижалась к его губам. Ему подарили далеко не невинный поцелуй. Обжигающий, чувственный, возбуждающий, дерзкий. Зирин язык настойчиво и бесстыдно захватил инициативу, властно требуя ласк и внимания. Алан даже на мгновение испугался, что сейчас вернется Виктория, настолько этот поцелуй не был похож на прежние. Тем временем Зира легонько нажала конту на плечи, он подчинился, лег спиной на камень, не прерывая поцелуя и придерживая девушку за талию. Зира оторвалась от губ, облизнулась и, глядя в затуманенные черные глаза, прошептала:

– Я тоже скучала, любовь моя. Позволь мне подарить тебе наслаждение.

Алан только прерывисто вздохнул. Все мысли, слова, проблемы исчезли в дымке вожделения.

«Что же ты со мной делаешь, девочка? Отчего мое тело так на тебя реагирует? Что есть у тебя такого, чего нет у других?»

«Просто она была твоей первой», – тихо прошептал внутренний голос и моментально затих.

Алан поднял руку и погладил женщину по щеке – осторожно, нежно, едва касаясь кончиками пальцев смуглой кожи. Зира взяла его ладонь и поднесла к губам. Она поцеловала каждый палец, лизнула запястье, поднялась выше, чуть прикусила кожу на сгибе локтя и вернулась к лицу, поцеловала висок, щеку, коснулась приоткрытого рта, пососала нижнюю губу, словно намекая, что его ждет впереди нечто захватывающее, провела языком по шее...

Все же это наивысшее удовольствие – ощущать чувственные губы желанной женщины на своих губах, руках, изгибах шеи.

Зира вытащила его рубашку из штанов и запустила прохладные пальчики под грубую ткань, нашла и сжала затвердевший сосок, и Алан не выдержал, застонал. Он подтянул Зиру к себе, заставляя сесть выше, прямо на возбужденный член, и рванул завязки на ее платье.

К демонам, что они не одни! К черту наблюдателей! Пусть все умрут от зависти! Ему было уже на все наплевать. Он хотел ее здесь и сейчас, хотел ее покорного тела, хотел пить страсть, которая горела в ее движениях и прерывистом дыхании, хотел ее желания, которое поглотило его целиком.

Черт побери! Как же хорошо!

А потом они плавали в прохладной воде, дурачились и целовались. Визг Зиры и смех Алана, наверное, слышали в Осколке. Но им было все равно, они видели только друг друга, и больше в этом мире сейчас для них никого не существовало.

– Что о нас подумают мои телохранители? – вспомнил Алан, когда, выбравшись на берег, любовники, обнявшись, лежали на одеяле.

– Они ушли, когда ты начал срывать с меня платье, – прошептала на ухо Зира и укусила за мочку.

– Перестань, а то я решу, что ты хочешь повторить, – сильнее прижал ее к себе Алан.

– Я бы сделала это на мягких шкурах, – дразнясь, промурлыкала Зира, щекоча ухо горячим дыханием. – Здесь очень твердые камни и очень много мужчин, которые тяжело дышат. – Она тихо засмеялась.

– Меня возненавидят все воины Рэя, – притворно вздохнул конт. – Напомни, чтобы я дал указание насыпать песчаный пляж.

А еще нужно присмотреть место под склады, здесь на правой стороне есть глубокие пещеры, если расширить вход, можно их использовать. Следует вернуться в Древний город и все же попробовать перевезти сюда рельсы. Может быть, их хватит, чтобы проложить конку от порта до складов? А если нет, то можно использовать внутри складов для развоза груза небольшими тележками. Не забыть бы поговорить с кузнецами. А еще сегодня обязательно надо написать письмо Учителю.

– Твои мысли улетели вдаль, мой муж. Нам пора возвращаться.

– Ты не обижаешься?

– Я дочь вождя и знаю, где место его женщины.

– И где же? – Алан погладил Зиру по спине, с сожалением оторвал руку от шелковистой кожи и встал, оглядываясь в поисках одежды.

– Дома. Вождь должен заботиться о племени, а о нем должны заботиться его женщины.

– Женщины? И ты не станешь ревновать, если я приведу в дом еще жену? – Он наконец-то нашел штаны и рубашку, осталось найти сапоги. Один валялся возле самой воды, а вот где второй?

– Слово мужчины закон для его жен. Если они умны, всегда найдут общий язык.

Логично, но весьма непривычно.

Из темноты выступили две фигуры в балахонах, они вели под уздцы лошадей. Алан помог Зире сесть в седло и сам легко вскочил на Угля. Даже не верится, что несколько месяцев назад, чтобы забраться на спину высокого жеребца, Виктории приходилось подставлять чурбан. Они ехали рядом, конт осматривал местность, посеребренную светом яркой желтой луны, прикидывая в уме, как пройдет дорога и где лучше расположить таможенные конторы и казармы охраны порта.

- Бешеный Алан, - раздался грустный голос Зиры, - ты слишком быстро живешь.

- Разве это плохо? - повернул к ней голову мужчина.

- Умрешь молодым, - глядя вдаль, произнесла горянка. - Духи говорят, кто спешит жить, тот рано уходит за грань, потому что ему больше не к чему в этой жизни стремиться.

- От судьбы не уйти, - философски изрек конт. - Но я постараюсь не дать Ирию шанса победить.

- Ты странный. Зачем тебе здесь город?

- Ты считаешь, что я зря затеял все это?

«Что за манеры - отвечать вопросом на вопрос!» - встрял внутренний голос.

«Мне просто интересно ее мнение. А тебе?»

«Я знаю ответ».

Виктория действительно тяжело вздохнула или показалось? Неужели его женская сущность поняла то, о чем Алан догадался еще на берегу? И если обе его половины думают одинаково, то...

«Может быть, еще все переменится?» - В голосе Виктории не слышалось оптимизма. Она сама не верила в то, что говорила.

- Ты вождь, тебе виднее. Я пойду за тобой в любой дом, - просто ответила Зира и протянула конту руку, которую он нежно спрятал в своей ладони. Так они и ехали дальше, держась за руки.

- Но мне интересно твое мнение. Представляешь, вожди хотели, чтобы я построил дворец. Ты хочешь жить во дворце?

- Не знаю. Я никогда не видела дворцов. Он такой огромный, как крепость?

- Нет, дворец - это большой и красивый дом, - весело ответил Алан.

- Меня пугают большие дома. Надо много женщин и детей, чтобы управиться с большим хозяйством.

- Тебе не придется об этом заботиться. У тебя будут слуги.

- Слуги? - В голосе Зиры впервые за время их знакомства проскользнула неуверенность. - А что будут делать твои жены?

- Зира, пока не идет речи о женах, - успокоил ее конт и подумал, что ему бы с одной разобраться. - Но я надеюсь, что работы хватит и тебе. Растить ребенка, распоряжаться слугами, принимать гостей.

- Как скажешь, муж мой. - Зира легонько сжала его ладонь. - Ты великий вождь, и твой дом должен быть самым большим и богатым в городе.

- А чего хотела бы ты?

- Доставлять радость своему мужчине, - и она загадочно улыбнулась. - Я хочу, чтобы ты знал, куда бы ты ни ушел, дома тебя ждут и любят.

«Секс. И ничего, кроме секса, – язвительно произнесла Виктория. – Вас никогда не будет связывать ничего, кроме секса».

«Не факт, – буркнул Алан. – Мы еще совершенно не знаем друг друга. Не стоит делать преждевременные выводы. Ты бы хотела, чтобы она начала рассказывать мне о тайнах космоса?»

«Она милая, добрая, красивая, чувственная. Но... для меня этого слишком мало».

«Интересно, чем Иверт лучше? – поинтересовался Алан, отмечая идеальное место для площади, на которой обязательно будут фонтан и скульптурная группа, а рядом когда-нибудь вырастут стены театра. – Можно подумать, он ведет с нами философские беседы».

Алан вел внутренний диалог и смотрел на расстилающуюся перед ним долину, тонущую в ночном мраке. Смотрел и видел будущий город. Людей, спешащих куда-то по своим делам, шумных и веселых студентов, деловитых мастеровых, влюбленные парочки и беззаботных детей.

«Иверт живой», – ответила Виктория после долгого молчания и ушла вглубь сознания.

«А мне нравятся покладистые добрые женщины, – огрызнулся на прощанье Алан, чтобы оставить последнее слово за своей мужской сущностью. – И секс с нею мне нравится! Тем более что другого у нас нет!»

«Именно, что другого нет», – подумала Виктория. Кстати, она вспомнила, что ее совершенно не раздражали обнимающиеся Лис и Ворон. У них это выходило настолько естественно, что совершенно не шокировало и не вызвало отторжения. Пора посмотреть правде в глаза, с тех пор как в голове конта зазвучало два голоса, можно было со всей ответственностью заявлять, что конт Алан Валлид бисексуален, и нужно принять это как должное, а не строить из себя нечто непонятное.

«Мне мальчики не нравятся! – тут же прошелестел в голове мужской голос. – Вряд ли я решусь на такие эксперименты. Мы уже попробовали с Неженкой, помнишь, чем это закончилось?»

«Двумя часами утешений, вытиранием слезок и проснувшимся материнским инстинктом», – хихикнула Виктория.

Абсолютное безумие, когда в голове хохочут два разных голоса. Но она уже смирилась со своей шизофренией. Или правильнее сказать – они смирились?

– Приехали, милая. – Конт снял Зиру с коня и, воспользовавшись моментом, немного пообнимал. – Ворон покажет нашу комнату. Ложись, не жди меня.

Он проводил взглядом удаляющуюся парочку и повернулся к рыжему послушнику.

– Боюсь, мне сегодня спать не придется. Вели Берту пригласить ко мне мастера Семона и художника. Скажи, как быстро Учитель получит мое письмо?

Лис поднял взгляд на ночное небо.

– Если отправим этой ночью, то через пятнадцать рысок письмо будет у него.

– Как? – непроизвольно вырвался вопрос. – Птицы или сменные гонцы?

– Отсюда до бывшего стойбища Гадюки всего день пути, поэтому использовать птиц нецелесообразно. Я предполагаю, что вы хотите получить ответ? – Лис едва заметно улыбнулся, дождавшись кивка конта. – К сожалению, мы не успели подготовиться, поэтому птиц, знающих дорогу в Осколок, у нас нет.

– Тут вы, конечно, недосмотрели, – покачал головой конт, и послушник не понял, шутит он или говорит серьезно.

Берт принес очередной кувшин с крепким травяным чаем, который бодрил не хуже кофе, и молча заменил свечи в подсвечнике. Ворон, сменивший рыску назад своего

рыжего напарника, слегка шевельнулся и опять замер. Следом за Бертом в комнату проскользнул зевающий Иверт. Горец молча налил полную чашку отвара и, обхватив ее двумя руками, присел на огромный плоский сундук, который, как успел выяснить Алан, был пуст.

– Не томи. – Конт поднял голову от письма. – До чего договорились? Нашли мне достойную замену?

– Э, откуда ты все знаешь? – непривычно устало поинтересовался горец и прикрыл глаза. – Стоило страже доложить, что ты уехал из замка, как все равнинники отправились пьянствовать, а наши старцы обрушили на маркиза камнепад вопросов. Никогда не думал, что старики так любопытны. Наши вожди как малые дети. Они хотели знать, войдет ли Игушетия в состав твоего королевства, когда ты силой возьмешь трон? И какое название останется у нас после того, как ты завоюешь герцогство? И кем будешь ты? Герцогом или вождем? И если их воины пойдут с тобой, то сколько добычи им положено? И не ищешь ли ты себе еще жену? И кому просватана твоя дочь?

– И что ответил маркиз? – Алан с интересом слушал своего старейшину.

– Ты что, не знаешь этого старого тау? Его мысли прямы как древко копья, и так же прямы его речи. Он сказал, что воины будут воспеты в легендах, обласканы женщинами и приняты духами. Он обещал богатство, славу и геройскую смерть в бою. Богатство нашим вождям понравилось, а вот умирать они не хотят. Поэтому решили, что лучше строить город, торговать и богатеть, чем воевать. Но если тебе понадобится помощь в чужих землях, то каждое племя даст по несколько звезд воинов.

– А если враги придут на фронтир?

– Это наши горы, здесь за тебя встанут все. – Иверт широко зевнул и оперся спиной на стену, вытянув длинные ноги и прикрыв глаза. – Наши вожди много и красиво говорили, но они хитры и умны, маркиз это знает, он не поверил сладким речам, о чем и заявил честно и резко. Потом они, к всеобщей радости, немного поругались и разошлись.

– А кыры?

– А кыры долго шумели, а в результате начали вспоминать, у кого из них хвост длиннее.

– Не понял.

– У кого предок старше, могущественнее и ближе всех стоял к трону. Виконт Варес считает, что ты не сумеешь править. Он и его друзья думают, что они более достойны и что горцев нельзя пускать в город. Потому что мы дикари, которые не знают, как вилку держать в руках. Но женщины у нас красивые. – Он вяло усмехнулся. – А другие равнинники думают, что лучше тебя вождя не найти. Они уверены, что вместе с племенем ты взял большую добычу, что в развалинах Древнего города ты нашел много золота и тайные знания. Тур все для тебя записал. Рэй сказал, что это еще не заговор, но тебе следует быть осторожным. Виконт Варес очень опасный человек, и у него сильные связи в столице. Рэй думает, что завтра тебе сделают предложение. Он приставил ко всем гостям своих людей, сказал, что это охрана от горцев. А то мало ли...

Иверт еще раз зевнул и прилег на сундук, свесив ноги.

– Шел бы ты в комнату. На сундуке жестко, – проговорил Алан, но горец уже спал и ничего ему не ответил.

Значит, виконт Варес – крикливый, шумный, компанейский. Интересно, имидж недалекого рубахи-парня – это тщательно продуманный образ или все же его родная сущность? Обязательно нужно утром с ним поговорить, чтобы понять, что это за человек и чего от него ждать.

– Неженка, вот здесь нарисуй большие бочки и пометь, что это – канализационные отстойники. – Алан указал место на рисунке. – А куда сделать сток, я даже не представляю. Не сбрасывать же грязь в море. Спрошу совета у Учителя, вдруг им знакома эта технология, – пробормотал он под нос по-русски и вновь взялся за перо.

Письмо получилось длинное, подробное и весьма познавательное. – Отлично. Подпиши сверху «Виктоград», сделай копию и можешь идти спать. Жду тебя после завтрака здесь же. Прикинем, как будут выглядеть академия, театр и мой дом.

Что-то они засиделись, увлеклись разговорами, планами, обсуждением. Отправив мастера Семона спать, Алан сел писать письмо Учителю, а чтобы не быть голословным, решил приложить к нему план будущего города с подробным описанием. Пришлось даже вспомнить, как работает водонапорная башня. А что делать? Электричества здесь пока еще не изобрели, придется использовать грубую физическую силу.

Не забыть еще раз попросить порох. Без него будет ох как сложно.

«...а взамен я расскажу об огнепроводных шнурах, что значительно уменьшит риск при поджигании пороха...»

Глава 9

Выпил как-то Вадий вина бодрящего да решил пошутить над людьми. Призвал он к себе самых любопытных и дал им знания секретные. Но не стал ничего рассказывать об опасности, глупцов подстерегающей. Сожгли люди посеи, отравили реки, разрушили города. И запечалился Ирий, глядя на это безобразие, и сказал он брату: «Много горя в лишних знаниях».

Отец Пауль отложил в сторону письмо и еще раз внимательно изучил прилегающий к нему рисунок. Затем встал и прошелся по шатру, заложив руки за спину. Старые привычки трудно забыть, вот и ему намного лучше думалось в движении, хотя к вечеру болела сломанная когда-то нога. Молодой был, бесшабашный. Выпрыгнул из окна третьего этажа, спасаясь от ревнивого мужа возлюбленной, да неудачно приземлился. Как же ее звали... Старик прищурился, вспоминая веселое веснушчатое лицо с зелеными глазами и смешные рыжие кудряшки. Каси? Нет, имени память не сохранила. Да и ни к чему оно. Сколько их было – рыжих, золотоволосых, чернокудрых, но отчего-то память много лет хранила именно это лицо. Он сделал еще один круг, бесшумно ступая по мягкому ковру. Мысли текли плавно и расчетливо. Мальчишка удивил. Ох как удивил старого Искореняющего. Спешит жить, слишком торопится, словно боится не успеть. А может быть, так оно и есть, может, не просто так Вадий вернул его с холодных берегов реки Забвения, может, не так много лет отпущено мальчику? Судя по лежащему на столе письму, не ошибся старый Учитель, правильно понял, кого ему послали боги. Его появление было предсказано много лет назад во время общей медитации, когда сошлись в круг старшие иерархи Храма. Хотя до сих пор все были уверены, что Ирий приведет в этот мир женщину, но, видать, брат его в последний момент спутал планы светлого. Это так похоже на шутника Вадия – перемешать лики, запутать нити судеб, ввести в искушение. И как понять, кто из богов сейчас играет на стороне Разрушителя? Как найти правильный путь отцу Паулю? Чтобы не испортить игру богам и не ошибиться в собственных расчетах?

– Учитель, все собрались. – В шатер заглянул юный послушник. – Вас ждут.

– Возьми бумаги и проводи меня, мальчик.

Их было семеро. Семь отставных Наместников. Семь умнейших мужчин. Семь интриганов. Семь Учителей. Семь Хранителей. Семь еще бодрых стариков. Теневое правительство континента. И сегодня ночью они собрались, чтобы в очередной раз решить, как будут жить миллионы людей, даже не подозревающих об их существовании.

– Прошу высказываться. – Отец Пауль откинулся на спинку мягкого кресла и обвел взглядом коллег.

– Ты уверен, что это мужчина? – подал голос худой высокий старик, осторожно опуская на стол план города и лист с пояснениями.

– Вне всяких сомнений, отец Георг. Внешне он полностью мужчина.

– А по сути?

– Я не заметил в нем женских черт. Хотя некоторые поступки говорят об обратном.

Остальные дружно заулыбались.

– Это не столь важно, – махнул рукой самый молодой из присутствующих. – Алан очень подробно описал назначение всех предметов, изображенных на картине. Не думаю, чтобы он ошибся. Как он сам объясняет свои знания?

– А никак, – весело отозвался отец Пауль. – Нашему человеку он сказал, что это Вадий дал ему знания о предметах. А его люди не задаются такими вопросами. Они просто ему верят. Как и маркиз Генри. Этот старый вояка так рад, что нашел отпрыска Айро, что совершенно не обращает внимания на его странности.

– И ты до сих пор уверен, что нам не стоит его хорошенько расспросить? – подал голос смуглый лысый старик.

- Он рассматривал такую возможность и открыто заявил, что пытками мы ничего не добьемся. Я склонен ему верить. Вы ведь не забыли, что нам рассказал Длань?

- Я думаю, нам нужно отправить ему на помощь несколько толковых инженеров и землеустроителей, - раздался глухой бас, и все Учителя повернули головы в сторону некрасивого худого человека с абсолютно черными глазами. Он прокашлялся и продолжил: - Я сам поеду посмотрю. Мне понравилась идея Алана о переносе наших школ в...

- Виктоград, - почтительно подсказал кто-то.

- Странное название, обязательно спросите, как оно пришло ему в голову. - Все дружно закивали, словно спрашивать собирались одновременно. - Нам уже давно пора выбираться из этих гор поближе к цивилизации. И сейчас самый лучший для этого момент. Конечно, мы оставим здесь секретные лаборатории и некоторые... э-э-э... службы. Здесь же будут заканчивать обучение Длани. Это мы обсудим позже. Пауль, отпиши мальчику, что мы приветствуем его начинания. Но ничего ему не обещай. Я хочу посмотреть все сам и только потом сделать выводы. Отцы, решите, кто поедет со мной и сколько людей мы возьмем в сопровождение? А теперь второй вопрос, поддержим ли мы его претензии на трон?

- Я бы понаблюдал, - улыбнулся отец Георг, окинув остальных внимательным взглядом. - Если он и есть Разрушитель, то следующее, что он сделает, это вернет своему рабу герцогство.

- Я бы поставил на то, что герцогство он вернет себе, - усмехнулся отец Пауль, и черноглазый согласно кивнул.

- А если его убьют? - спросил толстенький жизнерадостный отец с круглой лысиной, окруженной редкими вьющимися волосами, что делало его похожим на одуванчик.

- Значит, мы в нем ошиблись, - жестко ответил черноглазый. - Сейчас нам стоит обсудить детали, а затем выслушать доклад отца Зорга о встрече наших людей с правителями Островов, после этого зачитаем отчет Длани о положении дел в герцогстве и у Наместника. И, конечно, послушаем наших ученых братьев, всех очень интересуют ваши исследования модели звездного неба, предложенной братом Туридом, если я правильно запомнил его имя.

Отец Пауль про себя усмехнулся. Уж на что, а на память отец Жириш никогда не жаловался, хотя последние годы любил покряхтеть и попенять на возраст.

- Отчет о делах на островах. - Отец Зорг раздал всем присутствующим по несколько листов, зашуршали бумаги, и семерка Хранителей, как они сами себя называли, углубилась в чтение.

- Кир Алан, кир Алан! - Кто-то осторожно тряс конта за плечо. - Хозяин, проснитесь. Там прибыли гости. Хозяин! - отчаянно позвал голос, и давление на плечо ощутимо усилилось.

- Убью! - прорычал конт и отвернулся к стене.

Кто-то тихо вскрикнул, но трясти перестали. Сквозь сон Алан слышал всхлипывающий голос, но никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

- Хозяин, пожалуйста, проснитесь. Пожалуйста.

Блин! Да что у них там опять приключилось?

Последние два дня Алан практически не спал. Гости не спешили разъезжаться и требовали постоянного внимания. Разговоры, договоры, обсуждения, вечное ожидание удара в спину. А ночью его ждала Зира... Наконец большинство гостей убралось по своим замкам и селениям, но тут к Алану подступили брат Турид и мастер Семон с планами и схемами. Пока конт был занят организационными вопросами, эти двое съездили к реке, от которой планировалось подавать воду в город, и привезли подробный отчет.

Весь вчерашний день Алан провел в седле. Он носился во главе кавалькады из охранников, рабочих, мастеров с одного края долины до другого, от моря к реке, от замка к площадке, где по настоянию маркиза начали копать фундамент под его будущий «дворец». Он ел, ругался, отдавал распоряжения и дремал в седле. Домой приехали уже ночью, сил хватило лишь на то, чтобы смыть с лица пот, выпить стакан молока да написать письмо Дарену. Спать завалился, не раздеваясь, здесь же, в кабинете, расстелив на сундуке одеяло и стянув сапоги. И вот опять!

– Хозяин, пожалуйста, проснитесь.

Р-р-р! Сколько он поспал? По ощущениям не больше часа. Поднимите мне веки! Алан с трудом раскрыл глаза и попытался сфокусировать взгляд на темном окне. Мать вашу! Да еще ночь!

– Сколько времени? – хриплым после сна голосом поинтересовался конт.

– Скоро утреннее зывание. – Неженка стоял на коленях, опустив голову, и мелко трясся. – Дождь на улице, поэтому так темно. Простите меня, хозяин.

– Неженка, какого Вадия ты меня так боишься? – Алан рывком сел и прикрыл глаза рукой.

– Я не могу, – прошептал раб. – Вы не помните, а я не могу... А там приехали ксены, они спрашивают...

– Но ты ведь не боялся меня раньше.

– Раньше я не мечтал, что вы разрешите мне учиться рисовать, и мне было все равно. – Он едва шептал. – А теперь я боюсь, что вы вспомните, и... – По его щекам покатились слезы.

– Где Ворон? – устало вздохнул конт. Недосуг ему было разбираться еще и с Неженкой.

– Они оба с гостями. Кир Алан, там все в храме на зывании. Полпрыски назад в Осколок пришел отряд Искореняющих и с ними два Учителя с послушниками. Говорят, что они случайно встретились у развилки Висяка. А еще из Рогана прискакал гонец. Ольт. Он вам письмо привез от наместника Найка. Меня к вам отправил капитан Рэй. Сказал, чтобы вы обязательно надели знак владетеля. – Раб протянул толстую золотую цепь с гербом рода Валлидов. – Я вам воду принес и чистую одежду. И еще плащ.

– Где Берт?

– Он на исповеди, – шепотом ответил Неженка. – Его и капитана первыми позвали.

Твою мать! Этого еще не хватало!

– Иверт?

Алан быстро умылся и поспешно начал переодеваться.

– Капитан Рэй сказал, что все действуют согласно вашим распоряжениям на случай опасности.

Да, был у них с Рэем и маркизом такой разговор. Если случится что-то непредвиденное, в первую очередь вывести из-под удара самые слабые звенья.

– Иверт забрал Зиру и амазонок, и они ушли в горы. Он сказал, что отвезет ваших женщин к отцу, пока все не успокоится.

Молодец! Это он правильно решил, чем меньше ксены знают, тем лучше. Да и страшно за Зиру.

– Тур?

– Он исчез.

– Как исчез?

– Когда дозорные сообщили, что к Осколку движется отряд ксенов, маркиз Генри написал письмо и отправил вашего секретаря к Кэпу.

Ах, маркиз, ах, умничка! Если все станет плохо, Кэп уйдет в море, и ищите ветра в поле. Стоп! Выходит, о прибытии святош знали за несколько часов, а его не разбудили. Пожалели, дали выспаться. Черт, он опять почувствовал себя щенком среди матерых волкодавов. Но злости не было, просто не осталось на нее сил, да и тревога вытесняла все остальные эмоции.

– Спасибо, Неженка. Сиди здесь. Закройся изнутри и никому, кроме меня, не открывай. Никому! – Раб кивнул, не поднимая глаз.

Надо бы с ним поговорить, объяснить, просто обнять и дать почувствовать себя защищенным, но некогда. Некогда!

«Знаешь, это отговорка! – вспыхнула Виктория. – Ты же видишь, что он на грани. И уже давно. А у тебя постоянно нет на него времени. Смотри, потом станет поздно, когда найдешь висящий на люстре труп».

«Здесь нет люстр! Мне больше делать нечего, как разбираться в тонкой душевной организации всяких рабов нетрадиционной ориентации! Мне бы с собой разобраться».

«Чего ты вызверился? Просто поговори с ним».

«Сама поговори! У нас, между прочим, инквизиция в замке, если ты не заметила».

«Болван ты, Алан. Не молчи хоть сейчас, Неженка умирает от страха. Ты на него смотришь и молчишь, и подозреваю, что выражение лица у тебя сейчас зверское».

«Я – это ты! И лицо у нас одно! Или ты об этом забыла?»

«Ну так вали из моего тела! – Виктория окончательно разозлилась. – Зиры уже нет, сексом тебе заниматься не с кем. Освободи разум, упрямый идиот!»

Песец. Юркий, маленький и очень пушистый. Ругаться с самой собой – это уже не признак затяжной депрессии, это признак прогрессирующего разделения личности. Так можно и до трех голосов допрогрессировать.

– Неженка, ничего не бойся, просто доверь мне свою жизнь, позволь о тебе позаботиться. Я обязательно найду время, и мы с тобой поговорим о нашем прошлом. – И тут Викторию осенило. – А знаешь, нарисуй. Нарисуй то, что тебя пугает. Нарисуй свои желания и мечты. Только не забудь запереться.

Не трудно ведь было сказать парню несколько ободряющих слов, и стоило ли из-за этого так нервничать?

«Я посмотрю, как ты занервничаешь, когда узнаешь, что делал Алан Валлид с этим нежным цветочком», – съехидничал в глубине сознания Алан и наконец-то затих.

На улице шел мелкий противный дождь. Темно-серые низкие тучи цеплялись за вершины гор и уходили, похоже, не собирались. Скоро дожди начнут лить через день, размочит дороги, облетят листья с деревьев, а затем придет снег. Интересно посмотреть на местную зиму.

Посмотрим, если доживем.

Виктория накинула на голову капюшон и решительно вышла под дождь. У маленького замкового храма толпился народ, слышалось протяжное пение. Взывание уже началось, и где теперь искать Ольта? Алан Валлид сильнее закутался в плащ и, стараясь не привлекать к себе внимания, встал позади замковых рабов.

Виктория окинула взглядом толпу, отметила, что ее воины стоят отдельно и что все они вооружены. Среди воинов она заметила Серого, а вот Рэя нигде не было видно. А еще она заметила то, что не было видно стоящему у самых дверей наместнику, – их очень

профессионально взяли в кольцо послушники в серых балахонах. Ни Ворона, ни Лиса она опознать не смогла, конт был не единственным, кто не снимал капюшона. А еще не давало покоя постоянное чувство чужого взгляда. Неприятное такое чувство.

Люди вокруг осеняли себя кругами Ирия, и Виктория поняла, что если не начнет прислушиваться к пению ксена, проводящего зывание, то легко себя разоблачит. Достаточно внимательно проследить за конт, который невпопад поднимает руку и путает светлый лик с темным, чтобы сделать правильные выводы, поэтому она сосредоточилась на службе и больше не глазела по сторонам.

– Кир Алан, Учителя приглашают вас в гости, – раздался голос Лиса за спиной. Зывание закончилось, и конт как раз собирался послать кого-нибудь разыскивать Ольта.

Валлид моментально развернулся, в бок рыжего уткнулось лезвие кинжала.

– Не подходи бесшумно, я сейчас немного напряжен, – процедил Алан сквозь зубы и убрал клинок под плащ. – Вы больше не мои телохранители?

– Пока мы не получали других приказов.

– Тогда почему ни одного из вас не было рядом со мной?

– Я все время находился сзади. – Лис позволил себе едва заметную улыбку. – Ворон отчитывается перед Учителем. Сегодня вас будут сопровождать другие послушники.

– Передай отцу Паулю, что я подойду позже. У меня есть неотложное дело.

Да пошли они все на икс, игрек и непонятный знак! Она не шавка, чтобы бегать по первому свистку. Помнится, старый интриган заявлял, что они просто скучающие старики, так пусть поскучает еще немного.

– Я передам, – безучастно произнес Лис.

Виктория ощутила, как уже привычная ярость смывает с души остатки тревоги и неуверенности, прочищая мозги лучше любого стимулятора. Ничего, мы еще побарахтаемся, господа ксены. И не вам решать, когда конт Алан Валлид соизволит с вами встретиться!

– Серый!

– Да, сир.

Виктория уже не обращала внимания на «сира», и если первые дни возмущалась и отнекивалась, то потом смирилась и привыкла. От такого обращения королем она себя не ощущала, зато заметила, как изменилось отношение к Алану со стороны воинов и слуг Осколка. Ведь это в Крови его знали и любили, а здесь он был «темной лошадкой», и слухи о нем ходили противоречивые и фантастические. Люди относились к конту настороженно, и о доверии пока говорить не приходилось.

Наместник Осколка был сосредоточен и напряжен. Это чувствовалось по закамневшим плечам, по сжатым в кулаки ладоням, по нахмуренным кустистым бровям. За его спиной маячили уже знакомые Виктории по путешествию в Древний город ветераны маркиза. Они быстро окружили разговаривающих, чтобы никто не мог подслушать, о чем пойдет речь.

– Доложить обстановку.

– Ксенята. – Виктория улыбнулась, а слово-то прижилось. – Они поставили свои шатры за стенами, и два белых шатра тоже, хотя мы со всем почтением предложили Учителям комнаты, но они отказались. А вот братья Искореняющие, что прибыли из столицы, расположились в ваших покоях, покоях молодого кира и в комнате Тура.

Вот наглые рожи! Явно желают поискать тайники.

– Сколько их? – отрывисто спросил конт.

– Это Тройка, сир. Обвинитель, дознаватель и законник. Они имеют право вершить суд

от имени Храма, и с ними не спорят.

Интересно, почему нет защитника?

– Трое братьев, да пятеро охраны – из королевской дружины, не орденские. Если надо, мы их снимем без проблем. Искореняющие показали письмо Приближенного, мол, мы должны способствовать расследованию и оказывать братьям любую помощь.

– Что будешь делать, если меня прикажут арестовать? – Алан внимательно смотрел в глаза воина. Тот не отвел взгляда, не дрогнул и не задержался с ответом.

– Я вам на верность присягал, а не Приближенному. Ирий простит, а Вадий поможет.

– Надеюсь, до этого не дойдет. Но пусть твои люди будут готовы. Где Рэй?

– Рэя и Берта после исповеди никто не видел, но в тюрьме их нет. Видать, заперли где-то в комнатах. Кир Генри успел уйти с десятком воинов. Сказал, – Серый понизил голос до шепота, – пойдет к вождю Быку, и они перекроют проход со стороны герцогства, на случай, если регент решит послать за вами отряд. Он возьмет еще людей в Рогане. Сказал, что, если дойдет до драки с ксенами, чтобы вы не проявляли жалости, а резали глотки.

Да уж, гуманизмом здесь и не пахнет. Маркиз прямолинейный, как рельса – режь глотки, и все будет путем. Но если ему удастся проконтролировать главную дорогу на фронт, то это поможет избежать массы неприятностей. Хорошо бы еще знать – заодно Учителя с Искореняющими или их встреча действительно была случайной?

– Сколько послушников прибыло с отцами?

– Три звезды воинов, таких, как наши Лис и Ворон. – Виктория про себя улыбнулась. Когда это навязанные Алану телохранители стали для ее воинов своими? – Но кроме них приехало шесть подвод с братьями. Они там что-то привезли, но все закрыто рогожей, не рассмотреть.

– Справимся, если до драки дойдет?

– Может, и справимся, но наших много поляжет, – серьезно кивнул Серый. – Мало нас нынче. Десяток с маркизом ушел, десяток Рэй отправил в Кровь с киром Дареном, в дозоре восемь человек. А у нас после горцев и половины в живых не осталось. Раненых много. Я набрал салаг по окрестным деревням, да толку от них...

– Значит, придется все решать полюбовно. Где Ольт?

– Я его отправил в Кровь с наказом сидеть там и нос не высовывать из крепости. А то этот шустрик уже собирался воевать с горцами. Он вам там яблочек от Найка привез. Говорит, как вы любите. Прикажете подать в кабинет?

Виктория заметила, что к ним присоединились два послушника. Конвой или обещанная Лисом охрана? Может быть, стоило все же встретиться с отцом Паулем? Ну уж нет, если Алан Валлид собирается сам править, то нужно и вести себя соответственно. Он встретится со старым знакомцем, но после того как позавтракает, выслушает доклады и прочтет «яблочки» от Найка. А где у нас два входа? На замковой кухне. Вот туда мы и направимся.

– Принеси на кухню. Я там позавтракаю. И найдите мне Рэя и Берта. Если их охраняют чужаки – снять охрану тихо и незаметно. Не калечить. Они люди подневольные, приказали – делают, не убивать же их за это.

Серый ушел, а конт развернулся на пятках и, сделав шаг вперед, оказался перед послушниками.

– Снимите капюшоны. – Незнакомые молодые лица. – Я встречусь с отцом Паулем после того, как поговорю с братьями Искореняющими. А сейчас я собираюсь позавтракать. Вы голодны?

– Нет.

– Тогда не смею вас больше задерживать.

С этими словами он быстро направился в сторону кухни, легко поднялся по ступеням и захлопнул дверь перед носом послушников, а у закрытых створок встали на пост ветераны маркиза.

Его ждали. Испуганная стряпуха и две рабыни быстро выставили на стол тарелки с незатейливым завтраком. Каша, яйца, козий сыр, вареное мясо. Когда кухарка наливала молоко, Виктория заметила, что руки у нее изрядно трясутся.

– Ты в чем-то виновата? Отчего так боишься? – хмуро поинтересовался Алан, которому и Неженки с его вечной виной и страхами хватало.

– Так как же не бояться, господин! – Кухарка нервно поправила косынку. – Тетка Райка как тут была, сказала, что вы за невкусную или несвежую еду на конюшню отправляете. А как не ужожу?

– Еда свежая?

– А как же! Булочек вот испекли с ягодкой, как господин любит. И яички утрешные, свежайшие. Да вы кушайте, господин, кушайте, – затараторила женщина, суетливо пододвигая к конту тарелки. – Тута с утречка до зывания приходил ксен пришлый, во все котлы позаглядывал, тоже проверял, чтоб все было свеженькое.

– Это который? – заинтересованно поднял голову Алан. – Учитель или Искореняющий?

– Да из этих, что гонористые и глаза злющие. Не такой, как наш ксен, господин. Я за ним следом ходила, думала, в кашу подсыплет еще чего, а меня потом на конюшню. – Она нервно теребила фартук, глядя в пол.

– Не подсыпал? – с любопытством спросил конт.

– Трав оставил, чтоб вам на утро заварил. Сказал, сон снимают. Вона на окне мешочек лежит.

– Чего не заварил? – Виктории действительно было интересно, что помешало этой пожилой весчанке исполнить приказ брата Искореняющего, чьи слова всегда имели вес и непререкаемый авторитет.

– Как можно, господин, – хмуро буркнула стряпуха. – Оне-то укатят в свои столицы, а меня на конюшню? Я вам вот молочка лучше с ночной дойки плесну. Жирное! У нас только Сивуха такое молоко дает, никак ее сам Ирий пометил, не корова, а клад. Вымя на ведро! В запрошлом году у барона ее выкупить хотели, да он не продал.

Их содержательную беседу прервал проскользнувший с черного хода Серый. Наместник протянул конту сложенный вчетверо листок бумаги. Найк был как всегда лаконичен:

«Регент отдал приказ приготовить камеру для самозванца».

Виктория знала, что после того, как Найк получил свободу, он возобновил общение с семьей, и эти сведения ему явно передал брат, который служил в охране столичной тюрьмы для аристократов и был искренне рад тому, что Найк больше не раб.

Быстро сработал Наместник, но недостаточно быстро. Алан уже успел объявить фронтир независимым государством. Своим государством. Что бы там он ни лгал остальным.

«Маленькая, но очень гордая страна Игушетия. А могла бы назвать Викторией или Вавилонией», – хохотнул внутренний голос, и в нем отчетливо послышался сарказм.

Ну да, маленькая, тянет на небольшое герцогство, по прикидкам Виктории площадь вместе с обжитыми горами примерно три-четыре тысячи квадратных километров, и живет на них чуть более четырех с половиной тысяч человек. Это если верить вождям и опальным владетелям. Даже если накинуть пару процентов на несколько свободных поселений, то все равно – даже на хороший поселок не набрать. А она затеяла строить

город. Смешная.

– Рэя нашли?

– Они с Бертом были заперты в храмовой дровнице. Живы и целы.

– Отлично. Зови. И отнеси брату Туриду эти травки, пусть посмотрит, что там за состав. – Алан кивнул на мешочек, сиротливо лежащий на подоконнике, и добавил в спину уходящему Серому: – Пусть Берт принесет мне чернила.

Не успела Виктория доесть второй пирожок, как появились улыбающиеся Берт и Рэй. Наглецы! Она здесь за них переживает, а они лыбятся и вообще выглядят довольными жизнью.

«А также необходимо создать курьерскую службу из доверенных и верных нам людей, назовем мы ее «почта». По всем моим владениям организуй пункты для смены лошадей. Так, чтобы курьер, проехав от пункта к пункту, мог взять свежую скаковую лошадь и без задержки продолжить путь. Привлекай к этой службе воинов, пусть дежурят парами по десятидневке. Поставьте домики и конюшни. Если кто-то из семейных крестьян или рабов захочет жить и служить на таком пункте, не препятствуй. Заодно пусть кормят курьера. Выдели лес на строительство. Это твоя первоочередная задача. Нам нужна быстрая связь. Будешь в Крови, сходи в мой кабинет. Там в подполе осталась еще одна бутылка твоего любимого вина».

А это была условная фраза. Найк знал, где у Алана Валлида оборудован небольшой тайник. Он был уверен, что об этом тайнике знают все доверенные лица, и весьма удивился бы, если бы узнал, что конт не поленился и организовал для каждого своего помощника отдельный секрет. Игры брата Алвиса научили Викторию осторожности.

– Берт, найди Лиса и спроси, не нужно ли чего нашим гостям? – Дождавшись, пока слуга выйдет, Виктория повернулась к Рэю: – Рассказывай.

– Сама исповедь, я так думаю, вас не интересует? – Рэй цапнул с разделочной доски очищенную морковку. – А потом ксены начали задавать вообще странные вопросы. Какие отношения у вас с Неженкой? Когда он у нас появился? И каким образом?

– Неженка? А он здесь при чем? – Алан недоуменно уставился на Рэя. – Что ценного в Неженке? А, кстати, откуда он у нас появился?

– Да Вадий его знает! – пожал могучими плечами Рэй. – Вроде вы его выиграли у какого-то купца.

Чушь полная. Если окажется, что Неженка – украденный в детстве наследник таинственной империи, она точно решит, что у нее начались еще и галлюцинации.

– Возьми людей, и будьте рядом. Я собираюсь посетить отца Пауля.

Однако ее планы нагло и бесцеремонно нарушили.

– Кир Алан Валлид?

На крыльце конта ждал незнакомый мужчина в сутане брата Искореняющего, за его спиной маячили трое вооруженных до зубов мордovorотов в кожаных кирасах, усиленных металлическими пластинами.

Боковым зрением Виктория заметила, как один из послушников, которые так и ждали конта у двери кухни, куда-то побежал и как дернулись ветераны маркиза. Вот драки ей только не хватало! Она подняла руку и тихо скомандовала:

– Ничего не предпринимать без приказа.

– Благоразумно, – кивнул головой ксен. – Прошу вас следовать за мной.

Ну, раз просит, то отчего бы не последовать? Виктория дала отмашку Рэю, к которому уже спешил Серый во главе пятерки сосредоточенных воинов. Устроить шум, драку и небольшой армагеддон она всегда успеет, а пока послушаем, что нам скажет

«святая инквизиция». Может быть, узнаем что-нибудь новое? Интуиция шептала, что опасности нет, а своей интуиции Виктория верила, особенно когда за ее спиной шел отряд вооруженной стражи, поэтому конт Алан Валлид безразлично пожал плечами и со скучающим взглядом проследовал за ксеном в свою собственную тюрьму, где ему был оказан весьма своеобразный прием. Виктория чуть не расхохоталась в голос, когда увидела декорации будущего спектакля.

«Нет, наверное, для местных это все выглядит грозно, но я сразу представила себя на съемках дешевого порнофильма! – Алан не выдержал и хихикнул где-то в глубине сознания. – А вон тот в красной маске – главный актер. Сейчас он привяжет нас к андреевскому кресту и будет очень эротично пороть кнутом, который торчит у него из-за голенища сапога».

В голове раздался хохот, и тут же пришла визуализация картинки. Виктория все же не выдержала и улыбнулась. Наверное, это нервное. Иначе с чего бы ей было смешно? Ну не от трех же идиотов, с серьезными лицами восседающих за длинным столом в центре большой, хорошо освещенной камеры, и не от икс-образного креста, приставленного к стене и увенчанного железными оковами, которые даже внешне выглядели очень тяжелыми. Ну и никак не от палача в красной маске, изображавшей какого-то древнего демона или духа или просто дикаря. И точно не от двух высоких воинов, застывших у двери с хмурыми выражениями лиц. Остальные охранники остались за дверью, которая с громким скрипом захлопнулась за спиной конта, но он успел услышать подозрительный шум и звон металла.

Стул конту никто предложить не спешил, и Виктория начала закипать. За дверью раздался грохот, судя по звону, по ступеням покатилося или ведро, или чей-то шлем, а затем дверь приоткрылась, и в нее заглянул Рэй с дебильной улыбкой на лице.

– Кир Алан, мы вам тут стульчик принесли.

Четверо воинов втащили в комнату огромный деревянный стул. Да не стул, а трон для великана! Массивный, сбитый из толстого бруса и покрытый железными пластинами, он был снабжен ступенькой, чтобы на него было легче забираться. Снизу к стулу крепился железный ящик, и Виктория заподозрила какой-то подвох, но, увидев выпученные глаза ксенов, не стала портить себе праздник выяснением, откуда Рэй притащил этого монстра.

– Вот! – гордо погладил стул Рэй и неувловимым движением накинул на сиденье плащ. – Присаживайтесь, кир Алан.

С этими словами воины дружно развернулись к дверям, разделившись на пары. Виктория поняла, что сейчас произойдет, и, забравшись на стул, злорадно наблюдала за Искореняющими. Мат, глухой удар, звон и громкое сопение. Ну почему у нее на затылке нет глаз?

– Готово, кир Алан. Живы, как вы и приказывали, – раздался за спиной бас Рэя.

– Запри их с остальными. – Алан вальяжно откинулся на жесткую и неудобную спинку и снисходительно посмотрел на ксенов. Сверху вниз. Мелочь, а приятно. – Итак, что привело вас в Осколок, братья?

Надо отдать братьям должное, на их лицах не дрогнул ни один мускул. Все трое успели взять себя в руки, и если были шокированы увиденным, то виду не подали. Строгие, серьезные лица. Вместо того чтобы ругаться или возмущаться, как рассчитывала Виктория, один из братьев спокойно ответил. Его хорошо поставленный голос вызвал в памяти судебные процессы, на которых ей приходилось бывать, и сразу пришли неприятные и ненужные воспоминания о превращенном в фарс правосудии.

– Мы прибыли в Осколок по поручению Храма и Приближенного Ордена Искореняющих, чтобы на месте провести дознание и вынести приговор конту Алану Валлиду, обвиняемому в краже у купца Буриса Моваки.

«В краже? Ни фига себе... ого-го себе поворот! Не в бунте, не в неповиновении Наместнику, а в банальной краже? Да ну! Не верю! Что-что, а красть реципиент точно не стал бы. Взял бы силой, выкупил, выиграл, но украсть... Не верю!»

- В краже? Вы смаете обвинять меня в краже? - Виктория позволила голосу налиться злобой и презрением. - С каких это пор простолюдину позволено жаловаться на человека благородного? И с каких это пор храмовники стали разбирать такие незначительные происшествия? Да еще позволять себе командовать на моих землях?

- С тех пор, - холодно заявил ксен, сидящий посредине, - как этим делом заинтересовался лично Наместник.

- А! Заказной процесс, значит! - глубокомысленно протянул конт по-русски.

Он окинул братьев пустым взглядом, словно только что вынес приговор, подписал его и привел в исполнение. Так смотрят на мертвецов, и ксены это поняли, но не поверили. До сих пор никто не осмеливался бросать вызов судебной системе Храма. Проклинали, ненавидели, пытались подкупить, но никогда не смотрели так пренебрежительно и безразлично. Неужели конт Валлид не боится гнева Вадия? Гнева Наместника и его Длани?

«Все бывает в этой жизни впервые, - философски заявил внутренний голос. - Но давай послушаем, что такого ценного спер Алан? Вряд ли корону».

- И что я украл? - холодно поинтересовался конт, делая Рэю знак.

- Очень дорогого раба, известного как Неженка. Мы настаиваем на допросе этого раба, чтобы он подтвердил или опроверг заявление купца Моваки.

- И если все обвинения подтвердятся? - полюбопытствовала Виктория, чтобы убедиться в своей правоте.

- У нас есть приказ регента арестовать вас и доставить в столицу.

- На каком основании? На основании слов раба и купчишки? Да вы совершенно не заботитесь о своей жизни!

- Кроме кражи вы обвиняетесь в убийстве вашего отца, конту Сани Валлида. В убийстве барона Линя. В сговоре с горцами...

Глупо! Она-то думала, что ее обвинят в бунте, сразу арестуют или хотя бы попытаются арестовать, напридумывала невесть чего, подняла людей. А тут... Пустые угрозы.

- Мы официальные представители Храма.

- Нас наделили полномочиями судить и миловать.

- Любой подданный королевства должен соблюдать его законы. Ваши воины обязаны подчиняться нам, а не преступнику!

- Это вряд ли, - тихо буркнул Рэй, но Виктория услышала.

- А закон - это вы?

Виктория прислушалась, она была напряжена и ежесекундно ожидала, что в камеру ворвутся послушники Учителя и на этом все закончится. Но что-то отец Пауль не спешил на помощь братьям Искоряющим, может, и правда не станет вмешиваться?

- Да! - строго произнес один из братьев. - Закон гласит, что через наши глаза, уста и руки действуют боги. И, споря с нами, вы спорите с богами!

- Кир Алан, - раздался тихий голос одного из воинов, стоящих у двери, - негоже вам идти против Храма. Не по-людски это...

- Рэй! - Глаза Алана бешено сверкнули. - Что творится с дисциплиной в твоём отряде? Воин смеет вмешиваться в мой разговор и давать мне советы! Розги и пять нарядов на стене за непочтительность, а с тебя штраф в три золотых, и считай, что ты легко отделался.

- Зубы пересчитаю, - прошипел за спиной Рэй, и послышался звук тычка.

– Значит, каждый должен соблюдать закон? – Алан опять повернулся к ксенам, в глазах которых начало появляться понимание, что происходящее вокруг – это не шутка, теперь они смотрели с удивлением и легкой растерянностью. – Так отчего вы пришли незваными на мои земли и не соблюдаете мои законы? – Те, кто хорошо знал Алана Валлида в моменты, когда он начинал говорить таким вкрадчивым и тихим голосом, пытались оказаться как можно дальше.

– Это земли королевства Галендас...

– Молчать! Когда говорит вождь! – гаркнул Рэй, и Виктория едва не подпрыгнула от неожиданности. – Это земли королевства Игушетия, и кир Алан – хозяин и владетель этих земель.

Один из ксенов медленно поднялся на ноги и, уперев руки в стол, открыл рот, чтобы разразиться гневной тирадой, но сказать ему никто не дал. Кончик полуторника уперся брату Искореняющему в кадык.

– А на моих землях Храм не входит в состав государства и не имеет никаких прав судить, миловать и казнить. Рэй, запрети их где-нибудь. Я потом решу, что с ними делать.

Черт! Зря только перенервничала. Весь этот фарс выведенного яйца не стоит.

– Неужели они не понимали, что находятся в моей власти? Могли ведь взять меня еще утром, когда тебя не было, а людей Серого пасли послушники отца Пауля? Не понимаю! Неужели Наместник меня до такой степени не ценит, что прислал идиотов? – воскликнул Алан, когда они с Рэем вышли на улицу под мелкий противный дождик.

Сбоку раздался тихий смех. Виктория резко развернулась и увидела стоящего под навесом отца Пауля в компании некрасивого худого старика, который опирался на узловатый посох и выглядел очень нездоровым. Но его черные глаза светились умом и пониманием и составляли контраст с желтым, высохшим, словно у мумии, лицом.

– Мальчик мой, конечно, Тройка Искореняющих даже мысли не могла допустить, что кто-то посмеет усомниться в их полномочиях, правоте и власти. Да никому бы в голову не пришло обвинять судей! Уважение и страх перед Тройками прививаются с детства! И уж точно никто не ожидал от тебя такой наглости! Сесть на пыточный стул и буквально плевать на представителей Наместника! – Отец Пауль явно веселился, и это пугало.

– Разрушитель устоев, – проговорил незнакомый старик зычным голосом, совершенно не вяжущимся с его обликом.

– Вы собираетесь вмешаться? – хмуро поинтересовался Алан, прикидывая, что делать, если ответ будет положительным.

– Нет, нет! Это твой план, а мы просто наблюдаем, – улыбнулся одними губами отец Пауль. – Мы с отцом Жиришем прибыли по твоему приглашению – посмотреть место под нашу школу.

– Ждем тебя с планами города и всеми вашими исследованиями через рыску, – добавил отец Жириш.

– Пыточный стул? – Алан и Рэй смотрели в спины уходящим за ворота Учителям.

– Ну... – Рэй виновато почесал обросшую колючей щетиной голову. – Кир Алан, простите меня! Не было времени бегать за креслом. А стаскивать ксенов с их стульев ну никак нельзя было. Вы же сами велели не затевать драку. Виноват! Но ведь хорошо получилось. Высоко. Как на троне.

– Ты бы еще огонь под ним разложил, – вздохнул Алан. – А я еще гадал, зачем там этот железный ящик?

– Но кандалы мы отодрали!

- О да! Представляю, как бы повеселились Учителя, если бы я еще и приковался, - съязвил Алан.

Виктория так нервничала, а все оказалось просто. Дурдом! Полный! Она потеряла лоб. Ей, выросшей в другом мире в другое время, многое казалось непонятным и странным. И то, что для местных было нормой, догмой, аксиомой, для нее являлось нелепой, невероятной, недостижимой для понимания дуростью!

«Веди себя осторожно. Возможно, это был отвлекающий маневр. А враг совсем в другом месте, - проснулся внутренний голос и вместе с ним паранойя. - Валить надо! Завтра же отплывать, пока не отравили».

О, кстати! Надо выяснить, что там узнал брат Турид? И на кой черт реципиент украл Неженку?

- Травы как травы. Ничего в них нет, - недовольно буркнул брат Турид, размешивая в стакане какую-то зеленую жижу. - Расслабляют, добавляют спокойствия.

- А болтливость не увеличивают? - Рэй грыз очередную морковку и подозрительно принюхивался.

- Хочешь попробовать?

- Ты чего такой злой? - Рэй поднес к носу плоску, полную какого-то коричневого мха, и тут же быстро поставил ее на место.

- Да тут такое начинается, а меня Приближенный в столицу отзывает! - Брат Турид сел на кровать и, сложив руки на коленях, ссутулился. - Представляете, сюда приехал сам Учитель Жириш!

- Это сморчок с палкой? Да кто он такой?

Взывающий от слов Рэя подскочил и, размахивая руками, начал торопливо говорить:

- Он ученый! Выдающийся ученый! Исследователь! Мореплаватель! Химик! Астроном! Когда он был Наместником, он открыл и описал три звездных скопления! Да он...

- Ну так зачем тебе уезжать? - Алан отложил в сторону план города и поднял на ксена глаза. - Оставайся.

- А как же Приближенный? - растерялся брат Турид.

- Да плевать, - безразлично пожал плечами конт. - Я бунтовщик. Ты со мной связан. Не думаю, что тебе это простят.

- Я знал, что вы втянете нас в неприятности! - заявил Турид, глядя на конт почти с ненавистью. - Но я никогда не поддерживал ваших притязаний на трон! И я против объединения с горцами.

- И? - Алан улыбнулся. - Турид, я тебе в академии целую лабораторию выделяю. И даже подскажу несколько идей. Учителя здесь будут. Неужели тебе не хочется работать рядом с отцом Жиришем? Дом вам с Литиной поставим. Ты подумай.

- Вот зачем он вам? - спросил Рэй, когда они вышли из покоев ксена и направились в кабинет, чтобы взять карты и поговорить с Неженкой. - Он же вас ненавидит.

- Он меня недолюбливает, - согласно кивнул Алан. - Но я не золотой, чтобы меня все любили. Брат Турид очень толковый химик, и потерять его мне не хотелось бы.

А еще Турид слишком много знал и об очень многом догадывался, а Виктории не хотелось, чтобы свои догадки этот фанатик обсуждал с Наместником. К войне она пока не была готова.

Рэй отправился по своим делам, а за спиной Виктории пристроились два молчаливых послушника.

– Неженка, открой. Это я.

Виктория переступила порог и медленно закрыла дверь. Художник стоял на коленях перед столом, заваленным рисунками. Затравленный взгляд из-под упавших на глаза вьющихся волос, чуть подрагивающие руки, нервно сжимающие угольный карандаш, запачканная углем рубашка и блики слез на длинных ресницах. Красивый и беззащитный. Что-то всколыхнулось в душе. Нет, не жалость, нечто другое. Более глубокое, искреннее, болезненное. Она подошла к столу, окинула взглядом разбросанные работы. У всех людей, изображенных на рисунках, отсутствовали лица. Мальчик без лица, одетый лишь в ошейник, стоит на коленях в саду; в роскошной спальне; у ног некрасивого пожилого мужчины. Парень без лица, распятый, связанный, в цепях, со следами ударов на спине и бедрах. И девушка без лица, художник изобразил только глаза, и в них такая боль и обреченность, что выть охота... Нет, не девушка, все же парень в женском платье, сидящий на коленях у старика.

– Это твое прошлое. – Алан посмотрел на сжавшегося в комок раба. – Но это не объясняет, зачем я забрал тебя в Кровь.

– Я родился рабом. Не здесь. На Востоке. Меня растили для гарема. Обучали танцам, массажу, пению. Меня должны были сделать кулфи и продать... очень богатому и влиятельному господину, – последнее слово он прошептал. – Я жил среди кулфи, я видел, как делают операцию, я видел, как они потом страдают. Как умирают молодыми. Как становятся сумасшедшими. Я плакал, умолял, просил... Нас привезли на корабле. А потом пересадили в телеги. На привале к нам приехали барон Линь и вы, барон хотел купить молодых рабынь для сына. Вы много пили с хозяином, а я вам прислуживал. Хозяин все время говорил, что я обеспечу его старость. Что новый господин хочет лично сделать свою игрушку бесполой, что как только новый господин купит меня, хозяин уйдет на покой. А потом вы меня просто забрали. Избили хозяина и забрали. И сказали, что если хоть раз вы пожалеете об этом поступке, то сами лично отрежете мне все и отдадите на утеху горцам.

– И что я с тобой делал?

Видят боги, она не хотела этого знать!

– Ничего, – всхлипнул Неженка. – Вы меня словно забыли. А я каждый день ждал, что вы скажете, что пожалели о своем поступке. Я все время ждал, что прогневаю вас, что не пойму, когда я вам буду нужен, что не сумею распознать. Я почти два года каждый день сходил с ума от страха, что разгневаю вас и вы осуществите свою угрозу! – Неженка не замечал, что он уже кричит сквозь рыдания. – Каждое утро я просыпался в ужасе, что вы искали меня ночью, а я не знал, каждый вечер я боялся заснуть. Это стало кошмаром, навязчивой идеей. Я понял, что еще немного, и я просто умру от страха и неопределенности! А вы не обращали на меня внимания.

– Мне было стыдно из-за своего поступка, своей минутной слабости, жалости к несчастному мальчишке, обреченному на жизнь, которая хуже смерти, – глухо произнес Алан.

– А потом вы потеряли память, и я вздохнул с облегчением. Вы разрешили мне рисовать... Я даже был влюблен в вас. Я часто влюбляюсь. В женщин, в мужчин. Но никогда никому не признавался, только вам. Я очень испорченный, да?

– Нет, ты не испорченный. Просто ты художник и берешь вдохновение из тех чувств, которые тебе доступны.

Раб поднял на Алана несчастный взгляд и благодарно улыбнулся, и конт понял, насколько нелегко далось это признание.

– А недавно брат Эдар сказал, что меня разыскивает тот господин, к которому меня везли. И что он ни перед чем не остановится. А вы вспомните все и не станете воевать из-за раба...

- У тебя имя есть?

- Есть, - прошептал парень.

- Это хорошо, это просто замечательно.

Виктория опустилась на пол и, протянув руки, заставила раба сесть и прижаться к ней спиной. Она крепко обхватила его и сильнее притянула к себе.

- Хорошо, что у тебя есть имя. А то как-то смешно звучит - художник Неженка. Ну не плачь, не плачь. Большой мальчик, а ревешь, как белуга. Не знаешь, кто такая белуга? Это зверь такой, который очень громко орет.

Она говорила какие-то глупости, прижимая к себе плачущего Неженку, целовала его в макушку, вдыхая легкий травяной аромат, и ничего не обещала. Не могла обещать. Потому что понимала, что если придется, то она пожертвует этим затихшим в ее объятиях парнем. На душе было пусто и противно, но она молчала.

- Ты довел себя до нервного истощения только от страха, что тебя кастрируют? Или есть еще причины?

- Можно я буду иногда за вами ухаживать?

- Э? - Виктория растерялась.

- Я боюсь боли, - плечи парня вздрогнули, - но мне надо служить кому-нибудь, знать, что я нужен. Я думаю, вы понимаете.

«Понимаю, мальчик. Конечно, понимаю. Все же я выросла в другом обществе и не на необитаемом острове».

- Я вижу, что вы другой. После болезни вы стали другим. Не могу это объяснить, но я вам покажу!

Неженка ужом выскользнул из уютных объятий и, подскочив к столу, вытащил из-под вороха бумаг папку. Он быстро перебирал рисунки, пока не нашел искомое.

- Посмотрите, хозяин. Я вас так вижу.

Едрена-матрена! У нее даже в горле пересохло. Художник изобразил контя спящим. По подушке разметались волосы, глаза закрыты, спокойное и безмятежное лицо. Вроде бы это был Алан, но Виктория, которая много лет видела в зеркале свое отражение, безошибочно выделила знакомые черты. Она смотрела на себя прошлую, такую, какой могла бы быть, родись она мужчиной.

- Сожги этот рисунок, - хриплым голосом приказал конт. - И никогда о нем никому не рассказывай.

Они вышли под моросящий дождь, и Берт накинул на плечи контя кожаный плащ с капюшоном. Под навесом переминались с ноги на ногу мастер Семон и брат Турид.

- Следуйте за мной, - выскользнувший из тени Ворон был молчалив и сосредоточен.

Их уже ждали. Виктория окинула взглядом обстановку большого белого шатра, в который их привел послушник. Она претерпела мало изменений с тех пор, как отец Пауль принимал контя у себя в гостях в Древнем городе. Единственное новшество - доска, на которой Неженка закрепил план города, да большой круглый стол, занимающий почти все свободное место. Вокруг стояло семь деревянных стульев, четыре из которых были заняты. За столом сидели отец Пауль, отец Жириш и два незнакомых Виктории ксена в серых сутанах, подпоясанных белыми кордами.

- Присаживайтесь, - доброжелательно улыбнулся отец Пауль. - Мастер Семон, брат Турид.

Спутники Виктории по очереди подошли к обоим Учителям и с поклоном поцеловали им

руки. Неженка опустился на колени возле стула Алана и склонил голову. Виктория на него покосилась, но смолчала, все равно стула для раба приготовлено не было.

– Наш художник, Леонардо, – представила она парня, просто чтобы насолить этим снобам.

– Разве имя вашего раба не Наргиз? Что на языке восточных племен означает «цветок нарцисс»? – проявил неприятную осведомленность отец Пауль.

Значит, все знает. Может быть, он знает и того, кто разыскивает Неженку? Скорее всего, так оно и есть, но ведь не расскажет, старый лис.

– Нет. Его имя Леонардо. – Виктория опустила руку на плечо раба и слегка его сжала, когда заметила, как вздрогнул парень при звуках своего имени.

– Вы считаете, что новое имя поможет ему избавиться от прошлого? – заинтересовано спросил отец Жириш.

– Нет, оно поможет ему достигнуть величия в будущем, – отрезал Алан, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать этот разговор. – Мастер Семон расскажет, что нам удалось сделать.

Виктория, откинувшись на спинку стула, рассеянно слушала доклад мастера, вскоре к нему присоединился Турид, сначала он говорил робко, но затем увлекся, вскочил на ноги и переместился к закрепленному на доске плану будущего города. Он увлеченно тыкал в план пальцем и смотрел на отца Жириша, словно на ожившего бога – с благоговением и восторгом.

Мысли упорно вертелись вокруг другого. Викторию постоянно преследовало чувство, что она что-то пропустила, на что-то не обратила внимания. Дарен в Крови под охраной. Турен Ли на корабле, который болтается в километре от берега. Зира у отца, и там ей точно ничего не грозит. Что же не дает покоя? Что-то ускользало из общей картинки, и она никак не могла это ухватить, словно видела тень боковым зрением, а, оглянувшись, никого не обнаруживала. Интересно, откуда брат Эдар знает, кто разыскивает Неженку? И кто этот таинственный извращенец, который готов отсыпать за смазливому раба кучу золота?

– Ближе к городу лучше всего провести невидимый для противника подземный трубопровод из гончарных труб, который будет действовать по принципу сообщающихся сосудов. Так проще контролировать доступ к питьевой воде. В городе нужно соорудить фонтаны и колодцы. Если кто-то захочет подвести воду к себе во двор, пусть платит за это деньги.

Виктория отвлеклась от безрадостных мыслей и перевела взгляд на говорившего.

– Брат Остип специалист по строительству водопровода и сточных каналов, – пояснил отец Пауль.

– Мы привезли оборудование для производства керамических труб и черепицы. Мастерские разместим недалеко от будущей Обители, чтобы потом они относились к ее территории. Там же поставим первый ветряк.

– Не лучше ли использовать мельницу на реке? – вступил в разговор брат Турид.

– Завтра мы с вами определимся на местности. Все же мне кажется, что здесь ветряк будет более выгоден, – задумчиво глядя на карту, протянул брат Остип. – Каолин и глину будем брать на месте. Здесь, – он упер палец в какую-то точку на карте, – много известняка, который пойдет на прокладку первых каналов и сооружение колодцев. Вам нужно распорядиться подвозить нам лес на дрова и отправить крестьян и рабов выжигать уголь. Завтра мы снарядим отряд в горы, на разведку. Может быть, им удастся найти...

– Простите, что?

Этого слова Алан никогда не слышал. После долгого объяснения Виктория поняла, что речь идет о каменном угле и горючих сланцах, выступающих на поверхность.

Местные называли их керогеном. Знакомое такое слово, но очень хорошо забытое. Интересно, а есть ли здесь торф? В горах, где нет болот, его точно не найти, но, возможно, он имеется на континенте?

– Мастер Семон, посоветуйтесь с нашими земледельцами, какой лес и сколько мы можем выделить на эти цели. И скажите, чтобы на месте вырубки сразу же сажали молодые деревца.

– А вот это верное решение, кир Алан, – с одобрением произнес отец Жириш. – Не ожидал от столь юного хозяина такой рачительности.

– Мы начнем производство черепицы и труб немедленно. Думаю, к оттепели сделаем нужное количество. – Брат Остип переглянулся со вторым ксеном.

– Почему так долго? – Алан нахмурился. Такие сроки его никак не устраивали.

– Производство труб очень трудоемкий процесс, их составляют из небольших кусков...

– Как вы делаете черепицу? По форме? – Ксен кивнул. – Ну так и трубы штампуйте! Не знаю как! Сами придумайте! Можно распилить дерево, выдолбить середину и использовать для изготовления половинок трубы. Можно выдавливать нужную нам форму прессом... Кто из нас мастер? Думайте! Но мне нужны трубы уже к первым холодам, чтобы, когда сойдет снег, начать их прокладывать. И еще! Сделайте мне кирпич. – Виктория задумалась. Сколько кирпича у них ушло на двухэтажный дом десять на десять? Семьдесят пять тысяч? Ох, это она погорячилась... Но на часовенку надо! – Пусть мне сделают много кирпича. Сто раз по сто. Что? Вы не знаете, что такое кирпич?

Пришлось рисовать размеры, форму для производства и в двух словах пояснять, что это и с чем его едят. Как оказалось, зря. Что такое кирпич, здесь знали, просто назывался он не так и его не считали выгодным строительным материалом. Вокруг хватало леса и камня.

Как приятно слушать профессионала. Она словно слепой крот перла напролом, а брат Остип моментально ухватил суть проблемы, все разложил по полочкам, и проблема сразу стала казаться легко преодолимой. Да он приехал к ней подготовленным!

– Брат Остип, вам известна конструкция водонапорной башни? – Ксен заинтересованно посмотрел на конта. Алан улыбнулся и повернулся к художнику: – Поддай мне, пожалуйста, карандаш и бумагу.

Виктория заметила, как переглянулись Учителя, и про себя усмехнулась. Привыкайте к тому, что конт Алан не делает разницы между своим рабом и вами.

– Да, эта конструкция мне известна, но мы называем это сооружение по-другому, – с интересом рассматривая рисунок, произнес Остип. – А вот откуда это известно вам? – Ответа он так и не дождался. – Для поднятия воды можно использовать черпальное колесо или винтовой подъемник...

– Коллега, не забывайте, что зимы здесь холодные и вода замерзает, – вступил в разговор мастер Семон, медленно произнося слова. – Мы с братом Туридом прикинули, на какую глубину нужно рыть каналы...

Она здесь была лишней. Учителя расслабленно сидели, не принимая участия в разговоре и изредка бросая на конта внимательные взгляды. Ксены склонились над картами.

– Кир Алан, посмотрите сюда, пожалуйста, – вступил в разговор второй незнакомый Виктории ксен. – Я набросал рисунок порта, мне бы хотелось сравнить его с вашими планами.

– Леонардо, покажи.

– У тебя блестящие рисунки, юноша. – Ксен внимательно посмотрел на Неженку. – Скрупулезно и очень подробно. Кто тебя обучал?

– Матер Семон занимается с ним живописью, – ответил за покрасневшего раба Алан. – Он прочит ему будущее великого художника.

– У парня определенно имеется талант. Я бы хотел с ним позаниматься, если вы не возражаете. – Ксен перебирал рисунки Неженки и одобрительно кивал головой.

– Буду признателен.

– Самая большая проблема – это наличие в воде камней, но зато они являются преградой для больших военных кораблей. Придется приложить массу усилий, чтобы разбить эти камни и убрать из воды.

– А если взорвать? – Виктория смотрела в глаза отцу Паулю. – Просверлить в камне дыру, заложить в нее порох, забить глиной, подвести запал и взорвать?

– Я не ожидал от вас ничего другого, – улыбнулся тот.

– Большие валуны, конечно, взорвем. А вы делали замеры глубины в заливе?

Еще через рыску Виктория почувствовала гордость за себя и за мастера Семона с Туридом. Они проделали колоссальную работу, и главное – почти нигде не ошиблись. Ксены же проявили деловой подход. Во-первых, они перенесли свою школу на окраину, ближе к горам и реке, и заняли достаточно большой сектор. Во-вторых, они пожелали поставить в порту дом. А в-третьих, они привезли с собой мастеров и оборудование. И уже завтра планировали приступить к строительству «небольшой Обители», как скромно назвал поселение отец Пауль.

– Вы ведь понимаете, что, живя в Виктограде, вы будете подчиняться его законам, – начала Виктория непростой для себя разговор, когда, оставив увлекшихся ксенов обсуждать детали строительства, они с Учителями вышли на улицу.

– Именно об этом мы и хотим с тобой поговорить. Прошу в мой шатер. – Отец Жириш махнул рукой в сторону второго белоснежного шатра, у которого застыли четверо послушников, вооруженных кривыми мечами. – Отдай кинжал слуге.

– И от этого разговора будет зависеть, останетесь вы или уйдете? – хмуро осматривая стражу, буркнул Алан, вытащил кинжал из ножен и передал его подскочившему Берту.

– От твоих ответов будет зависеть, вернешься ли ты в замок, мальчик мой, – мягко произнес отец Пауль.

Ожидаемо. Жаль, что так рано, она еще не успела полностью сформировать свои мысли по некоторым вопросам. Но неизбежно. Что же, остается только молиться коварному Вадю, чтобы ее ответы удовлетворили этих столь безобидных на вид старичков.

Стемнело. Из-за низких облаков не было видно неба, но хоть дождь закончился. Под ногами противно хлюпало, пахло сыростью. Виктория поежилась, когда холодный ветер проскользнул под когот, и смело шагнула вслед за отцом Жиришем в услужливо распахнутый проход.

Глава 10

Сколько крупинок в мешке, столько жизней каждое мгновение приходит к Покровителям. Сколько капель в дожде, столько судеб на Их весах. Сколько волос в косе девицы, столько духов ждет Их суда на берегу реки Забвения. Сколько снежинок в буране, столько взываний слышат Они. Сколько слез, пролитых о погибших в бою, столько печали в глазах Ирия. Сколько крови пролито, столько радости во взоре Вадия. Сколько счастья в улыбке младенца, столько восторга нам от служения Им.

Этот шатер отличался от предыдущего аскетизмом. Узкая койка, застланная серым суконным одеялом, квадратный стол, накрытый белой скатертью. У стены три стула, неудобные даже на вид, небольшой комод. Деревянный пол покрыт серым ковром. Единственная роскошь – два метровых канделябра, каждый на семь свечей, и кожаная папка с золоченым тиснением, сиротливо лежащая на столе. Двое молчаливых ксенов, вошедших следом за Аланом, передвинув стулья, поставили два возле стола, а третий напротив – на расстоянии нескольких метров.

– Присаживайся, мальчик, – кивнул на дальний стул отец Пауль. Они с отцом Жиришем уселись за стол.

Виктория скривилась. Этот метод был ей знаком, называть допрашиваемого мальчиком, чтобы у него возникло подсознательное желание довериться старшему. Хотя, может быть, она преувеличивает? Отец Пауль всех называл мальчиками. Хорошо хоть не добавил «мой», это начинало раздражать.

На ощупь стул оказался точно таким же, как и на вид. Крайне неудобным, да еще и скошенным назад, отчего зад постоянно съезжал к спинке, мешая расслабиться и сосредоточиться на беседе. Но еще сильнее отвлекали ксены, вставшие за спиной. Постоянно хотелось оглянуться, чтобы проверить, что они там делают. Да, разговор простым не будет. Сосредоточиться.

«Улыбайся, – шепнул внутренний голос. – Это всех раздражает».

– Где Турен Ли? – Из голоса отца Жириша пропал даже намек на любезность, сейчас он звучал холодно и очень властно.

– Не знаю.

И это было правдой. Она не знала, где в настоящий момент находится мальчишка. Может, на корабле, может, плавает в море.

– Сколько воинов в вашем подчинении?

– До стычки с горцами было сто двадцать человек. – И это правда. Рабы ведь не воины, они вещи. – Сейчас – не знаю сколько. Я еще не получил сведений из Рогана. Но где-то около семидесяти человек. – Столько погибших... как жаль.

– Где Корона Королей?

– А я откуда знаю? – Алан действительно был удивлен. – Когда она пропала, меня еще на свете не было.

– В какой руке вы держите меч?

– В правой. И не спрашивайте меня, отчего так случилось. Я не помню!

– Зачем вы заставили брата Турида жениться на вашей жене?

– На моей бывшей жене, – уточнил Алан. – Я не заставлял, я предложил, потому что видел, что они любят друг друга.

– Брат Турид утверждает, что вы не оставили ему выбора.

– Этот урод еще и жалуется? – вспыхнула Виктория. – Если бы не мой шут, он так и занимался бы рукоблудием до самой смерти!

«Не переигрывай. Вряд ли отец Пауль тебе поверит после вашего разговора в Древнем городе», – шепнул внутренний голос.

«Не отвлекай!»

По спине сбежала капля пота. Не нервничать!

– Сколько у вас детей?

– Двое признанных бастардов.

– С кем в столице поддерживает отношения маркиз Генри Раман?

– Не понимаю, о чем вы.

– Расскажите нам о своем детстве.

– Я мало что помню, – Алан смотрел в стену. – Помню, как хотел...

Виктория рассказала все, что она увидела в памяти реципиента, когда Длань попытался ее загипнотизировать. Рассказала то, что ей рассказывали Нанни и Рэй. Не так чтобы и много, но все же.

– Как к вам попал раб Наргиз?

– Леонардо, – упрямо поправил Алан. – Я его отобрал у какого-то проезжего купчишки. Имя не помню.

– Зачем?

– Он хотел охолостить мальчишку, а мне стало его жалко, – пожал конт плечами.

– Это единственная причина?

– А какая причина может быть еще? Не станете же вы утверждать, что я с ним сплю.

– А это не так?

– Спросите у Ворона.

– Зачем вы собираетесь посетить герцогство Вас'Хантер?

– Чтобы вернуть рабыню ее отцу. Я обещал, а слово конта Валлида нерушимо!

– Кто вас надоумил объединить горцев и заложить здесь город?

– Я взывал к Вадию, и он указал мне путь.

«Да пошли вы! Надоело, и заднице больно сидеть!»

И опять по новой. Вопросы перескакивали от одной темы к другой. Казалось, Учителей интересовало все. Они даже спросили, когда возле донжона зацветают ночные фиалки.

Почему он не казнил Санику? Отчего выбрал заместителем Рогана Найка? Как Алан смог выдержать пытки Длани? Откуда знает о полосе препятствий? Сколько куплетов в Оськиной песенке про шамана? Что ему обещал маркиз Генри? И вновь о количестве воинов, беременности Зиры, объединении горцев, амазонках, тяжелых кирасах, которые изготавливали по его рисункам в Рогане, о воинском уставе.

Вопросы сыпались безостановочно, и Виктория отвечала уже на автомате.

– Кто такой «Чупачурик»?

– Не знаю. Спросите у Алвиса, это слово он придумал.

– Почему вы забрали Неженку? Откуда знаете об операции сечения? Выжил ли

младенец? Расскажите, как вы ходили за Бертом? Как носили оберег ворожей? Где научились стрелять из лука? Сколько вам лет? Когда вы последний раз брали к себе женщину?

– Как ваше имя?

– Алан Валлид.

Сколько лошадей в ваших конюшнях? Сколько лет вашей дочери? А как ее зовут? Какого цвета платье было на Литине в день свадьбы?

– Да не помню я!

Откуда ему известно о пластике и других предметах, найденных в развалинах?

– Не знаю! Просто помню!

– Какому богу вы поклоняетесь?

Алан молча смотрел на Учителей. Они вступали на очень скользкий и тонкий лед.

– Отцу Небесному. Ну что вы на меня смотрите, словно увидели живого Вадия? Или вы не читали Песни Жития, где сказано, что Отец-Небо создал мир и подарил его своим сыновьям?

– Мальчик мой, ты хочешь сказать, что...

– Мы поняли, что ты хочешь сказать, – перебил отца Пауля отец Жириш. – Мы об этом поговорим позже.

И опять все сначала. Еще через полчаса Виктория готова была выть, а у старцев энтузиазм все еще не иссяк. Вопросы повторялись, но звучали они по-другому. Казалось, что простые обыденные вещи интересовали Учителей не меньше, чем то, куда все же подевалась корона и откуда конт знает о порохе.

– Расскажите, как изготовить зажигательный шнур?

– Самый простой способ – отрезать кусок веревки, перетереть порох и теплую воду до состояния сметаны, обмазать веревку, втереть смесь в нее. Хорошо высушить. Только учтите, этот шнур горит очень быстро и использовать его нужно там, где сухо. Есть еще несколько других способов, но о них расскажу специалистам.

– Кир Алан, – мягко произнес отец Пауль, – откуда у вас все эти знания? Откуда у вас знания о взрывном порошке? Почему вы называете его «порох»?

– Не знаю! – Алан с усилием потер виски. Голова раскалывалась. – Не знаю, – уже тише добавил он усталым голосом. – Когда я вернулся с берегов реки Забвения, эти знания уже были в моей голове. Словно мне их кто-то вложил.

Учителя молчали. Но Виктория чувствовала всеми фибрами своей бессмертной души, что они ей не верят. Ни одному слову. Черт! С боем ей не уйти, ксены за спиной не чета послушникам. Это настоящие воины. Да и отца Пауля не стоит сбрасывать со счетов. Длани бывшими не бывают.

– И все же, – спокойно произнес отец Жириш, не отрывая взгляда черных глаз от лица конта. – Кто вы? Вы не Алан Валлид.

– Я Алан Валлид, – твердо заявила Виктория, стараясь смотреть строго в переносицу Учителя и не моргать.

– Я знал Алана Валлида, вы – это не он. Его оболочка, но внутри другое... другой человек.

– А вы не допускаете, что я аватар Вадия? – вкрадчиво поинтересовался Алан. Один черт – умирать! Так хоть повеселиться на прощанье. В душе поднялась волна бесшабашного веселья.

– Аватар? Это кто?

– Сосуд для воплощения бога, – усмехнулся Алан. – Иногда бог завладевает моим телом, и тогда я не помню, что делаю и откуда получаю знания.

Ах, какая прелесть! Стоило это сказать, чтобы увидеть растерянность на их лицах! Пусть мгновенную, но растерянность!

– Мальчик мой, ты уверен в своих словах? – Отец Пауль смотрел на конту с прищуром, но вполне доброжелательно.

– Конечно!

– Нам известны такие случаи из книг, – медленно произнес отец Жириш. – Ну что же, а теперь мы слушаем те законы, которые вы написали для своего...

– Нашего, – поправил его Алан.

– Для нашего государства. Особенно нас интересует момент разделения светской и храмовой власти.

Виктория вздохнула с облегчением. Неужели поверили?

Когда конт Алан Валлид покинул шатер, была глубокая ночь. Опять начался мелкий моросящий дождь, и Виктория плотнее закуталась в плащ.

– Кир Алан, отплывайте завтра, – в проходе появился отец Жириш. – И возьмите с собой юного герцога и вашего художника.

– Зачем мне Неженка? – недовольно поинтересовался из-под капюшона Алан.

– Мы настоятельно рекомендуем вам взять его с собой. И не волнуйтесь, пока вас не будет, мы за всем присмотрим. Попутного ветра, кир Алан. Завтра мы уже не увидимся.

Намек был понят, и возражений не поступило. Две тени в серых бесформенных балахонах пристроились к конту, и он исчез в дождливой темноте.

– Что скажешь? – поинтересовался из глубины шатра отец Пауль.

– Мальчишка врет только о себе. Он прекрасно знает, откуда в его голове знания.

– Что будем делать?

– Наблюдать.

– Думаешь, он справится со своей задачей?

– Хотелось бы верить. Законы он написал весьма толковые, кое-что подправлю, и будет очень неплохо. Мне нравится его идея ослабить власть Храма. Давно пора это сделать, – отец Жириш по-стариковски закричал. – И скажи своим мальчикам, чтобы выкинули эти стулья! Я уже слишком стар, чтобы лечить мозоли на седалище.

...Виктория была опустошена, выжата, вымотана. И зла. Ее выставили из собственного города! Ну и что, что Виктоград пока существовал лишь на бумаге и только в головах единомышленников. Это ее город! Ее люди и ее страна! Она понимала, что без помощи силы, подобной силе Учителей, ей будет сложно выжить, но сейчас ее одолевали невеселые мысли. Не поспешила ли она, пригласив в свой город теневое правительство? Сумеет ли заставить их придерживаться нейтралитета? Не окажутся ли помощники оккупантами? Она вновь прокручивала в голове разговор со старцами, хотя какие они, к чертям, старцы? Мощь, ум, воля, сильнейшая энергетика, исходящие от этих людей, заставляли забыть об их физических телах. Эти ей не по зубам. Пока не по зубам. Впрочем, она сама себя обманывала, чтобы бороться с ними на равных, недостаточно просто объявить, что этот кусок суши теперь называется «Игушетия». Виктория хмыкнула, вспомнив о множестве так и не признанных мировым сообществом государств в мире, из которого она пришла. Она потеряла виски, голова раскалывалась, и больше всего хотелось завалиться спать. Но если завтра уходить в море, нужно успеть отдать

распоряжения.

Они подошли к воротам Осколка.

– Сходи за Леонардо, – повернулся Алан к сопровождающим его послушникам. – И скажи отцу Паулю, что я оставлю указания у наместника.

– Кир Алан, мы ваши телохранители, а для поручений есть слуги, – раздался из-под капюшона приглушенный незнакомый голос.

Нормальный, в общем-то, ответ, такой часто давали Виктории Ворон и Лис, но сейчас он вызвал в душе ярость.

– Я не терплю неподчинения. Мне не нужны за спиной люди, которые в ответ на мой приказ убить начнут мне рассказывать, что они не убийцы, а телохранители. Свободны!

Голос звучал холодно и спокойно, но внутри бушевал ураган. Все, кто знал Алана, поняли бы, что конт взбешен, и постарались бы не обострять ситуацию, но эти двое были или неопытны, или слишком самоуверенны.

– У нас приказ, и он отдан не вами.

Легкий поворот корпуса влево, разворот, и кулак с зажатыми в нем ножнами от кинжала полетел в челюсть говорившего, тут же, не дав ему опомниться, вторая рука дугообразно пошла вверх, целясь в печень. Не дожидаясь, пока противник оступится, Алан носком сапога пнул его под коленную чашечку и ударом каблука в висок поверг в бессознательное состояние упавшего на одно колено парня. Конт моментально развернулся в сторону попятившегося от него второго послушника, но в этот момент калитка в воротах распахнулась и на поле выбежал человек, вооруженный кривым мечом.

– Бешеный Алан, остановись! – крикнул Иверт. – Иначе я проиграю Серому золотой!

– Что? – Алан непонимающе посмотрел на горца, чувствуя, как злость исчезает, сменяясь недоумением.

– На стены посмотри, вождь.

Виктория подняла голову. На стене собралась, наверное, вся замковая дружина. На фоне темного неба угадывалась могучая фигура Рэя, он махнул рукой и исчез, по-видимому, пошел к лестнице.

– И на что поспорили? – хмуро поинтересовался Алан, в то время как Иверт склонился над жертвой его ярости.

– Ты ему челюсть своротил, – довольно сообщил горец. – Мы думали, это Лис с Вороном. Серый говорил, что они тебя уложат, а я доказывал, что не смогут. Ты чего смеешься?

– Так зачем ты мне орал, чтобы я остановился, если поспорил, что я выйду победителем?

– Э... – Горец растерянно взлохматил волосы. – И правда, чего это я...

Виктория посмотрела на растерянную физиономию игуша и вдруг поняла, что все ее подозрения, вся ее неуверенность в Иверте были глупостью. Вот он стоит и белозубо улыбается, и она ощущает безграничное доверие к нему, основанное на спокойной тихой привязанности. Дружба, не любовь. Настоящая крепкая мужская дружба. И от понимания этого ушел страх показаться влюбленной душой или, точнее сказать – дураком. Она не удержалась, обняла Иверта за плечи и со смехом подтолкнула к воротам, бросив через плечо поверженным сопровождающим:

– Исчезните!

За воротами собрались все воины гарнизона. Вперед вышел Рэй с неизменной морковкой в руках и укоризненно покачал головой.

– Почему люди не спят? – строго поинтересовался конт и поманил к себе стоящего чуть в сторонке Берта.

- Вас ждем. - Рэй кивнул в сторону поля. - Думали, может, отбивать придется.

Виктория глубоко вздохнула, чтобы от умиления не броситься Рэю на шею. Они волновались за конта и готовы были вступить в бой с силами, которые наводили страх на всех. Черт! Это многого стоит.

- Спасибо, - глядя в глаза капитану, негромко произнес Алан. - Я это ценю.

Подошел Берт и протянул конту кинжал, который тот засунул в ножны и повесил на пояс. Алан отправил слугу за Неженкой, а сам в сопровождении обоих капитанов и Иверта направился в кабинет. Время уже перевалило за полночь, а еще столько вопросов требовалось немедленно обсудить.

- Рэй, ты возвращаешься в Кровь. Глаз не спускай с Дарена! Иверт, на тебе Зира.

- Я еду с тобой, Бешеный Кузнечик. - Иверт сидел на подоконнике и смотрел на небо. - Завтра тоже будет дождь.

- Ты не едешь со мной!

- Сестра с амазонками у отца. Им там ничего не грозит, кроме повышенного внимания мужчин племени. А у тебя слишком мало тех, кому можно доверять.

- Иверт!

- Кир Алан, - вступил в разговор Рэй, - если вы не берете с собой Урагана, поеду я.

- Это заговор? - Алан грозно посмотрел на капитана, но тот только упрямо набычился.

- Нельзя доверять этим ксенам. Кто-то должен быть с вами. Тот, на кого можно положиться.

- Блин!.. - выругалась по-русски Виктория. - Ладно, Ураган поедет со мной, раз ему так этого хочется.

- Конечно, меня же там ждет Мая, - невинно сообщил окну Иверт и сверкнул на конта улыбкой. - У тебя же теперь есть Викто-град, - пропел он.

Реакция у Иверта была прекрасной, поэтому брошенный контом кубок он успел перехватить возле самого стекла. Зато это разрядило немного напряженную атмосферу, и дальше обсуждение первоочередных задач и раздача ЦЭУ пошли веселее. Пришедшего Леонардо конт отправил собираться в дорогу и спать, а мастера Семона буквально закидал указаниями, что позволять делать Учителям, а против чего категорически возражать. В конце концов даже всегда спокойный и сдержанный наставник Дарена взмолился.

- Кир Алан! Вы не можете знать все и все предусмотреть! Путешествуйте спокойно, мы справимся и без вас. Не стоит так недооценивать своих людей, - с легкой укоризной в голосе сказал он. - А теперь позвольте мне отправиться отдыхать, годы у меня уже не те, чтобы всю ночь скакать по замку.

- Погоди, еще один вопрос...

Еще один вопрос вылился в десять, но когда Рэй стал зевать так, что богатырская челюсть трещала, Виктория поняла: объять необъятное невозможно и действительно пора перестать стараться все проконтролировать.

Она приказала Берту собрать в дорогу вещи и улеглась в кабинете на жестком сундуке. Все равно скоро рассвет... А утром еще надо поговорить с Искореняющими и отправить их восвояси...

Наместник отложил в сторону письмо и задумчиво погладил голубя по белой голове.

- Ну что же, наш агент в Крови пишет, что все идет по плану. Сын Айро отбыл в герцогство.

– Внедрение прошло удачно? – Невзрачный худощавый человек в серой добротной сутане, подпоясанный белой кордой, уютно расположился в мягком кресле. Огонь пылающего камина бросал отблеск на блестящую лысую голову и отражался в голубых глазах мужчины.

– Да, он вне подозрений. Есть новости от Тройки?

– Их арестовали, но затем конт отпустил их. Они направляются в герцогство по суше, в сопровождении двух звезд горцев. У них для вас письмо от Алана Валлида.

– Интересно. – Наместник гладил птицу и о чем-то думал. – Ты узнал, кто за ним стоит?

– Пока нет. Но мои люди отрабатывают линию генерала Генри Рамана.

– Маркиз слишком честен, чтобы придумать такой план. Это кто-то из приближенных к регенту. Искать змею нужно во дворце.

– А вы не допускаете мысли, что Валлид может действовать самостоятельно?

– Ты же знаешь, я никогда не выпускал бастарда из вида, даже собирался его использовать. Мы наблюдаем за ним с самого рождения. Вспыльчив, жесток, недальновиден. Друзей нет. Влиятельных родственников нет. Читает с трудом, пишет еще хуже. Нет. Им кто-то руководит. Мальчишка слишком глуп для того, чтобы самому догадаться объединить горцев и перекрыть проходы на фронт. Длань такого же мнения.

– Я поищу среди дворян.

– Поищи. Генерал связан с нашей любимой оппозицией, возглавляемой герцогом Верни. Мне кажется, именно он стоит за всем этим. Старый лис был дружен с дедом бастарда, и у него имелись претензии на трон, возможно, тебе это неизвестно, но прадед герцога был племянником Айро Первого. Очень разбавленная кровь, но не грязнее, чем у нынешнего скудоумного регента. И напиши нашему союзнику герцогу Вас'Хантеру, что к нему скоро придут гости, которых он давно жаждет заполучить. Может быть, он избавит нас от проблемы по имени Валлид? А мы здесь понаблюдаем, кто из наших горячо любимых подданных начнет нервничать.

– Кир Алан! – простонал Рэй.

– Рэй, присмотри за Даром. Что-то у меня на душе неспокойно. И за братом Эдаром тоже присмотри. Темная лошадка. И скажи Серому, чтобы набирал в дружину людей. Чую, придется нам скоро воевать. Горцам передай...

– Кир Алан! – взвыл капитан, которого Алан за последнюю рыску достал своими указаниями. – Вы это пятый раз повторяете! Вы уходите на десятницу, а указаний на год вперед! Справимся! За киром Дареном я присмотрю, не волнуйтесь. Без охраны не выйдет даже до ветру. Найку все передам, с Волком переговорю, к маркизу гонца отправлю. Деревню к холодам достроим, людей в дружину наберем, за Учителями здесь Серый присмотрит. Да не переживайте вы так! Вы за собой смотрите. С вами идет звезда маркиза Генри, но мне кажется, что этого мало. Возьмите еще пятерку!

– Не начинай, – зарычал конт, аккуратно запихивая в котомку, где уже лежали карты, листы чистой бумаги и письменные принадлежности в деревянной коробочке. – Со мной Иверт и Ворон с Лисом. Хватит!

– Да кто их, этих ксенят, знает! – опять завел свою волынку Рэй. – А вдруг они вас прям в руки герцогу сдадут?

– Зачем?

– Мутные эти Учителя. Ох мутные. Не нравится мне, как они тут все осматривают.

– И как же? – Алан еще раз оглядел разгромленный кабинет, ничего не забыл?

– По-хозяйски! Хотите морковку? – Конт отрицательно покачал головой. – Надо мне с вами ехать...

– Рэй! Опять?

«И кто из нас параноик? – хихикнул внутренний голос. – Меч не забудь!»

– Где Ярость?

– У седла, – недовольно буркнул капитан, глядя на мечущегося по кабинету конта. – А Искореняющих зачем отпустить приказали?

– Нельзя просто так убивать людей, – задумчиво произнес Алан и поскреб подбородок. Не мешало бы побриться. – Я там письмо написал Наместнику и с ними передал. Серый отправил к Волку гонца, чтобы выделил провожатых для ксенов?

– Ушел наш человек. К обеду, думаю, снарядим Тройку в путь. Как бы не быть беде...

– Рэй, беда будет, так или иначе. Но нам нужно время, чтобы успеть подготовиться. Ты не забудь отправить мое письмо маркизу.

– Все! – Рэй, испугавшись, что конт опять начнет повторять то, о чем было сказано уже не один раз, решительно подхватил котомку и распахнул дверь. – Пора.

– С богом, – прошептала Виктория и перекрестилась.

– Уехал? – из оружейной высунулась голова Серого, он огляделся по сторонам и только затем подошел к Рэю. – Достал господин меня за последнюю рыску, голова теперь гудит, словно я вчера бочку вина выдул.

– Угу, я все время вспоминал свою матушку. Она как-то раз с соседкой на три дня на ярмарку торговать ездила. Так вот, точно так же кудахтала всю десятницу до этого. Ей казалось, что без нее и дом спалим, и от голода помрем, и в ручье утопимся. Кир Алан сегодня точь-в-точь как моя матушка. Хорошо, что виконта домой отправили, а то бы еще до сих пор не уехал. – Рэй махнул зажатой в кулаке морковкой.

– Ну что ты хочешь, он впервые в жизни из дома уезжает. Нервничает. – Серый сморкнулся в сторону и отер пальцы о замасленную рубаху. – Пойдем, поснедаем, что ли? – Он скептически оглядел грязную одежду. – Или сперва помыться...

– Иди мойся, а я попрошу стряпуху собрать на стол. – Рэй хлопнул друга по спине, от чего тот чуть не рухнул носом в песок. – Скучаю я по Райкиной стряпне.

– Не по стряпне ты скучаешь, – хохотнул Серый. – А по кое-чему другому, – и он, уперев кулаки в грудь, оттопырил локти.

– И по этому тоже, – серьезно кивнул капитан, отбрасывая в сторону морковный хвост. – Жду не дождусь, когда ее к печке притисну. Так что позавтракаем – и в путь.

«...3. О преступлениях, проступках и наказании.

4. О рабстве.

5. О вероисповедании.

6. О торговле.

7. О гильдиях и независимых мастерах.

8. О единой мере длины, веса, времени и расстояния...»

– Хозяин, я тебе перекусить принесла. – Босая Мая с мокрыми волосами и довольной улыбкой на губах плюхнулась на палубу рядом с контом, прижимая к груди железную

миску, полную пирожков. – Что пишешь?

– Всякую ерунду. Пока только в виде плана. Чтобы ничего не забыть, – улыбнулся Алан, с удовольствием отодвинул от себя маленький столик, за которым работал, и вытянул ноги. – А вы чем занимаетесь? – Он взял уже черствеющий пирожок и, разломив его, заглянул внутрь. С яблоками. Сойдет. А то вчера ему попался с какими-то овощами – гадость редкостная.

– Оська с Кэпом и Бертом рыбу ловят, – доложила Мая. – Ураган спит в каюте, говорит, что ночами ему храп мешает. Деда – кто где, кто спит, кто оружие точит, кто играет с моряками в камешки. Кэп говорит, что к вечеру ветер поймает и дальше под парусом пойдем. Ксенята кашеварят.

– Туру все так же плохо?

– Ага, укачивает беднягу. Оська ему что-то нашаманил из своих травок, так он сейчас спит. – Она вдруг замахала рукой и чуть не выбила из пальцев конта пирожок, который он как раз подносил ко рту. – Леонардо! Иди к нам пирожки кушать!

– Мая! Будешь орать, за борт выброшу! – возмутился Алан, почесывая многострадальное ухо.

– Ну и кто вам будет спинку чухать? – похлопала ресничками девушка и звонко расхохоталась.

Алан закатил глаза. Этим чуханьем она так достала Викторию, что та сбежала вглубь сознания, уступив место своей мужской сущности, и теперь только подхихикивала, когда девушка с невинным видом предлагала на ночь «почухать» спинку. Вернется в Кровь, ввалит Светике по заднице, чтобы не трепалась. Интересно, чего она Мае наплела, что та прицепилась к этим словам?

– Лео! – позвала Мая еще раз. – Он тебя стесняется, хозяин.

– Слушай, «подарочек», – задал Алан давно интересовавший Викторию вопрос. – Что у тебя с Неженкой?

– Он такой милый, – совершенно не смущаясь, заявила Мая. – Мечтательный, робкий, стеснительный. С ним так забавно заниматься любовью.

– Ты с ним... – Алан, не ожидавший такого ответа, недоверчиво вылупил на «подарочек». – С Неженкой?

– Хозяин, ты ревнуешь? – кокетливо улыбнулась Мая, но, увидев ошарашенный взгляд Алана, продолжила: – А что тебя так удивляет? – серьезно произнесла она, понизив голос. – Он не кулфи, у него в штанах все в порядке. А то, что его растили для гарема, не сделало его ненормальным. Точнее, сделало, но не совсем. То есть он, конечно, ненормальный, ему нравится подчиняться, но он не такой. – Тут она окончательно запуталась и в сердцах воскликнула: – Он не виноват, что я у него первая женщина. А ты мог бы с ним поговорить! Он тебя боится, но уважает, – перешла она на шепот. – Боится до Вадиевых подштанников, но уважает. Говорит, уже два года за тобой наблюдает. Как ты его в Кровь забрал. И каждый день молится Ирию, чтобы ты его не продал.

– Э-э-э...

«Черт бы меня побрал задавать такие вопросы!» – взвыл про себя Алан.

«Да ладно тебе. Главное, что он с женщинами может, – с облегчением в голосе произнесла Виктория. – Классно, что у мальчика все нормально».

– Он мне так много о себе рассказывал, – грустно произнесла Мая и тут же со злостью добавила: – Найду того урода, что его гаремным рабом сделал, лично яйца отрежу! Хозяин, ты и правда собираешься отменить рабство?

– Да.

– Дай я тебя поцелую!

Алан уже привык к моментальной смене настроений у этой взбалмошной девчонки, поэтому подставил щеку. Мая громко чмокнула его в скулу.

– Стоит оставить без присмотра, как они уже целуются! – раздался недовольный голос Иверта. – Вождь! Тебе мало своих женщин?

Алан обнял Маю и притянул ее к себе.

– Это, между прочим, мой «подарок»! А ты вообще кричал, что это парень! – включился конт в игру. – Проспал ты свое счастье!

– Пойти утопиться, что ли? – Иверт засунул пятерню в лохматые после сна волосы. – Лео! Ну хоть ты меня не бросишь?

– Я тебя не брошу. – К ним, посмеиваясь, подошел один из ветеранов маркиза, Рыжий. – Красавица, принеси господину холодного винца. Да и нам заодно кувшинчик прихвати.

– Дед, а ты что, дорогу к бочкам забыл? – покосилась на него Мая, не спеша выскальзывать из контовских объятий.

– Какой я тебе дед? – обиделся Рыжий. – Мне еще и шести десятков нет. Да я таких девок на раз-два беру! – возмутился воин, поигрывая мышцами груди. Здесь, на корабле, никто не заморачивался правилами приличия. Мужчины ходили в одних штанах, и только Мая и Неженка надевали еще и рубахи.

– Принеси, принцесса, – шепнул Алан на ушко девушке.

Мая моментально подхватила и убежала, чуть покачиваясь в ритм кораблю. Она чувствовала себя на «Шустрике» как на земле и совершенно не обращала внимания на легкую качку.

– И все равно я буду первым! – Иверт сел рядом и придирчиво выбрал пирожок.

– Ты уже второй, – шепнул ему Алан и указал глазами на Леонардо, который увлеченно что-то рисовал, сидя к ним спиной и свесив ноги за борт.

– Э? Шутишь?

– Ну и рожка у тебя, – довольно произнес Валлид, не признаваясь, что точно так же несколько минут назад удивился и он.

– Это не считается! – махнул рукой Иверт. – Из нас двоих я буду первым!

– Ха! – заявил конт, чтобы подразнить друга.

– Алан-балан! Сюда! Скорее! – Дикий вопль Оськи заставил их бегом броситься к правому борту.

Они были не единственными, кто прибежал на крик шута. Со всех сторон сбегались свободные от вахты матросы и рабы, и вскоре у борта столпилось изрядное количество народа. Все кричали, показывали на воду пальцами, давали умные советы, кто-то тащил багры, кто-то уже расстилал на палубе большой кусок старого паруса. Берт и Кэп, упираясь ногами в выступающий бортик, пытались вытянуть сеть, к ним на помощь бросились два дюжих моряка. Спешно стягивал подштанники Лис, сверкая на солнце белыми ягодицами, рядом с ним стоял хмурый Ворон и с тихой паникой во взгляде следил за другом.

Все это Алан успел заметить до того, как на него налетел Оська.

– Поймали! Мы ее поймали! Алан-балан, я поймал рыбу! – не останавливаясь, верещал шут, путаясь под ногами и подпрыгивая на месте. Он то хватался за край сетки, то бросал ее и подбегал к борту, чтобы, забравшись на перевернутую бочку, глянуть, что там творится в воде. – Я туда выбросил полведра каши и железную миску!

– Вот гаденыш! – возмутился кто-то из моряков. – Это же был наш ужин!

– Каша-малаша – еда наша! – передразнил его Оська, перегнувшись через борт. –

Еще спасибо мне скажешь, когда будешь рыбку кушать!

Вода за кормой бурлила, раздавались смачные хлюпы и ощутимые удары в борт. Нагой Лис с большим ножом в руке вскочил на борт и ласточкой сиганул в воду.

– Осторожнее, – прошептал побледневший Ворон и вцепился в деревянный борт обеими руками.

Алан вспомнил, что этот похожий на птицу парень потерял в море семью. Он подошел к Ворону и, положив руку ему на плечо, тихо сказал:

– Он отлично плавает.

– Знаю, – глухо ответил послушник.

– Пырьай ее в глаз! В глаз пырьай! – перевесившись за борт так, что рисковал вот-вот свалиться в воду, орал Оська. Ему вторили столпившиеся рядом болельщики.

Валлид с интересом смотрел, как Лис пытается подплыть к бьющейся в сети огромной рыбине, напоминающей акулу, но пока ему это никак не удавалось.

– Принеси мой лук, – бросил Алан, ощутив за спиной присутствие Иверта.

– Зачем же лук, кир Алан? Мы уже вот принесли, – пробасил один из ветеранов маркиза, ставя ногу в стремя большого тяжелого арбалета. – Счас мы ее упокоим.

– Шкуру не попорть! – тут же спрыгнул с бочки Оська, с любопытством уставившись на арбалет почти в его рост.

– Зачем тебе ее шкура, шут? – весело спросил Иверт.

– Чучело набью, – огрызнулся Оська и вновь полез на бочку, чтобы, перегнувшись за борт, заорать: – Лис! Отплывай! Щас мы ее... ка-а-ак!..

Но «как» получилось лишь третьим болтом, только после этого Лису удалось подплыть ближе и добить чудовище.

– Я! Это я ее поймал! – бегал Оська вокруг распластанной на палубе рыбины, в то время как Ворон вытягивал из воды довольного Лиса. – Алан-балан! Это я ее приманил! Кашей! И миской! Она на железо клюнула! Вот честное слово! – островитянин подпрыгивал на месте и возбужденно размахивал руками. – Веришь?

– Оська, я тебе всегда верю, – улыбнулся Алан. – Здоровая тварюга. Она хоть съедобная?

– А как же, штиль мне в задницу, – с восторгом смотрел на улов Кэп. – Это баркута. Мясо у нее жестковатое, но зато вкусное. Эй, тащите топоры и тазы, разделывать будем. И воду поднимайте, палубу от крови отмывать! Да шевелитесь, трюмные крысы! – заорал он, раздавая пинки.

– А зубы, зубы какие! – Оська потыкал багром в рыбью пасть и с радостью взвизгнул, когда острые зубы громко щелкнули по дереву. – Плохая рыба, – серьезно добавил он и, выдержав эффектную паузу, когда со всех сторон начали сыпаться вопросы, глубокомысленно добавил: – Зубы не чистила. Из пасти воняет!

Алан отошел в сторону, чтобы не мешать морякам разделывать добычу. Да и запашок от вспоротого брюха шел еще тот.

– Ого! – заорал через некоторое время неугомонный Оська. – Рука! Это же человеческая рука! С колечком! Алан-балан! Смотри!

Шут радостно подбежал к конту, таща в руке полупереваренную осклизлую кисть.

– Брось! – успел рявкнуть Алан, перед тем как вывернул за борт пирожки и остатки завтрака.

– И чего орать? – пожаловался шут безмятежно наблюдавшему за этой картиной Иверту и, стащив с мертвой плоти перстень, вышвырнул кисть за борт. – Я его сейчас отмою! –

Он вприпрыжку побежал к ведру с водой.

– Знакомый перстень, – проговорил подошедший к ним Берт и подал конту баклажку с холодным кислым вином, к которой тот с удовольствием присосался. – Кир Алан, взгляните.

Алан вытер тыльной стороной ладони губы и посмотрел на перстень, лежащий на вытянутой ладони слуги. Большой рубин в обрамлении серебра. Абсолютно незнакомая обновленному конту вещь. Он поднял на слугу вопросительный взгляд.

– Это перстень рода. Такой же был у вашего деда, – тихо проговорил Берт. – Когда его сожгли на погребальном костре, все имущество отошло к вам вместе с домом в столице.

– Это в нем живет твоя сестра? – уточнил Алан, чувствуя, как замирает сердце. Известий от Чупачурика не было очень давно, и Алан боялся, что до дочери Нанни добрались.

– Да, – грустно кивнул Берт, тоже подумавший, что сестры уже может не быть в живых.

– Когда ты получал от нее весточку?

– Давно. После смерти Нанни она мне не писала.

– Не переживай раньше времени. Мы постараемся все узнать, – Алан похлопал Берта по плечу. – Все хорошо. А это чей перстень?

– Не знаю, на гербе цветов и пчела. Это не фамильный перстень, как тот, что сейчас надет на ваш палец. – Алан перевел взгляд на массивный вычурный золотой перстень с аметистом, который никогда не снимал с безымянного пальца левой руки. Как очнулась Виктория с этим перстнем на пальце, так он до сих пор на нем и находился. – Это перстень рода. После смерти главы рода кольцо передают наследнику. Тот, что остался от вашего деда, должны были доставить вам или вашей матери.

– Но нам даже не сообщили об этом, – задумчиво произнес Валлид, глядя на горизонт. – Откуда ты все это знаешь?

– Нанни говорила. Такие перстни вручают вместе с бумагами на наследство в канцелярии Приближенного. Вас просто забыли, – покачал головой Берт.

– Ты хочешь сказать, проигнорировали? – кивнул конт.

– Бешеный Алан, я поеду с тобой в столицу, – категорически заявил Иверт, до сих пор молча слушавший их разговор.

– И я! – из-за спины конты выскользнул Оська. – Без меня ты умрешь со скуки! – Он выхватил из рук Берта перстень и нацепил его на палец.

– Подслушивал? – нахмурил черные брови Иверт.

– А как же! – Оська на всякий случай отбежал подальше и показал горцу язык.

– И мы поедem! – Из-за бочки с солониной выбралась Мая, таща за руку смущенного Неженку. – И ксенят возьмем. Я никогда не была в столице!

– С чего вы решили, что я собираюсь куда-то ехать? – Алан грозно обвел глазами ни капли не смутившихся незваных попутчиков.

– Ну ведь когда-то поедешь? – хитро улыбнулась Мая.

Алан закатил глаза к небу, всем своим видом показывая, как ему дороги его друзья, рабы, слуги и телохранители.

– Мы плывем в герцогство, чтобы вернуть тебя отцу и разведать обстановку. Ни о какой столице речи не ведется. Прошу не забывать, что впереди сезон холодов, а это не лучшее время для путешествия. А теперь исчезните! – Все дружно направились в разные стороны. – Оська! – строгим голосом произнес конт и, дождавшись, пока островитянин обернется, протянул руку. – Перстень!

– Это мой трофей! – спрятал руку за спину шкодливый шут. – Я его добыл в честном бою!

Алан, не мигая, смотрел на Оську, пока тот, нехотя стянув перстень с пальца, не протянул его конту.

– Больше в пузе ничего не нашли. Только кисть руки. Она ее сожрала не раньше сегодняшнего утра, – совершенно серьезно сообщил шут. – Где-то плавает утопленник с укороченной конечностью.

– Ясно. – Алан повертел перстень в руках. – Оська, ты ничего подозрительного не замечал?

– Кроме того, что брат Эдар узнал твоего Неженку, а «подарочку» Мае нравится красавчик Ураган? – Шут поскреб голову. – Не-а! – Он отвернулся от конта и возмущенно замахал руками. – Ворон, ты куда голову потащил? – С этими словами он сорвался с места и убежал.

У Алана не было причин не доверять Оське. При всей его показной безалаберности шут умел замечать такие мелочи, на которые никто другой не обращал внимания. Значит, брат Эдар узнал Неженку... Интересно, связано ли это с приказом Учителя взять художника с собой и означает ли это, что таинственный покупатель, который так и не дождался раба, как-то связан с изуродованным ксеном?

Корабль резко накренился, делая разворот, и Алану пришлось изо всех сил вцепиться в натянутый канат, чтобы не упасть. Сзади раздалась зычная команда Кэпа, захлопали за спиной поднятые паруса. Капитан наконец-то поймал попутный ветер.

Алан смотрел на воду и виднеющийся на горизонте скалистый берег. Если ничего не произойдет, уже завтра они сойдут на берег. Завтра Виктория впервые увидит средневековый город и Белую крепость, которую до сих пор видела только в воспоминаниях Алвиса. Завтра Тур вернется на землю своих предков, в свое страшное прошлое. Как он это воспримет? Не сорвется ли? Нужно провести мальчишку.

– Здравствуй, Виктория.

– Твою мать! – в сердцах произнес Алан, с прищуром глядя на золотистую фигуру, появившуюся у борта. – Я уже начал верить, что вы были моими галлюцинациями, – хмуро буркнул он, отворачиваясь. – С чем пожаловал?

– Я разочарован, что ты говоришь о себе как о мужчине. Значит, ты не приняла мое предложение?

– Которое?

– Вернуться в свой мир, в женское тело и жить дальше, ни о чем не печальсь. – Ирий мягко улыбнулся и пригладил золотистые волосы.

– Что тебе надо? – Алан с неприязнью смотрел на светлое воплощение местного божества.

– С тобой очень сложно, – вздохнул Ирий.

– Или говори, или убирайся. – Ксен оглянулся, но никто не показывал пальцем на светящийся силуэт, никто не бегал с воплями по палубе и не падал ниц. Все занимались своими делами, и только Лис бросал на конта внимательные взгляды. Даже здесь, на корабле, послушники старались не оставлять Алана без присмотра.

– Мне понравилась твоя идея принести в этот мир новую религию.

Алан Валлид молчал, и Ирий, не дождавшись от него никакой реакции, продолжил:

– Ты ведь уже поняла, что эта цивилизация возрождается на руинах погибшего мира. И толчком к катастрофе послужило падение нравственности. Люди перестали беречь самое ценное, что у них было, – жизни друг друга. Мораль, чистота помыслов

подменились совершенно другими понятиями.

– Стоп! – Алан поднял руки. – Закрой свой фонтан красноречия. Мне эти пафосные речи в прошлой жизни надоели! Чего ты хочешь от меня? – по слогам произнес он.

– Я хочу, чтобы ты исчезла из этого мира, – не выдержал Ирий. – Ты его разрушаешь!

– Я? – У Алана от неожиданности глаза округлились и не нашлось слов, чтобы возразить. – Я ничего не делаю!

– Ты все меняешь под себя!

– Я не просил меня оживлять!

– Да, я был не прав, когда отправил тебя сюда, и я не один раз пытался исправить эту ошибку. Но более упрямой души я еще не встречал!

– Я еще и виноват? – Алан упер руки в бока и гневно задышал.

– Вот! – заливисто расхохотался Ирий. – Все же ты женщина! Женщина! – и он исчез, оставив конта в полном недоумении.

«И что это только что было? – тихо поинтересовался внутренний голос. – У нас шизофрения или это странная проверка на половую принадлежность?»

А черт его знает! Если сейчас еще и Вадий явится...

– Привет, Алан!

Алан поднял глаза и медленно опустился на палубу, скрестив ноги по-турецки.

– Садись. И объясни мне, что это за спектакль.

– С радостью, – оскалился черноглазый ублюдок и уселся напротив, в точности повторив позу собеседника. – Светлый хочет принести в этот мир единобожие, религию, схожую с вашим христианством. А для этого ему нужна жертва.

– Я строю церковь, у меня появляются последователи, я начинаю проповедовать или создаю новое учение, меня убивают и я становлюсь мучеником... – выстроил Валлид логическую цепочку.

– Верно, – радостно улыбаясь, кивнул Вадий.

– А ты чего хочешь?

– Ничего. Ничего сверх того, о чем мы заключили сделку, – безмятежно улыбнулся тот, кого Виктория назвала «Вадий».

– Ты всегда появляешься, когда мне грозит смертельная опасность, – не поверил ему Алан.

– Она тебе грозит с того момента, как ты очнулся в этом теле, – моментально посерьезнел темный. – Что ты собираешься делать в герцогстве?

– Я просто хочу посмотреть город. Вернуть Маю отцу. Глянуть, чем можно помочь Турену. Встретиться с Алвисом.

– Будь с ним очень осторожен. Чую, что скоро мы вновь увидимся.

– Мне что-то угрожает? – успел прошептать Алан, прежде чем фигура его гостя начала таять.

– Постоянно.

«Знаешь, – проснулся внутренний голос, – мне кажется, они просто напомнили о себе, чтобы мы не забывали, кто здесь пешка, а кто передвигает фигурки».

Похоже, что так оно и было. Виктория вздохнула, настроение стремительно упало куда-

то в трюм. Слишком много контролеров на ее душу.

– Кир Алан? – К ней, неслышно ступая босыми ногами по деревянной палубе, подошел рыжий послушник. – С вами все в порядке?

– Почему ты задал этот вопрос?

– Вы странно себя вели. Разговаривали сами с собой, размахивали руками.

– Это все боги. Как они меня достали! – в сердцах воскликнул Алан и поднялся на ноги. – Я к Турену. Вели Берту, чтобы мне постелили на палубе. Спать буду здесь.

Лис, нахмутив светлые брови, смотрел в спину матерящегося на русском языке конта и думал, что Алан Валлид очень странный человек.

– Привет, Турен. Как ты?

Виктория присела рядом с гамаком, в котором лежал Тур. Осунувшийся, зеленый, еще больше похудевший. Сердце защемило от жалости, и сразу нахлынули воспоминания, как они с детьми решили отправиться на яхте на рыбалку во время отдыха в Болгарии... Тогда ее средний точно так же провисел все путешествие на борту.

– Тур, давай я вынесу тебя на воздух. Ты здесь совсем прокиснешь.

Мальчишка промычал что-то нечленораздельное и прикрыл глаза. Алан подхватил его на руки и, стараясь не биться плечами о стены узкого прохода, понес наверх.

«Шустрик» не был предназначен для перевозки пассажиров, поэтому все ютились в большой общей каюте, больше похожей на трюм, перегороденный деревянными стенами. Только Алану Кэп уступил капитанскую каюту с двойным гамаком. Конт хотел забрать к себе Маю, но девушка отшутилась, что боится не удержаться и соблазнить хозяина. Но и в общей каюте она не осталась, оборудовала себе небольшой закуток между бочками, а парни притащили ей матрас и ворох одеял. Первые несколько дней никто из моряков не знал, что Мая девушка, ей весьма удачно удавалось скрывать свою женскую сущность, но потом Алан ее выдал. Случайно, не подумав, назвал «принцессой» во время ужина. Но любые поползновения в ее сторону сразу пресек Иверт. Горец обвел всех мрачным взглядом и весомо произнес:

– Любой, кто позарится на рабыню вождя, будет оскотен мной лично, – и, помолчав, многозначительно добавил: – Ножом с зазубринами.

За трое суток, что они были в море, желающих так и не нашлось.

Смеркалось. Солнце уже легло на линию горизонта, окрасив гребни волн в золотисто-розовый цвет. Красиво. Алан посадил Тура на ящик и сам сел рядом, затем вытащил из кармана найденный шутом перстень и протянул мальчишке.

– Пчела на цветке. Род Зюгановских. Последний из баронов пропал еще до моего рождения. Скорее всего, перстень был украден или снят с трупа. Эти перстни только память об основателе рода, летопись семьи. Там на внутренней стороне стоит дата рождения первого в роду. Мой отец говорил, что они нужны только для того, чтобы похвалиться древностью родословной. Бесполезная вещь. Можете его выбросить.

– А где твой родовой перстень?

– Какое это теперь имеет значение? – Турен смотрел на море.

– Волнуешься?

– Уже нет, – тихо ответил мальчишка. – Просто сил нет волноваться. Жду, когда сойдем на берег. А там – будь что будет.

– Твой отец погиб, защищая крепость. А мать?

– Не знаю. Когда мы уходили из замка, она не вышла нас провожать. Может быть, ее уже

убили. Я плохо помню те дни. Все смешалось. Все куда-то бежали, плакали, кричали.

Алан подвинулся ближе и, обняв паренька за худые плечи, прижал к себе. Так они и сидели молча, глядя, как солнце прячется за море, пока Тур не заснул, пригревшись у теплого бока мужчины, заменившего ему семью.

К ним подошел Берт с одеялом в руках.

– Ужинать будете? – шепотом спросил он, укутывая Тура в одеяло и подхватывая на руки.

Виктория отрицательно покачала головой. Есть не хотелось, да и воспоминания о страшной находке Оськи как-то не добавляли аппетита.

– Положи его в моей каюте, – кивнула она на спящего мальчишку. – Мне постели на палубе.

Берт кивнул и скрылся в опустившихся на корабль сумерках.

Завтра их путешествие закончится. Виктория стояла, облокотившись о борт, и смотрела, как на небе появляются звезды. Сначала едва заметные, затем все более и более яркие. Тихо плескались волны, шелестел парус, переговаривались вахтенные, с юта доносилось негромкое пение. Пришел Берт, принес горячий травяной чай и бутерброд с соленым сыром, постоял молча рядом и, спросив, не нужно ли что-то конту, незаметно исчез, пожелав спокойной ночи. А когда конт уже собрался ложиться, подошел Кэп.

– Сир, завтра придем. – Он встал рядом. От капитана пахло потом, рыбой и вином. – На материке все не так, как на фронтире, сир. Все не так, кость мне в горло.

– Что именно не так, Кэп? – Алан чуть повернул голову в сторону говорившего.

– На рабов ваших надо ошейники надеть. Без ошейников их сразу заберут. Нельзя рабу без ошейника. Пошлину на каждого заплатить надобно.

– А как узнают, что это раб, а не свободный?

– Так я в порту бумаги подать должен, чтоб им ветра попутного не видать. Пошлины заплатить, гарпун им в глотку. Это вы к рабам как к людям относитесь. А здесь не так.

– Я понял. Ошейники у тебя есть?

– Найдем. И это... к художнику надо бы приставить кого. Смазливый он очень. Любят бабы смазливых. За такими охотятся, спрос на них большой. Или, может, морду ему подправить? А?

– Не будем мы ничего ему подправлять, – усмехнулся Алан. – Завтра все решим.

– Тадыть-растадыть, а может, на цепь? Украдут. Как пить дать украдут, – бурча себе под нос еще что-то, Кэп, слегка покачиваясь, отправился восвояси.

Эх, придется завтра объяснять своим рабам, что это необходимость, а не причуда контя. Алан широко зевнул и опустил на матрас, с головой накрывшись одеялом. Ночи уже были холодными.

Проснулся он оттого, что спину обдало холодом. Кто-то, откинув одеяло, юркнул на матрас. Алан сделал вид, что спит, и стал ожидать дальнейших действий нежданного гостя. Голой спины нежно коснулась прохладная рука, шею обдало чужим дыханием. Невесомыми поцелуями обожгло плечо, и Алан почувствовал, как по спине пробежала дрожь. Не открывая глаз, он перевернулся на спину и, ухватив гостью за запястье, потянул на себя.

– Мая, – успел шепнуть до того, как его губы накрыло поцелуем.

«Нет! Что это за тенденция такая? – возмутилась Виктория. – Отчего нас постоянно соблазняют девушки? Сначала Зира, теперь Мая. Вопиющая дискриминация! Немедленно бери инициативу в свои руки!»

«Заткнись!»

– Зачем?

Он отвел в сторону упавшие на лицо девушки волосы. В отблеске луны глаза Майи блеснули искорками смехинок.

– Ты ведь сам не догадаешься, – шепнула она и склонилась над контом, чуть касаясь губами его губ. – Может, мы расстанемся навсегда, и я буду всю жизнь сожалеть, что не попробовала, какой ты на вкус, – лукаво добавила она и укусила конта за кончик носа.

– Так это простое любопытство? – Алан не остался в долгу и ущипнул Майю за круглую попку.

– Верная рабыня пришла скрасить одинокую и холодную ночь своего господина, – стеснительно опустила глазки «верная рабыня», невинно скользя руками по груди мужчины. – Чего желает мой хозяин?

Хозяин желал очень многого. Он сделал задумчивое лицо и строгим голосом заявил:

– Ванну с лепестками роз, танец прекрасных девушек под тихую музыку и невинную деву на свое роскошное ложе.

– Вы так изысканно-требовательны, – томно вздохнула Майя и, изогнувшись кошечкой, потерлась маленькими упругими грудями о живот конта. – Мур-р.

Алан усмехнулся и, рыкнув в ответ, легонько укусил девушку за ушко.

– Ой, я пришла к огромному дикому зверю, он меня сейчас съест! Надо прятаться! – воскликнула Майя и нырнула под одеяло.

«Эта девушка даже секс умудряется превращать в веселую игру», – успел подумать Алан, прежде чем губы Майи заставили его на время забыть обо всех проблемах.

Проснулись они, обнявшись так крепко, что у Алана руки занемели. Он хотел выбраться из-под одеяла, но Майя прижалась еще сильнее и не дала ему такой возможности.

– Доброе утро, Бешеный Кузнечик, – раздался голос Иверта, и в нем отчетливо слышалась едва сдерживаемая ярость. – Вижу, ты хорошо провел ночь.

– Доброе утро, Ураган, – пропела Майя, выглядывая из уютных объятий и даже не собираясь прятать наготу. – Ночь была великолепной.

Иверт зло блеснул на девушку глазами и исчез из поля зрения. Майя сразу же поскучилась и заторопилась одеваться. Ее вещи были аккуратно сложены рядом с матрасом.

– Ты хотела, чтобы он нас увидел, – догадался Алан.

Майя ничего не сказала, чмокнула его в нос и убежала в сторону кормы, откуда слышался веселый голос Оськи, распевавшего очередную песенку про шамана.

Да уж, день будет непростым, решил Алан и потянулся за штанами.

«Зато ночь была очень веселой», – хихикнул внутренний голос.

И не поспоришь. От воспоминаний о прошедшей ночи губы сами растянулись в улыбку. Ночь действительно была веселой, точно такой же веселой и смешливой, как и убежавший только что «подарочек».

Глава 11

Дух Море взмахнул мечом, и поднялись из пучины чудища. Усмехнулся Вадий, и слетели с его пальцев десять молний, и поразили они чудищ, а из тел мертвых выросли острова. И заселил Ирий эти острова людьми смешными – черными, как ночь, – и научил их рыбу ловить и жемчуг собирать.

Город возник, словно картина в раме. Горы резко оборвались, открыв вид на белоснежную крепость, возвышающуюся на небольшом холме. Большая, величественная, грозная, она закрывала проход к морю, а чуть вдали от нее раскинулся небольшой городок. Небольшой – по меркам Земли. Над смотровой башней развевался зеленый флаг, отчетливо видный с моря. Заметив его, Тур побледнел и бросил на конта жалобный взгляд.

– Это наш герб, – прошептал он и всхлипнул.

Алан положил ладонь на плечо мальчишки.

– Может, ты останешься на «Шустрике»?

Турен отрицательно и зло покачал головой. Виктория только сильнее сжала худое плечо.

Они с Ивертом и Кэпом долго решали, как замаскировать мальчишку. И в итоге поняли, что не стоит ничего менять. Как раб Турен принадлежит господину, и тот, кто осмелится покуситься на него, – бросит вызов его хозяину. Как рассказал капитан, к частной собственности на материке относились с должным уважением. Поэтому сейчас Тур красовался в тонком кожаном ошейнике с биркой, на которой было выведено имя Иверта Урагана. Точно такие же ошейники украшали шеи Май и Неженки. Только у художника на ошейнике мерцали самоцветы. Смотрелся ошейник на симпатичном рабе как украшение, а не как символ рабства. Это тоже была идея Кэпа, подчеркнуть таким способом особое положение раба, чтобы тот, кто на него позарится, несколько раз подумал, стоит ли связываться со вспыльчивым горцем. Алан же должен был изображать одного из наемников-охранников богатого вождя игушей. Так решили, когда планировали это путешествие.

Они с Ивертом долго уговаривали Маю не надевать ошейник, но девушка настояла на своем.

– Хозяин, у меня было время подумать, и я поняла, что папаша был в курсе моего похищения. А может, и сам его организовал, – беззаботно заявила она утром, когда Кэп застегивал на ее тонкой шейке кожаную полоску. – Понимаешь, мы с ним повздорили перед этим, и я заявила, что смогу сама решить все свои проблемы.

– И он подумал, что стоит тебе показать, как ты беспомощна без него? – догадался Алан.

– Ага. Но он не ожидал, что стражников перекупят, – грустно усмехнулась девушка. – Он потерял меня.

– Думаешь, волнуется?

– Надеюсь на это. Хозяин, ты ведь потребуешь с него выкуп за мое освобождение? – лукаво стрельнула она глазками.

– Огромный! – серьезно заявил Алан и кровожадно усмехнулся.

– Меня срисуют в порту. Там всегда дежурит парочка наших людей. Не успеем мы добраться до постоянного двора, как папочка узнает, что я в городе. И тогда мы с ним поиграем, – не менее кровожадно усмехнулась Мая.

– Поиграешь, если это не будет опасным для вождя, – холодно заметил Иверт и прижал девушку к себе. Она прильнула к нему и затихла, а Виктория непроизвольно потеряла ухо...

...Иверт, после того как застал Маю в постели конта, весь день ходил хмурый и бросал на Алана очень недовольные взгляды, в результате Виктория не выдержала и затащила

его в какой-то узкий проход между ящиками с солью.

– Дай мне в морду и успокойся.

Честно говоря, она не ожидала, что горец примет ее предложение всерьез, рассчитывала просто поговорить. Но Иверт без лишних слов, коротко размахнувшись, засадил конту в живот и тотчас добавил кулаком в ухо. Не ожидавший этого Алан остушился и упал назад, по закону подлости как раз на доску с торчащим гвоздем.

– Твою мать, – только и успела прошипеть Виктория, осознав, что пронизывающая боль чуть ниже лопатки – не что иное, как вошедший в тело гвоздь.

– Стоять! – Иверта швырнуло на землю, и нож Ворона уперся ему в кадык. – Дернешься, я тебя убью.

– Иверт! – пронзительно закричала Мая и налетела на Ворона, словно маленький торнадо, безостановочно лупя кулаками по спине и плечам послушника.

– Отставить! – гаркнул конт, поднимаясь. – Все вон! – дождавшись, пока все разойдутся, он повернулся к другу: – За что?

– За сестру, о которой ты так быстро забыл, – буркнул Иверт, пряча взгляд.

И кого ты хочешь обмануть, парень?

– Я думал, из-за Май. – Конт потянул через голову рубашку, чтобы посмотреть, что там с плечом. Стыдно за измену не было, он действительно за эти дни ни разу не вспомнил о Зире. И секс с Маей оказался ничем не хуже, даже веселее и приятнее, потому что он точно знал, что ничего не придется отдавать взамен. Но объяснять это Иверту не собирался.

«Я наконец-то поняла! Все проблемы от баб!» – глубокомысленно заявил внутренний голос.

– Из-за нее тоже, – нехотя признался Иверт. – Мая выбрала тебя. Ты победил, – выдохнул горец. – Повернись, я посмотрю.

– Я проиграл, Иверт, – сообщил Алан, поворачиваясь к горцу спиной. – Она пришла ко мне, но нравишься ей ты. А утром она специально задержалась, чтобы ты ревновал.

– Самый глупый способ привлечь мужчину, ты не считаешь? – усмехнулся горец.

– Это же «подарочек»! Она живет желаниями. Захотела – сделала.

– Ничего, муж ее воспитает.

А вот в этом Виктория очень сомневалась, зная характер Май. Но она промолчала. Зачем ссориться с другом, с которым только что помирилась? Да и в ухе звенело. Блин, быть мужчиной – это такой геморрой!

Корабль начал медленно разворачиваться, и все пассажиры столпились у левого борта. Виктория с интересом смотрела на приближающуюся пристань, чувствуя, как детская обида заполняет сознание. Это несправедливо! Она ожидала увидеть легкие стремительные парусники, тяжелые груженные галеры, украшенные замысловатыми рисунками ладьи... Откуда такие мысли? Видно, из книг Жюль Верна, которыми зачитывалась Виктория, будучи шестнадцатилетней девочкой. Очевидность же оказалась более прозаичной. К длинным деревянным причалам были пришвартованы два таких же небольших корабля, как и их «Шустрик», и множество разномастных лодок. Сам порт походил на огромный грязный рынок, полный каких-то подозрительных личностей.

Двое рабов прыгнули на дощатый настил причала, и Кэп бросил им толстый канат, который те начали споро наматывать на приспособление, похожее на огромную катушку.

– Сир, через полрыски вы сможете сойти на берег, – крикнул капитан. – Я заплачу

пошлины и свяжусь с купцами, чтобы сдать им товар, соль им в глотку!

– Кэп, я буду ждать новостей в «Лисьей норе». У меня там завтра назначена встреча. – Дождавшись отмашки капитана, Алан повернулся к остальным. – Все помнят, о чем мы говорили? Иверт – богатый вождь, прибывший, чтобы купить рабов. Мы все наемники, его охрана. – Пятеро ветеранов маркиза, снявшие одинаковую форму и обвешанные оружием, словно новогодняя елка игрушками, серьезно кивнули. Их предводитель Хват повернулся к Мае и оскалил щербатый рот в волчьей усмешке, чем вызвал у девушки смех. Алан погрозил ей пальцем и продолжил: – Ворон и Лис присоединились к горцу для собственной безопасности. Кстати, вы собираетесь посетить местный храм? – Лис кивнул. – Отлично. Леонардо, держись возле Иверта. Мая, ты наш проводник, от меня ни на шаг! Турен, идешь рядом с Бертом и Лисом. – Он обвел взглядом серьезные лица. – Сейчас мы ступим на землю моего врага. Будьте бдительны!

Виктория посмотрела на безмятежное лицо Маи, на испуганного Неженку и взволнованного Тура и про себя прокляла тех, кто загнал этих троих в переделку.

Она тоже волновалась, но изо всех сил старалась скрыть собственные эмоции. Больше всего ее тревожил приказ Учителей отправить с контом Тура и Неженку. И если мысли Длани и старых интриганов насчет юного герцога были ей понятны, то какая роль во всем этом отводилась художнику, она догадаться не могла, и это очень сильно напрягало. Неженка не помнил никого из покупателей, приезжавших к его бывшему хозяину, он не знал, к кому его везли, и, как ни старался, не мог помочь конту. От этого парень чувствовал себя виноватым, еще больше замыкался в себе, и только Мае иногда удавалось растормошить его.

Они последний раз проверили оружие, деньги, снаряжение. Алан повязал на голову красную линялую бандану, спрятал под ней черные волосы. Он серьезно подумывал побриться налысо, но Виктория не смогла поднять руку на густую черную гриву жестких волос. Длинные волосы всегда были ее слабостью.

«Шустрик» качнуло, и рабы сбросили на причал сходни.

– Прячьтесь все, шут идет, горца за собой ведет! – завопил Оська и первым сбежал по деревянному настилу.

– С богом. – Перекрестилась Виктория и шагнула на импровизированную лестницу, ведя за руку Маю.

В конце причала их ждал худой высокий мужчина в черных одеждах. Он стоял возле столика, на котором лежали пачка бумаг и письменный прибор. Мужчина окинул компанию цепким взглядом и явно сделал правильные выводы. За его спиной маячили двое стражников. Виктория оценила их новую форму, качественные кожаные кирасы, короткие мечи и бесстрастные выражения лиц. Был бы это ее родной мир, она бы сказала, что это военные, но не полиция.

– Добро пожаловать во владения герцога Вас'Хантера, – скучающим голосом произнес худой и поклонился Иверту, безошибочно вычленив его из толпы. – Ваше имя и цель прибытия?

– Вождь Иверт Ураган, – высокомерно и презрительно процедил Иверт с явным акцентом, которого у него до этого не было. – Мне нужны рабы. Много рабов.

– Разве игуши стали использовать труд невольников? – чуть улыбнулся худой, делая запись на верхнем листе бумаги.

– Игуши всегда торговали равнинниками, это хорошие деньги, – слегка пожал плечами горец.

– Шесть наемников, слуга, три раба и...

– Шут! Оська Великий! – вылез вперед Оська и, сунув нос в бумаги, ткнул пальцем. – Так и запиши, вас посетил самый великий в мире шут! Ой, а что это за картинка? А мой портрет тоже есть? – с интересом воскликнул он, но, получив от Иверта подзатыльник, быстро отбежал за спину Хвата и оттуда показал горцу язык.

– В наш город прибывает разный люд, иногда беглые рабы или разыскиваемые преступники, вот их портреты и раздают всем портовым мастерам, – спокойно разъяснил чиновник, ставя напротив имени Иверта цифру «пять». – Вы можете находиться в нашем городе пять дней, затем вам придется навестить герцога и продлить разрешение. – Он выдал Иверту квитанцию и отступил в сторону. – Где вы планируете остановиться?

– Я еще не решил, – холодно бросил горец. – А что ты посоветуешь?

– Обычно горцы останавливаются в «Бычем сердце».

– Куда мне уплатить пошлину?

– Пошлину уплатит капитан корабля, на котором вы прибыли, – произнес худой и повернулся к послушникам: – Приветствую вас во владениях герцога Вас'Хантера, брата. Вам следует отметить в Храме, в канцелярии вашего Ордена.

– А мне не нужно отметить в Храме? – опять влез Оська, старательно держась подальше от горца.

– Если только попросить у Ирия немного мозгов, – процедил Иверт и, обняв Неженку за плечи, направился в сторону ворот, отделяющих порт от города.

– Постарайтесь, чтобы ваши наемники не устроили у нас резню, герцог этого очень не любит, – бросил им вслед худой, закупоривая бутылочку с чернилами. – И будьте осторожны, на улицах много разного сброда.

– Интересно, куда смотрят власти? – тихо буркнул Хват, и Виктория была с ним согласна.

Дождавшись, пока гости скроются за забором, мастер покопался в бумагах, вытащил несколько портретов, долго всматривался в черты нарисованных там юношей, затем отложил один в сторону, а второй протянул одному из воинов.

– Это он. Передайте киру Мару, что его раб прибыл в город как собственность игуша.

Видно, хорошо вооруженный отряд не выглядел легкой добычей, поэтому они без приключений выбрались с территории порта.

– Добро пожаловать в Средневековье, Викушка, – пробормотал под нос Алан, осматриваясь по сторонам.

– Нам вверх по улице Ткачей до второго перекрестка, потом пройдем через площадь, и там сразу будет постоянный двор «Лисья нора». Он самый дорогой в городе. Там останавливаются те, кто побогаче, – махнула рукой Мая, настороженно оглядываясь по сторонам. – Ага, вон Сало сидит, – удовлетворенно произнесла она и кивнула на худого нищего, раскачивающегося у дверей какой-то забегаловки. – Значит, папуля скоро узнает, что я в городе.

– Веди, – приказал ей конт, кивком головы показывая направление.

Город как город. Этакий небольшой райцентр. Тротуаров нет, зато есть широкая утрямбованная дорога. Один раз мимо них проехала телега, груженная дровами. Вдоль дороги возвышались каменные и деревянные двухэтажные дома, почти в каждом на первом этаже находилось какое-то заведение. Судя по вывескам – магазинчики, ресторанчики, мастерские. Несколько раз попадались постоянные дворы. От широкой улицы Ткачей в разные стороны разбегались узкие проулки и переулочки. Людей было мало, а те, что встречались, не выглядели богатеями. В основном рабы с кошелками и сумками да горожане, своей одеждой мало отличавшиеся от селян фронта.

– Припортовый район. Днем здесь тихо и чинно, – пояснила Мая, крепко держась за руку Алана. – А вечером я не советовала бы соваться сюда без хорошей охраны. Смотри, видишь вывеску «Платья Изольды»? Это самый популярный бордель в городе. Днем здесь продают одежду, а ночью тела. У Изи можно найти все, что только придумает твой извращенный ум.

- И что стражники?

- Для них скидки, - усмехнулась Мая. - А герцогу все равно, лишь бы в казну шли налоги. Изя платит исправно. И золотом, и услугами.

- Мая, ты знаешь герцога?

- Видела пару раз, - посмурнела девушка. - Сволочь он. Но красивый...

- Красивей меня? - пошутил Алан, внимательно следя за пробегающими мимо босоногими мальчишками.

Мая на мгновение задумалась.

- Он красивее тебя, но хуже Леонардо, - наконец честно ответила девушка. - Ты тоже симпатичный, но ты мужественный и загадочный. - Последняя фраза прозвучала то ли как комплимент, то ли как сочувствие.

- Леонардо у нас вообще красавчик, - усмехнулся Алан, бросая взгляд на раба.

Художник шел рядом с Ивертом, вцепившись ему в руку и крутя головой по сторонам. На лице румянец, громадные глаза распахнуты, словно он пытался запомнить все, что видит. Красив. Очень красив. Но для Виктории слишком нежен, слишком женственен, слишком неуверен в себе... Ей никогда не нравились такие субтильные, хрупкие белокурые мальчики с невинными глазками и губками бантиком. Природа слишком щедро одарила Неженку красотой. Но красота эта, по-видимому, предназначалась девушке, да вот только что-то в мироздании пошло не так, и досталась она парню. Проклятие, а не счастье.

Местность постепенно менялась, дорога пошла в гору, все чаще стали появляться каменные дома в обрамлении садов, несколько раз мимо отряда пронеслись верховые, встречные были одеты богаче, чем в припортовом районе. Они свернули на боковую улицу. И Виктория словно попала в старый Таллин.

- Леонардо, обрати внимание на этот дом. - Алан поравнялся с художником и кивнул в сторону утопающего в глубине парка белоснежного особняка. - Я хочу, чтобы мой дом в Виктограде располагался точно так же. В глубине парка, парадным входом на центральную улицу.

Мимо опять пробежали дети, выкрикивая разными голосами:

- Каракат! Каракат!

Виктория повернулась к Турену:

- Что означает это слово?

- Ну ты и глупый, Алан-балан! - проскакал мимо на одной ножке Оська. - Это когда на площади выступают шуты и лицедеи!

«Балаган», - перевела для себя Виктория.

- Я побегу, посмотрю! - Не успели и глазом моргнуть, как Оська сорвался с места и рванул вслед за детьми.

Издали слышался гул, как обычно бывает, когда одновременно кричат, смеются и топчут много людей.

Они вышли на площадь.

- Вон «Лисья нора». - Мая вытянула вперед руку, указывая на трехэтажное каменное здание на противоположной стороне. - Ты заметил, что нас пасут?

- Еще у порта, - тихо ответил Ворон. - Двое.

Виктория не заметила. Она просто смотрела по сторонам, отмечая детали, архитектуру, наличие колодцев, закрытых крышками, сточных канав, тротуаров. Ей все было интересно. Все, кроме того, что творится за спиной. Раззява!

На площади выступали бродячие артисты. Прямо на помосте с виселицей разыгрывалось какое-то веселое представление.

Их небольшой отряд обогнул толпу, прошел мимо теток, торговавших с лотков пирожками, и поравнялся с клеткой, в которой неподвижно лежал худой грязный подросток. На клетке висела табличка: «Сын предателя и самозванца». Виктория хотела остановиться, но Иверт толкнул конта в спину.

– Он мертв. Не привлекай к нам внимания, Бешеный Алан.

Проклятье! Рядом с клеткой веселилась толпа, звучала музыка, люди ели, хохотали, и никому не было дела до умершего от голода ребенка. Правду говорят: человек добр, но люди злы.

Их догнал Оська.

– Кузнечик! Я денежку заработал! – и он протянул ладонь, на которой блестела пара медяков. – Как думаешь, на блудницу хватит?

– Оська, ты будешь самым желанным клиентом в заведении Изи! – со смехом воскликнула Мая. И тут же со всех сторон на Оську посыпались советы, один скабрее другого.

Виктория хмуро осмотрела своих людей. Похоже, никого из них не шокировал вид мертвого мальчишки. Только Неженка побледнел, в голубых глазах стояли слезы. Да, ей тоже никогда не привыкнуть к этому миру. Никогда.

– Милости просим! – Здоровенный вышибала распахнул перед ними двери постоянного двора.

Первыми вошли Хват и Рыжий, следом вбежал Оська, и только за ними последовали Иверт и все остальные.

Они увидели очень большой зал, залитый солнечным светом, проникавшим в помещение через пять больших окон. Вдоль стен стояли длинные деревянные столы с лавками, в центре зала столы поменьше – на четыре – шесть человек, вокруг них добротные деревянные стулья. Широкий прилавок отгораживал бочки и шкафы с посудой, через открытую дверь виднелась кухня, где сутились женщины в белых косынках и передниках. Чисто, опрятно и немногочисленно. За центральным столом обедала немолодая пара, четверо мужчин, судя по одежде – купцов, что-то тихо обсуждали возле окна, да за длинным столом у стены группа наемников шумно праздновала удачную сделку.

– Чего желает вождь? – К ним подошел лысый широкоплечий мужчина, больше похожий на воина, чем на корчмаря. – Покушать или остановиться на ночлег? – Он внимательно осмотрел разношерстную компанию и чуть дольше, чем это требовалось, задержал взгляд на Мае.

– Мне нужны комнаты, – бросил ему Иверт, принохаясь.

– Постояльцев много, свободны только большие... – начал хозяин заведения, но его перебила Мая:

– Это ты нашему шуру можешь рассказывать, дядя Кирилл, что у тебя нет комнат, – звонко произнес «подарок». – Еще десятидневье до большой ярмарки, людей в городе мало, так что приготовь хозяину две большие комнаты да общую для наемников и слуги. И комнату для братьев. – Она весело подмигнула нахмурившемуся Кириллу. – А если у тебя нет комнат, то папенька узнает, где меня поймали...

– Мати, ты несносна! – покачал головой корчмарь. – Но я рад, что ты жива. Вождь, не продашь ли мне эту говорливую девицу?

- По ее весу в золоте, - белозубо улыбаясь, ответил Иверт. - И забирай хоть сейчас, милый человек, эту болтливую женщину.

- Прости, хозяин, свою рабыню, - потупила глазки девушка. - Ради тебя стараюсь. О тебе забочусь!

Иверт только глаза поднял к небу, вокруг засмеялись воины, даже Неженка робко улыбнулся. И только Турен, по-прежнему бросающий по сторонам напряженные взгляды, крепче прижался к Ворону.

Кирилл сам провел их на второй этаж, где находились гостевые комнаты. Виктория заметила, что он все время пытался оказаться рядом с Маей и даже один раз успел что-то шепнуть девушке. Она уже хотела вмешаться, но Хват ее опередил:

- Хозяин, ты на рабыню господина не пялься, коли не хочешь без глаз остаться. И язык за зубами держи, иначе быстро его лишишься. Понял?

- Чего же не понять, - оглянулся на окруживших его воинов Кирилл. - Чай, не дурак.

- Дядька Кирилл, ты не волнуйся, - потрепала его по руке Мая. - Меня не обижают. Ты папке пока ничего не сообщай.

- Да он уже знает, что ты здесь. Небось еще от порта проследили.

- Вот и хорошо, - зловеще произнес Иверт и, впихнув Маю в комнату, зашел за нею следом. - Кузнецик, художник и мальчик будут спать с тобой. - И захлопнул дверь перед носом растерявшегося от неожиданности коня.

Ну и наглая рожа! А ведь ничего не скажешь. Не пристало наемнику спорить со своим нанимателем. Но гад! Ничего, не все время Алану изображать из себя наемника, когда-то и его советник огреbet счастья по полной! Ну а пока осталось лишь скрипнуть зубами и последовать по коридору дальше за хохочущим Оськой, распеваящим похабные куплеты песенки про шамана и девуцу.

- Вот общая комната для воинов, - повозившись с ключами, Кирилл наконец-то распахнул очередную дверь.

Виктория с любопытством заглянула внутрь. Большая комната с маленьким окном, вдоль стен пять двухъярусных деревянных кроватей, застеленных вязаными одеялами. Стол посередине, четыре табурета, печка в углу. Скромно, но чисто.

- Насекомые есть? - деловито уточнил Рыжий, проходя в комнату и бросая котомку на одну из кроватей.

- А в морду? - хмуро поинтересовался корчмарь. - У меня сам кир советник останавливается.

- Значит, нету, - флегматично произнес Хват, следя, как его воины заходят внутрь. - Мыльня где?

- Сразу за конюшней, по медяку с морды. Если бабу хотите и браги, еще по два.

- Там и разберемся, - хохотнул один из воинов. - Оська, тебе бабу надо?

- Вот еще! - Оська уже забрался на верхнюю кровать возле окошка и теперь весело болтал коротенькими ножками. - Себе баб берите, а мне деvu подавай. Чтоб глазища и груди были большие и невинные!

Слова шута заглушил дружный смех. Дальше Виктория слушать не стала. Их комната была как раз между комнатой наемников и юных ксенов.

- Мы можем взять мальчика к себе. - Лис кивнул на Турена. Послушник вертел в руке ключи и, прищурившись, следил за корчмарем.

- А может, вы возьмете к себе Леонардо? - ехидно поинтересовался Алан, отодвигаясь в сторону, пока Кирилл открывал дверь.

- Опасно, – безэмоционально произнес Ворон, отбирая у Кирима ключ. – Спасибо, дальше мы сами. Через четверть рыски накрой обед на пятерых.

- Как прикажете, брат Искореняющий, – буркнул корчмарь, чуть поклонился и, тяжело ступая по скрипучему полу, направился к лестнице.

- Ни черта себе, – присвистнул Алан, оглядывая свои хоромы. – У Иверта тоже такая комната?

- В зеркальном отражении, – кивнул Лис, заглядывая в окно. – Выходит во двор.

- Ждем вас на обед. – Ворон подхватил друга под руку, и они исчезли.

Номер напомнил Виктории пятизвездочный отель с отделкой под старину. Огромная кровать под балдахином, ковер на полу, узкие скамьи, столик у кровати, стол у стены и даже шкаф с полками.

- Можно я останусь здесь?

Турен впервые с тех пор, как они ступили на землю герцогства, подал голос. Ешкин кот! Какая же она бессердечная скотина! Возмущалась жестокостью местных жителей, а сама совершенно не подумала, каково это Туру – вернуться домой. В город, где его предали, где убили его отца!

- Иди сюда. – Алан прижал к себе Тура. – Прости меня, мальчик, – прошептал он по-русски.

Паренек уткнулся ему в бок и тихо задрожал плечами в беззвучном плаче. Подождав, пока он успокоится, Алан посмотрел на забившегося в угол художника.

- Леонардо, ты пойдешь обедать? – Неженка испуганно затряс головой. – Значит, сидите в комнате, я приставлю к вам охрану. И ни шагу за порог! Горшок под кроватью! Еду вам принесут.

Алан вышел и, заперев дверь на ключ, спустился вниз. В обеденном зале прибавилось людей. Возле одного стола на коленях стояли две девушки в рабских ошейниках. Его передернуло от возмущения. Когда конт спустился в зал, его встретили настороженные, любопытные и откровенно презрительные взгляды. Наемники явно не пользовались здесь авторитетом.

- Чем кормят? – Валлид сел на скамью рядом с Вороном, напротив Лиса.

- Мясом. – Лис подвинул Алану тарелку. – Сзади трое. Сидят давно. Профи. Когда вы пришли, один встал и вышел.

- Подождем.

Конт нанизал на вилку большой кусок мяса. Господи, как же это вкусно! И главное – никаких модифицированных продуктов!

Они допивали вино, когда Лис, сидящий лицом к залу, положил на стол обе руки, что было сигналом.

- Вождь? – прозвучал за спиной приятный мягкий голос.

Алан медленно повернулся. Невысокий худощавый господин с тонкими усиками над припухшими, как у ребенка, губами, мягкие черты лица, ухоженные руки. Сходство с Маей было явным. Такие же глаза, такой же слегка рыжеватый цвет волос и такая же чуть заметная россыпь веснушек. Только взгляд строгий, внимательный, изучающий.

- Ты меня ни с кем не перепутал?

Неприятно кольнуло то, что он знает, кто такой Алан.

- Я отец Мати. И я знаю, как выглядит владелец «Шустрика». Но я не воевать пришел, а пригласить в гости, – улыбнулся одними губами мужчина. К нему подошли и стали сзади трое мордovorотов.

- А если я откажусь, устроим маленькую драку? - Виктории отец «подарочка» понравился. Эдакий почти интеллигентный привет из девяностых. И она решила, что примет его приглашение. Тем более что Хват их подстраховал, оставив несколько человек наблюдать на улице.

- Зачем? Если то, что мне о вас докладывали - правда, то мы вполне можем договориться.

- Что же, я принимаю твое приглашение... - Алан вопросительно приподнял бровь.

- Мэтью. Кир Мэтью.

- Ты из благородных?

- Барон, - скривился мужчина, словно титул барона был чем-то позорным.

- Веди, кир Мэтью, - Алан встал.

- Карета ждет. Ваши спутники к нам присоединятся?

- Пусть тебя это не волнует, ба-рон, - с едва уловимым презрением в голосе заявил Лис.

Их действительно ждала карета. Настоящая, такая же ездила по ее родному городу в праздничные дни, за несколько рублей на ней катались все, желающие окунуться в старину. В черные гривы лошадей были вплетены алые ленты. Симпатично. Лис примостился рядом с кучером, а Ворон первым поднялся в карету.

- У вас выученные слуги, - произнес Мэтью, садясь напротив Алана.

- Это телохранители, а не слуги, - чуть заметно улыбнулся конт, изучая обстановку, пока один из мордovorотов убирал ступени и закрывал дверцу. Рядом хмыкнул Ворон, и Виктория про себя порадовалась, парни наконец-то начали хоть изредка проявлять эмоции и уже не походили на бесчувственных кукол, как в первые дни их знакомства.

Карета мягко тронулась с места. Судя по плавному ходу, у нее были рессоры. Прогресс.

- Как вам наш город? - прервал тишину Мэтью.

- Я ожидал большего оживления на улицах.

- Вы шли по улице Ткачей, а на ней вся жизнь начинается после заката, - улыбнулся король преступников. - Мне жаль, но в целях вашей безопасности я не рекомендую открывать шторы на окнах. - Ворон согласно кивнул. - Приношу свои извинения за то, что не могу послужить вам сегодня...

Последнего слова Виктория не знала.

- Это человек, который показывает город гостям, - флегматично пояснил Ворон, который уже привык, что некоторых слов его подопечный не знает.

Виктория повторила слово, вопросительно глядя на послушника, он кивнул, показывая, что она произнесла его правильно.

- После болезни я учусь разговаривать заново, - пояснил Алан удивленному Мэтью.

- Да, я слышал, - задумчиво произнес барон. - Но думал, что это преувеличение.

- Так о чем ты хотел говорить?

- Нет, нет, все вопросы обсудим дома.

Алан кивнул, и больше они не произнесли ни слова.

Ехали недолго, по внутренним часам Виктории не больше пятнадцати минут. Скоро раздался вой-плач тау, и карета остановилась. Все тот же охранник открыл дверцу и опустил ступени. Первым выпрыгнул из кареты Мэтью. Виктория с любопытством огляделась. Небольшой каменный дом с узкими окнами-бойницами, часть которых была

закрыта массивными деревянными ставнями, со всех сторон был окружен зеленым ухоженным садом. Сквозь деревья белел высокий каменный забор. Кроме сопровождающих их охранников людей видно не было.

Их ждали. На крыльце стояла миловидная женщина в темно-коричневом строгом платье, вокруг ее талии оборачивался красивый цветной пояс.

– Все в порядке? – спросил у нее хозяин дома.

– Да, – лаконично ответила женщина, бросая на гостей внимательный взгляд.

– Это Сати, моя домоправительница. Она прекрасно владеет длинными ножами, – представил женщину Мэтью.

– Пусть даже не думает показывать свое мастерство, – спокойно произнес Лис, – иначе здесь будет два трупа.

– А чей второй? – с любопытством поинтересовался хозяин дома.

– Твой, – ответил за друга Ворон.

– Сати, они мои гости, – быстро проговорил отец Май. – Мы будем в кабинете.

Виктория шла и думала, что, пожалуй, она не ошиблась в «папике». Обстановка в доме была скромной и функциональной. Ничего лишнего. Минимум вещей, но все добротные и видно, что дорогие. Если бы ей пришлось обставлять свой дом, она бы выбрала такой стиль. Кабинет тоже был обставлен с изысканной строгостью. Большой стол, два кресла и книжный шкаф от стены до стены.

– Итак, приступим.

Алан сел в кресло, Лис встал рядом, а Ворон занял место у двери, опершись о стену и обхватив правой рукой запястье левой. Насколько успела узнать Виктория, из этой позы он мог действовать молниеносно.

Мэтью прошел по кабинету и остановился у окна.

– О том, что Мати моя дочь, знают всего несколько человек.

«Правильно, дочь – это очень соблазнительно для шантажиста».

– Последнее время у нас с ней возникли... разногласия. Мы поссорились, и она сбежала. Через несколько дней я узнал, что ее продали в рабство и увезли на Юг.

– Ты хочешь сказать, что не причастен к этому? – иронично поинтересовался Алан, закидывая ногу на ногу. – И это не ты подкупил стражников, чтобы ее поймали?

– А что мне оставалось делать? Девчонка ни в какую не хотела выслушать меня! – Мэтью повернулся к конту. – Я хотел только припугнуть, показать, что без поддержки семьи она пропадет. Стражники должны были посадить ее на несколько дней в тюрьму, а затем я бы ее выкупил. Ей пришлось бы говорить со мной!

– В общем-то план неплохой. И что же пошло не так? – зная упрямство Май, Виктория понимала ее отца.

– Им предложили больше, и эти покойники продали ее, а мне соврали, что она сбежала. Я даже поверил. Моя дочь вполне могла сбежать от этих увальней. Но через день в порту нашли двух купцов, торгующих рабами. Один из них был выпотрошен как свинья, а второй задохнулся собственными гениталиями. Все, кто мог это сделать, клялись Вадием, что не убивали их. И тогда я еще раз навестил своих друзей-стражников. В конце концов они во всем признались. Мати была одета как мальчишка, а я им не говорил, что это девушка, только назвал имя и место, где она пряталась.

– И что ты с ними сделал?

Мэтью посмотрел на конта с легкой укоризной, и Виктория смутилась, действительно, что за дурацкие вопросы она задает.

– Трактирщик сказал, что у купцов были рабы, но ни одного не нашли. Мы перевернули весь город, а потом портовый нищий сообщил, что видел, как на «Шустрик» грузили спящего паренька. Я дождался, когда Кэп приведет корабль в город, и лично посетил его.

– А с этого места подробнее. – Алан напрягся. Не хотелось разочаровываться в капитане.

– Он сказал, что доставил подарок новому хозяину «Шустрика». Раба. И подтвердил, что документы на собственность были оформлены по всем правилам и заверены личной печатью герцога. А когда я попытался на него надавить, сказал, что владельца корабля боится больше, чем меня, и пошел я в задницу. – Мэтью усмехнулся. – Выяснить, кто грохнул прежних хозяина и капитана «Шустрика», труда не составило, купцы, водящие обозы на фронт, всегда готовы поделиться сплетнями и новостями, как и отвезти письмо.

– Так ты переписывался с Маей?

– Она передала мне устный ответ: «Папа, ты ур-род». Кто такой «ур-род»?

Лис бросил на конта вопросительный взгляд, и тот кивнул, разрешив пояснить.

– Глупый, самонадеянный, некрасивый и не очень умный человек, – услужливо перевел для Мэтью рыжий.

Виктория расхохоталась.

– Мая просто прелесть! Я ее обожаю, – сквозь смех проговорил Алан. – И так быстро все схватывает. Неудивительно, что она сдружилась с Оськой.

Ворон согласно кивнул и чуть улыбнулся, а Лис со смешком в голосе добавил:

– Урагану будет сложно заставить ее быть покладистой.

Вот с этим Виктория была согласна на все сто процентов.

– Урагану? – Мэтью повернулся к Алану, но тот только улыбнулся в ответ. – То, что Мати рассказала вам, чья она дочь, я понял, поскольку мое появление не стало для вас неожиданностью. А раз она рассказала, значит, доверяет вам.

– И? – Виктория ждала, пока ей предложат то, чего она хотела.

– Я хочу выкупить дочь, вождь.

– Ты знаешь, кто я?

– Граф Алан Валлид, вождь Бешеный Кузнечик, король нового государства горцев Игушетия.

– Граф? – Алан удивленно поднял брови.

– Конт – титул, принятый только на фронтире, – просветил его Ворон. – Во всех храмовых документах вы проходите как граф Валлид.

– Ну что же, с графом я согласен, а вот король... – горько усмехнулся Алан. Марионетка в руках Учителей, цели которых до сих пор загадка. – Пожалуй, так можно сказать, но вождь мне нравится больше. Почему ты думаешь, что я захочу отпустить свой «подарок»? Мне она самому очень симпатична.

– Потому что вы не захотите, чтобы герцог Вас'Хантер узнал, кто прибыл в его владения под маской простого наемника. И не захотите, чтобы кое-кто узнал, что вместе с вами прибыл один очень красивый раб.

– Убить? – хладнокровно поинтересовался Ворон.

– А что мы скажем Мае? – обратился на него взор Алан.

– Правду. Что ее отец оказался слишком глупым, чтобы занимать пост теневого

правителя города.

– Согласен. Думаю, Ураган сможет утешить нашу маленькую принцессу. Убей его.

Мэтью растерянно улынулся и перевел взгляд на Ворона, но тот даже не шевельнулся. Что сделал Лис, Виктория поняла не сразу, а когда поняла и подумала, что послушники очень многое скрывают от окружающих, Мэтью уже лежал на животе, придавленный коленом, а вокруг его горла обвивалась тонкая веревка.

– Остановитесь!

Дверь книжного шкафа отъехала в сторону, и в комнату вошел еще один Мэтью. Только этот оказался старше, коренастее и массивнее, и глаза у него были другие. Глаза опытного, уверенного в себе человека. Внимательные, знающие, слегка усталые. Такой взгляд был у последнего президента страны, в которой когда-то жила Виктория. С этим играть нужно на равных. Виктория подобралась.

– Отпустите его.

Лис перевел вопросительный взгляд на Алана, тот кивнул.

– Последний раз я тебя подменяю, – прохрипел лже-Мэтью, поднимаясь и потирая шею.

– Я тебе за это очень хорошо плачу, – жестко произнес вошедший.

– Я понял. Ухожу. Не могу сказать, что мне приятно было с вами познакомиться. Особенно с этими ксенами.

Ворон посторонился, позволяя двойнику покинуть помещение.

– Как вы поняли – я Мэтью Гарнер, отец Матильды. Все, что вам рассказал мой помощник – правда.

– Это он? – спросил у Ворона Лис.

– Пусть покажет правую руку.

– Хотелось бы мне знать, откуда такая осведомленность? – холодно поинтересовался Мэтью, расстегивая рубаху и оголяя правую сторону.

– Это он, – повернулся к Алану рыжий.

От локтя до плеча белую кожу барона украшала поблекшая татуировка виноградной лозы.

– Искореняющие бывшими не бывают, – ответил Ворон, глядя на хозяина с нескрываемым презрением.

– Ты слишком молод, чтобы судить об этом, – тихо заметила Виктория.

– Я ушел из Ордена тридцать лет назад и ни разу не пожалел, – спокойно ответил послушнику Мэтью, застегивая рубашку.

– Понимаю, – еще тише произнесла Виктория. Она действительно понимала. Свободолюбивых и творческих людей жесткие рамки ограничений губят.

Тем временем Гарнер открыл дверь и коротко приказал:

– Горячий напиток.

Спустя минуту в дверь постучали, и Ворон принял от Сати поднос с чайником и двумя чашками.

– Я люблю Мати, что бы она себе ни воображала. Так что вы хотите за нее, кир Алан?

– Герцогство.

Мэтью поднес к губам чашку и медленно отпил несколько глотков.

– Зачем оно вам?

– Лис, карту. – Послушник вытащил из-за пазухи сложенную вчетверо карту. Ту, на которой не были обозначены поселения горцев и владения опальных дворян. Алан подождал, пока рыжий расстелет карту на столе, и ткнул пальцем в точку возле небольшой бухты. – Здесь мы строим город. Столицу Игушетии – Виктоград, а здесь есть проход между скал, который ведет на территорию герцогства. Часть пути идет по ущелью, часть через узкий тоннель, контролируемый одним из племен. Тоннель настолько узок, что пройти через него можно только пешком, но если его расширить, то от вашего города до моего можно будет проводить обозы за три дня. Это во-первых. Во-вторых, у меня на носу война, а проход в Игушетию возможен только в одном месте – здесь. – Палец уперся в небольшой отрезок дороги, а Виктория, глянув на свои ногти, в который раз вздохнула о том, что здесь еще не изобрели маникюрных ножниц. – Это территория герцогства, а Вас'Хантер – союзник Наместника, он пропустит войска через свои земли. Мне это не нужно. И, в-третьих, у меня личные счета к герцогу.

– Могу я узнать какие?

– Не можешь. Считай, что это месть.

– Чтобы законно сменить династию, нужно законно сесть на трон герцогства. Для этого вы должны либо объявить войну и завоевать Белую крепость, либо жениться на дочери герцога, а ему устроить несчастный случай, либо оказаться кровным родичем герцога и объявить его самозванцем. Но, насколько я знаю, единственный человек, который мог бы претендовать на трон, умер сегодня утром в клетке на центральной площади.

– Этот мальчишка? – Алан нахмурил брови. Жалость собралась в ком и неприятно задрожала в желудке.

– Да. – В голосе Мэтью проскользнуло сожаление. – Турена Ли поймали чуть больше десятиницы назад. Все сходилось – отрезанный язык, татуировка на затылке, возраст и сходство с пропавшим маркизом. Герцог устроил показательный суд, произнес высокопарную речь о предателях и врагах и напомнил людям, что каждого, сочувствующего семье прежнего владельца, ждет смерть.

– Значит, маркиз мертв...

Интересно, знал ли герцог, что Турен – ненастоящий? Или ему просто нужно было показать, что он не оставляет врагов за спиной? В этой операции явно чувствовалась рука Алвиса, он бы смог хладнокровно отправить на смерть невинного ребенка, если бы считал, что это поможет осуществлению его планов.

– И что, никто не попытался помочь несчастному?

– Почему же, пытались, – жестко усмехнулся Мэтью. – Вам повезло, что вчера убрали разлагающиеся трупы, которыми наш милый герцог украсил площадь по кругу. Приезжие купцы начали спешно покидать «Лисью нору», Кирим стал терять деньги, пришлось надавить на кое-кого. Так какой вариант вы выберете, чтобы получить территории?

– Война отпадает, я к ней не готов. Жениться я тоже не планирую. Остается третий вариант, – чуть склонил набок голову Алан, глядя на Мэтью с легкой заинтересованностью.

Отец Май задумался.

– Значит, мальчишка жив, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес он. – Не могу сказать, что меня это радует. При нынешнем владельце мне живется лучше, чем при отце Турена Ли. Тот был слишком честным, принципиальным и независимым, я так и не успел найти у него слабое место, которым можно было бы воспользоваться.

– А нынешний?

– Дурак.

- Исчерпывающая характеристика, – криво усмехнулся конт. – Подведем итоги. Мне нужна информация, тебе нужна Мая.

- Есть еще один вариант: вы не выйдете из этого дома, пока не подпишете документы об освобождении Мати, – серьезно глядя в глаза конту, произнес Гарнер. – В настоящий момент вы все находитесь под наблюдением, и каждое неверное движение будет служить сигналом стрелкам. Арбалетный болт в голову – не очень приятное ощущение.

- Двое за дверцами шкафа, один за стеной, – произнес Лис.

- Седьмая ступень? – горько усмехнулся Мэтью. – Потратить жизнь, подчиняясь чужим приказам, потерять себя, испытать бесконечную боль, похоронить друзей и никогда не обрести семью... Стоит ли оно того?

Виктория не вмешивалась. Честно говоря, она ожидала чего-то подобного от главы преступного синдиката, но не смогла вычислить, где находятся наблюдатели.

- Не тебе судить об этом. Ты бросил все, дойдя лишь до четвертой, как ты можешь знать, что будет дальше? – процедил Ворон.

- Я знаю... но это ваш выбор, и не мне вас разубеждать, – не стал ничего доказывать Мэтью. Однако в его взгляде Виктория успела заметить что-то, похожее на сожаление.

В дверь постучали, и Ворон открыл. В комнату медленно вошла Сати с идеально ровной спиной и крепко сжатыми губами. Виктория напряглась.

Из-за спины женщины выглянул довольный Оська и взмахнул левой рукой с зажатым в ней метательным ножом.

- Алан-балан, я опять спас тебя! Папик, не вздумай дергаться, а то я сделаю дырку в спине твой подружки, а Ураган сделает ребеночка твой дочурке! Эй, вороненок-чернобровик, тюкни тетку по голове, а то я не достаю!

Ворон, коротко размахнувшись, ударил Сати в висок и, подхватив тело, аккуратно усадил его в кресло. Лис набросил на шею женщины удавку и замер рядом.

- Вождь! Я достоин того, чтобы быть воспетым в балладах? Достоин? Меня Хват через забор перекинул! Вах – и я уже тут! Я был отвлекающим ма-нев-ром, вот! А они там уже повязали всю охрану! Знатная драчка вышла, я даже не успел испугаться! А это папик Майки? Старый какой-то. О, напиток! Из Мирии?

Выдав эту бессвязную тираду и дождавшись кивка Мэтью, Оська нагло уселся в кресло, налил себе еще горячего напитка в чистую чашку и, прищурившись, как сытый и довольный кот, начал пить, явно получая от процесса удовольствие.

- Мои люди живы? – отведя взгляд от Сати, поинтересовался Мэтью у шута.

- Алан-балан, ты просто обязан купить этот сбор домой! – проигнорировал его вопрос Оська и подлил себе еще.

- Кто-нибудь остался охранять художника и секретаря? – Виктория начала волноваться, если все воины пришли сюда, то кто остался с парнями?

- Обижаешь! Мы вчетвером пришли. Рыжий проследил, куда вы поехали, и мы отправились спасать твою задницу. Даже в мыльню не сходили! Кстати, те трое, что прятались за стенкой и держали вас на мушках арбалетов, приставленных к дырочкам в стене, уже сидят связанные.

- Всего четверо воинов смогли обезвредить моих людей? – Мэтью покачал головой.

- Ветераны, – пояснил Алан. – Это не стражники и не наемники, это настоящие воины. Личная гвардия генерала Генри Рамана.

- Гвардия?

- Военная элита. Это новое слово, ты мог его еще не слышать.

– Мая передавала тебе привет и буську, Алан-балан. Сказала, чтобы ты торговался и брал подороже, но папу не обижал, – сообщил Оська. – Ну я пошел? Тут в саду такие яблочки!

– Мародерство на завоеванных территориях – это право победителя, – совершенно серьезно поддержал его Алан.

Виктория едва удерживала на лице невозмутимое выражение. Приход Хвата был для нее полной неожиданностью. А она еще сомневалась в выучке воинов маркиза и отказывалась, когда генерал навязывал конту охрану! Глупая. Спасибо тебе, Генри, где бы ты сейчас ни находился!

– Я ожидал от вождя, сумевшего заставить горцев объединиться, чего-то подобного. – Мэтью склонил голову и, подойдя к шкафу, открыл небольшим ключиком одну дверку. Перед Аланом легла папка с завязками. На ней не хватало только надписи «Дело», и был бы привет из советского прошлого. – Герцог – самовлюбленный, жестокий дурак. Его не интересует ничего, кроме молодых девок, мирийского вина и южных воскурений. Опасность представляет его советник, кир Мар Марган. Фактически он правит герцогством. Но у него есть слабое место...

Виктория положила на папку ладонь и задумалась. Она смотрела на Мэтью и пыталась вспомнить, что ее насторожило в этом разговоре. Что-то проскользнуло раньше, что-то очень важное.

– У Маргана есть одна страсть, он одержим красивыми людьми. Если вы богаты, умны, но у вас длинный нос, он не станет с вами разговаривать. Он считает себя знатоком и ценителем идеальных человеческих тел. А еще он считает себя исследователем и врачевателем... – Мэтью брезгливо поморщился.

Вот! Вот оно! Слова лже-Мэтью «вы не захотите, чтобы кое-кто узнал, что вместе с вами прибыл один очень красивый раб». Так вот кто жаждал заполучить Неженку в свою коллекцию. Мразь!

– Иверт достаточно хорош, чтобы он стал с ним разговаривать? – спросил Алан, постукивая по папке пальцами. В тихой мелодии Виктория явственно слышала похоронный марш. Герцог дурак, его умный советник одержим красотой... Мрак. Хотя, если вспомнить свое недавнее прошлое и работу с одним депутатом...

Мэтью задумчиво кивнул.

– Я думаю, что, если вы преподнесете в подарок советнику своего раба, он не заметит никого вокруг. Только...

– Только?

– Не хочу вас оскорбить, но надеюсь, вы не оставили на теле раба никаких отметин?

– Нет, – отрицательно качнул головой Алан, чувствуя, как к скулам приливает кровь. Не хватало еще покраснеть, словно он в чем-то виноват!

– Марган любит идеальные тела.

– Многих ты ему подарил?

– Многих, – жестко посмотрел в глаза конту Гарнер, и Виктория подумала, что ничего человеческого в этих глазах нет. Волчьи глаза. – Поэтому задам вопрос. Что вы можете предложить взамен моих услуг? Кроме моей дочери.

Виктория задумалась. Она не знала, поэтому ответила очень осторожно, взвешивая каждое слово.

– Мая останется у меня как залог твоей лояльности... э-э-э... не знаю, как это звучит... верности. И, как бы она мне ни была дорога, я прикажу отрезать от нее кусочки и присылать тебе как напоминание о твоих обещаниях, если решу, что ты недостаточно верен. Я не планирую уничтожать твою организацию. Возможно, предложу другие варианты работы. Но на твою территорию не полезу. Единственное, о чем я тебя

предупреждаю сразу, – если я найду в борделях хоть одного ребенка, я посажу тебя на кол. Все ясно?

– На кол?

– Поверь мне, это очень болезненная и унижительная казнь. Ты будешь умирать медленно и долго.

– Не стоит мне угрожать. – Голос Мэтью стал ледяным, он впервые за время разговора позволил себе убрать из голоса мягкую добросердечность и чуть-чуть приоткрыть свою истинную сущность – безжалостного, жестокого и хладнокровного убийцы. – Нельзя копаться в навозе и не запачкаться. Но я запомню ваше предупреждение. Если вы придете к власти...

– Когда я возьму трон.

Они, не мигая, смотрели в глаза друг другу, и Виктория чувствовала, что начинает проигрывать эту битву взглядов. Она не была уверена в том, что говорила. Решение устранить герцога пришло спонтанно. Необдуманное, глупое и очень опасное решение. Да и Мэтью может предать в любой момент, решит, что его сытая и спокойная жизнь дороже, чем свобода дочери, и сообщит советнику о кучке заговорщиков. Черт! Когда она начнет мыслить, а не поддаваться эмоциям? Когда уже мозг поймет, что нет возврата к женскому, и примет расчетливый и логический мужской ум?

Они отвели взгляды одновременно.

– Что я должен сделать? – Мэтью посмотрел в окно.

– Организовать встречу Иверта с герцогом.

– Через день в замке прием в честь большой ярмарки. Владелец будет встречаться с купцами. Я достану вам приглашение.

– Я хочу, чтобы по городу поползли слухи, что наследник жив, что казнили не того мальчишку. Думаю, дальше люди сами придумают.

– Когда я смогу увидеться с Мати?

– В любое время.

– Он солжет. Убейте его сейчас, иначе потом пожалеете, – тихим и ровным голосом произнесла Сати. Лис чуть затянул удавку на ее шее, но она даже не пошевелилась. – Я не верю ему.

– Посмотрим, – задумчиво произнес Мэтью и повернулся к вставшему Алану: – У вас Мая, а что у меня?

– Мое честное слово.

– Я не верю словам, вождь. Завтра я принесу вам приглашение, а вы постарайтесь предложить мне то, что заставит меня идти за вами.

– Посмотрим, – повторил Алан его слова и направился к двери.

«Похоже, ты в очередной раз вляпалась в дерьмо, – проснулся внутренний голос. – Зато весело!»

Оптимист!

Глава 12

Самое страшное, что может с вами случиться, – это необходимость выбора. Выбора между честью и долгом, между безжалостностью и милосердием. Когда по одну сторону стоят интересы Храма, а по другую – жизнь и судьба близкого вам человека. Храни вас Ирий от подобного выбора.

Пока ехали в карете, Виктория анализировала прошедший разговор, и чем больше она думала, тем сильнее хмурило лицо. Ворон, сидящий напротив, тоже был тих и задумчив и только перед самой остановкой спросил:

– Вы тоже считаете, что мы несчастны?

Алан поднял на него взгляд. Считает ли он так?

– Нет. У вас есть выбор – уйти или остаться. А человек, у которого есть выбор, не может быть несчастным.

Ворон медленно кивнул и отвернулся к окну. Виктория вздохнула. Ей иногда было жалко своих телохранителей, но они действительно могли в любой момент изменить свою жизнь, в отличие от того же Неженки, которого лишили воли и выбора сразу после появления на свет. Рожденный жертвой. Беспомощный, зависимый, ранимый и очень одинокий. Он только начал оттаивать, учиться доверять людям. Леонардо напоминал Виктории бездомную собачонку, которую приютили сердобольные люди и которая все время боится, что ее вновь выкинут на улицу. Заискивает, виляет хвостиком, вздрагивает от каждого громкого звука и ластится к тому, кто ее жалеет. О том, что придется пожертвовать Неженкой, думать не хотелось. От этих мыслей она чувствовала себя предателем и садистом, на душе моментально становилось мерзко и хотелось плюнуть на все и вернуться на фронт, запереться в Крови и жить спокойно в окружении дорогих и близких людей.

У ворот постоянного двора их ждали Хват и Оська. Они весело скалились, грызли трофейные яблоки и о чем-то переговаривались с вышибалой.

– Эй, Кузнечик, – громко крикнул десятник и махнул рукой. – Все пошли в мыльню. Ждем тебя и ксений.

Лис скривился, но парни промолчали. Первые дни после того, как Оська пропел очередную песенку про ксений и морского царя, они еще пытались бороться с прицепившимся прозвищем, но затем философски махнули рукой на шутки и подначки попутчиков.

– Ступайте, я подойду позже. Возьму кое-что в комнате, – громко ответил Хвату Алан и вошел в помещение, удостоившись внимательного взгляда вышибалы.

На улице смеркалось, и в зале прибавилось народа. Почти все столы были заняты, между ними сновали подавальщики-рабы в зеленых передниках. Кирим стоял на небольшой возвышенности у шкафа с посудой и, словно капитан судна, с высоты следил за порядком, иногда показывая пальцем на тот или иной столик, к которому тут же устремлялся свободный подавальщик. Похоже, что корчмарь не преувеличивал класс своего заведения. На Алана никто не обратил внимания, кроме трех наемников, сидящих у стены. Они проводили его подозрительными взглядами, но когда он подошел к Кириму, потеряли интерес к собрату по оружию.

– Кирим, хозяин хочет, чтобы ты выделил человека, который проводит Маю домой. Через полрыски.

– Я сам ее отведу, – буркнул корчмарь и откровенно усмехнулся.

– Не скаль зубы, – холодно произнес конт, прекрасно понявший его усмешку. – Хозяин не дарит Маю свободу, а выгоняет ее.

Дверь в номер Иверта была заперта, и Алан хорошенько стукнул по ней ногой.

– Ураган, открой! – Голос прозвучал так властно, что охранник, стоявший у двери

в комнату Алана, резко повернул голову и выпрямился, положив руку на рукоять меча.

Иверт открыл спустя несколько секунд и отодвинулся в сторону, одной рукой придерживая штаны, а второй захлопывая дверь.

Алан обвел взглядом комнату. Разбросанная одежда, смятая постель и Мая, закутанная в тонкое одеяло и сидящая на кровати с поджатыми ногами. Виктория прислушалась к своим чувствам. Ни ревности, ни злости, только сожаление.

– Оденся, – холодно бросил Алан девушке. – Через полрыски Кирилл проводит тебя к отцу. Иверт, где документы на Маю?

Горец, не задавая лишних вопросов, полез в шкатулку и, покопавшись в бумагах, вытащил сложенный вчетверо листок. Алан сел за стол, на котором стоял письменный прибор, и, найдя в документе строку «новый владелец», аккуратно написал печатными буквами: «Дарована свобода. Граф Алан Валлид». Потом поставил дату и размашисто расписался. Пока он медленно и старательно выводил буквы, Мая успела одеться.

– Скажи мне, «подарочек», кто все это придумал, твой отец или Алвис?

– О чем ты, хозяин? – весело спросила девушка, но Алан услышал напряжение в ее голосе.

– Тот лазутчик, который выдавал себя за раба, был заслан не от герцога, как мы думали, а от твоего отца, так ведь, Мати? И мой портрет понадобился не герцогу, а твоему отцу, чтобы узнать меня, когда я прибуду в порт. А от тебя он узнал, что раб, которого так жаждет получить Марган, проживает в Крови. Это ведь ты сдала Неженку, Мая?

– Хозяин, как ты мог такое подумать? – настолько искренне возмутилась девушка, что Виктория так же искренне восхитилась ее артистическим талантом.

– Только одно не могу понять, как тебе удалось привлечь на свою сторону брата Эдара? Тоже переспала с ним? – Виктория знала, что перегибает, но не смогла сдержаться. – И в рабство ты попала не случайно, правда, Мая? – продолжил конт. – Что тебе пообещал Алвис за эту работу? Или это инициатива твоего отца? Или, правильнее сказать, – твоего любовника?

– Мэтью Гарнер мой отец! И не смей думать, что я с ним спала! – воскликнула Мая, и Алан улыбнулся. Даже если бы Виктория сомневалась в их родстве, то одного взгляда на Мэтью было бы достаточно, чтобы рассеять сомнения. Отец и дочь были слишком похожи. Но провокация удалась. Мая, возмущенно уперев руки в бока, выпалила: – Ничего никто не подстраивал заранее. Брат Эдар просто должник нашей семьи, отец когда-то очень ему помог. Я не спала с ним! – Она бросила на Иверта быстрый взгляд, но тот стоял у окна с безразличным лицом и не смотрел на девушку. – Меня действительно продали в рабство, и Искореняющий меня спас. Но потом он предложил... – она запнулась и затравленно посмотрела на конта, – он предложил мне за освобождение...

– Втереться ко мне в доверие, а еще лучше пробраться ко мне в постель. И? И что, Мая?

– Все не так, – хмуро буркнула девушка, садясь на кровать. – Ему зачем-то надо было, чтобы ты приехал в город до начала ярмарки. И привез с собой Неженку и Тура. Вот я и взяла с тебя слово, что ты вернешь меня отцу. А про постель... – Она опять посмотрела на Иверта. – Ничего он мне не говорил про то, что я должна с тобой спать, это я сама. Да ты вообще меня игнорировал! Как можно на тебя влиять, когда ты спишь один и девушки тебе не нужны? Ты постоянно то в горах, то на войне, то в каких-то развалинах, то строишь города!

– А когда ты связалась с Мэтью?

– Это не я! Отец меня быстро нашел через купцов и прислал человека.

– Ты знала, что у Леонардо никогда не было женщины, и переспала с ним, чтобы привязать к себе? Чтобы, когда я повезу тебя домой, он попросился с тобой?

– Я думала, он влюбится в меня. Но он...

- Он художник, и состояния влюбленности у него часто меняются. Я знаю, - спокойно произнес Алан. - Он мне признался. Мая, что еще ты хочешь нам рассказать?

- А что еще рассказывать? Все произошло без меня. Ты сам взял с собой и Леонардо, и Тура. Мне даже не пришлось просить тебя, - совершенно чужим, спокойным, взрослым и отчужденным голосом произнесла девушка. Да и сама она изменилась, исчезла из глаз задорная искорка, взгляд стал усталым и оценивающим, плечи напряглись.

- Как ты связывалась с братом Искореняющим?

- Никак. Он сказал, что, когда надо будет, сам меня найдет.

- Зачем ксену Неженка?

- Я не знаю! Отец хотел подарить его этой гадюке Мару, но я бы его отговорила!

- Ты на самом деле так наивна или притворяешься? - В голосе Иверта сквозили такие презрение и разочарование, что Мая не выдержала и всхлипнула.

- Отец послушался бы меня.

- А со мной ты спала тоже по приказу отца? - Голос игуша звенел от едва сдерживаемого гнева. Казалось, еще немного, и он ударит Маю. - Пока я не стал советником вождя, ты не проявляла ко мне интереса.

- Ты ошибаешься, Иверт Ураган, - звонким и ясным голосом произнесла Мая, вскидывая голову и расправляя плечи. - К тебе я пришла, потому что ты мне нравишься.

- Ты ... Мая, - презрительно процедил, словно выплюнул, горец. Виктория не знала этого слова, но по вспыхнувшим щекам «подарочка» поняла, что это нечто очень унижающее.

- Иверт, скажи Кириму, что мы готовы. - Алан дождался, пока за горцем захлопнется дверь, и повернулся к застывшей на кровати девушке.

Мая сидела, опустив руки на колени, и смотрела в стену. Она не плакала, только прикушенная губа говорила о том, как тяжело ей дается спокойствие. А может быть, она опять играла?

- Я не позволила бы ему сообщить о Лео советнику.

- Я не могу тебе больше доверять.

- А что я могла сделать? - Она наконец отвернулась от стены и посмотрела на конта.

- Рассказать мне правду. Ты ведь не делала ничего предосудительного. Никого не убила, ничего не украла. Ты могла просто рассказать мне обо всем. Тогда я не чувствовал бы себя таким идиотом.

- Я его боюсь.

- Мэтью?

- Нет. Искореняющего. Он сказал молчать и наблюдать, а при встрече рассказать все, что я замечу странного.

- И многое ты заметила?

- Многое, - вздохнула девушка.

Виктория с любопытством следила за тем, как она полезла под кровать, вытащила оттуда плотно набитую котомку, порылась в ней и достала скрученный в тонкую трубочку лист бумаги.

- Вот. Раз все так получилось, то...

- Что это? - Алан развернул листок. - Мне нужна лупа, чтобы это прочесть, -

пробормотал он под нос по-русски.

– Это для ксена. Забирай.

– Спасибо.

Они подошли к двери, и Виктория все же не выдержала:

– Мая, а что дальше? Что еще тебе поручил ксен?

– Ничего. Он сказал, что, если что-то понадобится, он сообщит.

– Врешь. Что он пообещал тебе взамен?

– Ничего, – Мая упрямо поджала губы, и Виктория поняла, что она больше ничего не скажет.

– Зачем ты так с Ивертом?

– Потому что влюбилась, – горько ответила девушка и толкнула дверь, но Алан уперся ладонью в дверное полотно, не давая двери раскрыться.

– Ты слишком легко ложишься в чужие постели, Мая, а влюбленным мужчинам это очень не нравится.

– Много ты понимаешь, – прошептала девушка и попыталась отпихнуть конта.

– Больше, чем тебе кажется, – тихо произнес Алан, прижимая ее к себе. – «Подарочек», запомни: женщина может добиться многого, будучи гордой и неприступной. Мужчины спят с доступными, но любят и женятся на других.

– Ты опять стал называть меня «подарочком», – спокойным, но печальным голосом произнесла Мая и отстранилась, Алан не стал ее удерживать. – Я раньше не влюблялась так сильно и... теперь не знаю, как дальше себя вести. Знаешь, я никогда не ощущала себя такой свободной, как в то время, когда была твоей рабыней. Но я такая, какая есть, я не умею быть другой.

– Поверь мне. Постель – это не главное в любви.

– Он меня не простит.

– Не знаю.

– А ты?

– Я больше не смогу доверять тебе, Мая, но я тебя понимаю. Очень хорошо понимаю, а поэтому не сержусь.

– Но мы больше не друзья?

Алан толкнул дверь, приглашая Маю покинуть комнату. В коридоре их уже ждали Кирилл и мрачный Иверт. Увидев девушку, горец развернулся и стремительно скрылся в общей комнате, где разместились воины, а на прощанье так хлопнул дверью, что задребезжали окна.

Виктория надеялась, что у Иверта это просто увлечение, а не любовь. Девчонка росла без матери, среди шлюх и бандитов, и границы ее морали оказались настолько размыты, что их и видно-то не было. Но если у них это серьезно, то такое поведение обоих только усугубит пропасть между ними. В чем-то они и так полные противоположности. Иверт, с детства привыкший к мысли, что женщина, мать – это существо, которое нужно защищать и оберегать, и Мая – одиночка, росшая без матери и решающая свои проблемы самым простым способом.

«А чего хочешь тебе, Виктория? – вкрадчиво поинтересовался внутренний голос. – Чтобы они разбежались или чтобы остались вместе?»

«Не знаю. Я хочу, чтобы Иверт был счастлив. Но мне кажется, Мая не та женщина,

которая нужна ему».

«Похоже, она любит его».

«Намного важнее другое – готова ли она ради него измениться?»

«Ты ревнуешь».

«Возможно».

Алан толкнул дверь и вошел в комнату. В нос ударило неприятным спертым воздухом. Окно было закрыто, свечи не горели, и только силуэт сидящего на подоконнике Турена выделялся в полумраке темными очертаниями.

– Принеси огонь, – бросил конт воину, стоящему на страже. – И скажи Берту, чтобы приготовил чистое белье, я собираюсь сходить в мыльню. – Он закрыл дверь и повернулся к Турену. – Тебя опять тошнило?

– Нет, кир Алан.

– Открой окно и собирайтесь в мыльню.

Мальчишка легко соскользнул на пол, отдернул штору и распахнул окно, впуская в комнату шум улицы и запах жареного мяса.

– Добрый вечер, кир Алан, – раздался знакомый голос.

Конт громко вздохнул.

– Алвис, когда ты научишься приходить как гость, а не как вор?

И все же Виктория была рада увидеть этого загадочного мужчину. Хотя и чувствовала: его визит принесет очередные неприятности.

Искореняющий тихонько засмеялся и встал со стула, на котором, скрытый густыми тенями, сидел в углу между окном и шкафом.

– Я боялся, что вы не будете рады меня видеть, кир Алан. – Он поклонился и, как было принято в этом мире, пожал предплечье протянутой контом руки.

– Не могу сказать, что испытываю огромную радость от встречи с тобой, – с усмешкой произнес Алан. – Твое появление всегда приносит проблемы.

– Значит, я поступил предусмотрительно, когда решил прибыть незванным гостем.

Воин принес подсвечник с горящими свечами и, водрузив его на стол, вышел, плотно прикрыв двери. Алан оглянулся, поискал Неженку и, как ожидал, обнаружил парня сидящим на полу возле кровати. Раб застыл, обхватил руками колени и опустил голову. Со стороны казалось, что он даже не дышит. Его поза выражала покорность и страх. Черт, где же найти в этом мире хорошего психоаналитика?

– Леонардо, собери вещи для мыльни.

– Хорошо, что вы выполнили просьбу Учителя и привезли с собой этих юношей. – Длань больше не улыбался.

– Алвис, какую очередную гадость ты мне приготовил? – скептически произнес конт, отдавая секретарю скрученный лист бумаги, который ему вручила Мая. – Перепиши, оригинал уничтожь.

– Я нашел мать Турена Ли, – просто и без обиняков заявил Алвис.

В комнате воцарилась тишина, слышно было, как комкает в руках ткань рубашки Неженка. Все замерли и перестали дышать, только сердце Виктории начало стучать гулко и быстро, ей казалось, что его биение слышно в соседнем помещении. Наконец

тишина стала невыносимой, тихонько всхлипнул Тур, и Алан, вплотную подойдя к Алвису, прошипел ему в лицо:

– Зачем?

Искореняющий понял вопрос правильно, он не отвел взгляда.

– Он наследник герцогства и должен знать правду.

– Мать мертва, – чужим, безжизненным и сиплым голосом проговорил Тур.

Когда он нервничал, к нему вновь возвращалась неуверенность, и его речь трудно было понять. Алан подошел к мальчишке и, опустив руки ему на плечи, прижал к себе.

– Это неправда, – твердо произнес Длань, открыто глядя в глаза юному рабу. – Ты же знаешь, я дружил с твоим отцом и хорошо знал твою мать. Когда мы поняли, что крепость не устоит, герцог в обмен на жену получил возможность вывести из окружения детей. Твоя мать осталась в плену как заложница. Когда мой друг погиб, а ты пропал, я пытался выяснить ее судьбу... но были причины, по которым мне пришлось срочно покинуть герцогство. И вот теперь я узнал, что она жива.

– Алвис, – предостерегающе прошептал конт. Виктория ощущала, как трясется под ее руками худое плечо, и готова была собственноручно придушить Длань, – ты уверен, что это она?

– Да. Она живет здесь, в Белой крепости.

– В качестве кого?

– Ее статус мне не ясен. – Алвис легко побарабанил длинными пальцами по столешнице. – Не знаю, почему новый герцог не убил ее, но могу догадываться. Она единственная родственница его дочери, родная тетя. А девочка, осиротевшая в двухлетнем возрасте, очень к ней привязана. Правда, сейчас они почти не общаются. Насколько я смог выяснить, Валия живет в своих старых покоях и покидает их только по приказу герцога. Она пленница, но не узница.

– И что герцог хочет за нее получить? – Виктория непроизвольно сжала плечо Турена. В душе поднималась злость, она уже знала ответ, но хотела услышать его от Алвиса.

– Герцог сохранил ей жизнь как напоминание для других о том, что происходит с его врагами. Я уверен, ему просто нравится ощущать власть над женщиной брата. Иначе он давно приказал бы удавить ее, несмотря на просьбы дочери. Сейчас, когда он считает, что наследник мертв, он просто забыл о ней.

– Мальчишка на площади – твоя работа, – кивнул своим мыслям Алан. – Я так и предполагал.

– Не стоит меня за это осуждать, – Длань на мгновение прикрыл глаза. – Придет время, и я отвечу перед братьями за каждую смерть.

– Понимаю, – кивнул конт. Его руки тоже были в крови, до сих пор ему снилось горящее горное поселение. – Итак, кому сейчас есть дело до кирены Валии?

Виктория ждала ответа, кожей ощущая сгустившуюся безысходность.

– Его советнику киру Мару Маргану.

– А советнику нужен Леонардо, – с ненавистью прошипел конт.

Мозаика сложилась, все фрагменты встали на свои места.

– Тварь.

Алвис вопросительно приподнял бровь. Виктория рассматривала лицо ксена, замечая темные круги под глазами, свежий шрам на лбу, усталость во взгляде, и ощущала только безнадежную тоскливую злость.

- Тварь ты, Алвис, и те старые сволочи тоже твари, - повторила она по-русски. - Ты понимаешь, на что вы меня толкаете?

- Мальчик предназначался киру Мару с рождения. Вы просто вернете ему его собственность, а взамен герцог Турен Ли получит мать. Впрочем, выбор за вами, кир Алан.

Виктория смотрела на ксена и про себя медленно считала до десяти. Выбор сделать придется, но решение она собиралась принимать самостоятельно и была уверена, что оно не понравится ни Длани, ни его боссу. Плевать! Если она отдаст им Неженку, кого они потребуют в следующий раз?

- Алвис, а зачем мне это надо? Леонардо мне дорог, а эта женщина совершенно незнакома. Я никогда ее не видел, ничего о ней не слышал, а после того как Мая рассказала мне о своем задании, иметь рядом с собой еще одного твоего соглядатая мне совершенно не хочется. - Алан ядовито усмехнулся.

- Кто такая Мая? - Алвис ответил не менее ехидной улыбкой. - Разве вы не обещали вернуть юному герцогу его владения?

- А! Вот в чем дело! - радостно воскликнул конт. - Это только первый шаг к возвращению герцогства под руку Наместника? Что такое жизнь одного раба по сравнению с возможностью достигнуть цели, не так ли, Длань? Жертвуй меньшим, чтобы достигнуть большего. Иголки вместо правды.

Глаза Искореняющего потемнели, но он продолжал улыбаться.

- Вы никогда мне этого не простите?

- Я давно простил, Алвис, но не забыл, - вернул усмешку конт. - Я подумаю над твоим предложением. А ты подумай, что предложишь мне взамен Леонардо. Ты ведь знаешь, как я отношусь к своим вещам и своим людям. - Алан издевательски чмокнул губами.

Длань встал и пошел к выходу.

- Я приду завтра утром, как мы и договаривались. - Он взялся за дверную ручку и оглянулся. - Вы очень изменились, кир Алан. Очень, - с сожалением произнес Искореняющий.

- Еще бы! - широко и весело улыбнулся Валлид. - Раньше я был просто опальным графом, бастардом, одиночкой с горсткой воинов, а теперь я глава независимых земель, и за моей спиной стоят племена игушей и гарнизоны фронта.

- Не забывают, что ваша семья не здесь. - Алвис перестал улыбаться, цепкие темные глаза, не мигая, смотрели в смеющиеся глаза контя.

- Не забывай, что у меня в заложниках три старика, - холодно произнес Алан, моментально сбросив с лица маску добродушного веселья. - У Учителей не хватит телохранителей, чтобы закрыть их немощные тела от стрел сотен лучников, их просто уничтожат, если пострадает кто-нибудь из моих людей.

- Вы не посмеете.

- Алвис! Ты же меня знаешь лучше, чем кто-либо другой. - Валлид вновь улыбался. - Тебе должны были доложить, что я не придерживаюсь никаких правил.

- Вам не выиграть войну с Храмом, кир Алан, - спокойно и уверенно произнес Искореняющий.

- А разве Храм со мной воюет? - Черные брови удивленно поднялись вверх.

- Нет, кир Алан! - Алвис искренне улыбнулся. Похоже, его забавляла эта беседа. - Пока нет. До завтра. И я рад, что вы все еще живы.

«Я тоже рада... Рука... Я тоже...»

Длань ушел, и Виктория перестала улыбаться. Она подняла глаза к потолку: «Господи, если ты есть, не дай мне ошибиться!»

– Кир Алан, – Тур, по-видимому, уже несколько минут пытался разжать пальцы конта на своем плече, – Кир Алан, отпустите, пожалуйста.

Виктория вздрогнула и убрала руку.

– Прости, малыш.

В душе кипела ярость. Наместнику нужно герцогство, чтобы иметь выход к морю, вождю Бешеному Кузнечнику оно нужно по той же причине и еще потому, что через герцогство удобно водить караваны на материк. И, что немаловажно, – это дом Турена, и он должен принадлежать ему!

Виктория нашла взглядом замершего у шкафа с рубашкой в руках Леонардо. Раб поднял глаза и впервые в жизни посмотрел в лицо хозяину. Затравленный, обреченный взгляд. Он не верил, что его оставят. Алан ни разу не дал ему повода усомниться в себе, а все равно не верил.

Взгляд переместился на Тура. Разве он не достоин большего? Несчастный, искалеченный мальчишка, прошедший через ад и вдруг получивший надежду? Понимающий, что его счастье – это горе для другого.

Будь ты проклят, Алвис! Будь проклят! Ведь ты специально рассказал о матери Турена при этих двух парнях, чтобы у конта не было ни единого шанса увильнуть от принятия решения. От принятия выгодного и нужного Храму решения. Да только просчитались вы, заигравшиеся с судьбой храмовники. Конт Алан Валлид не пресмыкается перед богами, а уж тем более не склоняет колени перед кучкой старых интриганов, усиленно делающих вид, что они не вмешиваются в течение светской жизни. Это местные с детства воспитываются в почтении и страхе перед вами, а для Бешеного Кузнечика вы – просто люди. Обычные люди, которых давно пора осадить.

«У нас пока нет сил воевать с ними», – прошептал внутренний голос.

«Худой мир лучше доброй войны. Но и подчиняться им мы не обязаны».

«Будешь хитрить? Надо сделать так, чтобы нас или боялись, или уважали»

«Нужно сделать храмовников союзниками. Равноправными союзниками. Пока же они видят во мне только разменную монету».

«Знаешь, может быть, оно и к лучшему, что тебя недооценивают».

«Может быть».

Алан выглянул в коридор и отдал короткий приказ воину, охранявшему дверь:

– Позови Берта, Иверта и Хвата.

– Кир Алан, – заговорил Турен, но конт его перебил:

– Не сейчас, Тур. Сядь к свету и разбери текст, написанный на бумаге, которую я тебе отдал. Потом прочтешь мне вслух. Переписывать не надо, нет времени. Леонардо, достань карты материка и герцогства. И не дрожи! Пока ты со мной, тебя никто не тронет.

Раб кивнул и полез в шкаф. Алан секунду подумал, а затем шагнул и обнял Неженку.

– Даже если мне придется пойти на сделку с советником, я все равно найду способ забрать тебя оттуда. Просто верь мне. Слышишь? Верь! – шепнул он в белокурую макушку. Леонардо на мгновение напрягся, а затем выдохнул и кивнул. – Вот и отлично, – Алан отстранился и вернулся к столу.

Вошли вызванные им люди, и конт сразу приступил к разговору:

– Берт, забирай парней и веди мыться. Возьмите охрану.

Дождавшись, когда за ними закроется дверь, Алан повернулся к остальным:

– Что узнали?

– Всеми делами герцогства занимается кир Мар Марган. Ему же подчиняется и внутренняя охрана крепости, которой командует его ставленник – бывший наемник по кличке Лесник – амбициозный, хитрый, не гнушающийся бесчестными поступками, но преданный советнику человек. Начальник гарнизона – барон Семух – принял командование над воинами уже после взятия герцогства, он заменил погибшего при штурме капитана. Барон терпеть не может кира Мара, это у них взаимно. Капитан не из красавчиков, что очень огорчает советника, который просто помешан на красивых лицах. Говорят, если бы не предательство союзников, Белая крепость не пала бы несколько лет назад. Нынешний герцог ничего не смыслит ни в управлении, ни в воинском деле. Но крепость очень хорошо защищена, взять ее можно только изнутри или в результате длительной осады.

Вот уж чего Виктория точно делать не планировала, так это воевать. Изначальной целью приезда были разведка и покупка рабов, но заявление Алвиса и разговор с Мэтью внесли изменения в первоначальные планы конта. Похоже, просто так уплыть обратно им никто не даст. Храмовники спланировали все заранее. А вот шиш вам!

– Хват, ты хорошо знаешь город? – Десятник кивнул. – Оставаться здесь небезопасно, сними для нас дом. Пошли человека на корабль, пусть Кэп отправит еще пятерку для усиления твоего отряда. И передай, что я приказал готовиться к отплытию. Завтра мы с Ивертом посетим местную ярмарку рабов, первую партию можно будет перевозить. Скажи, чтобы после погрузки людей он прибыл за дальнейшими распоряжениями. У тебя остался кто-нибудь следить за Мэтью?

– Сейчас там Оська с Рыжим.

– Когда снимешь дом, пошли людей им на смену.

Десятник серьезно кивнул.

– Где ксенята?

– Решили отметиться в канцелярии храма.

– Вернутся, скажи, что до утра они мне не нужны.

– Можно идти?

– Иди.

Алан внимательно посмотрел на Иверта. Еще никогда ему не приходилось видеть горца таким мрачным. Даже когда он обвинил его в предательстве, Иверт не позволял эмоциям прорываться наружу.

– Иверт, если она тебе так нравится, стоило ей об этом сказать.

Игуш бросил на конта яростный взгляд.

– Не говори мне об этой...

– Еще раз посмеешь назвать ее так, и я дам тебе в морду, – прошипела Виктория, прорываясь сквозь мужское сознание. – Что ты сделал для того, чтобы она стала другой? Ты приглашал ее на свидания? Дарил подарки? Ты интересовался ее прошлой жизнью? Ее мыслями, чувствами? Да ты затащил ее в комнату и поимел! И теперь смеешь называть Маю шлюхой?

– Ты тоже спал с ней! – зло ответил Иверт, блестя глазами.

– Спал, – ухмыльнулся Алан, вспоминая бессонную ночь. – Но я не позволяю себе говорить о ней гадости.

– Она тебе нравится.

– Мая? Нравится. Как человек. Как женщина она меня не прельщает. Хотя, возможно, я передумаю...

Но Иверт слышал только то, что хотел слышать. В этот раз Алан успел увидеть кулак, летящий в лицо, и, отступив в сторону, перехватил руку горца. Злость – не лучший советчик, и спустя мгновение Иверт лежал на кровати лицом в подушку, его рука была зажата болевым захватом, а сам он импульсивно ругался на языке игушей.

– Вождь, пусти, – наконец произнес он.

Алан моментально отпустил друга и отошел в сторону.

– Не знаю, что на меня нашло, – Иверт лег на спину и уставился в потолок, – но мне хотелось убить тебя.

– Ревность, – пожал плечами Алан. – Иверт, выбрось «подарочек» из головы, у нас есть проблемы важнее, чем оскорбленное самолюбие. Алвис приходил.

Иверт моментально перестал страдать.

– Чего он хочет?

– Посадить Тура на трон герцогства.

– Но мальчишка еще слишком молод.

– Ему через три десятилетия исполнится четырнадцать лет. Он станет совершеннолетним. Но, думаю, править ему никто не позволит. Скорее всего, герцогство Вас'Хантер войдет в состав королевства Галендас, и Наместник пришлет сюда своего человека.

– Наместник возле наших гор – это очень плохо, – нахмурился Иверт, склоняясь над картами.

– А еще – вдова прежнего герцога жива. Она пленница в крепости.

– Мать Тура? – присвистнул игуш и внимательно посмотрел на конту. – Что он хочет взамен?

– Неженку.

– Отдай.

Алан встал и, подойдя к окну, втянул в себя прохладный вечерний воздух. Помолчал. Как объяснить, что он не может? Не может пожертвовать художником ради женщины, которую в глаза не видел. Не поймет. Вот ворожея поняла бы, а Иверт не поймет.

– Считаешь, оно того стоит?

Горец задумался, прежде чем ответить.

– Бешеный Алан, ты ведь хочешь присоединить эти земли к Игушетии, – белозубо улыбнулся он. – А Длань этого не знает. Так давай дадим ему то, что он хочет, а когда придет время, всех зарежем и возьмем добычу.

– Всех зарежем? – Алану вдруг передалась бесшабашная веселость горца. Сколько можно бояться сделать что-то не так, поступить неправильно? Сколько можно быть марионеткой? К черту! – Это будет сложно, Ураган.

– Сложно было договориться с женщинами Гадюки, – махнул рукой Иверт, к которому стремительно возвращалось хорошее настроение. – Пока ты был в гостях, я встретил знакомых купцов и узнал цены на рабов.

Алан удивленно приподнял бровь, всем своим видом показывая, что скептически относится к заявлению горца после того, что видел у него в комнате. Но Иверт только усмехнулся в ответ, правильно истолковав его взгляд.

– Обедать мы ходили. – На мгновение его лицо вновь накрыла тень, но на этот раз он

быстро справился с эмоциями. – Завтра мы купим рабов, посетим советника, спасем мать Тура, сходим в бордель, перевернем этот город и всех зарежем! А сейчас пошли, выпьем крепкого вина и набьем какому-нибудь ур-роду морду.

Почему бы и нет? Все равно, пока не вернется Хват, они ничего предпринимать не будут. Конт поднял руку и скривился.

– Я схожу в мыльню, и мы с парнями присоединимся к тебе.

– Где ты так пачкаешься, что постоянно моешься? – округлил глаза Иверт и, со смехом увернувшись от летящей в него куртки, выскользнул за дверь.

– А ты плохо поешь! – крикнул ему вслед Алан и с улыбкой вышел следом, испытывая к Иверту огромную благодарность за его легкий нрав, за умение превращать большие неразрешимые проблемы в легкие неурядицы.

«Зарежем?» – спросил внутренний голос с грузинским акцентом.

– Зарежем! – вслух ответил ему по-русски Алан Валлид и тихо рассмеялся.

Зал был полон, но Иверт умудрился занять столик у самого окна. Как истинный вождь он рассматривал окружающих его людей с высокомерным выражением на симпатичной смуглой физиономии. Виктория даже залюбовалась гордым профилем, зелеными глазами, небрежно отброшенными за спину волосами. Ах, как жаль...

– Сядь рядом. – Иверт, заметив, что Леонардо привычно собирается опуститься на колени, ухватил художника за руку и потянул на себя. – Пока вы шли, я следил за людьми, – хмуро сообщил он усаживающемуся спиной к залу Алану. – Зря ты его привел. – Он кивнул на художника. – Жди неприятностей. – Игуш поднял руку и махнул Кириму, тотчас к ним направился раб-подавальщик с подносом.

– А что не так? – Алан, пока они пробирались к столу, не заметил ничего подозрительного.

– На него смотрят, – буркнул Иверт.

«Еще бы не смотрели», – подумала про себя Виктория, отодвигаясь, чтобы дать возможность подавальщику расставить тарелки и кубки.

– Выпьем! – Иверт разлил вино по кубкам.

– Много не пейте, – не смогла промолчать Виктория, глядя на Турена, придвинувшего к себе кубок. – Сначала хорошо поешьте.

– Кузнечик, ты как моя мамочка. – Иверт впился зубами в кусок мяса. – Она тоше вшегда говорит, – он закашлялся, и Тур от души похлопал его по спине. – Говорит, что от вина кровь закипает, а голова засыпает.

Виктория была согласна с матерью Иверта. Хотя вино здесь оказалось не очень крепкое.

– Кир Алан, – Тур поднял глаза от нетронутой тарелки, – вы думаете, брат Искореняющий не обманывал и мать жива?

– Малыш, он ни разу не соврал. Недоговаривает – да, но не лжет. Раз он сказал, что она жива, значит, так и есть.

– И что делать? – Тур растерянно смотрел на художника. – Что он сделает с Лео?

– Кульфи, – безмятежно ответил Иверт, нюхая рыбную похлебку.

Да уж, такта, как у медузы.

– Да нет, вряд ли. Насколько я успел узнать, советника не интересуют плотские утехы. Тут что-то другое. Может, ему просто нравится окружать себя красивыми людьми? Как произведениями искусства? Ты ничего о нем не слышал, когда жил дома? – Конт

заинтересованно посмотрел на Турена, но тот только отрицательно покачал головой.

– Я предлагаю хорошо поесть и пойти спать, – громко заявил Иверт. – Чего ты хочешь, южанин?

Алан медленно оглянулся и столкнулся взглядом с невысоким толстым мужчиной в натуральном средневековом упелянде! Бордовом, с длинными широкими рукавами, достающими до пола. Его обширный живот обвивал многоцветный пояс, за спиной незнакомца стояли два хмурых вооруженных воина. Судя по железным бляхам на груди – наемники. Алан припомнил, что видел их сегодня днем в компании таких же бородачей.

– Приятной трапезы, горец. – Мужчина слегка склонил голову.

Неженка и Турен вскочили со своих мест, но на колени не встали, лишь поклонились незнакомцу. Алан с запозданием вспомнил, что он теперь тоже простой наемник в свите вождя и поднялся следом, бросив на игуша вопросительный взгляд. Тот слегка кивнул, и конт пододвинул гостю стул.

– Садись и раздели со мной хлеб, – произнес Иверт с самым доброжелательным выражением лица, после чего махнул рукой.

Подавальщик принес чистую посуду, и Иверт лично налил гостю вина.

– Великий вождь свободного народа, почтенный Левис пришел узнать у тебя последние новости твоих земель.

Голос у толстяка оказался удивительно певучим, он говорил неспешно, растягивая гласные.

– Что интересует почтенного Левиса? – Иверт вальяжно откинулся на скамье, но Виктория видела, что он сосредоточен и напряжен.

– Говорят, что свободный народ выбрал себе общего вождя?

– Так и есть, – кивнул Иверт, подкладывая мясо в тарелку Леонардо.

– Почтенного Левиса очень волнует вопрос пошлины.

– А чем торгует почтенный Левис?

– Он продает оружие, ткани, рабов, а покупает соль, жемчуг, кожаные пояса.

– Духи привели почтенного Левиса к нужному человеку. – Иверт вновь налил купцу вина.

Алан ел, отстраненно следя за неспешной беседой и подмечая детали. Например, как почтенный Левис, который говорил о себе в третьем лице, бросает заинтересованные взгляды на Тура, а мальчишка при этом все ниже склоняется к тарелке, скоро носом в нее уткнется. Обратил он внимание и на цепкий любопытный взгляд, которым купец награждал его – молчаливого наемника, сидящего за одним столом с нанимателем. В отличие от Алана охрана купца так и осталась стоять. Да, прав был Иверт, зря они спустились в зал.

– Утром почтенный Левис пришлет к вам слугу. Его человек проводит вас к торговым рядам, – услышал конт окончание разговора. Купец тяжело поднялся. – Не желаешь продать этого раба? – Алан ожидал, что Левис укажет на Неженку, но Левис показал пальцем на Турена. – Почтенный даст за него десять золотых.

Десять золотых? Это стоимость небольшой деревни на фронтире! Чем ему так приглянулся Тур?

– Не могу, – с таким сожалением в голосе произнес Иверт, что Виктория ни на минуту не усомнилась в его искренности. – Это любимый раб моего старшего. Если хочешь, я продам тебе этого. – Он погладил по склоненной голове художника. – Он красив, хорошо воспитан и сможет услаждать твой отдых песнями и сказаниями.

– Нет, – презрительно скривился купец. – Почтенного Левиса не интересуют мальчишки, подобные женщинам.

– Жаль. Я бы с радостью продал его за десять золотых, – вздохнул Иверт, весело глядя на залившегося румянцем Леонардо.

Вот паразит! Знает же, что парень нервничает, и специально его дразнит!

– Почтенный Левис даст за мальчика двадцать золотых, – купец, сняв с пояса кошель, положил его на стол. – Документы оформим завтра, когда вы посетите почтенного Левиса.

– Зачем он почтенному? – не выдержал Алан.

– Он очень напоминает ему умершего сына, – грустно произнес купец. – Тридцать золотых. Но у меня нет с собой нужной суммы.

– Не надо, Левис, – чуть слышно прошептал Тур, поднимая на купца глаза. – Они знают, кто я.

– Так, нам пора! – громко заявил Иверт, обнимая Неженку за плечи. – Мальчик, собери еду, Кузнечик, прихвати кувшин вина! Почтенный Левис, предлагаю отпраздновать нашу сделку в моем номере! Там и подпишем купчую!

Стоило им захлопнуть дверь, как купец сграбастал Турена в охапку, прижал к огромному животу и начал беспрерывно повторять:

– Юный герцог, живой, живой... – По щекам толстяка катились слезы, но он этого не замечал. – Старый Левис, когда услышал, что вас поймали, сразу приехал, но когда увидел мальчишку на площади, понял, что это не вы. А тут почтенный Левис глазам своим не поверил... Да разве же он не узнает сына друга? Он же вас на руках носил... Слава предкам, живой!

Тур стоял, вжавшись щекой в купеческий живот, и улыбался. Искренне и радостно. Виктория так редко видела улыбку на лице этого ребенка, что только за нее готова была расцеловать купца.

В дверь постучали, Левис отодвинулся в сторону, и в комнату зашел хмурый Хват.

– Вождь, – при чужих воин не рискнул напрямую обращаться к Алану, – я не смог снять дом. Из-за ярмарки все занято.

– Дом? Вам нужен дом? – вскинулся купец. – Дом старого Левиса к вашим услугам. Нет, нет, – замахал он пухлыми ручками. – Почтенный Левис не желает осквернять свой слух словами отказа!

Турен поднял на Алана глаза и совершенно серьезно произнес:

– Он очень хороший.

Домом купца оказался тот белый особняк в глубине сада, на который обратил внимание Алан, когда они шли от набережной. Этим домом купец пользовался, когда приплывал в герцогство по торговым делам. Кухарка, конюх да молодой мужчина, выполнявший работу по дому, – вот и все имевшиеся слуги. Наемники, охранявшие караван купца, ночевали в торговых рядах рядом с товаром. Левис занимал одну спальню, остальные комнаты были в распоряжении гостей. Так что устроились с комфортом.

Они сидели в большой столовой, Алан потягивал вино и слушал, как Турен рассказывает купцу о своих злоключениях. Толстяк ахал, охал и постоянно обнимал мальчишку, то и дело смахивая со щек слезы.

– Южане очень темпераментны, ты не находишь? – Иверт сидел рядом, поминутно зевая, но спать не шел. Он тоже впервые слышал историю Турена Ли. – Он похож на мою тетюшку. Та тоже плачет и смеется по любому поводу... э... когда носит очередного дядюшкиного сына...

Они переглянулись и тихо рассмеялись.

- Левис, сегодня мне сказали, что мама жива.

Алан и Иверт подсели ближе.

- Да. Почтенный Левис видел кирену Валию несколько сезонов назад. - Купец грустно улыбнулся. - Она будет счастлива знать, что юный Ли жив.

- Как она, Левис? - Голос Тура дрогнул, он отвернулся и, схватив со стола чашку с остывшим травяным сбором, сделал несколько глотков.

- Когда герцог Ли вернется, красавица Валия вновь будет счастлива, - уклончиво ответил купец, отворачиваясь к окну. - Вдова герцога Вас'Хантера здорова. Юному Ли не стоит волноваться.

- Тур, иди спать, - подал голос Алан. - Утром много дел, и я хочу, чтобы ты соображал, а не зевал.

Мальчишка молча поклонился, поцеловал купца в щеку и ушел. Иверт подлил всем вина и, по привычке оседлав стул, проговорил, проглатывая очередной зевок:

- Почтенный Левис, вождь Алан Бешеный Кузнечик хочет знать правду.

- Это я, - улыбнулся конт, увидев растерянный взгляд купца. - Я граф Алан Валлид, верховный вождь Игушетии.

- Старый Левис подозревал, что за костюмом наемника прячется золотая цепь владельца, - витиевато выразился купец, садясь на скамью. - Когда почтенный Левис узнал, что кирена Валия жива, он поспешил в Белую крепость, чтобы выразить соболезнование и попытаться выкупить свободу женщины. Но она его не узнала.

- Сошла с ума? - нахмурился Алан.

- Почтенный Левис так не думает, - покачал головой купец. - Левису кажется, что кирена осознанно ушла в мир духов. Как у вас говорят, к реке Забвения. Женщина не хочет помнить и не помнит. Герцогиня разговаривала с Левисом о погоде, о ценах на соль, но стоило ему поинтересоваться самой Валией, как женщина замолкала и смотрела на почтенного Левиса с удивлением, будто не понимала, о чем он говорит.

Мужчины мрачно переглянулись.

- Позволено ли будет старому Левису спросить? - прервал молчание купец, обращаясь к Алану. Дождавшись кивка, он продолжил: - Великий вождь хочет взять себе Белую крепость?

- Великий вождь хочет зарезать нынешнего герцога и заодно его советника, - кровожадно произнес Алан.

Иверт расхохотался.

- У нас, горцев, очень простые методы, почтенный Левис. Пришел, увидел, зарезал, - со смехом сообщил он.

- Ли не сможет занять трон отца, - грустно сказал купец. - Владелец, лишенный языка, будет вызывать у народа только жалость. Но почтенный Левис хочет отомстить за предательство и смерть друга. Поэтому он готов вам помогать. Все, что он знает, будет знать вождь Игушетии.

- Мы с благодарностью примем любую помощь, - кивнул Алан. - Я рад, что у Турена Ли есть такой друг, как почтенный Левис. Очень рад.

Разбудил конта веселый голос Оськи, громко распевавшего песенку про двух козлят-ксенят, которые очень не любят холодную воду.

Дверь распахнулась, и в спальню заглянул мокрый Ворон, по его флегматичной физиономии трудно было что-либо прочесть, но глаза юноши сверкали гневом.

– Доброе утро, кир Алан. Можно я убью вашего шута?

– Нельзя, – потянулся конт. – Но уши надрать разрешаю. Если поймаете, – договорил он в уже закрывшуюся дверь.

– Бриться, завтрак, доклад, – отдал распоряжения Берту, когда тот появился с ворохом одежды и тазом с водой. – Что там шут сотворил?

– Ведро с холодной водой водрузил над дверью комнаты ксенят, – четко отрапортовал Берт и зевнул.

Алан подозрительно на него покосился.

– Неужели кухарка?

– Кир Алан, она же старая!

– Так больше девок я тут не видел, – хмыкнул конт.

– Да тут... вчера на постоялом дворе сговорился... – начал оправдываться Берт, но Алан его уже не слушал.

Сегодня должны были появиться Алвис и Мэтью, требовалось сделать так, чтобы они не встретились. В том, что эти оба уже знают, куда исчез с постоялого двора конт со своей свитой, Алан даже не сомневался.

После завтрака все собрались в большой гостиной, стены которой были выкрашены в бледно-зеленый цвет.

– Прибыли люди от Кэпа, – начал доклад Хват. – Мая утром ходила на рынок, ни с кем не общалась, только с торговками, и еще подала нищему. Возможно, передала ему письмо, но это только мои предположения. – При упоминании о Мае лицо Иверта скривилось. – Мэтью вчера вечером уехал в крепость и до сих пор не вернулся.

– Не могли твои люди его упустить?

– Могли, кир Алан, – кивнул Хват. – Я думаю, надо снимать слежку. Это город, не горы, у меня нет специалистов.

Алан согласно кивнул.

– Снимай, но тихо, чтобы в доме этого не заметили. Пусть думают, что мы еще наблюдаем за ними.

– Я разобрал записи, утром у меня было время, и я записал все, а оригинал сжег. – Турен протянул конту лист бумаги. – Сильно опасно, – добавил он по-русски.

Мальчишка учил язык со скоростью вундеркинда. В мире, где грамота была привилегией, информацию с раннего детства привыкли воспринимать на слух. Поэтому неудивительно, что Турен легко запоминал незнакомые слова.

Все притихли, пока конт читал, и начали разговаривать только тогда, когда он с задумчивым лицом поднес бумагу к огню.

Мая оказалась слишком наблюдательной. Она заметила и нелюбовь конт к мечам, и его владение неизвестными в этом мире приемами рукопашного боя, и странности в отношениях с женщинами. Холодность и в то же время подчеркнутое внимание: подарки, цветы, уважительное отношение. Этому моменту девушка уделила целый абзац. Равное отношение и к рабам, и к воинам, и к ксенам. Даже написала, что Алан никогда не забывает поблагодарить людей, стоящих намного ниже его по социальной лестнице. Особое внимание она уделила отношению конт к богам. Его пренебрежение к обязательным посещениям храма ни для кого не было секретом, но Мая обратила внимание на то, как Валлид крестится и при этом поминает некоего Господа. Ничего не прошло незамеченным – перепады в настроении, болезненное состояние после войны с горцами, интерес к прошлому, раскопкам, неизвестные в этом мире знания, которыми он, не задумываясь, делился, словно это ни для кого не секрет, особенно девушка

подчеркнула обширность знаний конта в медицине, «ворожбе», и его приятельские отношения с друидой, которая вопреки правилам их Ордена задержалась в Крови надолго и даже собиралась выйти замуж. И в то же время конт постоянно показывал полное незнание реалий этого мира. Мая старательно перечислила все случаи, о которых шептались, и те, свидетелем которых была сама, включая находку в желудке рыбы, когда оказалось, что конт не знает, что такое родовой перстень, но об этом ведь может рассказать любой крестьянский мальчишка!

Виктория даже не подозревала, что она сделала так много ошибок. Ей казалось, что все ее поступки вполне вписываются в легенду о потере памяти, но, прочитав донесение Майи, она поняла, что ее спасло лишь то, что она попала на фронт, где людям для выживания приходится быть сплоченными и полагаться на того, у кого в руках власть. Алан был хорошим господином, и люди закрывали глаза на некоторые его странности. Но, как следовало из донесения, – за спиной шептались. Правда, не осуждали, а скорее считали своего владельца этаким чудачком, чем даже гордились.

Вывод был неутешительным: если Мая все это расскажет Алвису, то лучшее, что ждет конта, – роль вечного узника где-нибудь в горах, а худшее – подвалы инквизиции и костер.

И что делать?

«Зарезать Маю и Алвиса», – хмуро произнес внутренний голос.

Да, это единственный выход.

«Не сможешь».

«Смогу, потому что, если меня не станет, Дарену тоже не жить. Как и Рэю, Берту, Иверту. Никто не поверит, что они ничего не замечали».

Виктория с отстраненной ясной холодностью заметила, как легко говорит о смерти людей, далеко ей не безразличных.

«Знаешь, они заставляют меня играть по их правилам, и я осознанно делаю выбор. Если придется, я совершу это».

«Попробуешь».

Бесшабашная злость начала подниматься откуда-то из темных глубин души Алана, задвигая мораль двадцать первого века на самую периферию сознания. Мрачная, веселая, уверенная и безразличная к собственной судьбе злость.

«Я буду играть по их правилам, и посмотрим, кому первым гореть в аду».

Наступила тишина. Иверт замолчал на полуслове и вопросительно посмотрел на Алана.

– Я что, сказал это вслух?

– Да, – ответил по-русски Турен.

– Не обращайтесь внимания, – усмехнулся Алан. – Иверт, отправляемся за рабами. Турен, бери нашего художника, и нарисуйте мне подробный план этого дома. Внутри и снаружи. Хочу себе такой же. А где Оська?

– Прячется. – Лис улыбнулся.

Ясно, нашкодил и теперь боится, что Ворон осуществит свою угрозу и надерет ему уши.

Рынок рабов ничем не отличался от обычного рынка, только торговали на нем не продуктами, а людьми. Вдоль длинного барака, разбитого на отсеки и разделенного небольшими помостами, сидели люди в ошейниках. Отдельно мужчины, отдельно женщины, отдельно дети. Что удивило Алана – все они были обриты наголо.

– Почему бритые? – спросил он у сопровождавшего их по рынку помощника купца

Левиса.

– Чтобы вши не завелись, – буркнул тот и повернулся к Иверту. – Если вождь хочет длинноволосых красавиц, то ему нужно не здесь искать, – заискивающе обратился он к горцу. – Всех красивых рабов сразу же забирают в Белую крепость.

Они подошли к большой группе, возле которой их ждал улыбающийся почтенный Левис в компании еще двух купцов. Один из них оказался мирийцем, второй – уроженцем этих мест. Мириец сразу выделил среди охранников Алана и слегка ему кивнул.

– Почтенный Левис рад видеть дорогих его сердцу покупателей.

Толстяк сегодня был одет до безобразия пестро. Синий расшитый золотом упелянд, красные шаровары, черные сапоги и пестрый разноцветный пояс делали его похожим на клоуна.

– Нам нужны крепкие мужчины. – Иверт окинул взглядом рабов. – Если есть семьи, заберу с семьями.

Купцы довольно переглянулись.

– Сколько рабов возьмет вождь?

– Какую цену запросят почтенные?

Почтенные запросили дорого. У Алана даже дыхание перехватило от возмущения, этак ему никаких денег не хватит! Кровь, что ли, продавать? Но Иверт только усмехнулся довольно.

– Почтенные купцы с утра пили чай с дурманящей травой? – громко спросил он, делая круглые глаза. – Так угостили бы и нас, чтобы мы тоже сошли с ума.

Левис намек понял, тот же час двое рабов вынесли небольшой столик, на котором стояли пузатый медный чайник и чашки.

Виктории никогда не приходилось бывать на восточных базарах, да и торговаться она не умела, всегда платила на рынках столько, сколько просили продавцы. Поэтому сейчас, следя за ожесточенным спором, она испытывала смешанные чувства. С одной стороны, понимала, что цена завышена, и стыд, который она испытывала из-за того, что не может заплатить запрошенную стоимость – не что иное, как гордыня, а с другой – восхищалась Ивертом, который с азартом и удовольствием ругался за каждую медную монетку. Ей никогда так не сумеет и никогда этому не научиться. Не тот характер.

Наконец прозвучало долгожданное:

– Вождь Ураган желает разорения почтенному Левису и его друзьям? Только из уважения к великому вождю Бешеному Кузнечнику и в расчете на будущее сотрудничество, – купец сделал многозначительную паузу, – почтенные купцы согласны на твою цену, Иверт Ураган, старейшина и советник верховного вождя Игушети.

Как он ловко намекнул на значимость Иверта и заодно подольстился к Алану. Иверт величественно кивнул. Вот паразит, такое чувство, будто он всю жизнь провел во дворцах.

– Мы возьмем пятьдесят человек сейчас и столько же через десятицу.

Людам придется плыть в трюме в тесноте, как селедкам в бочке. Но что поделать, утешила себя Виктория, это будет их последнее путешествие в качестве рабов. По крайней мере для тех, кто захочет стать свободным.

Спустя некоторое время охрана, орудуя кнутами и пинками, построила рабов в шеренгу. Алан сжал кулаки, но промолчал. Проинструктированный Иверт вышел вперед.

– Меня в первую очередь интересуют мастера. Каменщики, плотники, лесорубы, каменотесы. Мой вождь покупает рабов для строительства города. Нового, красивого города свободных людей. Вы будете получать за работу деньги и сможете себя выкупить.

Меня все понимают?

Народ закивал, в глазах некоторых появился интерес, но большинство смотрело безучастно, словно рабам было все равно.

– Став свободными, вы сможете остаться в Виктограде, построить мастерские, дома и жить счастливо. Если среди рабынь есть ваши женщины или дети, возьмите их с собой.

А вот это заявление мужчины встретили с большим интересом.

– Поднимите руки, кто пойдет со мной?

– Это правда?

Алан давно заметил подошедшего купца-мирийца.

– Правда.

– Он хочет отменить рабство?

– Он хочет дать людям свободу выбора. Свободный человек работает с большим усердием, больше зарабатывает, а значит, платит больше налогов. Богатые люди, богатая страна, богатый вождь.

– Я хочу отправить корабль с товаром к горцам. Что посоветуешь? – Купец не смотрел на Алана, задавая свои вопросы.

– В этот раз еще можешь привезти рабов. Но мой тебе совет, купец, вези все, что нужно для строительства и для обеспечения большого количества людей. Шатры, утварь, одеяла, инструмент, оружие, солонину, теплую одежду. Если ты покажешь себя честным и сговорчивым, верховный вождь даст тебе привилегии. Он ищет честных купцов. И еще... Это пока секрет, но тебе я скажу.

«Мы с тобой одной крови – ты и я», – хихикнуло второе «я» голосом Багиры.

– На ввоз рабов будет очень большая пошлина. Очень большая, купец. Скоро торговля людьми станет невыгодна даже здесь. За рабов придется платить налоги. Хочешь иметь рабов – плати в казну. Их станут меньше покупать.

– Я услышал.

Купец так же неслышно отошел.

Алан про себя улыбнулся. После сегодняшнего выступления Иверта он очень надеялся, что по городу поползут слухи и к ним придут люди. Потому что людей катастрофически не хватало. А Иверта слышали не только рабы, но и наемники-охранники, и слуги, и купцы. Маркетинг, чтоб его...

Лис слегка дотронулся до руки конта и, когда Алан повернулся, указал глазами на рабыню, тянущую вверх руку из толпы сидящих в отдалении женщин.

– Скажи Иверту, – так же тихо шепнул конт.

Лис бесшумно отошел и, приблизившись к горцу, указал на рабыню.

– Что ты хочешь, женщина?

– Я очень хорошая кухарка. А вот она, – рабыня выдернула из толпы еще одну женщину, лицо которой изуродовал рваный шрам на щеке, – она швея, Ирием отмечена. Она вам за одну ночь штаны сошьет, да такие, что не стыдно будет даже на прием к герцогу показаться. А вот та девка, – женщина ткнула пальцем в молодую худую девушку с большими карими глазами и испуганным лицом, – она за детками ходит. У нее ни один младенец не плачет. Возьмите нас, не пожалеете! Мужиков-то и обшивать, и кормить надобно.

- Откуда вы такие бойкие, а? - Иверт подошел поближе и стал рассматривать рабыню чуть ли не с гастрономическим интересом.

- Дык мы трое у виконта Заруба служили, а как он бунт супротив графа Рунета поднял, так нас всех в рабство отдали.

- Беру этих троих, - кинув на конта быстрый взгляд, заявил Иверт. - Эй, Берт! - крикнул он, и слуга, до сих пор с любопытством рассматривавший рабынь, бегом подбежал к горцу. - Купи для теток приличную одежду и платки, смотреть не могу на их бритые головы. Эй? Насмотрел для себя девку? - не удержался Иверт и все же подколол Берта. Алан только хмыкнул.

- Не, никто не нравится, - совершенно серьезно ответил белобрысый слуга.

Среди женщин началось шевеление, вверх взметнулись руки, слышались голоса, предлагающие свои услуги - швеи, прачки, кухарки, садовницы.

Женщины, как всегда, оказались намного активнее мужчин. Им эмоционально легче перестроиться, попробовать изменить жизнь. Они больше верят, меньше сомневаются.

- А охотники нужны? - раздался низкий, хриплый, словно простуженный, голос из толпы мужиков.

- Охотники, воины, следопыты. - Иверт указал на мужика пальцем, и охранник моментально отвел его в сторону.

Это заявление горца ускорило процесс. Рабы поняли, раз не боятся брать воинов - значит, есть шанс, что все сказанное новым хозяином правда. Виктория смотрела, как Иверт и Берт отбирают людей, и думала, что правильно они сделали, дав людям возможность выбора, теперь в их памяти отложится, что поездка на фронт - это самостоятельное решение.

Примерно через час документы были подписаны, рабы выстроены в три шеренги и под бдительными взглядами выделенной купцами охраны направлены в порт, где их уже ждал Кэп, с утра готовый к отплытию. Рабов сопровождали и несколько ветеранов маркиза. Алан с остальными остался ждать, пока Иверт рассчитается. Наконец почтенный Левис положил в стопку последнюю монетку и поставил последнюю подпись.

- Почтенный Левис, хочу продать камни, - затягивая изрядно отощавший кошель, заявил на прощанье Иверт. - Жду почтенного вечером для оценки товара.

Они направились следом за рабами, Виктория хотела лично вручить Кэпу письма и дать инструкции.

- Берт! Бертушка! - Из толпы рабов, которых даже не предлагали на продажу, выскочила худая высокая женщина и бросилась в их сторону. За нею кинулся охранник, свистнула плеть, и она упала в пыль, не переставая кричать:

- Берт! Кир Алан! Конт Валлид! Господин! Бертушка!

Где-то Виктория видела это конопатое лицо, только вот где...

- Эльса? - Берт узнал бывшую любовницу, даже обритую налысо и одетую в какое-то рванье. В его глазах мелькнули сочувствие и испуг, он дернулся, но затем оглянулся на конта и остался на месте.

Иверт присмотрелся к девушке и в сердцах сплюнул, его тонкие ноздри трепетали, что говорило о сильных эмоциях. Охранник, увидев, что девицу признали, перестал ее преследовать, а она, добежав до Алана, рухнула в пыль и, обхватив его ноги, заголосила:

- Кир Алан, господин, Ирием заклинаю, не оставьте! Я отработаю!

Больше всего Виктории хотелось пнуть дуру ногой, но она сдержалась. Зараза языкастая! Что же тебе язык не подрезали, чтобы ты меньше рот раскрывала? Неужели не видела, что конт стоит среди наемников и не отвечает! А теперь...

Купцы зашептались, стали бросать на странного наемника откровенно заинтересованные взгляды, даже охрана и рабы встрепнулись. Нищий, крутившийся рядом в расчете на подачку в честь окончания сделки, затряс головой, словно у него случилась падучая, и моментально исчез. Хват метнулся за ним, но, вернувшись через несколько минут, лишь руками развел.

Черт! Черт! Черт!

- Ты обозналась, девка. - Ворон ухватил Эльсу за плечи и легко оттолкнул в сторону. Она так и осталась стоять на коленях, глядя на конта глазами побитой тау.

- Да где же обознался, брат Искореняющий? Я своего владельца завсегда узнаю! Это же кир Алан, наш конт из Крови, а это его слуга Берт, а это, значицца, горец Иверт, - она всхлипнула. - Да я завсегда... везде... никогда не попутая...

«Ну и ду-ура!»

Купцы переглянулись и низко поклонились Алану, за ними склонили головы охранники и слуги. Почтенный Левис выглядел донельзя довольным и сиял как начищенная солдатская бляха. Он поглядывал на коллег-купцов с легким самодовольством, всем своим видом показывая, что он-то давно все знал.

- Эльса, это не кир Алан, этот воин просто похож на него, - с нажимом произнес Берт, присев возле девушки. - Что ты здесь делаешь?

- Дык пошла в лес по ягоду черную, а там ватажники... ну вот и продали. - Она испуганно зачастила: - А я тепереча вижу, что это не наш конт. Наш красивей и вышей. Только похож очень.

- Забирай эту помесь болтливой глупой птицы и тупого ишака, - процедил сквозь зубы Иверт. - Теперь ты ее хозяин, понял? - Он вдруг расплылся в довольной улыбке, видно, представляя, какие муки ожидают любвеобильного Берта при встрече с болтливой любовницей.

- Нет, нет, не надо за эту рабыню денег, - замахал руками купец-мириец. - Это позор для меня - так ошибиться и купить подданную верховного вождя. Передайте вождю мои искренние сожаления, - при этом он с хитринкой в глазах посмотрел на Алана. - А за невольное причиненное оскорбление прошу принять в подарок еще одного раба. Любого.

- Мы возьмем вон ту девочку. - Иверт показал на девчущку лет пяти, сидевшую у стены барака. То, что это девочка, можно было понять только по платью, едва прикрывавшему коленки.

Виктория промолчала. Хочется ему, пусть берет. Она старалась не смотреть в сторону детей, потому что понимала - может натворить глупостей, а их и так сделано достаточно. Сейчас ей больше всего хотелось биться головой о стену. Купцы, охранники, сбежавший нищий... любой из них может поделиться услышанной информацией. Чтoб этой болтушке кто-нибудь язык укоротил!

До пристани добрались без происшествий. Их уже ждали. Рабы, поднимаясь на борт, с интересом косились на встречающих их матросов. У Кэпа служили всего три свободных помощника. Остальные - невольники. Но отличить их друг от друга можно было только по ошейникам. Они громко переговаривались, весело перебрасывались шуточками, без суеты выполняя свою работу. Да и кто в своем уме станет зверствовать на небольшом судне в открытом море, где жизнь каждого зависит от сплоченного действия команды? Идиотом Кэп не был. Он вел себя достаточно жестко для того, чтобы его авторитет принимался безоговорочно, но палку не перегибал.

Капитан поклонился конту и, отчитавшись о торговых делах, вручил сундучок с монетами, а затем с интересом вылупил на поднимавшихся по трапу женщин и ребенка.

- Баб куда? Клин им в печень.

Алан протянул три запечатанных конверта и, проследив за взглядом капитана, произнес:

– Рэю передай на словах, чтобы забрал часть гарнизона из Осколка и Рогана. Пусть с Дарена глаз не спускает. Женщин и ребенка разместить на палубе. Отправишь всех в Осколок, давно хочу сменить там кухарку. Эльса пусть проваливает домой, чтобы я ее больше никогда не видел, – Алан гневно покосился на жавшуюся к Берту девушку, – и чтобы в пути без безобразий.

– Эт-только если сами захотят безобразничать. У меня с этим строго, чтоб мне одними медузами питаться! – Кэп приосанился, с интересом поглядывая на бойкую кухарку. Та уже деловито осматривала палубу и расспрашивала одного из моряков, где у них кухня и продукты. – Не баба, а шторм, – причмокнул языком Кэп.

– Девочку отдай вождю Гривастому Волку, – вступил в разговор Иверт. – Скажи, пусть возьмет в семью младшей дочерью. Передай, я просил.

– Через сколько дней тебя ждать? – Алан удивленно глянул на друга, но промолчал. Захочет, расскажет.

– Пять дней в одну сторону, пять в другую, два дня на погрузку. Через двенадцать дней будем, кир Алан. Я большой заказ на железное дерево взял. Кому его отдать? Тестю вашему или передать Найку в Роган?

– Найку. Горцы не валят лес, это работа равнинников. Мы больше зверя бьем, – ответил за конта Иверт. – Отцу скажи, чтобы сестру берег, и передай ей это. – Иверт сунул капитану в руку какую-то безделушку.

Алану стало стыдно, он даже не вспомнил о Зире. Ни разу за все эти дни. А ведь она носит его ребенка.

«Ты невнимательная, себялюбивая сволочь, – припечатала Виктория свою мужскую сущность. Но было уже поздно каяться. – А этот зеленоглазый еще и улыбался сочувственно. Друг называется! Отомстил за слова Алана о Мае, за его упреки в невнимательности. А то! Это же ты распиался всего сутки назад о том, что надо быть внимательным к своим женщинам, дарить подарки и цветы. Трепло!»

– Так и решим. Отчаливай.

Они стояли на набережной и смотрели, как «Шустрик» медленно разворачивается на веслах и отходит от берега, а навстречу ему из-за скал vyplывает величественный корабль, окрыленный светло-серыми парусами, которые казались белоснежными на фоне затянутого облаками неба. Легкое стремительное подобие большого грациозного лебедя, случайно оказавшегося в стае невзрачных диких гусей.

– Мирийский, – увидев детский восторг на лице конта, тихо пояснил Хват.

Рядом с таким же выражением на конопатой физиономии застыл Лис. В голубых глазах светилось восхищение, и Алан быстро захлопнул рот, чтобы не казаться таким же восторженным юнцом, как его телохранитель.

– Вот бы поплавать на таком, – тихо произнес рыжий.

– Даже не думай, – тут же буркнул Ворон, у которого в море утонула семья. – Кир Алан, пора возвращаться. У вас встреча с братом Искореняющим.

О да. Встреча с Алвисом. Виктория предвкушала и не хотела ее. Их с Дланью партия в шахматы началась давно и до сих пор шла с переменным успехом, но еще ни разу, в отличие от соперника, ей не приходилось жертвовать своими фигурами, чтобы провести пешку в королевые.

Они еще немного постояли на причале, наблюдая, как пришвартовывается парусник, как к нему спешат грузчики и сопровождаемые вооруженной стражей портовые мастера с толстыми папками под мышками.

– Красиво, – тихо произнес Берт, тоже глазающий на мирийский парусник. – Вот бы вам такой, и плыть к солнцу...

– Да ты романтик, дружище, – усмехнулся конт, легко шагая к выходу из порта следом за серьезным Ивертом. – Ничего, когда-нибудь и у нас будут такие корабли.

Стражники провели их с явным облегчением, поскольку все это время они опасались драки между вооруженным отрядом наемников и спускавшимися на землю мирийскими моряками.

На улице Ткачей шла бойкая торговля. Дом ремесленника был одновременно и его мастерской, и магазинчиком, где он сам или его домочадцы продавали товары. Сновали рабы с корзинами и ведрами, громко торговались кухарки, бегали по поручениям мальчишки. Возле маленького круглого храма, больше напоминавшего часовню, сидели нищие, лениво переругиваясь между собой.

Они проходили мимо большого двухэтажного здания, где над входом висела вычурная вывеска «Платья Изольды». Самый знаменитый местный бордель, вспомнил Алан. Но сейчас, днем, окна на втором этаже были плотно закрыты ставнями. А первый этаж представлял собой пристойный магазин готовой одежды, в двери которого как раз заходила дородная женщина с двумя мальчишками.

С боковой улицы выехала телега, нагруженная дровами, и поехала рядом с отрядом, пришлось отойти в сторону, освобождая проезжую часть. Тротуар представлял собой утоптанную широкую тропу, по которой можно было идти только втроем. Они догоняли медленно ковылявшего в сторону центра нищего, когда из двери небольшой забегаловки вышли трое подпитых мужчин. Судя по одежде и коротким широким мечам у поясов – наемники. Громко обсуждая прелести какой-то Феньки, довольные жизнью мужчины направились навстречу. Нищий приостановился, оглядываясь, и попытался отойти назад, но дорогу ему перекрывал отряд Иверта. Что-то громко треснуло, телега накренилась на одну сторону, с нее посыпались дрова. Хват, шедший сбоку от Алана, громко матерясь, отскочил, чтобы не попасть под чурки. Все отвлеклись на происшествие, а в это время наемники приблизились к пытавшемуся протиснуться мимо воинов нищему.

– С дороги, оборванец! – Один из них изо всех сил толкнул горемыку прямо на Алана, одновременно вытаскивая из ножен меч.

– Нападение! – заорал Лис.

Возница швырнул в Иверта поленом и выхватил из-под сиденья короткий лук. К нему с ножом в руке метнулся Ворон. Завизжали женщины, слышались команды Хвата – отряд Иверта вступил в бой.

То, что это подстава, Алан понял, когда увидел падающего на него нищего, но лезвие в его руке заметил лишь в момент, когда нож полетел в сердце.

Вот и все. Отжили. Интересно, ее душу вновь выбросит в мир неясных звуков и видений или эта смерть будет окончательной?

Он поднял руку, чтобы попытаться оттолкнуть клинок, но, почувствовав сильный толчок в плечо, не устоял на ногах и рухнул лицом в низкий кустарник, росший вдоль дорожки. Тотчас вскочил на ноги, доставая кинжал из ножен, и успел увидеть, как падает на землю Лис, вцепившись пальцами в рукоять торчащего из груди ножа...

Твою мать!

Нищий попытался сбежать, но в спину ему вонзилась стрела, а следом и яташ Иверта почти отделил голову от плеч.

Зря, расспросить бы, кто его послал. Хотя догадаться несложно. Алан обвел взглядом «поле боя». Несколько минут, а столько трупов. Один из наемников был жив, над ним склонился раненый ветеран с узким длинным клинком в руке.

– Не убивай! – гаркнул конт, разыскивая глазами Ворона.

Парень стоял возле телеги, опустив руки, и, не отрываясь, смотрел на лежащего на земле друга. Застывшая в напряжении фигура говорила о том, что тело только ждет команды, чтобы броситься вперед. Закаменевшие плечи, сжатые кулаки и абсолютно

бесстрастное, пугающее бледностью лицо.

– Ворон! – крикнул Алан, выдергивая парня из страшного оцепенения. Послушник медленно повернулся, с трудом фокусируя на конте безжизненный взгляд. Но постепенно в его глаза возвращалось осознание происходящего. – Притащи мне его! Живым притащи!

Из-за угла, размазывая по щекам слезы, выскочил Оська и замахал руками, горлопая во все горло:

– Ворон! Здесь лошадки! Я покажу!

Ворон кивнул и, не глядя больше на Лиса, бегом побежал за Оськой во двор борделя.

– Что глазеете? – крикнул толпе, сгрудившейся на другой стороне улицы, Хват. – Разбирайте дрова! Или никому не надо?

– Как энто не надо? – визгливо закричала какая-то женщина. – Пять медяшек тому, кто колесо на место приспособит!

– Алан! – позвал Иверт, склонившийся над Лисом. – Он еще жив!

Опустошенность сменилась бешеной надеждой, такой, от которой сердце начинает биться сильнее, а руки мелко подрагивают, когда трясущимися пальцами пытаешься вытереть тонкую струйку крови, стекающую изо рта раненого.

– Не доставай нож! – прошептал Алан, всматриваясь в лицо Лиса. – Медленно поднимаем.

Иверт и Хват осторожно, словно хрустальную вазу, подняли послушника на руки.

– Магазин закрыт! – Смуглый охранник попытался преградить им дорогу, но меч у горла и кинжал у паха быстро навели его на правильную мысль.

Им навстречу выскочила моложавая женщина в темном строгом платье, она открыла рот, чтобы возмутиться, но напоролась на холодный яростный взгляд конта.

– Я хозяйка. Вам это будет стоить денег. Несите его сюда, – отрывисто произнесла она с незнакомым акцентом и толкнула дверь, спрятанную за прилавком, заваленным готовой одеждой.

Они оказались в темном коридоре, но женщина уже распахнула двери небольшой комнаты, вся мебель которой состояла из кровати, стула и таза с водой.

– Лекаря! Быстро! – Иверт бросил на женщину грозный взгляд.

– Деньги вперед! – фыркнула она и уперла руки в бока.

– Тебе не о деньгах думать надо, а о своей жизни, женщина.

– Но-но, – мадам оказалась не робкого десятка, – не пуга... – Она замолчала, пытаясь разжать жесткие пальцы, впившиеся в шею.

Алан смотрел в испуганные глаза женщины и не испытывал ничего, кроме сожаления о потерянном времени.

– Берт, бегом в особняк. Там должен ждать Алвис, приведи Длань сюда и скажи, чтобы взял свои снадобья. – Алан говорил совершенно бесстрастно, продолжая сжимать пальцы на горле задыхающейся жертвы. Рядом замер один из ветеранов. – Пип, обыщите здесь все, запирайте людей в одной комнате и найдите мне лекаря! Принесите перевязочный материал, тряпки, теплую воду.

– Бешеный Алан, отпусти ее. – Иверт похлопал конта по руке.

Валлид разжал пальцы, брезгливо посмотрел на упавшее тело.

- Если я увижу хоть одного человека...
- Да кто ты такой? - прохрипела хозяйка, садясь и растирая шею.
- Тебе лучше не знать, - склонился над ней Хват.
- Оставь ее Длани.

Намеки Иверта возымели свое действие, при упоминании Длани бордель-маман из красной стала бледной.

- Что ж вы сразу не сказали, что благородные, да я бы...
- Исчезни!

Лис, тяжело дыша, закашлялся, выплевывая сгустки крови, и вновь попытался выдернуть нож, но Алан не дал.

- Лежи, мальчик. Просто лежи, - шептал он, разрезая сутану и одежду под ней. - Тебе повезло, знал бы ты, как тебе повезло. Нож попал между ребер под ключицу с правой стороны, у тебя пробито легкое, но это не смертельно. От таких ранений даже в Средневековье не умирают. - Алан сам не заметил, как перешел на русский, он просто говорил все, что придет в голову, чтобы не допускать даже мимолетной мысли о том, что Лис может умереть от удара, предназначавшегося ему. Это было бы неправильно! - Я вытащу нож, тебе станет больнее, но ты потерпи, мальчик. Тебе ведь не привыкать терпеть.

- Я нашел лекаря. - В комнату вбежал один из ветеранов с наспех перевязанной рукой. Он толкал перед собой перепуганного полного мужчину с деревянным сундуком в руках.

- Легкое пробито, - внимательно посмотрев на лекаря, сказал Алан. - Знаешь, что делать?

Мужчина сосредоточенно кивнул, рассматривая Лиса и одновременно отодвигая Алана в сторону.

- Я в борделе работаю, тут часто ножи в дело пускают, - усмехнулся он, открыл сундучок и начал раскладывать на полотенце какие-то бутылочки, ножницы, иглы, мурлыча под нос незатейливую мелодию.

- Хват, проследи, чтобы он иглы и нитки в вине вымочил и руки помыл. - Виктория больше всего боялась инфекции. - Лекарь, сделаешь все правильно - озолочу, если нет - закопаю в саду.

- Уйдите и дайте мне наконец работать, - строго посмотрел на конта лекарь. - Наемник, если ты такой умный, может, займешь мое место?

- Друг, пошли, поговорим с пленным. - Иверт положил руку конту на плечо, и Алан заставил себя сделать шаг от кровати. Ему казалось, стоит уйти - и Лис умрет. И это опять будет его вина. Иверт все понял и подтолкнул Валлида в сторону двери. - Идем, идем, друид все сделает правильно. Так ведь, лекарь?

- Да уйдите вы, наконец!

Лекарь выдернул нож, Лис сильнее закашлялся, выплевывая кровь, рана запульсировала надувающимися и лопающимися кровавыми пузырьками.

- Держите его! - услышал Алан, прежде чем дверь за ними закрылась.

- Он выживет?

- Конечно. У нас с такими ранами мальчишки по горам бегают, - легко сказал Иверт, но Алан различил в голосе тщательно скрываемое беспокойство.

Наемника допросить не успели. Он скончался от полученных ран и потери крови, потому что перевязать его никто не удосужился, просто заперли в камере под лестницей. Зато они обнаружили малюсенькую кухню и вино.

Там их и нашли потрепанный Ворон, злой Мэтью и перепуганная, заплаканная Мая.

– Ворон, он жив! – Алан выпалил это прежде, чем послушник успел войти в кухню. – Ирием клянусь! – увидев дику смесь надежды и недоверия в глазах телохранителя, добавил он. – С ним лекарь.

Ворон с благодарностью кивнул и, прикрыв глаза, замер, прислонившись к стене у двери. Вот пойми по этому бесстрастному лицу, что он думает!

– Оська все узнает! – Шут заглянул в кухню и моментально исчез, только топот говорил о том, что он был в комнате.

– Так это Лиса ранили? – воскликнула Мая и бросилась к Алану.

Ворон сорвался с места молниеносно, с другой стороны наперерез девушке метнулся Иверт, да и сам Алан стремительно отскочил в сторону, вытянув вперед руку.

Мая, не ожидавшая такого от бывших друзей, не устояла на ногах и упала, погребенная под телом Иверта, вцепившегося ей в руки.

– Отпусти меня, идиот!

Горец вскочил на ноги, Ворон вернулся к двери, а Мэтью флегматично сел на скамью и закинул ногу на ногу.

– Что ты здесь делаешь? – недовольно спросил Иверт, пряча смущение.

– Тебя спасаю! Этот же... гад... не сказал, кого убили... я думала... я думала... – Девушка шмыгнула носом и вдруг разрыдалась.

Это было так непохоже на привычную и хорошо знакомую Маю, что все опешили, только Мэтью негромко произнес:

– Мати, не позорься.

– Да пошел ты! Все из-за тебя!

Она оттолкнула Ворона и выбежала в коридор, Иверт дернулся было следом, но, покосившись на Алана, остался.

– Кир Алан! – В маленькую кухню заглянул Берт. – Мая сказала, что вы здесь. Там брат Искореняющий к Лису пошел. Потом его к вам привести?

– Пусть приходит в кабинет Иззи, – подал голос Мэтью и поднялся. – Идемте, я вас провожу. Впрочем, сначала я хочу глянуть на трупы. А то ваш человек, ничего не объясняя, приставил к горлу нож и потребовал, чтобы я сел в карету. – Он снисходительно усмехнулся. – Очень отчаянный молодой человек. Слишком. Такие долго не живут.

– Он просто был не в настроении, – буркнул Алан, старательно сдерживаясь, чтобы не ухватить «папика» за грудки и не вытрясти информацию. – Ты знаешь, куда сложили тела?

– Конечно. Охранник на входе сказал.

Мэтью провел их по темному коридору и вывел в холодную прихожую черного хода, где рядом лежали трупы. Он распахнул дверь, чтобы было больше света, и склонился над ними.

– Это наемники из Крава. – Мэтью выпрямился. – Они иногда сопровождают караваны. Я потрясу командира отряда.

– Хочешь сказать, что ты к этому не имеешь никакого отношения? – холодно

поинтересовался Алан.

– Зачем мне убивать вас?

– Например, по приказу герцога или советника, – раздался тихий голос, и в полосу света вошел улыбающийся Алвис.

Мэтью медленно повернулся, словно за его спиной находилась гадюка.

– Ты?

– Здравствуй, старый друг. Давно не виделись.

– Со штурма. Ты как-то слишком быстро исчез.

– У меня были причины.

– И почему мне не интересно все это слушать? – скептически заявил Иверт.

– Алвис, что с мальчишкой? – Алану тоже надоело смотреть на двух мужчин, уставившихся друг на друга с откровенной ненавистью.

– Все будет хорошо.

Кабинет Изольды представлял собой будуар. Везде царил отвратительный розовый цвет, который Виктория терпеть не могла еще в прошлой жизни. Даже цветы, стоявшие в вазах, оказались розовыми! И источали они приторный тошнотворный запах.

– Я вижу, вы знакомы. – Алан нагло сел в единственное кресло. Очень хотелось закинуть на стол ноги, но это был бы перебор. – Итак, вы оба преследуете свои цели, и в ваших целях мне отводится роль молчаливого исполнителя. Хочу сообщить вам – меня это не устраивает.

Длань кивнул Ворону, и тот вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

– Спрашивайте. – Алвис, прихватив с дивана небольшую подушечку, отошел к окну и сел на подоконник, подложив подушку под спину.

– Каково население города?

– Семь тысяч человек.

– Всего лишь? – Алан был разочарован.

– Считают только свободных мужчин. С женщинами, детьми и рабами в несколько раз больше.

Самой большой неожиданностью было то, что теневой король, оказывается, правил не преступным миром города. Он был негласным лидером цеховиков и гильдий. Цеха обладали абсолютной монополией на производство определенных товаров и на торговлю этими товарами в черте города. Существовали даже цеха профессиональных нищих и шлюх. Зато не существовало никакой ночной гильдии воров и убийц. Цеховые старшины составляли Городской совет и фактически управляли городом, каждая гильдия имела свое ополчение и контролировала определенный район. А Мэтью был посредником между Советом и герцогом, он помогал разрешать разногласия, заключать более выгодные сделки, выбивал долги и в случае необходимости силового решения вопроса предоставлял людей для «разговоров» с конкурентами из других городов. К нему же обращались купцы, желающие заняться торговлей. Все платили Мэтью деньги, а кто платить не хотел, быстро лишался своего места. Эдакие «крыша» и рэкет в одном лице.

– Кир Алан, я, как и обещал, принес приглашение в Белую крепость. – Мэтью вытащил из-за пазухи квадратный листок и передал его Иверту. – Я не имею отношения к вашим убийцам, но постараюсь узнать, кто их нанял.

- Это кто-то из тех, кто жаждет выслужиться перед советником. Для него уже не секрет, кто посетил герцогство под видом простого наемника, - проговорил Алвис.

- Вот как?

- Да. Я ему сообщил, что кир Алан Валлид желает заключить мир с герцогством и в знак уважения готов обменяться подарками. Вы ему раба, он вам бывшую герцогиню. Нас ждут сегодня в крепости.

- Почему ты считаешь, что я соглашусь? - Алан говорил спокойно, но чего это ему стоило!

- Потому что кроме кира Мара вас там ждет еще кое-кто.

- Храм превыше всего, да, Ал? - презрительно выплюнул Мэтью. - Наместник не пачкает рук, для этого есть Длань. Честь, совесть, любовь, дружба - не для левой руки Наместника. Все прикрываешься великими целями? Ради них ты убил Ли, ради них продал в рабство его сына, ради них предал друга. Ты как пустыня. Сухая, выжженная пустыня, где нет места людям, а вместо духа только ветер и зной.

- Я не убивал Ли. - Голос Алвиса звучал сухо и безжизненно.

- Ты его убил, когда понял, что крепость падет. Убил своим предательством. Ты ушел, и люди решили, что они обречены. А потом ты короновал нового герцога, потому что это выгодно для Храма, не так ли, Длань Наместника? - Мэтью встал. - Он предаст вас, как до этого предал меня, как предал герцога Ли Вас'Хантера и его семью. Будьте внимательны, кир Алан, здесь, в герцогстве, он просто гость, но стоит вам ступить на земли королевства - и вы умрете. Я велю перенести юного ксена в карету и отвезу его в дом почтенного Левиса. - Он слегка поклонился и стремительно вышел.

- Дождись меня! - крикнул вслед Алан.

Пока они разговаривали, у конта возникли кое-какие идеи, которые хотелось бы обсудить без лишних ушей. В настоящий момент Мэтью был более выгодным сообщником, чем Длань и Учителя.

Виктория посмотрела на Алвиса. Он не отвернулся, не отвел взгляда, смотрел открыто и спокойно, но в скорбных складках у уголков губ и в глубине карих глаз она заметила застывшую застарелую боль. Она уже видела такой взгляд у ветерана афганской войны, командира отряда, потерявшего почти всех своих бойцов и, к несчастью для себя, выжившего.

- Так ведь и было. Он сказал правду. - Иверт даже не пытался скрыть разочарование. - Воин без чести - не мужчина.

- Ты не прав, Ураган, - задумчиво произнес Алан, испытывая к Алвису ничем не оправданное сострадание. - Иногда приходится идти наперекор себе. - Он вспомнил горящую деревню, мертвые тела подростков, женщин и повторил: - Приходится жить с этим, ненавидя себя и проклиная. Это участь правителей, мой дорогой советник. И нет ничего страшнее ее.

- Стране нужен выход к морю. Море - это работа для тысячи людей, низкие цены на товары, путешествия и открытия. Я сделал все, что мог, чтобы избежать войны. - Алвис отвернулся. - Вадий знает, чего это мне стоило. Ненависть до сих пор жжет меня изнутри, но если придется, я поступлю так же. Кир Алан, я заеду за вами перед закатом, чтобы сопроводить на встречу с советником. Закон этого герцогства на стороне наследника.

Виктория про себя улыбнулась. У Длани даже мысли не возникло, что конт может послушаться. Все же менталитет этого мира очень сильно отличается от того, к которому она привыкла.

«У нас немного разные взгляды на закон, Длань, и на методы достижения цели, но знать тебе об этом не обязательно».

- Что он сделает с Леонардо?

– Не думаю, что вашему рабу что-то грозит. Насколько я знаю, советник не испытывает физического влечения к мужчинам. Впрочем, к женщинам он его тоже не испытывает. До вечера.

– Буду ждать. – Алан все же закинул гудящие ноги на стол. Какое блаженство! – Алвис, – окликнул он Искореняющего, когда тот уже открыл дверь. – Почтенный Левис сказал, что старая герцогиня не в своем уме.

Длань улыбнулся и, ничего не ответив, вышел.

– Он хочет, чтобы ты женился на старухе? – подал голос Иверт.

– Я даже близко не представляю, чего он хочет, – задумчиво пробормотал Алан.

Навалилась усталость, какая бывает после очень нервного и напряженного разговора.

– Иверт, дай лекарю золотой, и поехали домой. У нас много дел.

– Ты перегрелся? Хватит с него серебрушки. – Иверт, кряхтя, поднялся с кровати.

– Жадность не к лицу богатому и красивому горцу, – поучительно и серьезно сообщил Алан другу, нехотя выбираясь из мягкого кресла. – Жадных девушки не любят.

– Она прибежала проверить, жив ли я, – расплылся в улыбке игуш, и Алан прекрасно понял, о ком он говорит.

Может быть, так, а может, и нет. Возможно, это опять часть какого-нибудь плана. Мае он больше не верил.

Когда они наконец попали домой, над городом сгустились тучи и начался моросящий противный дождь. Турен, Мэтью и почтенный Левис сидели в гостиной, не зажигая свечей, и предавались неспешным воспоминаниям. Алан остановился в дверях, прислушиваясь к разговору. Мэтью заметил его первым и после нескольких минут разглядывания разразился громким смехом.

С мокрой головой, в широком алом халате, расшитом золотыми цветами, и в сапогах, конт действительно выглядел нелепо.

– Не смешно, – недовольно произнес он, входя в помещение. – Оказывается, мне совершенно нечего надеть на встречу с советником.

«Ностальгия. Все как раньше. В шкафу навалом одежды, а надеть нечего», – захихикал внутренний голос.

Виктория улыбнулась. Она и в прошлой жизни была минималисткой, что уж говорить о мужском теле. Пара штанов, пара рубашек...

– О, пусть вождя это не беспокоит, – тут же подхватился Левис. Удивительно, но, несмотря на свой вес, толстяк был очень подвижным. – Брат Искореняющий предупредил почтенного Левиса, и он приготовил одежды для вождя и его раба.

– Я очень благодарен почтенному Левису, – склонил голову Алан и повернулся к Мэтью: – Надо поговорить наедине.

Когда они зашли в любезно предоставленный купцом кабинет и закрыли двери, Алан остановился у стола, задумчиво рассматривая гостя.

Виктория думала, не совершает ли она сейчас ошибку, решив сыграть на неприязни между Дланью и теневином?

– Во-первых, меня интересует закон престолонаследования в герцогстве. Во-вторых, кого из старшин цехов мы можем привлечь на свою сторону, пообещав им привилегии в торговле с Игушетией и бесплатные места для строительства своих магазинов в Виктограде? – Мэтью кивнул, показывая, что слушает. – В-третьих, расскажи мне об окружении Вас'Хантера, о советнике и о матери Турена. Меня очень интересуют

начальник внутренней охраны и капитан гарнизона крепости. Какие у них между собой отношения? Какие отношения с герцогом и советником? Их слабости, мечты, желания. Я должен знать все.

– Зачем? – Мэтью пристально изучал лицо собеседника, что-то просчитывая в уме.

– Хочу испортить Алвису игру, – честно ответил Алан Валлид.

Виктория шла ва-банк, если она ошиблась и ненависть Мэтью окажется слабее его интересов, то она проиграет. Но если она угадала правильно, то можно еще и потрепыхаться, как любил говорить ее старший сын.

К крепости они подъехали в сумерках. Алвис всю дорогу делал вид, что дремлет, изредка бросал из-под капюшона подозрительные взгляды на конта, и только однажды открыл рот, чтобы спросить:

– Слухи о третьем брате Вас'Хантеров – ваша работа?

– О чем ты? – Алан ободряюще погладил Леонардо по спине и отвернулся к окну.

Художник всю дорогу молчал, он прижался к конту и мелко дрожал, словно в ознобе. Хотя Виктория потратила час, чтобы объяснить его задачу, к концу поездки она жалела о своем решении поменять раба на женщину. Неженка не был бойцом и мог сорваться.

– Верь мне! Потерпи несколько дней, всего несколько дней, – шепнул Алан и сжал руку парня.

Колеса застучали по камням, раздался крик часового, заскрипели поднимающиеся ворота, и они въехали во двор крепости. Виктория выглянула в маленькое окошко. Внутри крепость отличалась от Крови только размерами, да еще жилой дом был на этаж выше и вход в него украшали шесть колонн.

Дождь усилился, пришлось кутаться в плащи, чтобы не промокнуть. Они проскочили через большой, выложенный плитами двор, и вошли в широкие резные двери, ведущие в просторный, скромно обставленный холл. Алвис сбросил плащ на руки подбежавшему слуге, Алан последовал его примеру, только Леонардо замялся, но слуга помог ему раздеться и с поклоном удалился. Виктория понадеялась, что плащи им вернут перед выходом, а то жалко как-то.

– Брат Искореняющий! – Из темного коридора вышел светловолосый подтянутый мужчина в полном доспехе и с мечом на боку. Властный, цепкий, внимательный взгляд серых глаз пробежался по всем прибывшим, на секунду задержался на конте. Мужчина нахмурился.

– Кир, прошу отдать мне меч. Я не могу позволить, чтобы на встречу с киром Маром явились с оружием.

– Сир, позвольте представить вам барона Гория Семуха, капитана гарнизона крепости. – Алвис улыбнулся, довольный произведенным эффектом. – Кир Горий, не думаю, что забирать меч у верховного вождя Алана Бешеного Кузнечика – хорошая идея.

– Сир? – Капитан приподнял густые брови.

– Ну, сир я всего несколько десятниц, так что можешь называть меня кир Алан Валлид, – улыбнулся конт, протягивая руку.

– Вождь путешествует тайно, – многозначительно произнес Алвис.

Переигрывает. Но барон серьезно кивнул.

Капитан Виктории понравился. Чем-то он напоминал маркиза Генри, такой же прямолинейный и бесхитростный.

– Граф Валлид? Кровь? Капитан Рэй Молчун? – улыбнулся в ответ Семух, выказывая свою осведомленность. – Мне бы хотелось услышать, как вам удалось взять такой

неприступный замок, как Линь?

Виктория моментально сделала заинтересованное лицо.

– Тебя интересует стратегия? Генерал Генри Раман говорил мне, но я думал, он преувеличивает!

«Ничего такого генерал не говорил, – возмутился внутренний голос. – Ой, я забыл, разве это имеет значение, когда женщине нужно заинтересовать мужчину?» – тут же съехидничал он же.

Виктория его стойко проигнорировала.

– Вы знакомы с генералом?

Они шли по мрачному коридору с арочными сводами и громко обсуждали различные виды защиты. Алан рассказал о тяжелой бронебойной кольчуге, которую по его рисункам изготовили в Рогане, – капитана очень заинтересовала идея керамической чешуи. Виктория не особенно разбиралась в местных кольчугах, зато она умела задавать нужные вопросы, и к концу их пути капитан был уверен, что конт Алан Валлид умелый воин и отличный стратег. А Валлид был уверен, что обрел единомышленника.

– Вы расскажете о вашей полосе покойника? – бесстрастно поинтересовался капитан, взмахом руки указывая направление движения.

– Даже нарисую!

Они остановились у двери, охраняемой двумя воинами.

– Кир Мар ждет вас. – Капитан бросил на Неженку беглый, полный сожаления взгляд и чуть слышно произнес: – Жаль.

Алан хотел спросить, о чем сожалеет барон, но охранники распахнули темные, даже на вид тяжелые двери, и Алвис первым ступил в большой, заставленный шкафами кабинет. Конт оглянулся на капитана, вопросительно приподняв брови.

– Завтра у меня свободный день, я собираюсь выпить у «Антонио». В полдень.

Барон поклонился, а Алан, слегка подтолкнув Неженку вперед, вошел следом за Дланью.

Хозяин кабинета встретил их лихорадочным блеском глаз и широкой улыбкой. Кир Мар Марган оказался невысоким худым стариком с длинными седыми волосами, собранными в хвост, острым носом и светло-зелеными умными глазами.

– Наконец-то! – воскликнул он вместо приветствия и бросился к опустившемуся на колени Леонардо, игнорируя остальных гостей. – Наконец ты дома, мальчик! Встань! Покажись! Как ты вырос.

Алан удивленно посмотрел на безмятежного Алвиса. Твою мать! Старик вел себя как одержимый! Он заставил Леонардо обнажиться и теперь рассматривал его со всех сторон, постоянно восторгаясь. Смотреть на это было омерзительно.

– Красив! Как же ты красив! Я знал, что ты оправдаешь мои надежды, – бормотал он, не обращая внимания на гостей. – Отлично! Ни одного шрама! Ни одного изъяна! Но я должен все проверить! Все!

Неженка испуганно посмотрел на Алана, и тот ответил ему уверенным, обнадеживающим взглядом.

– Кир Мар? – Алвис подошел к столу, налил себя вина и, отпив глоток, еще раз окликнул советника, который, не обращая на них внимания, уже укутывал Леонардо в какую-то золотую ткань.

– Да, да, брат Искореняющий, еще немного. – Кир Мар бросил в их сторону рассеянный взгляд. – Я должен проверить! Должен проверить!

- Вы прямо сейчас собираетесь проверять? - весело поинтересовался Алвис.

- Нет, что вы! Конечно нет! Это требует времени и не терпит суеты! - Советник повернулся к Неженке: - Присядь на диван, так, чтобы я мог любоваться твоей красотой.

Он подвел парня к низкому дивану и усадил в центре.

- Вождь Бешеный Кузнечик? - Старик окинул раба счастливым взглядом и повернулся к Алану.

Разительная перемена! На Викторию будто посмотрел отец Пауль. Такой же оценивающий, холодный взгляд-рентген, внимательный, любопытный и очень живой. Словно это не он только что бегал, восторженно причитая вокруг Неженки, как чокнутый профессор. И все же в глазах советника мелькало нечто нездоровое, какая-то легкая одержимость.

- Давно хотел с вами познакомиться, кир Алан. - Он кивнул на кресло, а сам сел на кончик стула. - Вы принесли документы?

Алан вопросительно посмотрел на Длань, тот слегка нахмурился.

- Кир Алан сегодня просто зашел познакомиться и вернуть вашу вещь. Договоры он принесет в следующий раз.

- Вот как, что же, это похвально. Я прикажу привести женщину. - Старик слегка суетливо поднялся со стула и, подхватив золотой колокольчик на длинной ручке, позвонил в него. Дверь распахнулась, в кабинет заглянул воин. - Вели явиться кирене Валии.

Советник спрашивал о чем-то еще, конт что-то отвечал, но по суетливым движениям, по частой перемене поз, по резкому вставанию с места Виктория поняла, что собеседник ждет не дождется, когда они уйдут, что он принял какое-то решение и все его мысли далеко.

- Кир Алан, я слышал, вы сделали успешную операцию по извлечению плода из живой женщины. И мать и дитя после этого выжили. Это правда? - вдруг резко сменил тему кир Мар Марган.

На Викторию вновь смотрели умные заинтересованные глаза.

- Да, это так.

- Я бы хотел обсудить с вами детали! Может быть, вам известны способы сохранения мертвой плоти в первозданном виде? Горцы засыпают трупы солью.

- Да, я тоже слышал о таком методе. - Виктория несколько секунд подумала, прежде чем ответить, но затем решила не ссориться с советником раньше времени. - Можно поместить в спиртовой раствор, предварительно заменив кровь спиртом.

- Спирт?

- Продукт перегонки вина.

- Да, да. Я слышал, северные народы делают такое с забродившим соком, - в глазах советника вспыхнул лихорадочный интерес. - А каким образом поместить его в кровь?

- Есть специальные приспособления, - начал конт, подумавший: «А вдруг удастся с помощью советника заказать ювелирам шприцы?»

Дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену. В комнату неспешно вошел высокий белокурый мужчина в желтом блестящем халате, накинутом на голое тело, и кожаных тапочках на босу ногу. За его спиной маячили двое воинов - барон Семух и коренастый, обритый налысо мужчина с правильными чертами лица. Виктория поняла, что это, наверное, и есть Лесник - начальник внутренней охраны. Мужчины бросали друг на друга неприязненные взгляды. Увидев, кто вошел в кабинет, советник откровенно

скривился и прикрыл ладонью глаза.

– Я ведь просил не входить ко мне с этим...

Алан подошел к Длани и вопросительно поднял бровь.

– Ур-родом, – шепотом перевел ему Алвис и слегка улыбнулся. – Вы так и не вспомнили некоторые слова? – не удержался он от подколки. – Это герцог Вас'Хантер.

– Мар! Это моя охрана! – Вас'Хантер откровенно усмехался, глядя на отворачивающегося старика.

– Твоя охрана, мальчишка, может подождать за дверью, а не выжигать мне глаза своим безобразным видом!

– Как ты мне надоел со своими причудами! Убирайтесь оба! – заорал герцог на воинов.

Сопровождающие герцога поклонились и вышли, при этом лицо Семуха оставалось безучастным, а вот лысый зыркнул на хозяина с плохо скрываемой ненавистью.

Виктория подумала, что если бы на нее так смотрели, она бы заказала столяру гроб.

– Зачем тебе Валия? – Герцог сел в кресло, вытянув ноги и закинув руки за голову. Он окинул конта долгим снисходительным взглядом. – Очередные просители ее руки и тела?

– Я поменял девчонку на нужного мне человека, – уклончиво ответил советник, постукивая по подлокотнику стула сухими узловатыми пальцами.

– На этого красавчика? – Герцог с плотоядным интересом рассматривал Неженку. – На этот раз тебе достался действительно хороший экземпляр. За такого не жалко отдать девку.

– Ты же давно хотел избавиться от нее. Вот и избавишься.

– Да мне, собственно, все равно. Последний год она ни на что не реагирует и изрядно мне надоела. «Как прикажете, хозяин. Как вам будет угодно, хозяин. Прекрасная погода, хозяин. Полуночницы в этом году цветут дольше, чем обычно», – тонким противным голосом передразнил он кого-то. – Забирай, если она тебе нужна. Но только после приема!

– Мне она нужна сейчас, – спокойно произнес советник.

– Здесь я принимаю решения! – процедил герцог, его глаза заволакивало бешенство.

– Ты? Ты без меня шага ступить не можешь, щенок. Твоих мозгов хватает только на то, чтобы девок портить да мечом размахивать. Ты никчемный неудачник. Без меня ты не продержишься на троне и дня, – холодно отчеканил советник.

Герцог Вас'Хантер скривил губы, и Виктория решила, что он сейчас бросится на старика, но мужчина молча развернулся и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Кир Мар проводил его усталым неприязненным взглядом.

Спустя несколько минут в двери робко постучали и в комнату вошла женщина. Алан и Длань вскочили со своих мест. Просто потому, что нельзя было не встать перед этой женщиной.

Она двигалась легко и непринужденно, несла себя с достоинством и грациозным величием, высоко подняв голову, но при этом взгляд ее был опущен, а руки сложены на животе. Ее поза говорила о покорности, но это не была покорность сломленного существа. Высокая стройная фигура, которую не портило простое зеленое платье без пояса. Маленький, красиво очерченный рот, тонкий нос с едва заметной горбинкой, ясно-голубые глаза под дугами темных бровей. Волосы редкого оттенка спелой ржи свободно струились по плечам. Она была красива холодной северной красотой.

Мягкое выражение лица и абсолютно пустой взгляд.

Женщина застыла посреди комнаты напротив кира Мара.

– Она красива, но, к сожалению, ее тело испорчено замужеством и родами. Для моей коллекции она не подходит, поэтому я согласился обменять ее на мальчика. Но она украсит гарем вождя. Валия, ты понимаешь, о чем я говорю?

Кир Мар подошел и приподнял женщине подбородок, заглядывая ей в глаза. Она улыбнулась рассеянной улыбкой и тихим неживым голосом произнесла:

– Я понимаю тебя, кир Мар. Ты хочешь, чтобы Валия пошла с этими мужчинами.

– Вот и умница. Скоро тебя ждет новый дом, а теперь ступай.

Алан молчал, пытаясь унять сердцебиение и удержать на лице маску бесстрастного мерзавца. Голос и слова, произнесенные женщиной, настолько не вязались с ее внешним видом, что Виктория закричала внутри сознания, протестуя, желая размазать по стенам всех тех, кто довел Валию до этой покорности, до этого безразличного состояния. Перед глазами всплыли самодовольное лицо герцога, его презрительные слова. Господи, через что пришлось пройти этой молодой женщине? Как она жила все эти годы? Как пережила известие о смерти мужа и сына? Неудивительно, что ее разум воздвиг защитные стены и ушел глубоко в подсознание.

– Я показал вам женщину, но отдам ее только после приема. Вы сами слышали приказ этого мальчишки-герцога. Иногда он бывает очень строптив. Не хочу рисковать. Кир Алан, я жажду продолжить наш разговор на лекарскую тему. Надеюсь, вы сумеете оценить мою коллекцию! – Советник поднялся, давая понять, что аудиенция закончена, и, забыв о посетителях, повернулся к Леонардо – Мальчик мой, а мы с тобой пройдем в лабораторию...

– Нет!

Решение пришло спонтанно. Виктория вдруг осознала, что не сможет оставить Неженку этому чокнутому старикану. Просто не сможет! Кто знает, что и как он собирается проверять? Вдруг ему придет в голову проверить внутренние органы парня? Она в душе поблагодарила герцога за его упрямое желание не отдавать Валию сегодня.

– Я отдам вам раба, когда получу женщину. Только на таких условиях. Леонардо, оденься, мы уходим!

– Кир Алан! – попытался вмешаться Алвис.

– Мне была обещана женщина! Нет женщины, нет обмена. Леонардо, поспеши!

Неженка уже натягивал сапоги, одеваясь с такой скоростью, с какой, наверное, никогда этого не делал.

– Кир Мар, мы вернемся, – произнес с поклоном Алан и тут же подсластил пилюлю: – Я принесу описание операции «инвертово сечение», коли она вас интересует.

Советник растерянно смотрел, как раб прячется за спину конта, и лишь кивал в ответ, беззвучно открывая рот. Как бы его удар не хватил. Точно одержимый. Но Мар Марган быстро взял себя в руки, на мгновение прикрыл глаза, а когда раскрыл их, Алан содрогнулся. Перед ними стоял не странный старик, одержимый красотой, а истинный владетель этих земель.

– Это справедливо. Вождь Алан Бешеный Кузнечик, приглашаю вас и вашего раба посетить мою лабораторию. Брат Искореняющий, вы можете подождать в кабинете.

Виктория про себя усмехнулась, увидев разочарование, мелькнувшее в глазах Длани.

Они прошли через двойные двери и оказались в большом помещении, полностью заставленном длинными стеллажами.

– Моя гордость. Работа всей моей жизни заключена здесь, – махнул рукой советник,

приглашая Алана пройти внутрь.

Виктория была в шоке от увиденного, но, с другой стороны, она была в совершеннейшем восторге. Такое сочетание безумства и гениальности до сих пор встречалось ей только в книгах.

– Что скажете? – Советник в нетерпении потирал ладони. Он стоял у двери, держа Неженку за руку, и издали следил за бродящим между стеллажами контом.

– Это потрясающе! – искренне ответил Алан. – Сколько лет вы собирали эту коллекцию?

– Всю свою жизнь! – скромно ответил советник. – Всю свою жизнь! Я достиг высшей точки, какой только могут достигнуть человеческие способности!

Кунсткамера. Сотни засушенных и аккуратно приколотых к дощечкам насекомых, чучела животных, рыб, птиц. Плавающие в банках черви, жабы, личинки, змеи. Множество отвратительных, неприглядных, непонятных существ. Под каждым экспонатом бирка. Все систематизировано, аккуратно расставлено на полках, все в зоне досягаемости.

– Пойдемте, пойдемте! Я покажу вам библиотеку! А потом вы увидите мое самое любимое творение!

Они перешли в соседний кабинет, и Виктория задохнулась от восторга. Книги! Вдоль одной стены от пола до потолка тянулся стеллаж, уставленный книгами, свитками, картами и просто стопками бумаг!

– Кир Мар, я готов здесь поселиться, – с благоговением прошептал Алан, чем вызвал у советника неподдельное уважение.

– Отец Пауль писал, что вы можете разъяснить мне кое-какие рисунки, обнаруженные в старинных книгах.

Он снял с полки большой потрепанный том и очень осторожно, словно тот мог рассыпаться, водрузил его на стол. Затем аккуратно открыл заложенную деревянной дощечкой страницу. Виктория подошла ближе и стала за спиной пожилого мужчины. От него пахло горечью и старостью. Очень неприятный запах. Зато как удобно вогнать тонкое лезвие в шею, в основание черепа...

– Вот! Как вы считаете, что здесь изображено?

Твою мать! Да это, похоже, учебник по медицине! Очень потрепанный, без половины страниц, со стертыми от старости буквами и выцветшими фотографиями, но он!

– Откуда это у вас? – шепотом спросил Алан, ему казалось кощунственным разговаривать громко рядом с этим раритетом.

– Нашел в развалинах одного города, – так же шепотом ответил советник.

Сейчас их объединяла тайна, только им обоим подвластное время, вернее, отзвуки далеких времен.

– Я проводил по нему исследования. Разрезал тела, сравнивал. Записывал. Учился. Сопоставлял.

– Это примитивный механизм для измерения давления крови. – Алан чуть коснулся пальцами фотографии и осторожно перевернул страницу. – А это шприц! То, о чем я вам недавно говорил! Смотрите. Это игла, она полая внутри, через нее в стеклянную колбу подается лекарство, а затем игла вводится в мышцу, и лекарство попадает в организм.

Советник молчал. Алан поднял глаза и осторожно отодвинулся от стола. Кир Мар смотрел на него как на живого бога.

– Это прекрасно. Вы будете мне помогать. Теперь я осуществляю свою мечту, – тихо произнес он. – Отец Пауль был прав! Вы знаете то, о чем все давно забыли. Ах, ведь эти глупцы Искореняющие сжигают таких, как вы, на кострах. Они не понимают, что знания

нужно беречь! Придумали какую-то анчуту! Дураки! А теперь расскажите мне о перегонке браги в спирт.

Надо же, запомнил слово!

– Я вам лучше нарисую.

Кир Мар тотчас достал из стола бумагу и угольный карандаш, и Виктория как сумела изобразила примитивный самогонный аппарат, попутно объясняя принцип его работы. Советник с интересом слушал, задавал вопросы, и спустя какое-то время Виктория поняла, что с азартом и интересом обсуждает с ним возможности использования спирта в медицине. Это было так здорово – поговорить с тем, кто тебя понимает. Сколько прошло времени, сказать точно она не смогла бы, но вот кир Мар на мгновение задумался и решительно повернулся к Алану.

– Я вам покажу! – торжественно сообщил он, обращая к конту горящие нездоровым блеском глаза. – Только вам, потому что вы достойны! И мальчику будет полезно увидеть, какая великая участь его ожидает! Ведь молодость так быстро проходит!

Старик провел их за ширму и распахнул скрывавшуюся за ней дверь. Потянуло холодом и запахом разлагающихся тел.

– Немножко неприятно пахнет, но вы быстро привыкнете, – радостно сообщил советник, зажигая один факел из стопки, лежащей у двери. – Осторожно, здесь ступени. Они ведут под гору.

Виктория не хотела привыкать к запаху, и заходить внутрь она тоже не хотела. Однако не стоило терять с таким трудом налаженный контакт, и, подумав секунду, она шагнула за порог. Им ничего не грозит, утешала она себя, спускаясь вниз за мерцающим отблеском факела.

Чем ниже они спускались, тем холоднее становилось и тем сильнее воняло разложившимися трупами.

– Ты сумасшедший.

Алан, зажав нос и старательно дыша через рот, двигался вдоль стены небольшой пещеры. Головы, руки, ноги, органы в банках. Мумифицированные трупы различной степени «свежести». Сразу видно, что советник пытается подобрать различные составы для мумификации. Некоторые тела были почти черными, некоторые коричневыми. Больше всего Викторию поразил мумифицированный труп девочки в роскошном платье с золотой маской на лице.

Советник зажег четыре факела по углам, и Виктория увидела большой ящик, заполненный солью.

– Я воспользовался советом горцев. – Мужчина подошел и сгреб соль в сторону, обнажив лицо девушки. – Только я забыл уточнить, соль должна быть сухой или растворенной в воде. Поэтому я решил попробовать два варианта. Здесь стоит ванна с соляным раствором. Но пока она пуста. Та прекрасная дева, что займет ее, еще не готова.

Сердце рухнуло вниз, Алан бросил быстрый взгляд на Леонардо, руку которого старик так и не выпустил из своих цепких пальцев. Парень был бледен и испуган, но в глазах раба впервые появилась ненависть.

– Лучше всего трупы замораживать. Хранить в горах на леднике. В пещере, где никогда не бывает тепло. Такой труп всегда будет выглядеть так, словно человек спит. Трупы лучше всего обливать водой и превращать в ледяные скульптуры.

– Я об этом не подумал, – пробормотал советник. – Но почему я об этом не подумал! – воскликнул он, с яростью ударяя ногой по большой бочке. – Ведь так горцы хранят мясо! Столько прекрасных лиц погублено! Такое простое решение, а я его не видел! Я искал выход в науке, а можно было заставить рабов прорубить ступени в горах, там, где лошади не смогут пройти. – Голос его зазвучал более тихо и отстраненно, словно кир Мар

разговаривал сам с собой. – Работать будут день и ночь, но сделают подъем. Я создам гробницу-усыпальницу, и, когда придет мое время, сам лягу там в окружении самых красивых людей этого мира. Да! Я не стану прерывать исследования, но и вариант со льдом следует испытать. Подготовить себе достойное место для вечного упокоения. Мое тело не сожгут! И Вадий не дожидется меня у реки Забвения! – Он тихо рассмеялся, и от этого смеха по спине Алана прокатился озноб. – Но мне нужна достойная компания... да, достойная, и этот прекрасный мальчик будет вечно лежать рядом со мной.

Алан бросил взгляд на советника, тот отошел к столу и, поставив перед собой Неженку, стал что-то ему показывать. Не достать, а если выжидать, пока подойдет ближе, может догадаться, что у конта руки чешутся засадить ему в горло засапожный нож.

– Ты будешь со мной вечно!

Леонардо в ответ громко всхлипнул.

– Нам пора, кир Мар, – как можно мягче произнес Алан.

Гениальный, беспринципный безумец. Викторию передернуло. Кир Мар напоминал ей тех ученых нацистов, которые ради «высоких целей» истребляли тысячи людей, проводя свои бесчеловечные эксперименты.

– Да, да.

Они вернулись в кабинет.

– В данный момент мне не нужны разногласия с Храмом, только поэтому я позволяю вам уйти, – неприязненно глядя на Длань, холодно произнес советник и, не дожидаясь ответа Искореняющего, повернулся к напряженному конту. – Граф Валлид, если в день приема вы не вернетесь, то Игушетии придется выбирать нового верховного вождя, – жестко сказал он. – Думаю, мне не нужно говорить вам, что побег будет расценен как объявление войны?

Алан кивнул. Они вышли в коридор и направились к выходу.

– Что так напугало вашего раба, кир Алан? – покосился на Неженку Алвис.

Виктория только сейчас обратила внимание на бледность парня.

– Леонардо! Смотри мне в глаза!

Художник не посмел послушаться. Затравленный, испуганный взгляд, наполненный паникой и звериным ужасом. По скуле стекала капля пота. Кролик, загипнотизированный удавом.

Алан хорошенько встряхнул раба.

– Испугался? Уже все позади. Ты вел себя достойно. Я горжусь тобой.

– Я в-вел достойно? – недоверчиво переспросил парень. Его начал бить озноб, и Алан крепче прижал его к себе.

– Я не знаю человека смелее тебя, Лео. Верь мне, – шепнул конт парню в макушку, представив, что пришлось пережить художнику, своими глазами увидевшему, какую участь уготовал ему советник. – А теперь давай отсюда выбираться, пока никто не решил проверить, чем мы здесь занимаемся.

– Почему вы не оставили его советнику? – прошипел Алвис, когда они отошли от покоев кира Мара.

– В какой это гарем я хочу забрать Валию? – вопросом на вопрос ответил Алан, игнорируя реплику Длани. Он стремительно шагнул за Искореняющим и тащил художника за руку. В душе кипела злость.

- А какую еще причину я мог озвучить, кроме вашего желания обладать этой женщиной? Не забывайте, какая репутация у графа Алана Валлида! - Длань тоже едва сдерживался, и это было настолько удивительно, что Алан моментально прекратил злиться.

- Она действительно слегка не в себе.

- Это лечится.

- Герцог даже не поинтересовался, кто мы такие.

- Мне сложно понять его мысли и мотивы. Он глуп! Я так часто ошибался в расчетах, приписывая герцогу ум и хитрость, а оказывалось, что мне противостоит советник, а не этот идиот, - с сарказмом заметил Длань. - Я уверен, что он не поинтересовался у капитана, кто в гостях у кира Мара. Верите, он даже меня не узнал, хотя это я короновал его, - уже спокойно пояснил Алвис. - Он просто решил показать советнику, что он здесь хозяин, как ребенок, который не может ответить достойно и гадит по мелочам. Надеюсь, нам дадут уйти. Нужно поспешить, пока кир Мар не решил, что раб ему нужнее хороших отношений с Храмом. - Он свернул в темный проход, кивком головы приглашая следовать за ним. Затем приложил палец к губам, призывая к тишине.

Ну прям квест по заброшенному замку.

Они еще долго шли по каким-то пыльным, неосвещенным закоулкам, и Виктории казалось, что она попала в приключенческий фильм. Вот сейчас откроется потайная дверь и они окажутся либо в сокровищнице, либо в каменном мешке. Но реальность была более прозаичной, они вышли в коридор, ведущий к выходу. Однако Алвис свернул в небольшой каменный отнорок и остановился напротив узкой двери. Стукнул в нее несколько раз и, не дожидаясь ответа, толкнул.

- Жди здесь, - бросил он рабу и посмотрел на Алана. - А вы следуйте за мной.

Стол, стул, высокий подсвечник, узкая кровать. На кровати сидел бритый тип, который сопровождал герцога, - Лесник. Он криво усмехнулся и, поднявшись, приветствовал гостей кивком головы.

- Принесли?

- Да.

Искореняющий засунул ладонь в широкий рукав сутаны и извлек на свет увесистый кошель.

- Как договаривались.

Алан с прищуром рассматривал лысого, соображая, что еще затеял Алвис? Судя по всему, сейчас он самым натуральным образом подкупал начальника внутренней охраны.

- Вы гарантируете мне должность капитана? - Лысый требовательно посмотрел на конта.

- Да. Слово чести, - твердо ответил Алан, надеясь, что он угадал правильно и только что своими словами отказался подписывать себе смертный приговор.

- Тогда сразу после объявления о помолвке.

Что? Какой помолвке? О чем он? Кажется, сейчас прольется чья-то кровь!

Дождь лил сплошным потоком, словно небеса решили утопить этот город и его жителей. Пока добежали до кареты, промокли насквозь.

- Герцог желает получить трон Галендаса, - начал объяснять Алвис, как только они сели в карету.

Об этом Виктория знала еще с момента своего пленения бароном Линем, поэтому промолчала, ожидая продолжения разговора.

– Он давно предлагал оппозиции заключить брак между его дочерью и прямым потомком Айро.

– И?

– Это версия для начальника охраны. Лесник уверен, что вы станете следующим герцогом, а он займет место барона Семуха.

– А на самом деле?

– Вы точно не хотите жениться на дочери герцога? – ушел от ответа Длань.

– Алвис, иногда мне кажется, что убить тебя было бы проще, чем выслушивать твои идеи.

– Она красива, молода, из хорошей семьи. Отличная партия для короля. Этим браком вы укрепите связь с Ратией. Мать маркизы двоюродная племянница их короля.

– Ну и женись на ней, – зло прошипел Алан.

– Через несколько дней состоится прием в честь Большой ярмарки. Традиционно на нем будут присутствовать местные аристократы, старшины цехов и гильдий, а также купцы из других стран и представители соседних государств. Во время этого приема герцог погибнет от руки предателя. И там же я объявлю о том, что Турен Ли жив.

– Как все просто, – саркастически заметил конт.

– Не просто. Но я долго над этим работал, – серьезно ответил Алвис.

Вот и пойми, что он думает на самом деле.

– Барон Семух тоже в этом замешан?

– Нет.

– Значит, его ты используешь втемную?

– Мне кажется, я правильно понял значение этого выражения. Да, он сделает то, что мне надо, не зная об этом.

– А советник?

Алвис недобро улыбнулся, многозначительно глядя на Алана.

– Тварь!

– Мне жаль.

– У тебя нет необходимости вытаскивать мать Турена, тебе нужно было заставить меня отдать ему Леонардо. Ты знал, что я не оставлю в беде своего человека.

– Советник одержим человеческой красотой. Он давно ищет методы и способы сохранения образцов физического совершенства для потомков. Он очень хороший лекарь. Думаю, Марган попробует сделать раба украшением коллекции, тем более что вы сегодня подсказали ему несколько оригинальных решений.

– Но раб у меня.

– Только до приема. Вы не сможете оставить мать Турена Ли на растерзание герцогу. Представляете, какая прощальная ночь ее ожидает? А если из-за нее советник не получит свою игрушку, ее смерть будет долгой и мучительной. Как после этого вы сможете смотреть в глаза Турену?

Драться в маленькой карете было глупо. Особенно с Алвисом. Но Алан не сдержался.

Глава 13

Когда Ирий дал людям Закон, усмехнулся коварный Вадий, и внушил он неразумным чадам, что Закон не для всех един. Для кого-то это свод правил, а для кого-то – возможность получить желаемое обманным путем. Но и первым, и вторым нужно знать и понимать Закон, чтобы использовать его себе во благо.

Его ждали. В гостиной у зажженного камина сидели Турен, Левис, Иверт и Хват. Когда конт вошел в помещение, они дружно подняли на него глаза. Алан со злостью швырнул мокрый плащ на пол, потребовал у прибежавшего Берта полотенце, промокнул кровоточащую рану на скуле.

– Кто это тебя так? – Иверт причмокнул языком и накинул на плечи друга одеяло.

– Ты еще Алвиса не видел, – хмыкнул конт. – Берт, приготовь горячую ванну.

Да. В этом доме имелась настоящая каменная ванна. И это было так роскошно, что Алан с тоской думал о возвращении на фронт.

Молчание затягивалось, Виктория вдруг поняла фразу «беда витала в воздухе». Больше тянуть было нельзя, конт повернулся к Турену:

– Я не отдал им Леонардо, и я видел кирену Валию. С нею все в порядке.

На мальчишку больно было смотреть. Он подался вперед в ожидании худшего известия, но Виктория ничего не могла ему сказать.

– Я заберу ее после приема. Тур, мы с тобой оба – маленькие люди в большой игре Наместника. Но мы можем сыграть свою игру.

– Я готов, – кивнул мальчика. Они уже говорили на эту тему, когда гадали, чего именно хочет Длань и каким образом он будет действовать.

– Ты готов отказаться от герцогства?

– Вы ведь вернете мне его? Потом? – В глазах Турена мелькнуло веселье.

Всего лишь на несколько секунд, но это было так тепло и необычно, что Виктория почувствовала горячий обжигающий ком, разрастающийся в груди. Ей очень хотелось видеть этого ребенка смеющимся. На мгновение она вспомнила своих сыновей, когда они были подростками. Проказы, шутки, беззаботное веселье. Трое бесшабашных веселых дружных мальчишек. Как они с мужем их любили! И она кивнула в ответ одному из тех, кто уже давно стал для нее сыном.

– Я завещаю тебе его.

Они переглянулись и улыбнулись, Алан взъерошил волосы Турена и повернулся к почтенному Левису, задумчиво и грустно следящему за ними.

– Почтенный Левис, мне бы хотелось заверить официальные бумаги, не возьмешь ли ты на себя труд пригласить человека из городской канцелярии?

– Почтенный Левис знает такого человека. Законника. Он немедленно пошлет за ним. – Толстяк, кряхтя, поднялся с кресла. – Кир Алан, вы ведь понимаете, что своими действиями лишаете кирену Валию сына?

– Думаю, она меня простит, – кивнул конт, недовольный догадливостью купца. Хотя, что это он, Левис – друг семьи, и пока попрекнуть его нечем.

«Ага, Алвис тоже друг семьи», – тут же вылез противный внутренний голос.

«Ты параноик».

«Поэтому мы и живы».

«Боюсь, живы мы потому, что Учителям от нас что-то надо».

Законник приехал с двумя помощниками, и через час вождь Иверт Ураган и почтенный купец Левис засвидетельствовали усыновление графом Аланом Валлидом, верховным вождем Игушетии, бывшего раба Турена Ли. Конт объявил его старшим наследником и отписал во владение замок Роган с прилегающими к нему землями.

Перед тем как отправиться спать, Алан успел принять ванну и проведать Лиса. Парень харкал кровью, был бледен, но пытался улыбаться. Рядом с ним сидели Оська и Ворон. Они играли в камешки и тихо беззлобно переругивались.

– Ворон, ты остаешься рядом с больным. В эти дни ты мне не нужен, со мной будет Длань Наместника, а значит, мне ничего не грозит. – И жестко добавил, увидев, что телохранитель открывает рот, чтобы возразить: – Не обсуждается.

Оська скорчил серьезную рожу и, показав Ворону язык, первым выскочил из комнаты.

– Алан-балан, ты когда был на исповеди?

– Давно, а что?

– А в храм ходил?

– Ты же знаешь, что нет.

– Сходи.

С этими словами шут рванул по коридору и скрылся за какой-то дверью.

К словам Оськи стоило прислушаться, поэтому на следующий день конт Алан Валлид в компании других наемников стоял среди прихожан и слушал брата Взывающего в большом круглом храме, расположенном на центральной площади.

А через час общался с бароном Семухом в маленьком уютном трактирчике «У Антонио». А может, заведение называлось не «трактир», а как-то по-другому, но Виктория перевела для себя именно так.

Разговор крутился вокруг оружия, горцев, кольчуг, полосы препятствий и прочих столь любимых мужчинами бесполезных вещей. Барон мало рассказывал о настоящем, в основном обсуждались сражения прошлых лет, и Виктория никак не могла перевести разговор в нужное ей русло.

– Со мной встречался Мэтью Гарнер. – Семух сам соскользнул на опасную тему. – Я приносил клятву герцогу Вас'Хантеру, и хотя мне очень не нравится то, как он поступил с юным маркизом и его матерью, предателем я не стану.

– Я не прошу предавать герцога. – Алан твердо смотрел в глаза капитана. Сейчас главное не дрогнуть. – Я ничего не имею против него, но советник хочет забрать моего человека.

– Того красавчика-раба? – Семух откинулся на стуле и с сожалением посмотрел наонта. – Хотите знать, что его ожидает? Три дня кир Мар будет держать его на диете, чтобы вывести из тела лишнюю жидкость. Потом он пустит ему кровь, а тело погрузит в смолу или еще куда-нибудь. Кир Мар одержим анчуттой, только храмовники этого не видят. Слишком выгодна Наместнику дружба с советником. Кир Мар никого не пускает в свою лабораторию, но я был там однажды. Везде части тел в больших прозрачных сосудах и трупы. Раньше я думал, он собирает красивых людей, чтобы любоваться, но мальчики и девочки стареют, а кир Мар желает сохранить их красоту навечно.

– Я убью его, – непроизвольно вырвалось у Виктории.

Она имела в виду Алвиса, но барон понял словаонта по-своему.

– Герцог очень амбициозен и хочет большего, чем Вас'Хантер. А у кира Мара обширные связи во многих правящих домах. – Он подозвал подавальщика, расплатился и встал, придерживая меч. – Я не охраняю кира советника. У него своя служба охраны.

До встречи, сир.

– До встречи, капитан...

Алан остался сидеть за столом, обдумывая то, что сказал барон, и то, о чем он промолчал.

– Бедный Неженка! – воскликнул Иверт, когда Алан рассказал о разговоре с капитаном. – Так вот отчего советник спрашивал у тебя, как сохранить трупы! Почему ваши ксены не сожгли его, а? В нем живут злобные духи!

– Алвис планирует устранить герцога до приема, тогда же будет арестован советник. Мы с Леонардо прибудем перед самым приемом. Не думаю, что кир Марган успеет причинить вред нашему художнику.

Очень хотелось в это верить, иначе все было бессмысленно.

Иверт ходил по комнате Лиса, то и дело меняя направление и пытаясь ткнуть Ворона пальцем.

– Что ваши боги говорят о таких ур-родах?

Ворон молчал и каждый раз уворачивался от пальца горца, что вызывало у Иверта еще большее желание попасть в парня.

– Тихо!

Алан покосился на дремлющего Лиса и покачал головой. Они просто зашли проведать рыжего, но Иверт был так зол, что не удержался и вывалил на парней всю информацию. Оська тихонько сидел на кровати и, нахмутив лоб, о чем-то сосредоточенно думал, одновременно следя за перемещениями горца по комнате.

– Вороненок, а что тебе написал старикан в белой простыне?

– Не вмешиваться, но если кир Алан попросит помощи, оказать ее, – флегматично ответил Ворон, словно только и ждал этого вопроса.

– Вот! – поднял Оська палец вверх. – Беги в храм, и пусть они поддержат нашего принца, когда он скинет в речку старого герцога!

– Я схожу, но ничего не обещаю, – кивнул телохранитель и вышел из комнаты.

– Что это было? – Алан непонимающе посмотрел на шута.

– Оська, ты шут или Наместник? – Иверт плюхнулся на стул, с которого встал послушник.

– Оська хорошо играет в камешки, – захихикал шут. – А Ворон плохо!

Следующие несколько суток перед приемом слились для Виктории в одну сплошную нервную чехарду. Мэтью не подвел, и переговоры с купцами и старшинами цехов дали свои результаты. Фронтир был лакомым куском для торговцев. Да еще известия о переезде школы Учителей в Виктоград, о строительстве порта и города добавили ему привлекательности. Все переговоры проходили втайне, и каждый из старшин думал, что именно его цеху сделали самые интересные и выгодные предложения. Виктория обещала, хитрила, льстила, подкупала.

Алвис прислал письмо, в котором написал, что советник напоминает о договоренностях и ждет бумаги по интересующему его вопросу. Виктории даже думать не хотелось о встрече с Марганом, во время которой придется либо убить старика, либо оставить ему Неженку. Когда она думала о предстоящей встрече, у нее начинал дергаться глаз и постоянно хотелось что-нибудь разбить.

Деньги таяли, словно первый ноябрьский снег. Иверт и Мэтью носились по городу как две худые злобные гончие. Хват с каждым днем становился все сумрачнее и наконец не выдержал:

- Кир Алан, не могу я так больше! Оська же все рассказал! Как подумаю, что нашего художника будут резать на части, готов вот прям сейчас идти на Белую крепость. Может, отправите меня с каким поручением? Я проберусь да порешу советника, а? Ну не виноват же Лео, что таким красивым уродился.

- Нельзя, Хват. Все нужно делать по закону.

Алан промолчал о том, что фактически не спал ни одной ночи с тех пор, как вернулся из крепости. Стоило закрыть глаза, и он видел распятого на столе Неженку со вскрытыми венами и безжизненным взглядом. А еще он часто вспоминал стройную женщину с волосами цвета спелой ржи. Поняла ли она, что ее жизнь скоро радикально изменится? Знает ли, что сын жив?

В день приема суета достигла апогея. Алан не спал ночь, накручивал себя и все больше нервничал. Утром приехал портной с готовыми платьями. Конт полностью доверился вкусу Мэтью и через двадцать минут был облачен в темно-синий, почти черный упелянд с укороченными рукавами, застегивающийся до талии на жемчужные пуговицы. Он скрывал черные штаны и черную рубашку с воротником-стойкой, тоже украшенным жемчугами.

Виктория осмотрела себя в небольшом зеркале и осталась довольна. Будь она женщиной, обязательно обратила бы внимание на такого интересного молодого мужчину. Правда, слегка бледноватого и с синяками под глазами. Вылитый граф Дракула.

К обеду прибыли Мэтью и Мая.

- Что она здесь делает? - прошипел Иверт, увидев выходящую из кареты девушку.

- Будет сопровождать тебя на приеме.

- Зачем? - Иверт нахмурил брови, но стоило девушке подойти ближе, как тут же расплылся в улыбке.

- Женщина, ты похожа на...

- На королевну. - Алан отодвинул горца в сторону и искренне поцеловал Мае ладошку. - «Подарочек», я даже не знал, что ты можешь быть такой обворожительной и желанной.

Мая в длинном кремовом платье действительно казалась нежным невесомым перышком. Она держалась с достоинством аристократки, и только в глазах плясали знакомые веселые чертики.

- Хороша! Ну-ка повернись!

Девушка повернулась и кокетливо присела.

- Ах, сир, вы так любезны, - пропела она, косясь на кривящегося Иверта.

Алан только усмехнулся. Ему легко было расточать Мае комплименты, перебрасываясь шуточками и подколками. Может быть оттого, что она никогда не нравилась ему как женщина, и воспринимал он ее как подружку?

- Скажи, что она красавица! - толкнул конт горца в плечо.

- Зира красивее, - буркнул Иверт и, увидев полный сочувствия понимающий взгляд Алана, взорвался: - Может, мы уже отправимся?

Валлид только глаза к небу закатил и, подхватив Мэтью под руку, направился ко второй карете. Им еще было что обсудить в пути.

На этот раз Белая крепость встретила их шумным многолюдьем. По двору сновали многочисленные слуги и рабы, дефилировали дамы в сопровождении разодетых мужчин. На стенах стояли воины в парадных мундирах. Везде виднелись вымпела, флаги, цветы.

Правда, оружие их попросили оставить в каретах.

Подошел улыбающийся Алвис в безукоризненно отглаженной черной сутане, подпоясанной белой кордой.

– Добрый день, кыры. – Он осенил их знаком Вадия и махнул рукой в сторону центрального входа. – Где Турен Ли?

– В карете.

– Отлично. Кир Мэтью, не смею вас больше задерживать.

– Не совру, если скажу, что с радостью покину ваше общество. – С безукоризненной улыбкой на устах Мэтью поклонился и отошел к кучке оживленно разговаривающих купцов.

– Герцог Вас'Хантер желает с вами поговорить.

– Какое совпадение! – воскликнул конт. – Я тоже желаю с ним поговорить! Но с советником раньше!

– Кир Алан, не стоит заставлять герцога ждать...

– Алвис, ты чего-то не понимаешь? – Алан холодно посмотрел на Искоряющего. – Я верховный вождь независимого государства, мой титул равен титулу короля, и ты считаешь, что я должен бежать по зову какого-то... герцога?

– Но Игушетию не признала ни одна страна!

– Учителя признали, – с ухмылочкой парировал Алан. – Алвис, выпей пока что-нибудь, – небрежно махнул он рукой.

Ну не удержалась Виктория! Просто жутко захотелось стереть с лица Длани выражение безукоризненной спокойной уверенности.

Алвис смотрел вслед удаляющемуся конту, которого сопровождали Неженка и двое ветеранов, и улыбался. Искренне улыбался. Он думал, что Наместник недооценивает этого непростого вождя. И Учителя недооценивают, хотя, конечно, в меньшей степени. Или, быть может, ему что-то неизвестно?

– Он странный, но за ним идут люди, – послышался сзади голос Мэтью. – А ведь он возьмет трон своего отца, и тогда вашему Ордену придет конец.

– Храму давно нужны перемены, – не оглядываясь, ответил Искоряющий, прислушиваясь к удаляющимся шагам. – Интересно, а какие цели преследуешь ты, бывший друг? – едва слышно спросил он и направился в сторону зала приемов.

Ксен решил, что лучше быть ближе к эпицентру событий, потому что с этим бастардом ни в чем нельзя быть уверенным. Да и не мешало бы самому проверить, как выполнит работу убийца герцога, и помочь, если он вдруг передумает...

– Кир Алан Валлид, – им заступил дорогу отряд воинов, возглавляемый бароном Семухом, – следуйте за мной. Вашим воинам лучше вернуться к карете, а вашего раба проведут.

– Куда?

– В комнату, где он сможет вас дожидаться.

Капитан был хмур и не смотрел конту в глаза. Виктория сразу почувствовала подвох.

– Это арест?

– Ни в коем случае, но я не рекомендую вам сопротивляться. Герцог приказал пускать в крепость только приглашенных гостей. Прошу вас не устраивать драку, сила не на

вашей стороне.

Виктория это понимала. Она кивнула воинам и ободряюще улыбнулась Неженке, хотя внутри все сжалось от дурного предчувствия.

– Сир, советник Марган ждет вас. За братом Искореняющим уже послали слугу, – слегка поклонился барон Семух.

Да чтоб он сдох!

Пока шли по коридору, на Викторию накатил мандраж – дурное предчувствие. В желудке собрался трясущийся ком, по спине скатилась капля пота, а зубы непроизвольно сжимались, заставляя дергаться желваки. Э, так дело не пойдет!

– Барон, у тебя выпить есть?

Семух отстегнул от пояса фляжку и подал конту.

– Что-то не так?

– Ты мне скажи. – Алан отпил крепкого вина, вернул фляжку и внимательно посмотрел на капитана.

«Господи, дай сил пережить разговор с советником!»

Но в этот раз или покровитель услышал просьбу, или судьба сжалась, или Вадий поспособствовал, только не успели они подойти к апартаментам советника, как дверь распахнулась и в коридор вышел Алвис.

– Мы ждем вас, вождь.

Какое официальное обращение.

Искореняющий пропустил Алана в кабинет и закрыл дверь. Виктория еще успела увидеть, как нахмурился барон и открыл рот, словно хотел что-то сказать, но передумал.

Кир Мар сидел за столом и внимательно читал какой-то документ. Рядом с ним стоял красивый парень в рабском ошейнике. Советник кивнул и сделал приглашающий жест, указывая на кресло. Тотчас появилась девушка, на манер гречанок одетая в белую тогу. Она встала на колени возле Алана и, поставив перед ним чайную пару, налила темного напитка из медного чайника, стоявшего на треноге на маленьком столике.

– Я вина не пью и вам не советую, – бросил кир Мар, не отрываясь от бумаг. – Кто составлял договор?

– Я, – ответил Алвис.

Ксен расположился в кресле напротив. Рядом с ним тоже стояла рабыня, она держала тарелочку с маленькими пирожками.

– Заметно. Весьма неглупый молодой человек, – словно здесь не было брата Искореняющего, буркнул советник, поднимая на Алана глаза. – Что же, герцог подпишет бумаги. Так и передайте Наместнику, хотя этот договор выгоднее вам, чем мне. Теперь давайте обсудим наши дела с Игушетией. Пожалуй, мы признаем ваши притязания на трон Галендаса, граф Валлид. И поддержим, – многозначительно добавил он, глядя на Искореняющего. – При условии, что вы женитесь на дочери герцога Вас'Хантера – Эмили. Она родственница короля Ратии, и это укрепит ваши позиции.

Прелесть! Без меня меня женили! Но Алан в ответ лишь улыбнулся и слегка склонил голову. Пусть расценивает, как хочет.

– Я подготовил проект договора о торговле, единых пошлинах и мирном соседстве. Ознакомьтесь. – Советник кивнул, и раб передал Алану документы.

– Благодарю, – автоматически произнес граф, принимая из рук юноши бумаги.

Виктория внимательно читала договор, но никак не могла сосредоточиться. Буквы складывались в слова, но смысл их ускользал. В душе нарастала паника. Дурное предчувствие сменилось твердой убежденностью – происходит что-то неотвратимое и неизбежное.

– Кир Мар, не могли бы вы кого-нибудь отправить за Леонардо? Мне будет спокойнее, если он окажется рядом.

– Он здесь? – Марган вскочил на ноги.

Виктория опустила бумаги на колени и в очередной раз поразились разительной перемене, произошедшей с советником. Стоило заговорить о Неженке, как из холодного расчетливого политика старик превратился в восторженного юнца с безумным взглядом.

– Почему вы его не привели? Где мой мальчик?

– Но... – Алан растерялся и тотчас почувствовал, как кольнуло сердце. – Ему было приказано ждать в соседней комнате. Я думал, это ваше пожелание.

– Нет, – медленно произнес советник. – Я ничего не приказывал... Кто вам это сказал?

– Барон Семух.

– Щенок! Он решил мне перечить!

Советник с силой запустил в стену чашку и выбежал из кабинета.

– Начальника охраны ко мне! Срочно! – бросил кир Мар на ходу, и через мгновение их догнал тот лысый тип, которому Алвис давал взятку, в сопровождении двоих вооруженных воинов.

Они почти бежали по полутемным коридорам, спускались по лестнице и наконец остановились у широкой двери, покрытой резьбой. В другое время Виктория обязательно рассмотрела бы, что там изображено, но не сейчас. Сейчас она боялась, что они не успеют и произойдет нечто ужасное.

У двери стоял воин, он попытался что-то сказать, но наткнулся на такие свирепые взгляды, что только вытянулся в струнку и открыл перед советником дверь.

Первым она увидела герцога. Он вытирал окровавленные руки о белоснежное полотенце. И отчего-то именно это полотенце притягивало взгляд. Мимо проскользнул Алвис и стремительно кинулся к стене, возле которой лежал... Неженка. При первом взгляде на окровавленное тело Алан чуть не заорал, ему показалось, что с парня сняли кожу, но затем он понял, что это не так. Просто было много крови.

«Я не смогу, – прошептала Виктория где-то в глубине сознания. – Не смогу».

«Тогда заткнись», – зло ответил ей голос Алана.

– Прибежал посмотреть на свою игрушку, старый болван? Ну что же, смотри.

Голос герцога просто сочился ядом. Красивое лицо кривилось в презрительной гримасе, он, не отрываясь, смотрел на схватившегося за сердце советника.

– Ты стал слишком многое себе позволять, Мар Марган. Пришло время напомнить тебе, кто хозяин этих земель. Слышал бы ты, как он кричал, – продолжал издеваться Вас'Хантер. – Сопrotивлялся, даже посмел ударить меня! Но он жив, можешь забрать и любоваться на его лицо, чтобы впредь помнить, кто отдает приказы в Белой крепости.

Алан оторвал взгляд от полотенца и посмотрела на кира Мара. Тот хватал ртом воздух и, не мигая, глядел в угол. Там над окровавленным Леонардо склонился Алвис.

– Ты испортил идеальное тело, – тяжело, с отдышкой, прошептал советник. Губы старика посинели, мертвенно-бледная кожа покрылась влагой, он тяжело дышал и растирал грудь.

«Проблемы с сердцем», – отстраненно подумал Алан и глубоко вздохнул, медленно

считая до десяти. Сейчас не время расклеиваться, Неженку не вернуть. Алвис присел на корточки и почти полностью закрыл тело художника, но конт видел окровавленную ногу, вывернутую пяткой внутрь, и это вызывало в душе жгучую ненависть. Холодную, расчетливую, иррациональную ненависть.

Он сопротивлялся. Ударил герцога. Бедный мальчик. Он верил Алану. Ждал до последнего, пересилил свой страх, свою покорность.

– Тварь!

Кулак с хрустом впечатался в челюсть самодовольного садиста, следом нога с разворотом вошла в живот, герцог отлетел назад и упал. А правая рука Алана уже выхватывала из ножен кинжал.

Сзади хрипел советник.

– Лесник, убей! Убей герцога! Это приказ! – еще успел с отдышкой просипеть Марган, прежде чем рухнуть на пол.

Лицо старика приобрело землисто-серый цвет, на щеках и лбу появились синюшные пятна, вены на шее набухли и, казалось, вот-вот лопнут. Он задыхался.

– Лекаря, быстро! – гаркнул лысый начальник охраны. Хлопнула дверь – один из воинов побежал за помощью. – Эй, ты! – продолжал командовать Лесник. – Приведи капитана! – Опять хлопнула дверь. Наступила тишина.

– Я убью тебя, бастард! – Герцог поднялся с пола и метнулся к лежащему на столе мечу, но на его пути возник Лесник, бывший наемник, желающий стать начальником гарнизона.

– Сдохни, – прошептал он и всадил стилет в сердце владельца герцогства Вас'Хантер.

Вот и все. Не успело тело герцога коснуться пола, его убийца тоже уже был мертв. Алвис положил на стол изящный арбалет и, вытерев руки злополучным полотенцем, повернулся к Алану:

– Ваш раб жив. Но он уже никогда не будет таким красивым, как прежде.

– Жив?

– Герцог не хотел его убивать, он просто решил его изуродовать. Порезы многочисленные, но неглубокие. Парень без сознания. Я вправил ему вывихнутые руку и ногу, видно, он сопротивлялся...

Дьявол с нею, с красотой! Пока она приносила Неженке только страдания. Главное, что он жив. Жив!

Алан вдруг почувствовал головокружение и слабость, он осторожно опустился в кресло и потер виски.

– Неженку нужно срочно перевязать.

– Сейчас придет лекарь и все сделает. Киру Мару помощь уже не нужна, он мертв.

– И черт с ним!

– Простите, что вы сказали?

– Не важно. Что будем делать?

– Я не ожидал, что все сложится так удачно. Через рыску я объявлю о возвращении законного наследника.

– Удачно? Это ты называешь удачей? – Алан махнул рукой в сторону окровавленного раба. – Ты способен испытывать хоть каплю сострадания?

- Кир Алан, - жестко и холодно произнес Длань. - Он жив, что вам еще надо? Обстоятельства на нашей стороне. Правителю приходится многим жертвовать - личными привязанностями, свободой выбора, любовью... Привыкайте, сир.

- Мне не нужен трон, купленный ценой жизнью моих близких, - вяло огрызнулся конт.

- А вас никто не станет спрашивать, - прислушиваясь к шагам за дверью, ответил Алвис.

- Посмотрим.

Первым в комнату вбежал барон Семух, следом протиснулся пожилой мужчина с сундучком в руках. Он сразу бросился к советнику, но Алвис остановил его:

- Кир Марган мертв. Сердце не выдержало обрушившихся на него несчастий. Займитесь юношей.

Алан вскочил с места и ухватил за руку проходящего мимо лекаря.

- Сделайте все возможное, чтобы он поправился. Я в долгу не останусь.

- Я приложу все силы. - Доктор внимательно посмотрел в глазаонта и, видно, что-то увидел в их черной бездонной глубине, потому что мягко произнес: - Не беспокойтесь, я уже лечил такие... ранения. Все будет хорошо.

Повинуясь приказу капитана, в комнату вошли и застыли у двери два воина, еще двое замерли за спинами Алана и Искореняющего.

- Капитан, - взял на себя ведение переговоров Алвис, - между герцогом и его советником произошла ссора, результатом которой стало похищение раба. Когда кир Мар увидел, что сделали с его любимой игрушкой, у него случился сердечный удар. Но еще раньше он приказал начальнику охраны убить герцога. Насколько я знаю, Лесник был предан советнику. Он исполнил его приказ, я попытался предотвратить преступление, но не успел. Приношу свои искренние извинения за то, что убил предателя, а не взял его живым. Но у меня просто не было времени.

- Да, так и было, - согласно кивнул один из воинов, сопровождавших их от покоев советника. - Мы с напарником слышали, как кир Мар приказал Леснику порешить, значит, нашего хозяина. А сам он уже тогда за сердце хватался, и губы были как у утопленника.

- Сир? - повернулся барон к Алану, который с нездоровым вниманием следил, как лекарь промывает многочисленные раны на теле все еще бесчувственного Неженки.

Конт вздрогнул и отвел взгляд. Больше всего ему сейчас хотелось оказаться где-нибудь далеко отсюда. Там, где тепло, тихо и нет никаких проблем.

«На том свете», - мрачно констатировал внутренний голос.

- Да. Все так и было, - кивнул Валлид. - Прикажите приготовить комнату для раненого и пошлите человека за моими людьми. Охранять меня и моего раба будут воины Игушетии.

- Сделайте как говорит вождь Алан Бешеный Кузнечик, не стоит ссориться с соседями из-за пустяков. - Алвис серьезно посмотрел на капитана. - Кир Горий, прошу вас сообщить маркизе, что ее отец мертв, и не позволить панике распространиться по крепости. Сейчас вся власть в ваших руках.

- На каком основании вы мне приказываете, брат Искореняющий?

А этот капитан начинал нравиться Алану все больше и больше.

Алвис развязал корду и оголил плечо.

- Длань Наместника... Что же, думаю, вы уже знаете, кто станет следующим герцогом Вас'Хантер?

- Знаю.

– Если закон будет соблюден и наследник устроит гарнизон, мы не станем препятствовать. Десятников ко мне! – приказал он молоденькому воину, стоявшему у двери, и повернулся к конту.

– Сир, прошу вас пройти в общий зал. Не волнуйтесь за парня, о нем позаботятся.

Алан слегка склонил голову и тихо вздохнул.

– Ступайте, молодой человек, – не поворачиваясь, отозвался лекарь. – С ним все будет хорошо, только шрамы останутся.

– Это не страшно, – натянуто улыбнулся Алан. – Когда он очнется, скажите, что я горжусь им.

В коридоре их встретил злой как голодная тау Хват.

– Сир! Я так и знал, что этим... нельзя доверять!

– Тихо. Приставь к художнику наших людей.

Ветеран кивнул, и Алан вдруг почувствовал, что теперь все будет хорошо. Потом, сидя у кровати Неженки, он еще не раз упрекнет себя за случившееся с парнем, но сейчас волнение отступило, где-то в желудке растекся огонь предвкушения. Стало легко, появился азарт, как в карточной игре, когда блеф удастся и ты готовишь соперникам сюрприз.

– Хват, ты знаешь, что делать.

Зал приема был похож на кремлевский зал заседаний. Такой, каким его показывали по телевизору. Длинный стол в форме буквы «п» упирался в небольшое возвышение, отделенное от зала тремя ступенями. На возвышении, под большим знаменем с гербом герцогства, стоял трон. Современно, даже неожиданно.

Гости сидели за столами и переговаривались между собой, отчего в зале стоял тихий гул.

Алвис поднялся на возвышенность, за его спиной встали четверо воинов, еще двое остались у двери. Алан сел на свободный стул между Ивертом и Мэтью. Мая устроилась рядом с Ивертом, по другую сторону от горца.

– Как все прошло? – прошептала девушка, перегнувшись через Иверта, отчего горец так откинулся на спинку стула, что чуть не опрокинулся.

– Леонардо жив, а остальные нет, – усмехнулся Алан.

– Отлично, – Мэтью встал и вышел из зала.

Валлид заметил, что Алвис проводил его задумчивым и слегка напряженным взглядом. «Да, да, мой любимый враг, тебе пора волноваться!» – злорадно подумала про себя Виктория.

Постепенно народ затих и стал с удивлением смотреть на безмятежно стоящего у трона Искоряющего.

Наконец дверь распахнулась и в зал, чеканя шаг, вошел вооруженный отряд во главе с капитаном. Тут Виктория струхнула. Возможности такого расклада событий она не учла, а ведь если гарнизон воспротивится новому хозяину, то живыми отсюда они не уйдут. Воины разошлись по залу, занимая места в простенках между окнами, а капитан вышел вперед.

– Герцог Вас'Хантер убит предателем. Это известие так расстроило кира Мара Маргана, что его сердце не выдержало. Советник скончался две рыски назад.

Все как всегда – умные люди, предвидевшие такой поворот событий, промолчали и стали спокойно ожидать дальнейшего развития действий, а те, кто был не в курсе закулисных

дразг – засуетились, начали перебегать с места на место, советоваться, шуметь.

– Прошу меня выслушать.

Вот как он умеет так говорить? Не повышая голоса, спокойно, а услышали его моментально. В зале наступила тишина. Только пожилой ксен, которого Алан раньше не видел, громко откашлявшись, спросил:

– Что делает посланник Наместника в нашем городе?

Ага, похоже, что Наместника не очень любят вдали от Галендаса.

– Я здесь, чтобы восторжествовала справедливость.

– И в чем она? – не успокаивался ксен.

– Мая, кто это? – Алан перегнулся через Иверта к девушке.

– Главный ксен города, брат Чех.

– Чех? – удивился Алан, услышав земное слово.

– Ага. Взывающий высшего ранга. Мэтью говорит, что он терпеть не может Приближенного Ордена Искореняющих. Говорят, в молодости они не поделили богатую наследницу.

– Что ты за шпион, – пренебрежительно зашипел Иверт, – если ничего конкретного сообщить не можешь, только женские сплетни.

Мая обиделась и, отвернувшись от горца, сделала вид, что рассматривает портрет толстой женщины в желтом. Тем временем за спиной Алвиса отодвинулась штора, закрывающая проход, и вошла кирена Валия в сопровождении симпатичной перепуганной девушки лет шестнадцати. Почти одновременно с этим приоткрылась дверь центрального входа, пропуская в щель Хвата с Туреном.

Алан не отрывал взгляда от женщины. Сегодня она была бледнее, чем в прошлый раз, но в глазах так же отсутствовала жизнь.

– Вы знаете, кто перед вами. Герцогиня Валия Вас'Хантер, – громко объявил Алвис, беря женщину за руку и подводя к трону. – Мать прямого наследника герцогства.

В зале зашумели, кто-то выкрикнул:

– Маркиз мертв!

– Мертв его двойник. Маркиз жив.

Турен шел по проходу, гордо подняв голову, но смотрел только на мать. Его сопровождал гул голосов.

– Это он?

– Сходство несомненное...

– Это он!

– Но маркиз был продан в рабство...

– Ему отрезали язык...

– Над нами будут потешаться в Торговом совете...

– Герцог без языка...

– А править будет кто? Наместник?

– Он давно хочет отобрать у нас порт...

- Наместник далеко, а горцы рядом!
- Пусть король Игушетии женится на маркизе и возьмет город под покровительство!
- Герцог поддельный! Кто докажет, что он настоящий?
- Купцы Галендаса захотят свою долю, а у игушей нет своих кораблей!
- Они строят город и порт!
- Нам выгоднее союз с горцами, чем с Наместником!
- Лучше заключить договор с Игушетией, - громко прозвучал голос Мэтью. - Зачем нам осложнения с фронтиром?

Это послужило сигналом. Выкрики в пользу дружбы с горцами стали звучать все чаще. Алан, вальяжно откинувшись на спинку стула, с улыбкой следил за Дланью. Но внутри Виктория собрала себя в крепко сжатый кулак. Нервы звенели от напряжения, а в желудке рос горький ком. Она перевела взгляд на Валию. Та, вцепившись в рукав рясы Искореняющего, не отрываясь, следила за приближающимся Туреном. Теперь ее взгляд ожил, и в нем была такая смесь ужаса, недоверия и надежды, что понять ее чувства до конца было невозможно. Но только взгляд и сжатая в кулак ткань говорили, что женщина что-то чувствует. Лицо и осанка ее оставались все такими же царственно величавыми и безмятежными. А вот девушка, стоявшая рядом, своих чувств не скрывала. По ее щекам лились слезы, красивая губка была закушена, она притопывала ногой, словно едва сдерживалась, чтобы не броситься навстречу Турену. Только вот с какой целью? Поздороваться с бывшим родственником - или вцепиться ему в глотку?

Алан так задумался, что прослушал речь Алвиса и очнулся только тогда, когда Иверт толкнул его в бок.

- Храм имеет неоспоримые доказательства того, что стоящий рядом со мной юноша - герцог Турен Ли! Прямой наследник этих земель!

В зале вновь поднялся крик, но Длань легко его перекрыл:

- Я предлагаю Городскому собранию и вассалам Белой крепости утвердить на троне истинного владетеля, герцога Турена Ли Вас'Хантера!

- Немного внимания.

Алан поднялся со своего места и, легко взлетев на ступени, стал рядом с Туреном, так, чтобы между ним и Алвисом находились женщины.

- Протестую!

Ну, может, и нельзя говорить в этом мире такие слова, но ничего другого в голову не пришло.

- Я, верховный вождь Игушетии, граф Алан Валлид, бастард Айро Второго и единственный законный наследник Галендаса! А этот мальчик - мой сын. Почтенный Левис и советник Иверт Ураган могут засвидетельствовать мои слова. По закону герцогства сын не может наследовать раньше отца.

- Почему вы не оформили опеку над Туреном до его совершеннолетия? - тихо спросил Алвис.

- Только потому, что хотел увидеть на твоём лице недовольную гримасу, - так же тихо ответил Алан.

Ну да, Виктория ожидала чего угодно - криков, разговоров, но не того, что все почтенное собрание встанет и поклонится. Черт, а быть верховным вождем иногда приятно и полезно для поднятия самооценки.

- Не мне вам говорить, какие выгоды сулит для герцогства присоединение к Игушетии. Это новый рынок сбыта, это новые возможности, это плодородные незаселенные земли, это высокие прибыли и отсутствие конкурентов! А для Храма, - Алан уважительно

поклонился брату Чеху, – это новые прихожане и школа для послушников, которую мы открываем совместно с Учителями.

Она еще много чего говорила, не особо задумываясь, что и как говорит. Под рукой мелко дрожало плечо Турена, рядом стоял Алвис с бесстрастным лицом, но Алан видел только влажные глаза кирены Валии.

По сути, сейчас шли те же переговоры, какие они вели все последние дни, только теперь оппонентами конта выступали не отдельные личности, а сплоченный и позабывший о разногласиях Совет глав цехов и гильдий, усиленный представителями местного дворянства, слава богам – немногочисленного. Все герцогство состояло из города, крепости, трех баронств, одного графства да пары-тройки вольных весок. Но, как ни странно, точку в переговорах поставил барон Семух. В какой-то момент он вышел вперед и, громко лязгая сталью доспеха, заявил:

– Гарнизон крепости присягнет вождю Алану Бешеному Кузнечнику, кто против – будет арестован и казнен как предатель.

И все. Совет единогласно принял нового герцога Вас'Хантера. У кого сила – у того и печенки, и это сегодня Виктории дали понять вполне отчетливо. Армия выступила гарантом власти и безопасности. И ссориться с этой силой она не собиралась. Капитана придется приблизить к себе, дать привилегии и всячески продвигать по службе. Он это заслужил.

– Поздравляю, сир. – Брат Чех возложил на голову Алана тонкий золотой обруч и громко объявил, повернувшись к зрителям: – Приветствуем герцога Алана Вас'Хантера, владетеля Игушетии и нашего господина.

Алвис улыбнулся и первым подошел поздравить новоиспеченного герцога.

– Когда подпишем договор о свободной торговле и мире?

– Алвис, скажи, ты ведь предполагал такой поворот событий?

– Я был уверен, что вы попытаетесь жениться на вдове, чтобы законно взять трон до совершеннолетия Тура. Но того, что вы его усыновите и подкупите цеха, я не предполагал. Я опять недооценил вас, сир.

– Поэтому ты и не стал настаивать на том, чтобы Валия вернулась домой? Думал, я женюсь?

– Именно.

– А ее отрешенность – это часть игры?

– Когда я в Крови увидел Турена, я понял, как этим можно воспользоваться, и рассказал кирене о части своих планов. Она уже год притворялась, что потеряла память. Ей было несложно и дальше играть эту роль.

– Алвис, чему ты так радуешься? Ты ведь проиграл.

– Вы так считаете?

И отчего у нее возникло чувство, что Алвис добился именно того, чего хотел?

Искореняющий поклонился и отошел в сторону, уступив место кирене Валии и Турену.

– Тур, как Леонардо?

– Пришел в себя, но слаб. С ним Оська. Отец, похороны герцога через три рыски.

Отец... Ну вот у нее и появился еще один сын. Виктория вспомнила их первую встречу – улыбающийся Ольт и серьезный Тур. Интересно, как там рыжий сорвиголова? Обязательно нужно поговорить с ним.

– Я буду готов.

...Дурдом! Сутки прошли после смены династии, а народа не убавилось, наоборот, стало еще больше. Потянулись послы, купцы, представители малых гильдий. Все спешили занять местечко поуютнее, подольститься, поздравить. Больше всего хотелось сбежать и запереться в каком-нибудь темном тихом подвале, чтобы никто не смог найти.

– Где Иверт?

– Показывает Мае сторожевую башню, – хихикнул Турен и на мгновение прижался к матери.

– Кто бы мне показал, где здесь кухня. Очень хочется есть, – недовольно пробурчал герцог, кивая проходящему мимо барону Семуху.

– Я тоже вспоминаю тетку Райку, – мечтательно протянул Турен. – Я прикажу подать обед в малую столовую.

– А где эта малая столовая находится? – Алан тоскливо оглянулся. Народа в зале стало еще больше, самое время сбежать.

– Кир Алан, позвольте, я покажу? – улыбнулась кирена Валя. – Я еще не отблагодарила вас за сына.

– Благодарите, – усмехнулся герцог, предлагая спутнице руку и раскланиваясь с группой ксенов, дружно осенявших их знаками братьев.

Тут же рядом возник Ворон, а в спину пристроились Берт и один из ветеранов.

– Кир Алан, советника закопали в горах, как вы и приказали, – тихо сообщил Ворон. – Ваши письма Учителю и Рэю я отправил.

– Спасибо.

Через несколько десятниц прибудет маркиз Генри, и вот тогда относительно спокойная жизнь закончится. А пока нужно изучить крепость, познакомиться с людьми, назначить новую охрану, избавиться от прихвостней прежнего хозяина, провести ревизию...

– Алвис, пойдем перекусим и поговорим, – увидев Длань, махнул рукой Алан. – Берт, найди кира Мэтью и скажи, что я приглашаю его на завтрак.

Брат Искореняющий отказываться не стал, он пошел рядом, бросая на герцога заинтересованные взгляды и думая, что опять этому любимцу Вадия повезло. Взять трон, нарушив как минимум три закона наследования, мог только такой фаворит богов, как Алан Валлид.

Бастард. Разрушитель. Человек, которого Длань до сих пор не мог понять. Но от этого он притягивал к себе еще сильнее. Так кто же ты такой, верховный вождь Алан Бешеный Кузнечик, герцог Вас'Хантер?

Эту загадку ему еще предстояло разгадать.

Сноски

1

Упелянд – средневековая верхняя одежда.